ЮРИЙ ЛАПШИН
АФГАНСКИЙ
ДНЕВНИК
ВДВ РОССИИ КРЕЩЕНИЕ АФГАНИСТАНОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — беспристрастный рассказ офицера-десантника Вооруженных Сил России, непосредственного участника боевых действий, о военных операциях ВДВ в Афганистане, а также о солдатах и офицерах, с честью выполнивших воинский долг. А также реальное подтверждение того, что память о тех событиях и людях, проявивших себя настоящими героями, останется навсегда.

Аннотация издательства с обложки: Личные дневники Ю. Лапшина написаны в непростых условиях. Тем больше их значимость сейчас, когда все дальше уходят в историю времена Афганской войны. Из записей, раздумий автора, свидетельств его боевых товарищей вырисовывается яркая и достоверная картина минувших лет и событий, подтверждая незыблемость общечеловеческих ценностей, таких, как честность, благородство и желание беззаветно служить Родине, что не раз доказали российские офицеры и солдаты ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Об авторе: Лапшин Юрий Михайлович — полковник запаса. Более 20 лет прослужил в Воздушно-десантных войсках, десять лет — в МЧС. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военную академию генерального штаба ВС РФ. В Афганистане в должности заместителя командира 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка с мая 1987 года по февраль 1989 года. Награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР», афганским орденом Звезды II степени.

- Юрий Лапшин
  - Предисловие
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - Часть третья
  - Часть четвертая
  - Послесловие
  - Приложения
  - Фото

Юрий Лапшин
Афганский дневник

Предисловие

Все дальше уходят в историю годы афганской войны. Для меня эти годы особенно значимы. Мне, тогда молодому старшему лейтенанту, одному из первых довелось ступить на далекую и мало известную в то время для большинства из нас землю под названием Афганистан. Здесь проходило мое становление как командира. Первые бои, тяжелое ранение, госпитали… И вновь возвращение в боевой строй, уже в качестве командира прославленного 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка.

Судьба распорядилась так, что пять лет моей жизни отданы Афганистану: начало войны, ее завершение, вывод советских войск, в том числе вверенного мне полка, который покинул территорию Афганистана одним из последних в феврале 1989 года.

В первые месяцы никто и предположить не мог, что ввод Ограниченного контингента войск очень скоро назовут войной, и она растянется на долгие девять лет, став тяжелым испытанием для целого поколения советских людей.

Вступая в неизвестную страну, большинство из нас, от рядового до самых высоких руководителей, абсолютно искренне верили, что мы пришли на помощь братскому народу и поможем ему вырваться из череды кровопролития и междуусобиц. Мы гордились званием воина-интернационалиста. И не вина, а трагедия солдат и офицеров Ограниченного контингента в том, что гостеприимство афганского народа скоро сменилось на враждебность и ненависть. Вновь разгорелась гражданская война, втягивая в бои и сражения все новых и новых наших соотечественников. Как и любая другая, эта война несла многочисленные жертвы и разрушения, горе в семьи афганцев и советских людей.

Проходят годы, стираются в памяти ненависть и взаимные обиды. Мне довелось и в третий раз побывать в Афганистане после трагических событий 2001-го года. Как заместитель министра, руководил проведением гуманитарной операции МЧС России. Для нас было приятным и в какой-то мере неожиданным открытием доброжелательное отношение простых афганцев. Нам улыбались. Услышав русскую речь, сами пытались говорить, вспоминая давно забытые русские слова. В центре Кабула перекрывали все движение, останавливая даже конвои ООН, чтобы подчеркнуто уважительно пропустить машины «шурави». А на одной из встреч только усилиями наших дипломатов

уговорили одного из бывших полевых командиров принести в жертву быка в нашу честь. Оказывается, он знал и меня, и наш полк еще во времена противостояния, воевал против нас.

Для многих крещение Афганистаном стало тяжелым испытанием, возможностью познать себя, доказать себе и другим чего ты стоишь. На той войне мы приобрели настоящих друзей, научились ценить то, о чем в мирной жизни даже не задумываешься.

Время уходит, но память о тех событиях живет в воспоминаниях и дневниках солдат той войны. Я одним из первых прочитал дневник однополчанина и своего заместителя Ю. М. Лапшина. Пережил шквал эмоций. Сам был очевидцем и участником многих описанных событий, но снова пережить их через столько лет многого стоит. Что сказать? Написано честно и максимально точно. Сохранены для истории имена многих мужественных людей. Описана реальная жизнь, а не выдуманные поступки. Для тех, кто был там и тогда в Афгане, — это важно. Для тех, кто не был — полезно. Именно из таких свидетельств очевидца и участника афганских событий рождается для потомков не приглаженная временем или чьим-то желанием действительная история той войны.

Часть первая

1987 год. 1366 год (с 21 марта) по афганскому календарю

1.06.1987, Анава. Понедельник

Решил писать дневник. Виной тому два обстоятельства: во-первых, всегда интересно перечитывать старые письма, восстанавливать в памяти прошедшие события, вспоминать людей, тебя окружавших, во-вторых, не знаю, как будет дальше, но пока все вокруг интересно, своеобразно, резко запоминается и имеется масса личного времени. Последнее особенно ощутимо после Пскова, где иной раз и выходного толком не было. Человек живет надеждой на лучшее, так и я надеюсь, что здесь моя работа будет приносить больше удовлетворения, чем на прежнем месте службы.

По порядку по памяти восстанавливаю события прошедших трех недель пребывания в Афганистане. 13 мая наконец добрался до Ферганы. Рано утром приехал и сразу повалился спать. Предыдущую ночь провел в Ташкентском аэропорту, не смыкая глаз. Самолет улетал рано утром, можно было бы перетерпеть еще одну ночь, но так взопрел под южным солнцем, так оттянули руки вещи, что послушался разговора о местах в гостинице КЭЧ и, с тайной мыслью помыться и поспать хотя бы часа четыре в чистой постели, поехал туда. Но куда там. Как и в аэропорту, все было забито военными: кто увольняется, кто заменяется, кто в командировку. Пришлось возвращаться обратно несолоно хлебавши.

Фергана. Отоспавшись, съездил пообедать, вечером заехал в учебный полк к однокашнику по академии Сергею Серикову. Поговорили о жизни и службе. По возвращении узнал, что завтра в 9.00 идет борт на Баграм. Формальности заняли минимум времени. Тыловой базой заведует майор Левинский, по рассказам предшественников, да и по собственному впечатлению, большой прохвост. С милой обходительной улыбкой сделал все, чтобы я особенно не вникал в их дела и побыстрее убрался в Баграм. Яркий представитель тыловой братии. Как-то само собой сложилось, что подбираются на эти должности энергичные пробивные люди с угодливыми манерами, а потом разбираемся, почему у них энергия какая-то односторонняя. Как паровоз: кипит, свистит и вроде двигается, а КПД — всего 10 %.

Летели на Ан-12 с грузом «пиротехники», а из пассажиров — я да молодой парень-советник, пилот такого же Ан-12. Весь полет — два часа. Вроде вся служба прошла во взаимодействии с авиацией, но все равно до сих пор непривычна сама атмосфера таких перелетов. Невольно сравниваешь свое положение с пассажиром гражданского лайнера, со строгой официозностью, какой-то размеренностью и основательностью «Аэрофлота». Здесь все проще: «Ну что, летим? — Да нет, ящик не заменили» (ждем со склада новую аппаратуру связи, да и пограничники еще не закончили свою работу). Экипаж стоит в кружок, кто-то бахвалится, кто-то рассказывает новый анекдот. Мы стоим в стороне с советником и перебрасываемся дежурными дорожными фразами. Но вот дали добро на вылет. Последняя фраза относится к борттехнику, чтобы не забыл забрать в гермокабину парашюты для нас. Полет без приключений. Палящее солнце, на небе ни облачка, внизу горы, серые и желтые, какие-то безжизненные. Если на нашей стороне виднелись дороги, селения, каналы, реки, то здесь как обрубило, пусто. А может, высота большая. Прошли какой-то отрог. Борттехник отрывается от приготовления похлебки и тычет пальцем вниз, сейчас будем садиться. Вот уж посадка, точно не как у гражданского лайнера. Прошли над аэродромом, затем круто по спирали несемся вниз, отстреливая тепловые ловушки против зенитных ракет, а перед самой землей резкое выравнивание, и с «виража» — на три точки. Приехали. Тащусь с чемоданами к командной вышке. Первый же встреченный афганец отдает честь, забавно и непривычно. Дозвонился в полк, вызвал машину.

…В кабинете представился командиру. Собрались все заместители. Новый человек из Союза у всех вызывает интерес. Приходится рассказывать все союзные и новости ВДВ, передавать приветы, вспоминать общих знакомых и отвечать на вопросы типа: «Ну, как там у него?» В наших «тесных» войсках почти всех знаю: с кем-то учился вместе, а с Николаем Чудаковым вообще в одном полку служили. Дмитрий Савичев на первых порах взял надо мною шефство. Сначала показал мне мою комнату, затем свозил на склад и приодел. Прощай привычная форма, не надевать теперь до ближайшей командировки в лучшем случае, а то и до отпуска. Но это так далеко. Приоделся и по первому разу себя не узнаю: кепи, ХБ (хлопчатобумажное обмундирование) с устоявшимся здесь названием «экспериментalка», высокие со шнуровкой башмаки (оказались легче, чем я думал). Карманов столько и в таких местах, что поначалу, чтобы найти, к примеру, расческу, хлопаю себя со всех сторон как от радости.

Городок обнесен стеной, в нескольких местах огневые точки с

ЗУ и ЗГУ (зенитные установки), стволы направлены в «зеленку» (зеленую зону), ленты со снарядами заправлены, рядом солдаты в касках и бронежилетах — охранение. По рассказам, нас не трогают. Не наша зона ответственности, мы аэродром не охраняем и с «духами» (душманами, то есть врагами) здесь не воюем. А те, в свою очередь, четко знают, где пехота *(108-я мсд),* а где «командос» *(345-й опдп),* и к нам не лезут. Разве очень редко залетит шальной снаряд, так это целое событие. За день до моего прибытия пехота обеспечивала свой посты и попала в переделку. Еле вырвались. Потеряли несколько машин, «духи» увели прапорщика и солдата, другого солдата бросили убитым. Командовал колонной Руслан Аушев и, наверное, ему достанется на орехи.

Внутри городка около двенадцати казарм, штаб, вполне приличный клуб, два модуля для офицеров (впрочем, здесь все деревянные казармы называют модулями), столовая и куча различных по виду, размерам и найденному материалу строений (склады, бани, прачечная, хлебопекарня и т. д.). Наш модуль чуть в стороне. Сразу за ним тянется «колючка» (колючая проволока), и метрах в пятидесяти торчат хвосты штурмовиков Су-25. Комнаты у заместителей выглядят по-разному, в зависимости от срока пребывания в Афганистане и обжитости. Моя комната пока без ковриков и картинок, без плиток и кучи вещей. Но и то, что есть, выше моих представлений. Водопровод, свет круглосуточно, на окне кондиционер. Шкаф стоит так, что кажется — вот комната, а вот прихожая. На стене фломастером женской рукой нанесен вопль любви, адресованный одному из моих предшественников. Два дня мозолил глаза, а на третий я не выдержал и заклеил газетой это откровение.

В первый же день полностью обзавелся всем необходимым. Получил автомат и пистолет. В. Архипов подарил «лифчик», а разведчики загрузили его магазинами для автомата и гранатами. Дмитрий Савичев отдал свой второй рюкзак, Николай Чудаков снабдил тельняшками. Вид стал боевой и свойский, только хруст нового ХБ выдает, что я в этой пачке — купюра новая. Ну, ничего, сейчас вид уже приличный. Первая ночь, как и положено, прошла беспокойно, новое место и новые впечатления. Ко всему, начала работать артиллерия по целям в «зеленке», а под утро, с рассветом, заработали самолеты. Взлет, посадка, грохот, рев. И не сосчитать, сколько они ловушек выбрасывают, пока не наберут безопасную высоту.

Три дня, нет, четыре осваивался в полку. Еще попал в удачный момент. Пока шла приемка и подготовка молодого пополнения, увольнение в запас отслуживших свое солдат, полк

не трогали. А так, по рассказам — вернутся с «боевых», дней пять отдохнут, отоспятся, вооружатся, заправятся, и снова: «Вперед!» Приглядываюсь, многое непривычно. Непривычно, что никто не лезет в войска с контролем, никаких построений, нравоучений. Каждый знает свое дело, и все большое хозяйство готово по первому сигналу закрутиться и двинуться куда-то за сотни километров. Много проще отношение к боеприпасам. Невольно сравниваешь псковскую эпопею с гранатами… Здесь не вызывают никаких эмоций лежащие в тумбочке рядом с зубной пастой зеленые рифленые болванки. Вообще после Пскова до сих пор хочется куда-то бежать, искать и делать работу, кого-то проверять и контролировать. Здесь другой мир, другой стиль, другой режим, хотя контроль разумный нужен и есть.

В целом люди и обстановка понравились, и надеюсь, что работать будет приятнее, чем с Ю. Поповым. Конечно, первое впечатление не всегда верное, но чувствуется, что взаимоотношения командира и замов более человечны и менее практичны. Обстановка, совместный быт и боевая жизнь сближают.

Полк ушел на боевое задание на юго-восток от Кабула к пакистанской границе. 19 мая просил В. Вострotина взять с собой для ознакомления, но не получилось. Сказал: «Еще находишься, а пока надо вникнуть в Анаву, так как комбат Василий Серебряков уходит в отпуск и надо приглядеться к «группировке» (оперативная группа полка в составе *2-го пдб* с усилением в ущелье Панджшер). Надо, так надо, тем более, что я за нее теперь буду отвечать. Столько сразу новых названий моей должности. Был заместителем, стал замом по ВДС, а теперь еще и замом по режимным зонам.

Прилетел в Анаву 18 мая. С рассветом выехали на аэродром, загрузили в «вертушки» (транспортно-десантные вертолеты Ми-8) продукты, почту, грузы и после непродолжительного ожидания взлетели. По правилам надели парашюты, но, честно говоря, веры в них нет: если собьют над «зеленкой», то, и удачно приземлившись, можно остаться без головы, а в ущелье входили с пикирования, так что скалы были с двух сторон, рукой потрогать хотелось. Здесь уж парашют вообще обуза. Наверное, кроме инструкции существует еще понятие, что шанс упускать нельзя. Логично. Эти же «вертушки» работали по постам. По первому разу зрелище интересное. Загружается одна, а другая в это время уже подходит к пятачку где-то у вершины. Четыре боевых Ми-24 идут за ней, встают в круг и по очереди обрабатывают НУРСами склоны и скальники, чтобы воспретить обстрел. Три минуты на разгрузку, и вот уже транспортный вертолет сваливается вниз с

горы и впритык к склонам идет на посадку. Начинает работать другая «вертушка», и все повторяется. И так до тех пор, пока заставы не получат все необходимое. Работают четко, как часы. Вертолет здесь все: новости, почта, грузы, новые люди. Вертолеты ждут. Вертолетчиков уважают и заслуженно: этим ребятам здесь достается, и бьют их «духи» с большим азартом. Но вертолетчик вертолетчику рознь. Наши старожилы с большим одобрением вспоминают прошлый состав эскадрильи, с которым были в очень хороших отношениях. Те работали и днем, и ночью в любую погоду. Даже выход из «зеленки» на бреющем полете по дну ущелья назвали «маневр Федченко», по имени прежнего заместителя командира эскадрильи, освоившего такой полет. Сложно, но относительно безопасно. Нынешние приходят на высоте, кружат, спускаясь, отстреливая ракеты и, хотя действуют по правилам, но совсем небезопасно. Впрочем, кто знает, где и когда на войне нужно поступать так, а не иначе.

В ночь с 28 на 29 мая спускали двоих раненых с поста, и «вертушка» пришла часам к двум ночи, когда группа еще была на полпути. Пришлось «летунам» крутить винтами на земле минут сорок, за что они обещали пожаловаться, что их рано вызвали. Как будто в такой обстановке, в сплошной темноте (правда, мы обеспечили подсветку снарядами и прожекторами), спускаясь по крутому склону с носилками в руках, можно рассчитать время по минутам. Люди работали на пределе, а тут «жаловаться».

Конечно, давно известно, что люди на войне относятся к крови и жертвам спокойно, философски. Какая-то бравада — не бравада. Три часа ходили, волновались, а отправили — шутки и смех. Да и нельзя, наверное, ходить постоянно наэлектризованным, никакая психика не выдержит. Тем более все знают — это было, есть и будет еще впереди. По крайней мере, точно знаю, что это состояние не является безразличием и бездушием.

Письмо домой от 20 мая 1987 года

Здравствуйте мои дорогие.

Третий день как я в Анаве. Приглядываюсь и присматриваюсь. Периодически смотрю в карту, чтобы запомнить чуждые слуху названия населенных пунктов и запомнить местность. В первый день обошел группировку и вечером сам представился офицерам. Труд в обустройстве группировки и постов для войны и быта вложен огромный. Сделаны окопы полного профиля, перекрытые щели и блиндажи для личного

состава и складов. Стройматериалов не хватает и в дело идет все, что под рукой, вплоть до гильз от гаубиц. По рассказам, до меня, три месяца шли дожди, развалились глиняные стены и крыши. Сейчас полным ходом идет их восстановление. Интересно, что пытаемся делать по афганским рецептам, но качественно не получается. Та же глина, то же сено, но у них под дождем стоит, а у нас расплывается. Вековой опыт.

Живу в крепости, но это конечно не средневековый замок, а большой, квадратный дувал с двором посередине. Вокруг в блиндажах разместились артиллеристы, разведчики, подразделения обеспечения и остатки рот, основная часть которых заставами держит вершины вдоль Паджшерского ущелья…

2.06.1987, Анава. Вторник

Вчера как начал писать, так закончил почти в два часа ночи при свете керосинки. Расписался «писатель». Который день идет дождь, пасмурно, тучи цепляются за вершины гор. Все, особенно увольняемые в запас, с нетерпением ждут «вертушки». Часть увольняемых до сих пор находится на постах. Без вертолетов их не снять. И я жду, очень надеюсь, что получу, наконец, письма из дома. Сам уже, пользуясь временем, написал с десяток писем во все концы. В последнее, датированное 27 мая, уже вложил листок от 31 мая, но все лежит и не движется. Нет погоды. Лето везде начинается холодом и дождями. Старожилы говорят, что в прошлом году с апреля по декабрь не было ни одного дождя, а этот год бьет все рекорды.

За эти дни исходил половину сторожевых застав. На самые высокие обычно добираются вертолетом, а затем спускаются самостоятельно. Эти у меня впереди, а для начала взял те, что пониже. Прикрытие: пять-шесть разведчиков, сапер со щупом, и — вперед. На первую для меня, а по номеру 11-ю заставу залез (а не взошел) с пятью остановками. Воздуха не хватает, ноги отказываются идти, нет навыка. Застава на вершине горы (2100 метров), опоясана траншеями полного профиля, есть бункер для личного состава, бункер-кухня, бункер для боеприпасов, перекрытые щели, огневые точки для ПТУР, ПКМ, ДШК, стрелков. Все обложено мешками с грунтом и камнями. Труд, конечно, вложен адский, попробуй закопаться в скалы, но закопались. Эти и другие живут еще вольготно, а вот две новые заставы пока еще дикие: ни жилья, ни подсобных помещений, только окопы. Долбят и взрывают скалы с утра до вечера. Все внимание обороне, быт —

потом, и это понятно.

За два года «духи» предпринимали две попытки захватить заставы, самые дальние и высокие. Днем подбирались, готовились, а в сумерках нападали. ДШК ставили так, чтобы обстреливать выход из бункера, никого не выпускать, а наблюдателей снимали снайперы. Одна застава была вообще на волосок от гибели. Пришлось артиллерии бить прямо по заставе на воздушных разрывах (снаряды 3ш1). Командир погиб сразу, почти весь личный состав был ранен. Фактически спас положение один солдат, который отбивался гранатами и отстреливался, а раненые снаряжали магазины. Итог: один убит, двенадцать раненых. У противника — пять-шесть убитых. Душманы прорвались было через заграждение, но так и ушли, не захватив заставу полностью. Это было 14 декабря 1985 года. Второй случай произошел в августе 1986-го.

После первого восхождения начал по утрам делать зарядку, бегать. Дело пошло на поправку, подъемы даются легче. По вечерам играем двумя командами в волейбол. Читаю все подряд, что попадется: от журнала «Знаменосец» до Джеймса Олдриджа. Так как давно нет газет, вечером обязательный просмотр программы «Время». Разница во времени с Москвой — полчаса. Смотрим здесь «Орбиту-3». Идет она не особенно для нас удачно. Начинается в три ночи, а заканчивается часов в восемь вечера. Информационная программа начинается по местному времени в 17.30.

Уже полностью обжился, вник в быт, жизнь и боевую деятельность «группировки», знаю людей. Себя чувствую уверенно. Три недели прошли спокойно. Душманы раза три обстреляли заставы да один раз взяли на испуг — выпустили три мины по «группировке», которые легли с недолетом метров в 300. Потери — двое раненых, да и то в результате разрыва своего же миномета.

Долина Панджшер названа так же, как и протекающая здесь река. Откуда такое название, пока не знаю. Когда-то была цветущая и плодородная. Очень удачно лежит на маршруте передвижения торговцев в Пакистан и обратно. Хорошие условия для земледелия. Труд в создание террас, прокладку арыков, строительство домов вложен огромный. Но сейчас все заброшено, разрушено. На всю долину осталось три кишлака (вокруг нашей «группировки»), в которых живут две с половиной тысячи мирных жителей. Не знаю, насколько это достоверно, но раньше проживало около 250 тысяч. Слово «мирный» используем с большой натяжкой. Живут оседло, обрабатывают землю, вот и мирные. Но гражданская война на то и гражданская, чтобы

разделять даже членов одной семьи. Часть людей ушли в горы и живут в пещерах, часть — в Пакистан. У каждого семейства в банде кто-то есть. Не чувствуя своей, да и нашей силы, царандой (местная милиция) и ХАД (афганская служба безопасности) особой активности не проявляют, информацию чаще дают ложную и больше заняты своими полями и огородами. По ночам изредка в нашу сторону звучат выстрелы. Было два случая подрыва: водовозки у реки и БМП на выходе из Анавы. Кто поставил мины, кто стрелял, пойди — разберись. Без «зеленых» (афганские войска) мы не имеем права проверять дома, а стрелять даже в сторону кишлаков категорически запрещено. Вот и живем, они — сами по себе, мы — сами по себе.

Первое время никак не мог привыкнуть к местным названиям, но теперь владею ими более или менее уверенно. Кишлаки: Анава, Каламирамшах, Маликан — эти заселены. Достумхейль, Заманкор, Калача, Корава, Тавах — разбиты и брошены. Долины рек Абдара, Фирадж, Шутуль, Шуфа с множеством заброшенных кишлаков, частью заминированы, и мы туда не суемся. Места самые бандитские. На наших картах они сплошь в квадратиках пристрелянных участков сосредоточенного огня. С обнаружением огоньков, людей, караванов начальники застав выходят на связь с «группировкой», дают номер цели, и мы кладем с десяток снарядов туда, куда попросят.

Основная наша задача: обеспечение проводки колонн к нам и в Руху *(682-й мсп 108-й мсд),* контроль дороги, контроль долины и прилегающих гор насколько видим. Но больше видят нас, ведут неусыпное наблюдение и стерегут «не на жизнь, а на смерть». Порядки жестокие, и никто из главарей банд не будет разбираться, почему наш разведвзвод смог скрытно выйти на засаду из группировки. Кое-что мы знаем: главари банд — Абдул Вахид, Мирого, Саид-Ого (этот особенно хитер и коварен, нападение на 13-ю и 15-ю заставы его рук дело), знаем приблизительно базовые районы тавахской и анавинской боевых групп, состав и вооружение, но и только, достать мы их не можем, а они в горах как дома. Да, бой в горах вести очень сложно, а лишних потерь никто не хочет.

Самое влиятельное лицо в провинции Парван — Ахмад Шах Масуд. Молод, энергичен и умен. Единственный из всей бандитской братии, кто за все расплачивается сам — добытыми в горах изумрудами и лазуритом.

Провели сегодня учебную тревогу. Молодежь твердо стоит на ногах. Сигналы изучены, управление идет уверенно, огонь по различным участкам открывается моментально. Люди свое дело знают. Однако с состоянием техники до сих пор нелады. Боевые

машины С. Лохина и А. Тятина так толком на рубежи и не вышли. Полк ссылает сюда самую рухлядь, что уже еле-еле ходит, под предлогом, что мы здесь стоим оседло, а им «гулять» по всему Афганистану. Понять их можно, но нам от этого не легче.

В 15.00 сотрудники ХАД вызвали нас сыграть с ними в волейбол. Команда у нас есть, вызов приняли. Заполнил в своей записной книжке целую страницу перечислением того, что нам нужно: от стекол для керосиновых ламп до направления комиссии для категорирования орудий. Начали экономить снаряды. Давно нет зелени, свежего мяса, яиц. Разговаривать с дежурным по ЦБУ (центр боевого управления) практически бесполезно. Этот паршивец начпрод ведь только что был здесь, знает обстановку, но и только. Опять надо сажать в Баграме своего «толкача», конкретного человека. Надо дождаться прихода с «боевых» полка, вот тогда и разговаривать, да не по рации. Разговор и аргументы «глаза в глаза» более убедительны, да и контролировать можно. Вот поэтому всегда предпочитал живой разговор общению по телефону. Будем ждать 5 июня, только тогда можно рассчитывать на колонну. Может быть, и вертолетами что-то подбросят. Наконец к обеду проглядывает солнце. Может, к утру и все небо очистится.

Скоро у Людмилы день рождения. Наверное, впервые за всю нашу семейную жизнь я ее не поздравлю. Правда, в письме к посылке просил Александра передать маме мои поздравления. Но успеет ли дойти? А вот сыну к окончанию школы подарок сделал хороший. Занял 200 чеков и купил ему японский кассетник. Приобрел еще и кассету, записал А. Розенбаума и приложил к магнитофону. Все это сделал за день до отлета сюда, в Анаву. Вечером того же дня передал посылку В. Яновичу, который заменился и уезжал в Союз. Он парень надежный, там перешлет по назначению. Так что вся первая афганская получка уйдет на долги, но не жаль. Школу ведь не каждый год оканчивают. Вчера у сына был первый экзамен, а его результаты я когда еще узнаю. Начинаю тосковать по дому, по Людмиле и мальчишкам. Днем это не так ощутимо, а вот вечером, когда расходимся по своим комнатам, в одиночестве начинает грызть тоска.

Придумал себе новое развлечение. Гашу свет, на перевернутую банку кладу сухой спирт из пайка, зажигаю и мечтаю «при свечах». Днем отоспишься, ночью долго ворочаешься. Но сны на удивление какие-то сочные, яркие, интересные. Просыпаешься и мгновенное разочарование от вида стен, обклеенных газетами, и потолка из досок от снарядных ящиков с клеймом ОТК и наклейками: снаряд ОФ (осколочно-фугасный), партия… штук… и т. д.

Выиграли у афганцев в волейбол. Счет 3:1. Первую партию проиграли из-за непонятной скованности и зажатости, а потом дело пошло, и все успокоились. Теперь они нас приглашают. Но сразу мы срок не установили. Лучше неожиданно, чтобы «духи» не устроили какую-нибудь пакость. Да и разведчиков в прикрытие надо будет взять с собой обязательно.

Назавтра снарядили экспедицию за рыбой для офицерской столовой. Надо разнообразить питание. Основная пища: суп консервированный, рис, гречка и макароны в различной последовательности. Уже в горло не лезут. Утром традиционный здесь молочный суп из сухого молока с рисом. Когда на паек дают сгущенку, то суп варим на ней. Сейчас бы картошки жареной или вареной, да пельменей навернул бы за милую душу. Приходится только мечтать.

3.06.1987, Анава. Среда

Пришли долгожданные «вертушки». Сразу две пары. Наконец, улетают увольняемые в запас солдаты. Привезли горы писем и такую же гору газет, начиная с 26 мая. И в такой горе писем мне нет ни одного. Чувствую себя как ребенок, которому не дали долгожданную игрушку.

4.06.1987, Анава. Четверг

Здесь в Анаве периодически себя взбадриваю. В принципе должность и обстановка такие, что можно полдня лежать, читать книги, спать, как полярный медведь, и только изредка выходить, чтобы проверить занятия, приготовление пищи, все ли выдано согласно пайку, да провести разбор на совещании. Но и опуститься можно так, что сам себя перестанешь уважать.

Сегодня провели рейд по двум заставам (7а и 7-я), которыми командуют старшие лейтенанты Толмачев *(2-й взвод 4-й пдр)* и А. Зинченко (замполит *4-й пдр)*. Вышли в 4 часа утра, когда только начал пробиваться рассвет. Утро везде красивое, здесь не исключение. Пока шли вдоль реки по полям, затем по рощам, создалось впечатление, что идешь где-то по российской глубинке, если, конечно, не смотреть на горы. Резко пахнет мокрая трава, особенно кашка-клевер. По духу почему-то сразу вспомнил село Горный щит под Свердловском, где мы в детстве семьей часто проводили лето. Так же вставали рано и шли в горку через поле, засаженное клевером, в лес за грибами и ягодами.

7-я застава пока самая высокая из всех, мною пройденных (2500 м). Подъем не из легких, но уже не так тяжело, как по первости. Еще раз на собственном опыте убеждаешься, что солдат должен быть сильным, ловким, закаленным. Если поначалу идешь и крутишь головой, то через некоторое время, когда ноги наливаются тяжестью, начинает ныть поясница и пот щиплет глаза, уже смотришь только под ноги. Рвешь воздух открытым ртом и ловишь себя на мысли, что если вдруг сейчас очередь, то уже не будет сил прыгнуть в сторону за камень. Неприятно холодит спину присутствие внизу блока пехотинцев. Как раз их две машины просматривают наше маленькое ущелье. О нашем выходе они не знают, внизу за деревьями нас не видели, а теперь мы как на ладони. Кто знает, что им взбредет в голову. Одна надежда, что у них есть глаза, а если с первой очереди не попадут, то успею зажечь факел красного дыма: «Я свой».

Вообще, неприятно чувствовать себя на мушке. Идешь и думаешь: «Конечно, тропа надежная, вверху заставы, внизу блок, но сколько скрытых подступов. Сядет какой-нибудь фанатик, к примеру, на той скале, и ты у него в оптическом прицеле будешь как на сцене». Это не трусость, но беспокойство не оставляет. Что мое, то — мое. Ведь никто не знает, что я на самом деле чувствую. Наконец, дошли до заставы. Застава перебралась сюда недавно, а окопы уже есть, огневые точки устроены, строят себе бункер. Воевать можно. Но приходится брать командира заставы «за горло». Полнейшая беспечность, все вповалку спят под тентом. Бодрствует только повар, да с трудом нашли наблюдателя. Сидит молодой солдат, смотрит на дорогу, укутавшись в два бушлата и тулуп. Ни каски, ни бронежилета. Вольготная жизнь до поры до времени. Да и командир колоритен, борода двухнедельной выдержки, неряшливо одет. Можно понять, что и с бытом сложно, и воду носят на себе из Панджшера, и все же офицер должен и здесь оставаться офицером.

На следующей заставе порядка больше, это чувствуется по малейшим деталям. И это убедительней, так как в таких вещах трудно пустить пыль в глаза. Первым делом сел, отдышался, осмотрелся. Как раз над головой прошли «вертушки» и пошли к нам в «группировку» на посадку. Вчера выходил на связь с НачПО (начальником Политотдела) Александром Греблюком, и он обещал прислать лично для меня «Шилялис». Вижу в бинокль, как его разгружают. Вот тогда буду настоящим домовладельцем (вечером уже смотрел телевизор). Вид с вершины как с самолета. Воздух чистый, марева еще нет, и наклонные лучи солнца четко и контрастно делят горы на хребты и долины, черное и белое. А наверху как антураж — снежные вершины пятитысячников вдали

на горизонте. Зрелище запоминающееся. Если бы здесь еще не стреляли иногда, то совсем курорт. А застава боевая, «духов» видят каждый день. Даже точно знаем, где у них лагерь, где пещеры, но попробуй достань. От нас далеко, а соседняя застава их за хребтом не видит. Изредка наводим вертолеты, работаем артиллерией и, наверное, кого-то достаем. Вчера, по докладу наблюдателя, они кого-то хоронили. В 20-кратный прицел ПТУР людей видно отчетливо. Но сейчас они нас видят лучше. Солнце бьет прямо в глаза. Я по крайней мере еще не видел ни одного «духа».

Сегодня впервые почувствовал, что на крутом длинном спуске, да по осыпям спускаться не легче, чем подниматься. Работают другие группы мышц, которые обычно «спят». Под конец пути ноги начинают мелко дрожать, пота столько же, сколько на подъеме, кроссовки полны камней и глины. Спускаются здесь обычно бегом, так легче, но и ноги на грани вывиха. Нам сейчас легче, чем псине, которая за нами увязалась. Поднимаясь наверх, я ей завидовал, она успевала подняться вверх и вернуться обратно несколько раз. Зато вниз на двух конечностях спускаться удобнее, чем на четырех. Уже начав спуск, увидели работу блока по противоположному склону ущелья. Выстрелы и разрывы в горах резкие, сразу не поймешь, откуда и куда стреляют. От нас это километрах в двух. Видим разрывы, но не видим цель. Только внизу узнали, что блок заметил группу «духов» и из пушек БМП положил несколько человек. Затем по их просьбе там поработала наша артиллерия.

Афганский стиль

Почти все офицеры носят самодельные жилеты для магазинов, гранат, ракет. Удобно для переноски. Дополнительно прикрывает живот. Наилучшая одежда для краткого похода в горы — маскхалат на голое тело. На ноги — кроссовки, но на совещание изволь надеть ботинки. В треугольник металлического приклада вставлен индивидуальный пакет, вокруг шейки приклада обмотан кровоостанавливающий жгут. На любителя магазины автоматов скреплены попарно, патроны вверх-вниз. У пехотинцев на БМП — названия городов, у каждого свой, родной. Часто попадается на глаза машина с надписью «Керчь». На наших машинах «махновских» надписей нет.

Комнаты в блиндажах и в крепости, как, наверное, и во все времена, обвешаны фотографиями и вырезками из журналов. Женские лица и фигуры от первых красавиц до не совсем одетых.

Здесь же фотографии дорогих супруг и любимых чад. На стенах и на полу пестрые, безвкусные трофейные коврики. Потолки прибраны кто чем нашел, чаще всего капроном тормозных парашютов с аэродрома. Кое-где висят на стенах допотопные кремниевые охотничьи ружья (мультуки). Обязательно — календарь. Часто для разных целей (от пепельницы до абажура) используются желтые пластмассовые корпуса итальянских мин TS 2,5 и TS 6,1.

Натуралистические заметки

Как и положено в теплых краях, много больших насекомых: черные шумливые летающие жуки; тараканы, величиной с мизинец (вдвоем в спичечном коробке только-только уместятся). Познакомился с москитами. Что до них нашему неповоротливому, извещающему о себе заранее комару. Весь искусан с ног до головы. Тварь маленькая, зелененькая с приподнятыми крылышками. Не видна, не слышна и очень вертка. Атаки не видно и не слышно, и вдруг — укол. Нет спасения: под одеялом с головой — жарко, под простыней — беззащитен. Надо делать полог из марли. Комбат В. Серебряков с замполитом В. Ардашевым уже отболели из-за этих тварей лихорадкой.

Почти все, что растет в горах и цепляется за камни, в колючках и шипах разной величины. Маки и тюльпаны отошли в середине мая. Пока еще много сине-фиолетовых и красноватых цветов и от них склоны кое-где имеют причудливую окраску. Но скоро под солнцем все выгорит. Поспевает шелковица. Началась «борьба» с солдатами, которые объедают ее как козы. Виноград созреть не успевает. Разговоры о тифе, дизентерии и гепатите не помогают. Змеи, вараны, дикобразы — деликатес. Особенные гурманы (то есть любители ловить их и жарить) — разведчики. Обещали, как только поймают очередной деликатес, пригласят на пир. А в реках Абдара и Панджшер еще и крабов ловят. Правда, в этих крабах мяса, как у афганцев полноты.

6.06.1987, Анава. Суббота

В ночь отправлял разведвзвод на засаду. Вроде все отработано: выход, сигналы, поддержка артиллерией и минометами, оповещены все заставы, но все равно неспокойно за людей. Не спал до четырех утра, пока все не вернулись. Результат

— ноль. Ждали, что кто-нибудь из «душков» будет возвращаться с выходного, который у мусульман в пятницу. В предыдущую ночь видели какие-то огни на подходах, но, видимо, своим огнем спугнули. А может быть, по-другому «засветились».

У нас, впрочем, выходной ничем не отличается от остальных дней, разве только отсутствием совещания да баней у офицеров. Чтобы как-то разнообразить жизнь, организовал на завтра соревнования по стрельбе и волейболу. С утра запустили «движок» (генератор), чтобы в 7.30 посмотреть «Утреннюю почту». Только что показали по телевизору в программе «Время» репортаж об Афганистане. Понятно, что съемка бутафорская. Эпизод об уничтожении захваченного «духовского» склада боеприпасов. Но смотрится до остроты знакомо: посадка в вертолет, горы внизу, работа саперов. Единственно, никудышный фактик — миноискатель. Никто им здесь не пользуется, так как везде полно железа и в виде горных минералов, и осколков, а все мины пластмассовые. Самые надежные средства — глаза, руки и щуп.

Иногда начинает злить наша неповоротливость. До сих пор ничего толкового придумать не могут. Да и одну воюющую армию могли бы обеспечить получше. Особенно это бросается в глаза после Академии, где так много нового показывают и рассказывают. Перехватчики (группа радиоперехвата), которые живут у нас под боком, пребывают в полнейшем безделье после того, как «духи» перешли на новую аппаратуру и новый диапазон частот. Нет приборов, позволяющих засекать минометы, а как бы они нам пригодились. Вообще-то, конечно, они и есть где-то, но нет у нас. Да много чего хотелось бы иметь.

Много безразличия, достаточно людей, которые лишь пребывают на должностях. Один из первых примеров, что мне привели, как один достойный офицер не получил орден. А все дело в том, что в представление не впечатали предыдущую награду. Какой-то «жучок» в Москве, сравнив данные, приведенные в «наградном», с личным делом, наложил соответствующую резолюцию и отослал документы обратно в Афганистан. Почта-то работает хорошо. А куда проще самому допечатать одну строчку и не гонять бумаги через границу. Себя, наверное, он считает хорошим, исполнительным, принципиальным работником.

По позавчерашним данным полк вернется с «боевых» из района Алихейль только 13 июня. Предварительные данные о потерях: 12 убитых, из них два на подрывах, остальные поражения пулевые и осколочные. Все погибшие — солдаты и сержанты. Один офицер тяжело контужен. Несколько тел в

Кабуле пока не опознаны, может, еще кто-то из наших.

Афганские аксиомы

Не садись, по возможности, в ГАЗ-66 и КамАЗ. Наиболее безопасны при подрыве «Урал» и БТР.

Не верь саперам. Особенно будь внимателен при входе и выходе из кишлака.

«Незаряженное» ружье стреляет только в своих.

Личное впечатление — плохо, когда долго не стреляют и стоит мертвая тишина.

8.06.1987, Анава. Понедельник

Утром были «вертушки», и опять нет писем, а пора бы. Вчера вечером подвели итоги воскресных спортивных состязаний. Почти все первые места по стрельбе, гирям и волейболу заняли разведчики. Купили в «кантине» на трофейные «афони» конфет для награждения победителей и вечером перед фильмом вручили. Нет ни грамот, ни кубков, ни вымпелов, надо подумать. За первое место в личном зачете победителю вручили банку сгущенки. Командир 7-й роты капитан А. Тятин, выбив 92 очка из 100, стал победителем среди офицеров. Закончив приятное, стал позорить солдат взвода обеспечения за воровство продуктов с вертолета. А сегодня опять одного повара поймали за руку, когда он пытался пронести мимо котла девять банок тушенки. Петр I — мудрый человек — говорил, что маркитантов (в наше время — тыловиков) можно вешать через год без суда (и так все ясно). Ну что ж, сегодня взводу вместо фильма устроим марш-бросок. Стандартное армейское наказание.

12.06.1987, Анава. Пятница

…Час ночи 12 июня. День прошел не совсем обычно. Приехал (то есть прилетел) начфин, а вместе с ним и военторг. С одной стороны деньги выдают, с другой — забирают. Покупают все ящиками, упаковками, блоками.

И вот тебе на!.. Давно твердил на совещаниях, что тишина подозрительная, что люди расслабляются, теряют бдительность. В 17.30 у дежурного оказался случайно, выключился ретранслятор, а я собрался смотреть «Время», и здесь доклад: «Обстреливают 15-

й пост». Да я и сам вижу разрывы на посту. Забираю радиста и бегом поднимаемся на крышу крепости. Нет связи, а это уже дурной признак. Артиллерия вступила в работу почти сразу, работает по предполагаемым точкам душманов, но постоянно от соседних постов идут доклады: разрывы на 15-м. Да мы и сами все видим. И никто не может засечь, откуда бьют. Только бы «духи» не пошли на захват заставы. Запрашиваю соседний 13-й: «Ведет ли 15-й огонь?» Отвечают: «Редкий, из стрелкового оружия». Нет связи, и не знаем, что у них, откуда их обстреливают, чем. Судя по тому, что обстрел поста не прекращается, артиллерией вслепую мы «духов» накрыть не можем. Обстрел поста идет уже второй час, так долго они не обрабатывали еще ни одну заставу. Соседи не видят ничего, толком ничего не знают. Стараются вести огонь на окаймление заставы. Ведет огонь по району 15-ой даже 16-я застава, которая находится на противоположном хребте. Даю команду на выход резервной группы. Чувствуется, что придется снимать кого-то с поста.

Наконец вышли на связь через соседей. Данные безрадостные: двое убиты, остальные ранены. Наконец знаем и откуда бьют. Направляем огонь, и, может, от него, а скорее — «духи» уже расстреляли весь боекомплект (выпустили до 60 снарядов из безоткатных орудий), разрывы на посту прекращаются. Помощь начинает свой путь наверх. Теперь уже волнуемся за них. А вдруг засада, а вдруг накроют огнем. На дорогу выставили два БТРа, чтобы при возвращении машин «духи» не успели заминировать дорогу. От группы, взбирающейся наверх, идут доклады: «Прошли 17-й пост. Прошли ручей. До поста 200 метров». Время идет медленно. Пост торопит: «Скорее, раненые умирают». А мы стоим с Г. Крамским на вышке и ничем помочь не можем. Все решается сейчас там, наверху. И опять ждем, когда они в темноте разберутся, что к чему. На короткое время обнадеживают, что, может быть, двое под обвалившимся КП еще живы. Но только на время. Погибли командир заставы лейтенант В. Козин (в Кировабаде остались жена и дети одного и двух с половиной лет) и младший сержант М. Матвеев. Шесть человек ранены. Тяжело слушать это сообщение.

Группа начинает спуск с ранеными. Баграм уже готовит «вертушки». Убитых приходится оставить до утра на посту, не хватает сил вынести их с горы вниз, в долину к машинам. На заставе остаются новый командир с новым личным составом. И только когда БТР подошел к медпункту, наконец, узнаем все подробности. Обстрел начался, когда весь гарнизон сидел в столовой (кроме наблюдателей). Били точно, позиции выбрали,

не просматриваемые с соседних постов: и огнем артиллерии не достать за крутым скальником. Попадали в амбразуры из «безоткатки», как из снайперской винтовки. В самом начале боя вывели из строя КП, разбили радиостанцию, вот тогда и погибли командир и его помощник. Дополнительно работали снайперы. По местам, откуда наши бросали гранаты и пускали ракеты, тут же било орудие, и — точно. Видимо, были и минометы, фиксировались тройные разрывы.

Трое легкораненых и контуженных остались на посту, а трое других сидят в операционной. Чувствуют себя нормально, и это уже хорошо. Речь горячая, сбивчивая, но картина боя вырисовывается все отчетливее. А в голове мысли: «А если бы…» Если бы была связь, и не был бы сразу убит командир, то мы артиллерией не дали бы им возможность так долго и безнаказанно громить пост. Да что теперь… Поздно. Вот и первые убитые при мне, здесь в группировке «Анава». Вертолеты для эвакуации придут утром. Мучительно анализирую свои действия. Вроде и правильно все делал, а люди погибли.

Получил сразу четыре письма из дома. Столько событий для одного дня…

Пришла пара «вертушек». Одна сразу пошла на пост, другая села забрать троих раненых. Двоих привезла «таблетка», так здесь прозвали ГТЛ (гусеничный транспортер легкий — санитарный броневичок). Один, Ониприенко, приковылял сам. Заглянул в прибывший с поста вертолет. Раненые грязные, окровавленные сидят и лежат с безучастным видом. Один сильно контужен. Сам цел, но снаряд попал в перекрытие, которое его и спасло от неминуемой смерти. Убитые лежат частично укрытые одеялами. Лиц не видно, смотреть нет времени, да и все равно я их в лицо не знал. Для раненых, девятнадцатилетних парней, конечно, все происшедшее и происходящее — большое потрясение. Только что заработала артиллерия. Докладывают, что по 9-му посту стреляют. Ну, вот и кончилась, чувствую, наша спокойная жизнь.

Дописываю уже вечером. За это время встретился с «советниками», обсудили обстановку, они выразили свои соболезнования. Договорились, что закажут на воскресенье бомбо-штурмовой удар по базовому району «духов». Надо мстить, иначе они нас перестанут уважать. После этого встретил комиссию из штаба Армии, прибывшую для выяснения обстановки и обстоятельств потерь. Вроде все обошлось, ошибок не нашли. Но что доложат командующему? Ну, а к 17 часам 9-й пост обстреляли еще дважды. Били издалека, на испуг. Погибших почтили минутой молчания. Решили собрать жене погибшего офицера: старшие офицеры по 20 чеков, младшие — по 15,

прапорщики — по 10.

13.06.1987, Анава. Суббота

Завтра-послезавтра вылечу дня на два в Баграм. Решу с командиром текущие вопросы, заодно узнаю его решение по данному случаю.

Письмо домой от 13 июня 1987 года

Здравствуй, моя хорошая.

Вот только вчера отправил тебе письмо и снова пишу. Это тебе, моя любимая, для поддержания хорошего настроения и высокого морального духа, как сухо говорят воинские артикулы. Новостей особых нет. На днях произошло чудо. Ходил на одну из застав и на обратном пути, когда мылись в речке, потерял отцовскую трубку. Выпала из боевого пояса. Расстроился. А вчера новая группа ходила по той тропе и случайно нашла в камнях.

Местные события. У «душков» подоспела пшеница. Здесь урожай собирают по три раза за лето. Дальше будут засаживать кукурузу. С местными жителями через старейшин и советников обговорили порядок прохода на поля. Тем же, кто с нами воюет, поля с урожаем сожгли осветительными снарядами. Война имеет и такой оттенок…

14.06.1987, Анава. Воскресенье

Мой дневник все больше становится похож на журнал боевых действий. Началось в 6.30 с обстрела «вертушки», севшей на 14-й пост. Стреляли с полутора километров из ДШК, пробили топливный бак. Дырки в полу, в лопастях. У борттехника от пули ДШК между ног разлетелась стеклянная банка. Одновременно на вертолетной площадке ранило сразу троих, в том числе командира заставы, лейтенанта И. Воробьева, который только неделю назад прибыл из Союза. Как всегда работали по «духам» артиллерией. Ударил пару раз по горе Су-25. Хоть и опасно, но пришлось высылать группу, снимать раненых. На полпути ее обстреляли. Снова работали по склонам. Раненых сняли.

Но пока мы смотрели на север, с юга из Фираджа заработал миномет. И сразу попадание в «группировку», взрыв во дворе у «перехватчиков». Дали ракеты и с начальником связи батальона

С. Руденком буквально скатились вниз в комнату оперативного дежурного. С трудом посты засекли «трубу», но, сколько ни били, все равно мины с разными промежутками продолжают ложиться по группировке. Повреждены «Урал» и ГАЗ-66. Опять один раненый, правда, легко. Взрывы на вертолетной площадке, значит опасно принимать вертолет за ранеными. Спасибо, пехота помогла. У них и стволов больше, и калибр хорош. Сейчас 13.00. Вроде стихло, но обед организовали сухим пайком в бункерах. А всего пока обстреляли четыре поста. Да, «духи» отдохнули и начали воевать. Перехват засек радио, слышно четко, работают рядом, речь вроде китайская, но пеленг взять не могут. Жаль. Месяц как я в Афганистане, ровно. Духи отметили мой «юбилей» по-своему. Выложили по нам где-то 25–27 мин.

Вертолеты так и не пришли. Раненые в удовлетворительном состоянии, до утра продержатся. Выявилась одна интересная подробность — мог появиться еще один «021» (погибший, груз 200). Тот солдат, которому оторвало два пальца, получил еще два попадания. Спас бронежилет, отделался счастливчик синяками на спине и на заднице. Хоть вечер похож на воскресный, «духи» успокоились, меня перестал теребить полк с требованиями отчетов и докладов. Сходил в баню, попарился, смыл недельную грязь. Баня у артиллеристов отменная, парилка обшита досками, в бочку установлена печка, сверху в металлической сетке лежат камни. И когда на них плеснешь заваренной мяты, пар получается ядреный.

Афганские сувениры

На подоконник поставил сегодняшние «подарки»: хвостовик мины, упавшей первой, и сердечник от пули ДШК, найденный в салоне Ми-8.

16.06.1987, Анава. Вторник

Полк только сегодня вернулся с боевых действий и через три дня снова куда-то собирается. Мне вылететь так и не удалось. Руха сегодня выставила «блоки», и мы, пользуясь возможностью, выслали свою колонну из трех «Уралов», БТР и БМП. Дошли до Баграма нормально. Ждем завтра с боеприпасами. Склады пусты. Еще один хороший бой, и стрелять будет нечем. Но про месть не забываем — дело святое. В разное время, бессистемно даем два-три залпа батареей по Шуфайи-Паин и Шуфайи-Бала, то есть по

базовому району Саид-Ого. Привязываем залпы ко времени намазов правоверных. Первый выстрел в пять утра. Стрелять, правда, далеко. От выстрелов полным зарядом у меня постоянно вылетает стекло, все в пыли, сыпется с потолка сухая глина. Но можно и потерпеть, жаль только, не знаем результата. Если мы заставим их покинуть кишлаки и жить в пещерах, это будет хорошо, а если зацепим кого-нибудь — просто чудесно. Козину и Матвееву, правда, все равно теперь.

Утром приняли «вертушки» с продуктами. Прокормить людей теперь есть чем. Ждем боеприпасы. Черт, опять нет писем. Наверное, где-то лежат в полку в куче невостребованных. Уже и по радио поставил задачу и старшему колонны указание дал. Сам пишу исправно. В Куйбышев отправил рисунок: оперативная группа «Анава» на фоне гор. Были бы акварельные краски, ей-богу, стал бы рисовать картину. Есть что запечатлеть. Жаль, что не взял фотоаппарат. Тут я промашку дал. Снимали меня и «советники», и Серебряков, и начальник политотдела, но, кроме разведчиков, никто фото так и не сделал.

17.06.1987, Анава. Среда

Получил наконец-то письма: два от Людмилы (от 8 и 9.06) и одно от сестры Натальи (от 4.06). Конечно, они лежали в строевой части. Надо как-то наладить их пересылку сюда. Почему-то до сих пор В. Янович не переслал сыну магнитофон. Подожду еще немного и отпишу в Каунас Виктору Грихонину, пусть разберется. Письма читал с радостью и разрывал конверты с нетерпением. Грустно хмыкнул, когда читал строки о том, что волнуются за меня, что я близкий и единственный. Все можно понять.

Сам же бодро пишу. Что все нормально, «духи» нас не трогают, погода не жаркая, природа курортная. Не писать же, что два часа назад подорвался на выходе из Анавы рухинский БТС с тралом. Погиб механик-водитель, трое раненых. Хорошо, что как раз на площадке разгружались «вертушки». Сразу тяжелораненых на «Урал», и к нам. Загрузили, отправили. Пехота славится бардаком. За полчаса до подрыва БТС остановился у нас, народу сверху сидело человек 12. Я еще подумал, что больно рискованно иметь столько зрителей, если едешь с катком и проверяешь дорогу. А фугас стоял между боевыми машинами «блока» рухинцев. Духи как будто издеваются над нашей беспечностью. Ведь надо: ночью подползти и в 50 метрах от машин рыть землю и устанавливать фугас. После подрыва оставшиеся в живых люди

перевязывали раненых, а с «блока» к ним никто не подошел, не помог. Скорее всего боялись, что им люди в горячке врежут за эту бессмысленную смерть, за калек. Одно слово, «посторонние» люди. А ведь дорогу прокатывали и проверяли уже третий раз. Так, для гарантии. Опять урок, не верь никому. Хорошо, что наша колонна прошла без ЧП. Есть теперь и продукты, и боеприпасы. Договорились с пехотой на машину снарядов из их колонны. Маловато все равно, но уже кое-что. Когда будет полковая колонна, да и будет ли вообще, неизвестно.

Из дома пишут: Александр сдает на одни пятерки (математика, литература, русский). 11 июня у него был английский, позавчера физика. 19-го — история, 24-го — химия. Результаты узнаю не скоро. Наталья пишет, что с 14.07 собирается в Ялту, пришла на нее путевка.

Приближается пальба, «блоки» по очереди и все вместе долбят склоны. Значит, скоро будет колонна пехотинцев. Надо встречать. Начиная с 11 часов, и мы будем бросать по паре снарядов по «старым адресам». И так до вечера с перерывами в 40 минут. Наша вендетта. Спокойно «душки» жить не будут.

19.06.1987, Анава. Пятница

Наконец, вчера по заявке Константиныча (офицер ГРУ ГШ) отработали по «духам» штурмовики. Что они бросали — не знаю, но гула, грома и пыли было много. За тебя, Валерий Козин, за тебя, Михаил Матвеев!

Кажется, вчера сделал глупость. Вертолетчики жаловались, что мы их плохо прикрываем, на что я ляпнул, что ДШК, их обстрелявший, мы тут же подавили. Сегодня обработали перед их прилетом пару целей, а вчера обнаружили новую кладку для ДШК на 8-м посту и тут же ее разбили. У замкомэска вертолетчиков округлились глаза, и он сказал: «Вот это нам надо знать всегда, где у них точки…», и после этого «вертушки» несколько суток в нашем небе не появлялись… На постах кончается вода, надо забросить боеприпасы, кончается питание к радиостанциям, еле держим связь, а «вертушки» лететь не хотят. Ребятам до замены остался месяц, легли на «сохранение». А придет новый состав эскадрильи, вот намучаемся, пока те, новые, наберутся опыта.

В «группировке» жизнь течет по-прежнему. Воюю за хорошее питание, за выпечку нормального хлеба, за уборку территории, пресекаю болтовню по радиостанциям с постами. Тут еще то один, то другой умудряются где-то раздобыть спиртное и надраться, да так, чтобы все видели. Машины в аховом состоянии,

нам же сюда отправляют все старье, а новые машины оставляют в Баграме. Надо и в это вникать. Но главное, конечно, люди. Начинаешь закручивать гайки, появляются синяки. Слово командира по цепочке исполнительности приводит к самому простому способу внушения — кулаку.

21.06.1987, Анава. Воскресенье

Подтверждение предыдущей записи — разговор И. Севастьянихина с вертолетчиками. Один из них молчал, молчал, да и высказался: «За год потеряли четыре экипажа: двенадцать человек. Замена сидит в Чирчике. Ну и, конечно, никто из подлежащих замене не рвется в полет». А нам что делать? Надо укреплять посты. Материалов нет. В кишлаке Корава бревна еще остались, и много, но до них можно добраться только после разминирования. Нет офицеров-саперов (тоже заменяются), а солдат одних на мины послать нельзя. Сегодня взрывчаткой перебили рамы подорванных машин, и эти рубища снесли на вертолетную площадку. Туда же притащили две башни разбитых БТР. Кое-что набрали на свалке. И все это пойдет на посты, чтобы перекрыть траншеи, усилить огневые точки. Если сделать обкладку из камней, получится надежно. Правильно говорили в Отечественную войну: «Десять литров пота заменяют литр крови».

Что-то сегодня хандра напала. Тоскливо и одиноко. На ум приходит: вот так же цивилизованные люди в эру урбанизации дичают в своих квартирах. Не было у меня телевизора, ходили все к одному экрану, а там разговоры, воспоминания, кто-нибудь что-нибудь забавное вспомнит. Между прочим, и проблемы решались. Но вот и комната обжита, и телевизор свой, и сижу теперь, как барсук в норе, с персональным TV. Ко всему, еще и писем опять нет.

Дописываю вечером. Как будто услышав мои мысли, пришел Константиныч и пригласил в гости по случаю проводов своего предшественника. Обошлось без горячительного. Шашлык и чай. Посмотрели футбол, прогулялись по «духовским» полям вместе с овчаркой Бимом, а затем я заторопился в баню. Ну а теперь, и от приятных разговоров, и от хорошего пара с мятой, настроение поднялось, сна ни в одном глазу. Завидовать вроде рано, всего месяц, как из Союза, а человек просидел здесь два года и лишних три с половиной месяца, и все же… Представляю, как он спустится по трапу где-то во Внуково или Шереметьево. Буря чувств, а потом встречи, объятия и самые яркие воспоминания, память — на всю жизнь.

22.06.1987, Анава. Понедельник

Условия для работы можно считать идеальными. Лучше, наверное, не бывает. Никто не стоит над душой, никто не выговаривает, не учит и не лезет в дела. Как сам решу, так и будет. Чувствую упоение властью (в лучшем смысле этого слова). Любые приказания выполняются почти мгновенно, а так как дурных наклонностей за собой не замечал, то все идет на пользу службе.

Говорить, внушать, воздействовать на людей — это у меня получается. Хорошо это вижу по глазам, по мимике, по позам подчиненных. Может, обольщаюсь, но меня уважают и слегка побаиваются. Жесткая требовательность и напор неплохо сочетаются с умением поговорить, посмеяться на совещании, а это один из признаков уверенности руководителя в себе, в своих поступках. Предложение получилось не совсем удачное, но смысл понятен. Телега, но едет.

Благоприятно то, что физическая нагрузка, надо признаться, пока не большая. За исключением тяжелых подъемом на заставы для ознакомления с местностью, обстановкой и для моральной поддержки аборигенов гор.

После обычного подъема в 5 утра, проведения всех утренних мероприятий, встречи «вертушек», решения текущих дел в разгар жары всегда можно прилечь, отдохнуть, да и время есть продумать свои выступления, проанализировать поступки. Голова свежая, отдохнувшая. Конечно, жизнь есть жизнь. Гладко бывает только у ненормальных, а так как блаженным не являюсь, то и оценку себе даю критическую. И противоречия между вступлением и этими словами нет. Человек и внушаем, и отходчив, постороннее влияние не надо сбрасывать со счетов. Да и условия такие, что мотивов для поступков у людей очень много, а немотивированные поступки вообще непредсказуемы. Многие месяцы люди живут на вершине какой-то горы, на пятачке сто на сто метров под постоянным прицелом врага, в зное и лютом холоде, в окружении надоевших лиц. Обычные педагогические приемы здесь уже не действуют. Котел страстей и омут предыдущих прегрешений. Навязано узлов много. Основные точки столкновений: «кантин», бизнес на продуктах, брага, водка, воровство, самовольные походы с постов вниз в заброшенные кишлаки. Кое в чем сдвигов добился, но более, наверное, загнал в подполье. Скрытое сопротивление ощущаю часто, а внешне — все благополучно.

24.06.1987, Анава. Среда

Вчера утром прилетел в Баграм. Полет как обычно: по спирали вверх на предельную высоту, затем над горами и «зеленкой» в Баграм, а над аэродромом по спирали вниз. В моей комнате пыль и запустение, впрочем, завтра все равно обратно. Весь день провел в заботах. Утрясал вопрос с колонной, да что на колонну получить. Вроде, окончательно решил вопрос с почтой. Потряс у почтальона перед носом кулаком, представился. Записал свою фамилию и сказал, чтобы отсылал письма в Анаву. Тут же проверил пачку невостребованных и, конечно, обнаружил свои (два из дома и одно от А. Семенова).

Узнал от В. Вострогина подробности боевых действий в районе Алихейль. Дрались ожесточенно. Противник — почти регулярные войска, да еще батальон арабских наемников. Доходило до рукопашной, что здесь, в Афгане, большая редкость. Наткнулись на хорошо подготовленный укрепрайон. Недели полторы, до тех пор, пока «духи» все не «выложили», получали солидную ежедневную дозу мин и РСов. Как тяжко ни было, но «духов» положили, судя по радиоперехватам и донесениям разведчиков, несколько сотен. Послезавтра полк снова уходит на «боевые».

А я сегодня с утра пригнал в Анаву колонну: боеприпасы, топливо, стройматериалы, продовольствие. Теперь на месяц обеспечены всем, что кусать и чем «кусаться». Колонна из двадцати пяти КамАЗов, восьми БМП, одного БТР, двух танков. Прикрытие хорошее. Из Баграма вышли в 4.30, только стало светать. Отряд обеспечения движения ушел вперед, а я с командиром 2-й роты на его БМП — в голове колонны. Построение обычное: на каждые четыре-пять грузовиков — БМП. Первый раз прошелся вдоль Чарикарской «зеленки». Если бы можно было идти напрямик, то всего ничего, а так по кругу со стоянкой под Джабаль-Уссараджем шли пять часов. Посмотрел вблизи «зеленку»: от дороги 500 метров и до горизонта сплошные заросли, крепости, дувалы. Недаром эта «зеленка» как кость в горле, и, сколько на нее ни ходили, все без толку.

Дорога превосходная, видимо, недавно отремонтирована. Машины идут косяком, как лосось на нерест. Каких только нет: «татры», «тойоты», «мерседесы». Старые и новые, блестящие и разбитые в прах. Многие разрисованы, как любят везде на востоке (видел подобное в Азербайджане), ярко и безвкусно, какие-то цветы, луны, орнаменты и, конечно, арабская вязь. Интересно было бы прочитать, что там напачкано? Странно смотреть такое, уж больно как-то мирно и непривычно. Много наших ГАЗиков,

ярко-желтых и ярко-оранжевых. На многих машинах сзади сделаны приступки, и народ стоит на них, цепляясь за борта и крыши. Сначала думал, это сделано для увеличения вместимости, а затем засек несколько пустых машин, и все равно два-три человека висят сзади, наверно, так дешевле. В общем, яркий шумливый караван. Естественно, много воинских колонн и одиночных машин. Афганские машины втираются в колонну, и уже не поймешь, кто где. Но за нарушение дисциплины марша и платят по счету. БМП таранила автобус, и, как ни в чем не бывало, поехала дальше. Кто будет разбираться, ГАИ здесь нет.

Как следует насмотрелся, проезжая кишлаки и города, на местных жителей. Я-то привык к своим, анавинцам. А здесь другой мир. И дома побогаче, и «кантинов-дуканов» выстроено столько, что чуть уступает торговой Лайсвейс аллее в Каунасе. И женщины, наверное, в своем парадном наряде. Накидки, платки, паранджи голубые и белые. И даже укутанные в паранджу все равно стараются уйти с дороги, переждать отвернувшись. Жизнь кипит и бьет ключом. Торговля в самом разгаре. На полях семьями убирают пшеницу. И все это под мягким утренним солнцем, в зелени, при чудном воздухе и щебете птиц.

Разум и глаза странные противники. Видишь одно, а знаешь, что вот из «зеленки», до которой 500 метров, по тебе сейчас могут «врезать». Суровой действительностью бросаются в глаза танки, закопанные в землю через равные промежутки, сверлящие стволами ближайшие заросли. Железных скелетов разбитых, сгоревших машин, как у нас в Панджшере, не видно. Сразу убирают. Но тут и там стоят скромные памятники: колеса и рули, застывшие в бетоне, и фамилии, даты, надгробные надписи. Особенно дико в такой чудесный день представить чью-то смерть. А себя, вообще, начинаешь считать вечным.

Почти час простояли на КПП. Набралось колонн пять-шесть. Нам еще повезло, пустили дальше, а тем, кто шел на Саланг, стоять и ждать в неведении. Танки и саперы ушли вперед утюжить землю, искать мины. Они как камикадзе: при подрыве обычно лишаются катка. А вот для КамАЗа с боеприпасами — это смерть. Ждем их сообщения уже из ущелья. Только тогда трогаемся. Все дается с опытом, знанием местности и обычаев «гостеприимства». Не раз бывало, что остановившуюся колонну эти чумазые, с виду безобидные дети обвешивали «липучками» (магнитными минами) или забрасывали в кузов на ящики с боеприпасами еще что-нибудь «фестивальное». Последние кишлаки перед Панджшером мы должны пройти без остановок. Наконец, входим в ущелье.

В этой его части еще не был. Обстановка здесь посуровее.

Скалы отвесны, повороты круты, дорога как змейка, а внизу с ревом в тесном русле несется мутный Панджшер. Прошли один пост, другой. Все, вот, наконец, и «родная» Анава. Дошли без приключений. Все, кто был сверху на броне, похожи на мукомолов: пыль мелкая, как пудра, в носу, в ушах, на зубах. ХБ вытряхивать бесполезно, так что отдал стирать, и вот сейчас чистое, свежее, отглаженное висит и радует глаз. Последний штрих: подшиваю белый воротничок. Ну, вот прошли и еще два дня. И хорошо, что прошли не бездарно, с пользой. Правильно говорят, что дни здесь летят, как мгновения. Под вечер с ЦБУ доложили, что и обратно колонна дошла спокойно.

26.06.1987, Анава. Пятница

Час ночи. Только что вернулись из засады. И опять безрезультатно. В этот раз решил сходить с группой сам, чтобы на месте посмотреть подготовку разведвзвода, да и самому немного встряхнуться. Перекрыли две тропы, ведущие с гор к Анаве, но, как ни старались выйти тихо и незаметно, все равно нас засекли. В двух местах замигали фонарики, а затем над нашими головами (почти в нас) царандой (местная милиция) со своего поста стал поливать горы трассерами. И собаки всполошились. Вскоре все успокоилось, но собаки стали брехать в дальнем конце, в стороне Сахибзаде. Все же «душки» пришли на побывку, только с другой стороны.

Три часа лежания на камнях прошли впустую. Первые полчаса разглядывал местность в ночной бинокль, затем успокоился, выбрал себе ложбинку, устроился поудобнее, благо в бронежилете это сподручно, и предался воспоминаниям. А вот интересно, о чем думал? Во-первых, конечно, звездное увлечение. Еще подумал, что Алька только бы мечтал о таком звездном хороводе. Небо чистое, звезды яркие, их множество, и нигде не видел так отчетливо Млечный Путь. Потом позавидовал путешественникам. Жаль, что никогда не увижу Южный Крест. А вот ковш Большой Медведицы и Полярную звезду вижу только как ориентир, и они ничем не отличаются от тех, что дома. Нет впечатления, что небо афганское. Затем позабавило, как два спутника летят навстречу друг другу.

Затем от звезд мысли перескочили на то, что у Александра сегодня будет выпускной вечер. Вот ведь до чего память человека избирательна. Знает, что держать навечно, а что стереть. Я-то свой выпускной как сейчас помню, а прошло 17 (!) лет. Боже, до сих пор считаешь себя молодым, а уже такими цифрами

ворочаешь в голове. Затем вспомнил, как мы с Людмилой познакомились, ведь прошло уже, слава Богу, сколько лет, а все помнится. И вспомнил, как потом, уже по прошествии многих лет, мы рассказывали друг другу, кто кого первый увидел и что подумал.

Пишу ей про погоду, про то, как прибрал и отремонтировал комнату, что ем, как сплю, а вот написал бы про потери, про подрывы и обстрелы, про то, что пошел в засаду. Знаю, что она, конечно, вся извелась бы. Так что ни к чему эти подробности. И еще подумал: «А может и правда, зря полез в засаду. У каждого на войне свое дело и свое место. Шансы, конечно, ничтожные поймать пулю, но ведь случись подобное, будут говорить про мою тень, что она глупая». Да если еще и себе же не врать, то и пошел ведь не ради практической пользы и нужды, а за острыми ощущениями.

И вот сейчас, когда записываю эти мысли, пришедшие в голову там, в горах, в темноте, на камнях при пряном запахе полыни, думается, что и впрямь как-то серо, буднично и без высоких моральных порывов все получается. Ведь знал, что рано или поздно сюда приеду. Так и получилось. Надо будет, буду убивать. На этот счет без сантиментов. Приказываю стрелять и убивать. И моими снарядами кого-то уже отправили к аллаху. И все это как-то буднично, никакой ненависти, никаких эмоций. Ну, понятно бы за Родину, за разбомбленные очаги, голыми руками душил бы, зубами глотку рвал…

Для меня это еще куда ни шло, это моя профессия, моя работа. Для войны меня готовили, учили, кормили и одевали за счет народа. Но ведь наши люди здесь служат, что им рассказывать про интернациональную помощь, если они сами все видят и могут оценить реальность. Как все странно, просто и в то же время сложно. Позавчера, когда колонна шла и растянулась, пришлось остановиться. Рядом остановился автобус «Мерседес», и из него вышел «душок» с мешками. Видимо, его дом где-то рядом, в «зеленке». И оттуда иногда стреляют в нас же. И вот солдаты сами его подзывают и отдают галеты и сухари из пайков: на, бери.

Сколько вражеские голоса говорят о нашей жестокости, о разрушенных кишлаках, даже газы иногда пытаются приплести. Какая чушь. Может быть, нам и не хватает решительности и жестокости, чтобы победить. Даже напалм не используем. Трудно представить, что где-то в белорусском селе дети бросали бы во вражескую колонну заряды и мины, и они взрывались бы через пяток минут. Сколько бы «хатыней» прибавилось. А мы только отправляем парней в мешках домой. Не дай Бог даже выстрелить в сторону кишлака, вдруг кого убьем, и, конечно, будет буря

протестов со стороны «народных властей», так как убьем обязательно (!) в любом случае невинного. Даже узнаем, что мины поставил тот-то и тогда-то, и что он из ХАДа и… — ничего. Странная война. И вывернувшись наизнанку, мы никогда не будем для них хорошими, а тем более друзьями. Здесь уважают только силу, деньги и аллаха. Да, нашли мы себе игрушку, от которой не знаем как избавиться. Сами себе загнали занозу, которую американцы с большой радостью расшатывают и не дают зеленкой смазать. Ну да Бог с ними, с врагами. Жалко авторитета страны, денег, молодых жизней.

28.06.1987, Анава. Воскресенье

Третий день меня ломает и корежит. Третий день температура за 39. И только вот сейчас, под вечер, стала спадать. Сначала решил, что продуло на машине, когда гнал колонну, ну а сейчас не знаю, что и думать. Простуда с такой высокой температурой и так долго продолжаться не может. Константиныч уверяет по собственному опыту, что это москитная лихорадка. Мой доктор вообще обрадовал, что очень даже может быть и тиф. Выхожу только в столовую, все остальное время в постели. Аппетита никакого. На пищу смотрю с отвращением. Ослабел. Только бы не тиф, а с остальным справимся. От «советников» получил подарок (передачу будет вернее, так как я все-таки больной) — кулек с вишней и абрикосами с их плантации.

29.06.1987, Анава. Понедельник

Температура сегодня нормальная. По всему выходит, что это все ж таки лихорадка. Знатоки обещают, что теперь это будет повторяться с периодичностью раз в месяц. Пару лет назад, когда поднялся шум о работах американцев в Лахоре с москитами как переносчиками всякой заразы, в Панджшер приезжала бригада наших эпидемиологов. Хотели развернуть работу, брать анализы крови у населения, но это же не Союз. Народ запуганный, суеверный. Так и уехала бригада ни с чем. И вот теперь периодически кто-то с этой москитной лихорадкой валится, и все лечение — отлежаться. Самая интересная особенность, которую я испытал на себе: почему-то не действует аспирин. Температура за 39, жар как от печки, съедаю две большие таблетки, потом еще одну и ни грамма пота. Черт знает что. Ну, выкарабкался, и ладно.

Который день нет «вертушек», ушли на «боевые», обеспечивают. Посты опять без воды, и это самое плохое. Не обещают «воздух» и завтра. И, естественно, нет почты. За вчерашний день «душки» обстреляли три поста (8-й, 12-й и 14-й). Артиллерией мы их, конечно, заставили быстро заткнуться, но они успели еще и по артбатарее пульнуть пяток мин. Потерь нет, и слава Богу.

От «советников» узнал, что царандой уже который день знает, что ожидается рухинская колонна. Значит и «духи» в горах в курсе. Чтобы как-то затруднить минирование, всю ночь периодически из миномета и гаубиц обрабатывали подступы к дороге. Приказал усилить обстрел дороги с постов. А к Заманкору выслал засаду, простояла всю ночь, и опять безрезультатно. Но это даже радует. Значит, шутульские бандиты не так активны. Но вот утром рухинцы все-таки сняли один фугас между Анавой и Сахибзаде. В который раз, и почти в одном и том же месте. Сволочи, обнаглели до предела. Знают, что мы кишлак не простреливаем, а дальше им ходить лень, да и опасно. И ставят фугасы, копают буквально в 100 метрах от поста царандой, а те делают вид, что не знают ничего, ничего не видят. Затишье можно сейчас объяснить тем, что идет уборка урожая. Главное, не проворонить, когда они начнут воевать по-настоящему.

30.06.1987, Анава. Вторник

Пришли, наконец, «вертушки». Их не было девять дней. Привезли восемь мешков писем, газет и журналов. Наверное, я так еще не ждал писем, как в этот раз, а в итоге одно из Москвы от Романа. А где же от моей ненаглядной? Опять какая-то чертовщина творится.

Первый раз в жизни прочувствовал землетрясение. Даже и не понял, что со мной происходит. Вышел в полночь на улицу, ставлю ногу, а четкости нет, будто пьяный. Решил, что это последствие болезни, и только вот сейчас вечером, когда зашел разговор о землетрясении, связал одно с другим. Под утро снова все подрагивало. Конечно, это не конец света, и даже, наверное, землетрясение не по самой высокой шкале, но ощущение незнакомое, поэтому занятно и интересно. День прошел штатно, как говорят космонавты, без особых тревог и волнений. «Душки» издали, для того чтобы не потерять навыки, постреляли по 7-й заставе. А там молодой лейтенант, только сел на пост. Чувствуется, растерялся немного. Долго не мог вывести на цель артиллерию. Про свое оружие, кажется, и совсем забыл. Когда

все, кому положено, заменятся и уедут, чувствую, будет уже не до шуток. Все же опыт — есть опыт. Со стариками проще и увереннее.

3.07.1987, Анава. Пятница

Свалилось происшествие откуда не ждали. Утром доложили, что на посту не обнаружили солдата. Исчез, прихватив с собой автомат и пять пачек патронов. Сейчас три группы прочесывают прилегающие горы. Прочесали «группировку», нигде нет. Лишь бы к «духам» не попал. Может, еще и сам придет куда-нибудь сдаваться. Обычно приходят в «группировку». Было до меня уже три случая. Но пока полное неведение, и это томит плохим предчувствием.

Вчера «духи» обстреляли сразу три поста, опять положили пяток мин. Воевали они без азарта и напора. В чем их цель? Попугать? Наудачу зацепить? Обкатывают свое молодое пополнение после окончания обучения в своих лагерях? А может месть за что-нибудь? Здесь частенько причина (их потери) и следствие (нападение на нас) ходят рука об руку. Тут еще с утра авиация нанесла удар по Шутулю. Кто их вызывал, кто давал координаты, черт его знает. Спрашивал у «советников», они не давали. Наша зона ответственности, а нас даже не предупреждают. Вот так, с утра побросали бомбы, а к вечеру нас «накатили».

Константиныч периодически просвещает про Ахмад Шаха, местную обстановку и ближайшую перспективу. Конечно, у нас в Панджшере сейчас по сравнению с другими местами — не война, так, толкание локтями. Сняли губернатора провинции Парван. Наджиб вызвал руководителей Панджшера в Кабул. Масуду предложили пост министра обороны. В горы к «духам» ходят посланники с разными письмами. ХАД и царандой следят за нами. Духи оказывают помощь пострадавшим. Союзная помощь до населения практически не доходит, оседает в лавках или уходит в горы. Все сложно. Когда мне об этом рассказывают, то ловлю себя на мысли, что мне это и ни к чему. Мое дело солдатское, меня бьют, и я бью. Мне интереснее, откуда по мне врежут. Хотя от контактов с населением можно, конечно, иметь выгоды, но в роли депутата местного совета выступать здесь не хочется.

А в подтверждение записи предыдущего дня: опять все случилось на 7-м посту, и сидит там молодой лейтенант. Да, впрочем, там он сидит всего неделю. Есть и другие, с кого

спросить. К обеду солдата разыскали. Гора с плеч. Но поскольку информация прошла по всем инстанциям, пришлось объясняться.

Письмо домой от 4 июля 1987 года

Давно от вас нет писем. Как всегда, нет «вертушек», нет и почты. Чтобы чувствовалась суббота, навел порядок в этом своем доме, все протер, промыл и прибил трех мышей. Тут их тьма и война идет без победителей. Другие офицеры каждый день обсуждают: какая тварь и какой величины бегает ночью по их комнате. Тоже развлечение в нашем замкнутом мире.

Сегодня посмотрел фильм: «Никто не хотел умирать». Услышал литовские имена, песни, увидел такие знакомые хутора, дома, туманы над дубравами и в душе что-то тихо перевернулось. Осенью предстоит поездка за молодыми в «учебку» (242 учебный центр ВДВ), в Гайжуны, и надеюсь, мне повезет занять это место. Чтобы увидеть вас.

5.07.1987, Анава. Воскресенье

Съездили вчера с Константинычем в царандой. Осмотрели вместе с их замполитом пост, спросили, почему у них под носом мины появляются. Почти все бойцы местные, днем трудятся по хозяйству. И начальник поста, когда вызвали, пришел не в форме, а в традиционной одежде: черные широкие штаны и черная широкая навыпуск рубаха. Молодой парень. Глаза умные, отвечает бойко. За переводчика был Али. Мины, наверное, они сами не ставят, но и рвения от них ждать не приходится. Живут неплохо. Свое хозяйство есть да государство кормит. Единственная машина на всю Анаву — у них. 100 афганей с человека в карман начальнику за проезд до Чарикара. При общей бедности это не мало. Прибыльно. Советники составили список бедняков. Для первого раза как безвозмездную помощь от Советского командования передали двум семьям мешок муки, консервы, бутыль растительного масла, соль, сахар, молоко сгущенное. Живет один дед с двумя маленькими внучками, а в другом доме две женщины — вдовы одного мужа с малышками. Кто им поможет? Как и везде, без мужской руки трудно.

День вроде сегодня проходит без происшествий. Плюнул через плечо, чтобы не сглазить. Третий спокойный день подряд. Час назад, правда, мы постреляли артиллерией в горы, для острастки. Духи что-то повадились «накатывать» нас по

воскресеньям после обеда. У них тоже как по расписанию. Ну, а до обеда мы с «советниками» съездили на островок на Панджшере, позагорали, сфотографировались, опробовали снайперскую винтовку. Даже кое-кто купался, но не столько от жары, сколько «под фотоаппарат». Течение стремительное, буруны над камнями белые, пенистые, огромные. А вода ледяная, все тело сводит сразу. Место красивое: песчаный, зеленый островок как раз напротив входа в долину Фирадж. Вдали видны разрушенные кишлаки, заброшенные террасы. Настоящий выходной день получился, с выездом на природу. К обеду постепенно осела пыль в горах. Висела в воздухе пелена почти сутки. Второй раз вижу такое. Впечатление: как туман, и откуда ему взяться, если давно уже ни капли дождя нет. Хорошо просматриваются только ближние склоны, а дальше все расплывчато как в плохом бинокле.

Так как фотографии пока только обещают, взял листок бумаги, сел и нарисовал свою крепость. Вложил в конверт, как почтовую открытку, пусть дома посмотрят. Мои сейчас в Куйбышеве. До сих пор не знаю результатов экзаменов сына. Последнее письмо датировано 17 июня. А «вертушек» опять не обещают, говорят, задействованы на «мероприятиях» под Кабулом, где находится сейчас и наш полк. Как раз в программе «Время» М. Лещинский опять рассказывает про какую-то джиргу кочевников. У него своя работа, у нас своя. Может, живем в глубинке, поэтому и не слышали ничего о перемирии. Единственно хорошо, что не обрабатывают нас «духи» РСами, и на том спасибо. Старожилы говорят: неприятно, когда эти дуры летят к нам и рвутся в «группировке». С постов их пуски видят и предупреждают: «Ловите через сорок секунд». Потерь в прошлый раз особых не принесли, но разбили БТР, изрешетили хлебозавод и убили собаку, общую любимицу.

7.07.1987, Анава. Вторник

Узнал наконец все семейные новости. Вертолеты вчера пришли неожиданно, когда их и ждать перестали. Знали же, что они на «боевых», но, видимо, нам просто повезло. Оба пришли без створок задних люков, натянуты только сетки, все приготовлено для быстрого десантирования. Почты не было так давно, что два мешка с письмами и газетами жаждущие буквально облепили. А я отошел в сторону, сделал безразличный вид и ждал, когда все разберут, хотя, честно говоря, хотелось самому зарыться в эти конверты. И вот все разобрали, а мне ничего нет. Честное слово,

разозлился. И только через час выяснилось, что письма для меня персонально вез один прапорщик. Пришел, принес, ждет благодарности, а мне его за все пережитое обматерить хочется. Придурок, нет, чтобы сразу передать.

Получил письмо от Людмилы и два из Куйбышева. Читал письмо из дома, и возникала буря чувств: радость, удивление, гордость. Вот и окончил Александр школу. Сдал все на пятерки, но так как в девятом классе были две четверки, то медаль присудили серебряную. Впрочем, и ее не дали, только записали. Оказывается, за два года после утверждения, еще не сделали ее как таковую. На выпускном вечере к диплому выдали еще и пять грамот: за успехи, дисциплину и нам с матерью за воспитание. 26 июня был выпускной, но погулять им по полной программе не пришлось, под утро пошел дождь. Весь май и июнь в средней полосе России холода да дожди. Зато из Куйбышева пишут про жару. Михаил весь шоколадный, ну и, конечно, побитый и ободранный. Ко всему, бабуся пишет, что сын не любит мыться, хотя с улицы возвращается как поросенок. Получил фотографии из Пскова и, наконец, сегодня отсылаю свои, те, на которых мы с «советниками» запечатлены в воскресенье на Панджшере.

Вчера проводили с застольем троих офицеров (Небогатов, Толмачев, Калашников). Вечером они пришли просить разрешения посидеть, отметить. Ну, как тут откажешь. Говорю, если приглашаете, то приду, поздравлю. Обрадовались, наверное, не верили в удачу, так как я гоняю здесь всех выпивох. Но одно другому рознь. Вышло все хорошо. Я, правда, долго не засиделся. И у солдат вечер получился выходной. Наконец отчитались за пропавшую киноленту и смогли впервые за месяц прокрутить фильм в крепости.

День получился хороший, а главное — «душки» что-то нас не трогают уже с четверга. Ну и нам, естественно, лишние потери ни к чему. Константиныч по своим каналам узнал, что у них творится. В Тавахе троих похоронили, трое тяжелораненых и пять легко. Да в Арзаве тоже кое-кого зацепили. Приятно слышать, но все равно меня даже за одного нашего раненого мальчишку этот счет не устраивает. Положив трех «духов», войну все равно не выиграешь. Сейчас в Рабате у них, кажется, междоусобица, борьба за власть. Вот пусть и лупят друг друга. И еще есть сведения, что нападение на 15-й пост 11 июня было организовано для съемок итальянскими и французскими кинооператорами. Наверное, уже где-то в Париже показали, как моджахеды бьют Советы, сволочи. Жаль, что киношникам мы объективы не «начистили», они, наверное, со своей аппаратурой далеко сидели.

9.07.1987, Анава. Четверг

Позавчера вечером пригласили в гости к «советникам» афганцев, посидели, поговорили о жизни, угостили их шашлыком. И, конечно, по законам восточного гостеприимства, получили ответное приглашение. Сегодня с утра отправили в Анаву наш киноаппарат, движок и фильм. За переводчика выступил афганский доктор. Фильм, правда, старый и даже афганцы не досидели до конца. А к 12 часам Константиныч, И. Севостьянихин, В. Ардашев, Али и я подъехали в ХАД. За хозяина — Дади Ола (начальник). Гости, кроме нас, вся местная интеллигенция и начальники: секретарь парткома, зам. главы местной администрации, врач, учитель, замполит царандой. Про обилие стола и говорить не приходится. Но по мне самое лучшее — это пиала простокваши. Давно уже не пробовал молочного (сухое и сгущенное молоко не в счет). Правда, и про рис грех плохо сказать. Такого крупного зерна мне видеть не приходилось. Нормального разговора, правда, не получилось: точек соприкосновения интересов мало и общение через переводчика не располагает к непринужденности, и все же шаг вперед.

Утром получил письмо, которое Людмила передала с Сергеем Ярковым. Через границу шло дольше, чем по почте. Второй день очень сильный ветер, пыль.

Афганское гостеприимство

Комната начальника ХАД — и спальня, и служебный кабинет. Вдоль одной стены стоят мягкие кресла, посередине низкие столы (по типу журнальных). В углу кровать, рядом письменный стол с письменным прибором, двумя флагами на подставках: один НДПА, другой национальный. На одной стене портреты Горбачева и Ленина, посередине плакат с фотографиями руководителей НДПА. На другой — плакат с текстом присяги ХАД. Сначала чай в прекрасных фарфоровых чашечках (прозрачный тонкий фарфор), пакистанские конфеты. Затем на больших блюдах принесли рис и кусочки жареного картофеля. В отдельных чашах мягкое вареное мясо, огурцы и лук, жареное мясо. В пиалах простокваша. В стаканах молочная сыворотка с покрошенной туда пахучей зеленью и луком. Под занавес снова чай: зеленый и байховый. Сахара нигде не видно. Наверное, не пьют сладкий чай, или вприкуску, как у нас. Нравится мне, как афганцы выражают благодарность или уважение. У нас это получается как-то кратко. У них — солидно, даже начинаешь себя неудобно чувствовать,

тебя благодарят за какой-то пустяк, но столь проникновенно, как если бы ты им поле вспахал или урожай помог убрать.

У кровати стоит кассетный магнитофон и без перерыва звучит заунывное пение. Спросили, кто поет. Оказывается, самый знаменитый афганский певец, народный глашатай. Одна из песен оказалась про Панджшер. Мы, конечно, ничего не поняли, да и не отличили от других песен, но с Константинычем решили со временем взять и переписать себе, для колорита.

Легенда о Панджшере

Кстати, нам рассказали, как Панджшер стал Панджшером. Хорошая легенда. В X веке где-то в районе Бухары или Самарканда жил-был хан. Решил он строить плотину-дамбу, рыть арыки, пустить воду в засушливые земли. Приказал всем подвластным народам прислать к нему работников. А правил он племенами, которые и на наших теперешних землях жили (Таджикистан, Узбекистан), и здесь, в Афганистане. И вот из этой долины пришли к нему всего пять человек. Удивился хан: «Что же вы можете?» Его успокоили, что все сделают, и действительно, поработав ночь, к утру работу закончили. И сказал хан, что живут в этой долине сильные люди, а своих пятерых работников назвал львами. С тех пор и повелось называть ущелье долиной пяти львов, то есть Панджшером («пяндж» — пять, «шер» — лев).

Полк сегодня возвращается с «боевых». По слухам, взяли один «Стингер». Опять же по слухам, через три-четыре дня полк уйдет на Саланг. Там что-то «душки» стали часто бить колонны.

Никто из афганцев не говорит: «Поехал в Чарикар» (главный город провинции Парван). Все говорят: «Поехал в Парван».

10.07.1987, Анава. Пятница

Продолжаем терять людей по безалаберности. В 11.00 подрыв солдата на 4-м посту. Вышли за пределы поста за камнями, и рядовой Лазарев «поймал» лепесток кассетной мины. Прибавился еще один калека родителям. Когда в медпункте обрабатывали ногу, и по внешнему виду было понятно, что эту развороченную ступню спасти не удастся. Сильный ветер не дал принять вертолеты. Пришлось срочно готовить группу на БТР и БМП. Разведвзвод осуществляет эвакуацию своим ходом в Баграм. Приходится рисковать многими людьми и техникой, чтобы спасти одного. А что делать?

12.07.1987, Анава. Воскресенье

Вернулся утром И. Севостьянихин. Я так заспался, что даже не слышал, как пришли «вертушки». Вчера по моей радиограмме вертолетчики отработали браво. Теперь все посты обеспечены. В преддверии 15-го числа (дня окончания первых шести месяцев объявленного НДПА национального примирения) — это просто чудесно. Ни наш пленум, ни пленум НДПА ничего не заявили пока о продолжении примирения. Как пойдут дальше дела, непредсказуемо. Константиныч уверяет, что если мы продлим, то Ахмад Шах в Панджшере войну не развяжет. «Душки» нас не трогают с прошлого четверга. До вчерашнего дня и посты никого не наблюдали. Но уже вчера засекли две группы, входящие в ущелья Абдара и Фирадж. Причем одна шла тяжело груженой. Значит, все-таки подтягиваются. Мыто готовы, все сделано для повышения бдительности и боевой готовности. В течение недели гонял ротных во все стороны по заставам для проверки. Было слабое место — неисправное оружие, но и это с приходом «ремлетучки» исправили.

Вчера — ровно месяц со времени нападения на 15-й пост и гибели людей. Решил напомнить «духам», что память у нас есть, ничего не забыли. Ровно в 17.30 всей артиллерией обработали ущелье Кар и две другие цели. Жаль, что без корректировки 60 снарядов большой пользы не принесут. Ну, а мне в этой обстановке придется попрощаться с «группировкой». И. Севостьянихин передал распоряжение командира возвращаться. Ему уходить в отпуск, я начну ходить на «боевые». Собираю вещи. Честно говоря, еду с удовольствием, хоть взбодрюсь немного, дело живое. Почти два месяца на этой «льдине», последние дни уже специально искал себе работу, огрехи, чтобы будоражить людей, чтобы никто не чувствовал себя «прокаженным в лепрозории». Севостьянихин привез новость: в ВДВ новый командующий. Сухоруков возглавил ГУК, а наш теперешний шеф — генерал-полковник Калинин, мой бывший комдив.

Первой же «вертушкой» уйду в Баграм. Пока спокойно проводим спортивный праздник: футбол, волейбол, эстафету, гири. Праздник спорта довести до конца не довелось. Как всегда на печальной Тавахской петле «духи» накатили рухинскую колонну. Помогали артиллерией. Бой шел почти час. Пока, по нашим данным, сгорел один КамАЗ, запрашивают чьи-то данные. Кто-то убит? Ранен? Духи и нас краем зацепили. Обстрел 16-го поста. Потерь нет. Хорошо работал на «дорожке» Рухи наш 13-й пост, корректировал огонь. Старший заставы — старший лейтенант Козырь действует спокойно и уверенно. Обычно боевой

разговор будоражит уже сам по себе. Короткие захлебывающиеся фразы возбужденного в боевом азарте человека начинают нервировать людей. Убедился на практике (хотя и раньше теоретически знал), что чем тревожнее обстановка, тем спокойнее надо говорить. Люди успокаиваются, начинают работать осмысленно, меньше шума в эфире. Сегодня получилось как никогда хорошо. Надо будет отметить командира 16-го поста старшего лейтенанта Сергея Подгорного *(заместитель командира 6-й пдр)*.

13.07.1987, Анава. Понедельник

Вертолеты не пришли, отлет отложен на завтра. Это, может, даже и лучше. Сегодня 13-е число, да еще и понедельник. Кто суевернее, я или вертолетчики, неизвестно. День прошел штатно… Утром специально «накрутил хвосты» за беспорядок, за занятия, за хождение людей без бронежилетов. Вечером после совещания «проработали» спустившегося с 17-го поста старшего лейтенанта Газизова за «поход» двух его солдат к соседям. Вроде человек осознал, что претензии к нему от меня и от управления батальона обоснованные.

Множество контактов с населением через «советников». Постоянные просьбы, претензии, конфликты, которые мы, по своим взглядам, и не воспринимаем всерьез. Кому-то надо выйти в поле через заставу, кому-то с машиной проехать в Парван, кому-то солдаты через «колючку» забросили на поле мусор. А один даже выразил недовольство, что мы стрельбой пугаем его детей. Много просьб насчет арыков и воды. Вот только что опять приходил переводчик Али.

Закончил читать книгу К. С. Бадигина «На морских дорогах» (командир дрейфа «Седова», обеспечивал проводку конвоев на Севере и «капитанил» на Тихом океане в 1944–1945 годах). На удивление прочитал взахлеб, с интересом. Скорее всего потому, что, описывая дрейф, опасности, оторванность от семьи и детей, он чем-то сродни нам. Да и как-то осознанно читаешь строки о гибели людей под бомбами, от торпед и мин, в холодной воде, от голода. Конечно, нам легче, но когда сам прочувствовал обстрел, отправлял убитых и раненых, то эти строки воспринимаешь острее.

14.07.1987, Баграм. Вторник

День перемен. Утром к нам «вертушки» не пришли, и я уже не надеялся улететь, как вдруг села пара, идущая на Руху. Народу набралось много, но места нашлись только пятерым. До Рухи шли на бреющем полете по руслу Панджшера. Слева, справа горы, склоны, постоянные «виражи». Ощущения, нечего сказать, острые. Лучше смотреть вперед, через головы экипажа, не так неприятно на душе. Путь обратно: новые пассажиры, отпускные чемоданы, командировочные дипломаты. Схема полета прежняя: по спирали вверх, полет над горами, Баграм, по спирали вниз. Сели у медсанбата. Пешком в полк. Но вдруг подвернулся наш УАЗик. В полку, как дома после длительного отсутствия. Уже и перемены замечаю: кое-где новые деревца появились, новый КПП, оградки. Доложил В. Востротину, а затем целый час со всеми замами интенсивный обмен новостями, «мозговой штурм».

Командир идет в отпуск. Боевые действия начинаются ориентировочно 21 июля. Д. Савичев за командира, я как заместитель буду работать на ПКП. Где будем воевать, пока неясно. Хотя и не мальчишка, но горю ожиданием новых ощущений. За что и люблю службу, нет повторов. Не представляю, что бы делал на гражданке. Для нас все прелести жизни острее. Дмитрий вот сбрил трехнедельную бороду (сидел на высоте 3500, воды нет, чтобы напиться, про бритье и говорить смешно) и ходит счастливый, да еще и выспавшийся. Почти не было потерь. К моему «столичному» настроению еще надо добавить три письма от супруги. Наркоманы от травки, наверное, не испытывают такого наслаждения, как я от этих скромных конвертов. Прочитал взахлеб, но по порядку отправки. Писать заканчиваю, надо спешить в клуб на разбор «боевых», проходивших в провинции Вардак с 26 июня по 8 июля.

Сегодня ровно два месяца, как я в Афганистане. И до сих пор какое-то нереальное мироощущение. Идет разбор, говорится о том, что по решению командира роты в один из моментов куда-то была послана группа из шести человек.

И «духи» ее внезапно расстреляли в упор, забрали оружие. И тут же говорится, что окружившим блок душманам пришлось раскрыться и раньше времени идти на штурм. Если бы не сорвались их планы, может быть, внезапным нападением они смяли бы эти два взвода. Тогда какие были бы потери! И обо всем говорится так буднично, как будто речь идет о посылке людей на работы из части в город. Все это недоумение от расслабленности

мирной жизни, когда мы умудряемся мелочные пустяковые конфликты раздувать до вселенских масштабов, когда живем в сытости и самодовольстве, в благодати комфорта.

Здесь, в жаре, не верится, что, пока наши сидели на горах, трижды шел снег. В июле мела пурга, а в «Красной звезде» от 12 июля десять строчек: «Афганские силы безопасности при поддержке населения…» Туфта. Но все равно вырезал, послал домой.

Люда пишет, что она с первых дней Пскова тоже, оказывается, вела дневник и что по приезду обменяемся таким образом впечатлениями. Наверное, до окончательного возвращения свой дневник ей показывать не надо. К чему лишние переживания.

18.07.1987, Баграм. Суббота

Дни провожу в праздности, даже перед собой неудобно за леность и безделье. С утра все вопросы решаются в течение часа. Затем начинаются мучительные поиски работы. Пятый день, как прилетел в Баграм, и за это время трижды был в бане, дважды ездили в бассейн. Завтра собрались съездить закупиться в Чарикар. Денег не так много, но надо что-то «звучащее» купить, тоскливо по вечерам. В понедельник-вторник поедем с В. Востротиным в Кабул на Военный совет. Затем на постановку задачи. Может, увижу С. Яркова. Вчера звонил в Кабул, Сергей в «полтиннике» *(350-й пдп 103-й вдд)*. Владимир Савицкий должен приехать 25.07, но это еще не точная дата. Под утро, с четырех до пяти, отправлял колонну в Анаву. После восьми доложили, что колонна вошла в ущелье. Пока без происшествий и подрывов. Сейчас жду доклада о приходе на место.

25.07.1987, Баграм. Суббота

Вот уже начал писать раз в неделю. Что интересного произошло за эти семь дней? Купил магнитофон, точно такой же, как и тот, что не дошел до Александра, но другого цвета. Если все ж таки первый обнаружится, то, учитывая разбросанность семьи, все будут с музыкой. В прошлое воскресенье съездили в Чарикар. Сначала заехали в ХАД, где наши панджшерские «советники» решали свои дела, затем на местном УАЗике объехали дуканы. Собственно, я поехал из любопытства, так как после покупки магнитофона в кармане стало пусто. Больше глазел по сторонам. Хотя каждый таскал с собой автомат, но все же чувствовал себя

неуютно.

Вторник и среду провели в Кабуле. Начали вылетать вечером, а улетели только утром на самолете командующего ВВС, который прилетел разбираться по поводу завалившегося штурмовика. Весь полет занял 25 минут, из них минут 10 кругами набирали высоту над аэродромом. Как надел парашют, так сразу и приник к иллюминатору. Впрочем, вид этих унылых гор уже не трогает. Единственное, что будоражит, так это невольно всплывающие в памяти обстоятельства последних летных происшествий. Вот штурмовик завалился. Неделю назад по Ан-12 над Баграмом произвели пуск из ПЗРК. А еще раньше здесь же завалили афганский истребитель. Радует, что летчика после катапультирования спасли. Лотерея. Ко всему, в Рухе на посту сожгли «вертушку».

В Кабуле нам повезло, сразу перехватили автобус до штаба Армии. Ехать пришлось через весь город, и весь путь во все глаза смотрел по сторонам. Сколько уже слышал про этот город, и вот он, как на ладони. Вид сверху: разбросанный, слепленный из кишлаков, кое-где поля. Вид в упор: все-таки это город, в основном, одно-, двухэтажный, множество лавок и дуканов, тротуаров нет, но асфальт на дорогах вполне сносный. Зелени, конечно, маловато. Впервые увидел женщин без паранджи. Война, конечно, чувствуется. Множество солдат у домов, дворцов, на перекрестках. БТРы на улицах — такой же привычный транспорт, как автобус.

Когда возвращались обратно на «броне», проезжали через новый микрорайон. Даже нам эти четырехэтажные дома казались инородными телами среди восточных домиков. Думается, что и афганцам глаза режут. Сколько надо перелопатить в сознании этих людей? Но, вроде, нам результатов уже не увидеть. М. Горбачев вчера в интервью индонезийской газете впервые четко заявил, что вопрос о выводе ОКСВА (Ограниченный контингент Советских войск в Афганистане) решен. Людмила, если слышала, будет в восторге. Сегодня получил от нее из Куйбышева сразу три письма. Хандрит что-то от тоски, от одиночества. Да и мне ее не хватает. Плохо и без мальчишек. Договорился с командиром окончательно о поездке за «молодыми» в октябре. Смогу и дома побывать.

Сегодня получили предварительное боевое распоряжение. Скоро уйдем на боевые действия куда-то северо-западнее Кабула. Вот там снова увижусь с Сергеем Ярковым. Теперь часто бок о бок будем ходить. Был у него в гостях, заночевал. Естественно, вечером посидели, поговорили. Живут они, конечно, как в столице: в городке асфальт, газеты день в день получают, по

телевизору три программы смотрят (две союзные и Кабул). Полк у них *(350 гв. пдп)* такой же боевой, как и наш, постоянно в разъездах.

Афганский стиль

Бронежилеты водители перебрасывают через открытое окно кабины, и дополнительно прикрывают дверь хоть и плохонькой, но броней. Офицеры обрезают кобуры так, что получается что-то ковбойское: ствол и рукоять пистолета, все наружу. Впрочем, в полку пистолеты только у командования. Офицеры на них не надеются — пугалка, только лишний вес. Поголовное увлечение магнитофонами, поиск, обмен и переписывание кассет. К чему и я теперь подключился. Каждая часть считает своим долгом содержать престижную баню, да еще с бассейном. Большая часть бань смотрятся снаружи сарай-сараем, но внутри и дерево, и кафель, и душ, и водоем приличных размеров с холодной водой. Парилки — чудо технического решения, просто отличны. Если и сейчас, летом, приятно попариться и смыть с себя пыль, то зимой, говорят, чуть ли не единственное удовольствие.

Афганская погода

Вчера целый день дул ураганный ветер. Иной раз метет так, что в двух шагах ничего не видно. Вышел на пять минут и вернулся с полными ноздрями, ушами и ртом песка, ко всему, и полные башмаки песка и камешков. Пыль стоит стеной, от окружающих гор видны только вершины. Сидя в, комнате, постоянно слышишь грохот кровли. И так час за часом. Сегодня ветер стих. Вечером над горами где-то далеко грозы. Ярко сверкают молнии, высвечивая контуры гор, а над головой — Млечный путь, исключительное зрелище.

26.07.1987, Баграм. Воскресенье

С утра событие в Анаве. Душманы обстреляли из крупнокалиберного пулемета ДШК пост и вертолетную площадку. В общем, все привычно, но особенность в том, что как раз в это время вертолетчики делали вывозку смены. Удачно для «душков» получилось, попугали пополнение. А сменяемой эскадрилье дали возможность еще раз показать себя и уехать на Родину с гордо

поднятой головой. Впрочем, и без этого они оставили здесь много пустых кроватей. Почти треть эскадрильи осталась в горах. Вечная память ребятам. Разговаривая с вертолетчиками, выяснил, что в Баграм, в Панджшер из вертолетчиков никто не рвется. Гиблое место. Остальные работают в пустыне и других более спокойных местах.

За завтраком получили встряску. Ни с того, ни с сего вдруг грохот и дребезжание всего модуля. Поначалу думали: налет РСов. Выскочили на улицу и увидели выход штурмовиков из атаки прямо над головой. И буквально в километре столб дыма и пыли. Опять, оказывается, из «зеленки» произвели пуск ракеты по взлетающему самолету. Ну и, соответственно, возмездие.

А вообще, пьяный сегодня день получился. Сначала приехал ведущий хирург из Кабула прощаться в связи с заменой. И хотя я его лично не знаю, но в компании оказался. Учитывая, что критерии оценки людей здесь совсем другие, чем в мирной жизни, можно твердо сказать, что хирург он милостью божьей, и руки у него золотые. В октябре вытащил с того света Руслана Аушева. Ну а затем прибыл в гости к командиру начальник местного госпиталя, а с ним еще какие-то начальники. И опять стол и тосты. Насколько все-таки проще здесь люди находят общий язык, а если подружились, то держатся друг друга до конца. Немного, как бы это сказать помягче, коробит только медицинский юмор: «В случае чего, ребята, будем резать и лечить в лучшем виде». За что дружно поблагодарили, но пообещали не попадаться в гости в таком виде, чтобы надо было что-то исправлять в организме. Завтра строевой смотр, а затем выезд в Кабул за задачей.

29.07.1987, Баграм. Среда

В Кабул съездили. Задачу получили, и даже успел с Сергеем Ярковым уточнить, что воевать будем рука об руку. Ему, правда, пришлось бы десантироваться на час раньше и ближе к Кабулу, а мне позже и за хребтом. Но все время, разделенные горной грядой, двигались бы параллельно. Все говорю в прошедшем времени, так как днем задачу получили, а уже к вечеру дали отбой. Теперь уже дважды переносят сроки и район операции, и, вроде, начнем войну 8 августа. Ну и хорошо. День ВДВ (2 августа) встретим дома.

Сколько ждал встречи с Владимиром Савицким, даже звонил в кадры 103-й дивизии в Кабул, а встретились приятно и неожиданно. Действительно, радостная встреча. Что мир тесен,

давно известно, но чтоб настолько, это уж чересчур. Вот два моих лучших друга, и оба почти одновременно здесь. При этом теперь на «боевые» будем ходить все вместе. Крепче локтя не придумаешь. Приятно чувствовать, что есть человек, на которого можно положиться полностью, который всегда выручит и не подведет. Тем более в нашей обстановке. На днях опять мне выезжать за задачей, опять их увижу. У Сергея вчера был день рождения, мы в мой приезд авансом отметили, но подарок остался за мной. Обещал ему трофейный спальный мешок. Сейчас разыскиваю по полку более или менее новый. Все уже разошлись по рукам, а последний раз «духовский» склад брали весной под Джелалабадом. Давненько. Раз обещал, надо найти.

Обратно возвращался уже знакомым путем на двух БТРах и КамАЗе. Еще раз в упор рассмотрел «зеленку». Конечно, можно понять старожилов, которые осторожно оценивают результаты предполагаемых операций в этой каше из виноградников, дувалов и несметного количества малых и больших (а то и огромных) разрушенных строений. По морде здесь можно получить в два счета. Вдоль дороги, то там то здесь, лежат скелеты сожженных «наливников». В одном месте — врезавшийся в стену скелет КамАЗа. Опять скромные памятники. Отметил про себя, что «духи» все ж таки порядочны к памяти о погибших. Пусть эти погибшие и их враги. Только в одном месте явно разрушенный обелиск со следами пулевых отметин. На пути два небольших живых городка. Постоянно попадаются в одиночку и группами люди в халатах и рубахах, чалмах, нуристанках и платках. Все увешаны оружием. Кто такие? Может и защитники революции (так сказать), а может из какой-нибудь банды, пришли по делам. Никого это не удивляет. Они даже к нам на базар в Баграм приходят. Все-таки странная война. Ты не стреляешь, и в тебя не стреляют. И война обычно начинается с какого-нибудь провокационного выстрела.

Здесь, правда, множество договорных банд из местных жителей. А самые воинственные и экстремистские, непримиримые в своей ненависти к неверным, находятся где-то в горах, которые обступили «зеленку» и зажали ее с двух сторон. В основном обстрелы постов и колонн — это их рук дело. Постреляли и ушли, они не держатся за свои поля и дома, а семьи у них в Пакистане или Иране. Ну а «договорные» все-таки опасаются за своих жен и детей. Часто специально устраиваются провокации с расчетом втянуть в войну и этих. И иногда удается. Попробуй разберись, кто и почему в тебя стреляет. Да и кто будет разбираться, когда у тебя на глазах чадит БТР, а рядом стеклянным взором смотрит в небо твой солдат.

Вчера с Шамилем Тюктеевым поехали в гости к начальнику инфекционного госпиталя. До 10 просидели за преферансом. В разгар игры приехал полковник, командир полка МиГ-23. Я ему подаю стул, а он мнется. Магомед Елоев тут же меня просветил, что у человека корсет. Вот так и познакомился с полковником Фурса, о котором слышал раньше. В марте под Хостом его истребитель сбили ракетой. Катапультировался, при приземлении поломался. Самого его чудом успели спасти вертолетчики. Красивый широкоплечий высокий человек, наверное, чуть старше меня. И вот такое ранение позвоночника.

Самое интересное, что из всех разговоров, и с летчиками, и с вертолетчиками, и с саперами, получается, что никто из нас не герой. Мы считаем, что этим ребятам достается, а они наоборот говорят: «Ну что мы, вот десантники — отчаянные ребята, постоянно в горах, постоянно на мушке!» Говорить о человеке доброе — дар Божий. Газетчики и журналисты, хотя и привирают иной раз, но иногда раскрывают человека, его поступок так, что читаешь и думаешь: слова высокие, в повседневной жизни не принятые, но ведь правда, черт побери. А примеров мужества здесь множество. Командир вчера улетел в Фергану.

Афганский фольклор

«Бача» — пацан, деятельный в торговле, обменах и иной коммерческой деятельности.

«Кантин-дукан» — торговая лавка.

«Попутного снаряда вам в спину» — пожелание доброго пути (афганский «юмор»).

Экзотика

За неделю в коридоре модуля задавили уже третью фалангу. Босиком никто не ходит. Размером эта сволочь со спичечный коробок. Но больше всего челюсти впечатляют: и размером, и предполагаемыми неприятностями.

31.07.1987, Баграм. Пятница

Пришли из Союза молодые лейтенанты. Тех, кто едет в Анаву, после командира пригласил к себе в кабинет, побеседовать. Мальчишки. Значит, сам выгляжу для них

стариком, если они мне такими показались. Да так, наверное, и есть, если вспомнить себя в таком возрасте с двумя маленькими звездочками, огромной энергией и дурью в голове. Зато сколько воспоминаний с той поры, сколько честолюбивых замыслов!

Рассказываю про обстановку в Панджшере, бытовые условия, а сам смотрю на лейтенанта М. Свиридова и думаю: «Каково ты себя чувствуешь, парень? Сидеть на 15-м посту тебе полтора года! А на посту за два года три начальника погибли». Перед разговором думал, что сказать, и все же решил — пусть все узнает сразу, жестко и без прикрас. Офицер должен знать все как есть. Страха и сомнений в глазах нет. Скорее всего, еще не понял, что за чертой ничего уже не бывает. За семью и за детей душа не болит. В чем-то даже завидно. Смешной азарт и романтика.

Получили от Командующего армией кодограмму о мусульманском празднике Эйде-Курбан, с 4 по 7 августа В этот день, оповещают нас, люди встречаются друг с другом, беседуют, посещают могилы родичей, совершают брачные церемонии. Причинить вред в это время большой грех. Но нас предупреждают, что Коран и шариатские законы не запрещают вести и дальше священную войну «дживанд». Странно, в газетах всегда священную войну против неверных называли джихадом. Может ошибка? Уточнить не у кого, все в этом деле профаны, а любопытно бы узнать.

3.08.1987, Баграм. Понедельник

Встретили выходной и праздник — День ВДВ — в тесной компании с широким привлечением гостей. Кто только ни подъезжал. Фактически все командиры частей, в основном летчики: истребители, штурмовики, вертолетчики, транспортники. Стол пришлось раздвигать дважды и добавлять стулья. Но зато получилось все хорошо и весело. Правда, под конец спирт сделал свое черное дело. Я пригласил персонально вертолетчиков. Нам еще долго с ними работать: и десантироваться, и перебрасывать грузы и людей в Панджшер. Так что приглашение с прицелом на дружбу. Повезло, что командир *262 овэ* Сергей Лаптев оказался простым и свойским парнем.

4.08.1987, Баграм. Вторник

Вчера полтора часа инструктировал Василия Серебрякова

(после отпуска) по обстановке в Анаве. Только он утром сегодня улетел, и почти вслед пришла информация о бое в Анаве. Как сейчас уточнил, бить их собрались серьезно. Вели огонь сразу по трем постам и «группировке». Хорошо, что не зацепили «вертушки». Против каждого поста «духи» поставили по ДШК, ко всему, еще работали два-три миномета. Отбились. Предварительно: разбили один ДШК и миномет. Вот и праздник, вот и Эйде-Курбан. Самое интересное, что сразу вслед за боем пришла кодограмма, в которой предупреждают о нападении, и все обстоятельства, все координаты совпадают. Пусть и запоздала она, но все же хоть в чем-то правдива. Неужели наша разведка заработала с толком?

6.08.1987, Баграм. Четверг

Вчера был в Кабуле с Шамилем на постановке задачи. Дергал меня командующий, как молодого, и напоследок еще подозвал. Интересовался, как я впервые справлюсь с работой на КП, на своих первых «боевых». Справлюсь! Сергею передал обещанный спальник, хотя самого так и не увидел. Всего несколько минут переговорил с В. Савицким и — на обратный самолет. Вот с авиацией нам в этот раз повезло. И утром борт пришел за нами почти минута в минуту, и в 15 часов нас ждал Ан-26 как положено. Чудеса. Обычно с авиацией связываться опасно. Полет в Кабул в прошлый раз занял 25 минут, а вот обратно летели минут 40. Горы вокруг выше, и поэтому вверх забирались очень долго, а над Баграмом пикировали, как истребитель. В салоне — ад, все раскалено. Уселись вместо скамеек прямо на пол, внизу кажется чуть прохладней. Самолет новый, парашюты тоже новые. Подвесные системы не подогнаны — дополнительное мучение к жаре и прилипшему к телу обмундированию. Зато после прилета подвезли Давыдова (командир полка Су-25) до «хозяйства» и попали к нему в баню. Все видел, но этот дворец в сарае — чудо. Даже бассейн у него с кислородной подпиткой.

Завтра уходим на «боевые». Десантируюсь с батальонами в горы и работаю на ПКП. Надо собирать рюкзак, хорошо все продумать. Накипятить три литра чая с лимонной кислотой. Разлить по флягам. В общем, работы много. Тут еще Магомед Елоев приглашает на преферанс. Придется съездить, а собираться — ночью.

16.08.1987, Баграм. Воскресенье

Наконец, вернулся с «боевых» (продолжались по 14.08). Правда, возвращение затянулось. Утром 7 августа колонна вышла в поход. Все прошло просто и обыденно. Ни спешки, ни нервотрепки. Четко как часы. В 7.00 все на местах. Личный состав садится на «броню», командиры проверяют связь. Команда — «Вперед!», и колеса закрутились. В Союзе начальник всегда стремится быть впереди по двум причинам, чтобы кто-нибудь не заблудился и чтобы пыли не наглотаться. Здесь, естественно, в голове колонны не пойдешь по понятным соображениям. Приходится пыль глотать в полной мере, Шамиль предусмотрительно надел взятый респиратор, за что «бачи» обозвали его: «Сабак».

Шестерни войны раскрутились уже вовсю. Вдоль дороги стоят «блоки» братской пехоты, развернута артиллерия, выгружены горы ящиков со снарядами. Идет периодическая пальба в «зеленку». Оттуда пока тихо. Но это обманчиво, Частично «духи» ушли (то есть часть банд и «мирные»), остальные усиленно готовятся, рассчитывая при случае уйти по кяризам. Они знают нашу тактику и особенно не боятся. Знают, что мы в «зеленку» не пойдем, а «зеленые» (правительственные войска) не очень-то боеспособны, и, скорее всего, их «не заметят». В Мирбачакоте толпы народа. Молодые мужики бандитского вида разгуливают по дороге и изредка с улыбками машут нам рукой, другой рукой придерживая АКМы. Странная война. Душманы уже давно все знают, и, как нам докладывают на посту, где мы развернули свой КП, уже третий день из зоны выходят люди со скарбом и скотом. Какая тут внезапность.

Заняла свои места и наша бронегруппа. Вдоль дороги, стволами в «зеленку». Проверена территория для артиллерии на предмет мин, и пушкари приступили к работе. Наш КП развертывается на третьем этаже крепости — заставы пехоты. Привычная суета. Тянутся провода. Развертываются радиостанции. Начинается перекличка корреспондентов. Пошла боевая работа. Время до вечера пролетает быстро. Когда стемнело, втроем, с Д. Савичевым и Ш. Тюктеевым, идем ужинать в палатку, развернутую за крепостью. Мирная беседа за трапезой вдруг прерывается характерным звуком подлетающего РСа. Вот и первый подарок от «духов». Выскочив из палатки, успеваем увидеть хвост кометы. Затем взрыв, и все озаряется пламенем. РС зажигательный, огневые блямбы усеяли всю стоянку «колес», которая от нас метрах в 100. В темноте на фоне пламени мечутся фигуры. Кто-то тушит «Урал» и БТР. Потушили быстро. Ранен в руку солдат. Шамиль спокойно и мрачновато говорит, что хорошо, что не в голову. Ночью спим с ним в кунге ГАЗ-66.

Только сомкнул глаза, снова свист РС и взрыв. Шамиль даже не просыпается. Толкаю его и слышу спокойное: «Там разберутся». Кругом тишина: ни криков, ни беготни, ни стрельбы. Пытаюсь снова заснуть. Сколько проспал, не знаю, но снова свист и разрыв. Ну, думаю, черт побери, не хватает, чтобы еще в этой коробке накрыли. Сон обостренный, все-таки завтра впервые десантируюсь в горы. Проворочался еще пяток минут и пошел на КП. Час ночи. До времени «Ч» еще два часа с копейками. РСы никакого вреда не нанесли. Наши в ответ наугад постреляли в сторону кишлака. Так, для острастки.

Перед рассветом выехали на взлет. Все рассчитано, организовано. Перестал метаться руководитель полетов. Закончили поливку дороги и площадок, прибили пыль. И все равно при посадке «вертушек» поднимается целый песчаный шквал. Песок в носу, во рту, в ушах. Первые группы бегут к своим вертолетам неуклюже под грузом снаряжения, пригнувшись от мощных потоков. Один за другим взлетают и уходят вертолеты через «зеленку» в сторону гор. Ждем своей очереди и мы. Нам еще далеко в этой очереди. Четыре подъема, три батальона, затем дозаправка в Баграме, и только потом пойдем мы. Но это по плану, а жизнь вносит коррективы. Сообщают об обстреле «вертушек» на подходе к району десантирования из ДШК, и они возвращаются. Правда, две умудрились сесть и высадить людей. Возникает вынужденный перерыв. В конце концов решаются десантировать и нас. Наш подъем третий. И вот уже заходит на дорогу «стрекоза» за нами, садится. Теперь уже мы похожи на обдуваемых ветром ишаков. Полет на бреющем. Через сетку в хвосте вертолета, которую поставили вместо снятых створок грузовой кабины, необычно смотрятся дувалы и рощи. Подъем. Идем по ущелью вверх. Летчики начинают обрабатывать из курсового ПК местность по курсу. От неожиданной стрельбы у сидящих напротив солдат округляются глаза. Пытаюсь жестами как-то их успокоить. Посадка. Спрыгиваем на камни, садимся на корточки и ждем, когда вертолет взлетит. Напоследок машем рукой. Машут и нам в ответ. Забираемся на вершину горы. Как потом выяснилось, она стала нашим домом на пять суток. Высота с отметкой 2921 м, гора Чунари. Внизу плодородная долина, справа и слева хребты.

Со склона одного из хребтов по пролетающему штурмовику начинает работать ЗГУ (зенитная горная установка). От нас это километра полтора. Пытаюсь загнать людей за склон, но по нам не стреляют, хотя мы видим «духов» прекрасно и они нас не хуже. Только потом выяснилось, что каменная кладка не позволяла опустить ствол ЗГУ. Иначе они могли бы нам намять бока при

высадке. Присматриваюсь в бинокль. Целая крепость из каменных кладок на хребте, да еще дом в склоне с дверью и рамой окна. На флагштоке зеленый флаг — исламский комитет. Вызываем огонь артиллерии, работаем по этому «осиному гнезду» и добиваемся нескольких попаданий. Приказываю развернуть ПТУР, и второй ракетой попадаем точно в окно. Здорово! Вижу в бинокль, как сверху с кладки ЗГУ спускается здоровый коренастый бородач в коричневой рубахе навыпуск с патронташем наискось через плечо. Ему навстречу из дверей выходит второй. Третий показывается из пролома окна, оглядывается. Снова работаем артиллерией. Жаль, нет больше «Фаготов».

Неожиданно происходит форменное побоище. Сворой, неорганизованно, идут «вертушки» с десантом 3-го батальона. Идут без прикрытия. Первая поднимается по ущелью, проходит над нами, ныряет в другое ущелье и на бреющем полете благополучно уходит в сторону Санги-Шанда, в район десантирования. Зато три других теряются, бестолково кружатся над нами. Все начинают показывать им направление. Авиационный наводчик кричит что-то в свою рацию. Я в свою кричу, что надо возвращать «вертушки», что здесь работает ЗГУ. А вертолеты, как назло, идут прямо на огонь. От этого зрелища у меня, наверное, встали дыбом остатки волос. Теперь эти три камикадзе кружат вокруг ЗГУ, а «духи» по ним в упор стреляют. До сих пор не могу понять, как не сбили эти вертолеты и никого в них не зацепили. Единственное объяснение, что мы своим огнем загнали расчет ЗГУ в укрытие, а с приходом вертолетов они выскочили и работали в спешке. В дальнейшем десант все-таки выбросили, но в другом районе, а «бородатые» с наступлением темноты, спрятав ЗГУ, ушли дальше в горы. Их мы перехватить не успели, а установку впоследствии нашли, и она стала нашим трофеем.

Первый вертолет вышел в район, приземлился и тут же взлетел, уходя из-под огня противника. Но этих мгновений оказалось достаточно, чтобы из «вертушки» выпрыгнул офицер (В. Кузнецов) и остался один на вершине. Что он испытал, можно только предполагать. Шамиль Тюктеев с КП выходит со мной на связь и ставит задачу выдвинуться на помощь. Докладываю, что посылать моих людей бессмысленно, в том районе, на который указывают вертолетчики, вертолет даже не садился. В конце концов, офицер ночью благополучно вышел к другой поисковой группе.

Растерянность и отсутствие опыта у нового состава вертолетчиков чувствуется сразу. Жизнь учит. После обстрелов беззащитные транспортные Ми-8 стали сопровождать боевые

Ми-24. До этого кто-то посчитал, что боевые вертолеты в жару и в условиях высокогорья летать не смогут.

Последующие дни протекали однообразно. Вышли на блоки. Разведчики начали осмотр местности. А мы плотно оседлали свою гору Чунари, обложились камнями и постоянно работаем на связи: уточняем, координируем, передаем данные. Ведем карту. Семь дней, шесть ночей в горах. С утра принимаем «вертушки» с водой, продовольствием и грузами. Даже загораем в трусах и наушниках. Но уже часов в 10–11 солнце начинает печь немилосердно и загоняет нас под тент из плащ-палаток. Когда все раскаляется, начинают хулиганить смерчи. Налетают или возникают неожиданно, поднимают и закручивают песок и пыль, мусор. Срывают тент. Тут уж держи, что плохо лежит. Свежую «Комсомолку», полученную утром, так и не прочитали. Закрутило ее, родимую, подняло высоко вверх и унесло в горы. День за днем, конечно, не опишешь, хотя и хочется все описать подробно. Впереди еще много таких полетов и десантирования, боевых действий, но эти у меня первые. Впечатления особенно остры. Естественно, в дальнейшем все притупится и, наверняка, уже буду не описывать, а скорее констатировать. И все ж…

Каждое утро начинается с уточнения задач. На связь поочередно выходим: я — «Клен», И. Гордейчек *(1-й пдб)* — «Орех», Н. Ивонник *(3-й пдб)* — «Трель», Хасанов (разведрота) — «Корнет». Затем принимаем «вертушки». Получаем доклады: «Нахожусь в районе… в квадрате… нашел склад с… провожу разминирование. Подробно доложу минут через 15».

11 августа запомнилось особо. Наверное, число «11» роковое для Матвеевых. 11 июня погибли на 15-м посту В. Козин и М. Матвеев. 11 августа на моих глазах завалилась с площадки, загорелась и взорвалась «вертушка» с командиром вертолета Матвеевым. Второй пилот сгорел сразу. Командир и борттехник выпрыгнули, были сильно искалечены, обожжены и умерли в медсанбате. Самым шустрым оказался наш гвардеец десантник, единственный пассажир. Выпрыгнул и отделался травмой головы. Горы делают свой отбор на профпригодность. Выживают сильные и умелые. Экипаж всего 19 дней в Афганистане. Все к тому и шло. Чувствуется, что горы для новой эскадрильи в новинку. Не слетаны. В ответ на мой доклад — «Варяг, «вертушка» завалилась, горит, взорвалась» — обрушивается лавина вопросов. Почти сразу, заткнув всех, выходит на связь руководитель операции. До вечера идет активный обмен информацией о погибших и раненых, номерах оружия, приеме на площадке комиссии, врача. Инструктируют, как снять «черный ящик» и где его найти. Только

в сумерках все успокаиваются. Тем временем войска делают свое дело. В один из дней обложили «бородатого». Видимо, он был уже ранен и не смог уйти. Прятался на склоне. Так как он отстреливался, сняли его из гранатомета. Забрали АКМ, фото и документы. Парень, видимо, бывалый. Пропуск гласил, что ему должны предоставлять помощь, кров и еду по первому требованию все и на всей территории Афганистана.

Конечно, запомнятся здешние вечера. С сумерками приходит долгожданная прохлада. Раскатываем в своем гнезде спальники, снимаем, наконец, ботинки и лежим с В. Захаровым, глядя в небо. Сколько и о чем только не переговорено. Вдоволь насмотрелся на метеориты и болиды. Во множестве мощно и красиво разрезают небо наискось. Зрелище. Множество спутников. Прямо, оживленный перекресток. Темнота в горах, известное дело, наступает почти мгновенно. Почти час до восхода луны небо особенно живописно. Затем из-за гор выползает луна и прямо на глазах катится к Кабулу. Повезло нам с полнолунием. С восходом луны все освещается голубым светом, все видно и на душе спокойнее: никто не подберется. Ко всему, нам еще и подсвечивают снарядами. Вот он, родимый, просвистел над нами, хлопнул и повесил огонек на парашюте: спешите видеть. Вдали светится Кабул. Ветерок холодит обожженное лицо. Истинная идиллия, если бы не вспышки залпов артиллерии, да не грохот разрывов снарядов и РСов в «зеленке».

После аварии вертолета полеты прекратились. Пришлось снарядить вниз к реке группу за водой. Подтвердилось, что мелочей на войне не бывает. Перед выходом всех осмотрел: каски, бронежилеты, оружие. Обговорили сигналы связи и взаимодействия. Вызвали на связь артиллерию. Справа и слева по хребту залегли стрелки и пулеметчики. Сам в бинокль пристально осматриваю склоны гор. Группа вернулась и принесла с собой несколько американских мин «Клеймор». Всем надо до конца жизни вспоминать того мальчишку-сапера, который смог заметить в камнях самодельный замыкатель, а затем по детонирующему шнуру снял одну за другой расставленные вдоль тропы мины. При подрыве они скосили бы на тропе всех.

А напоследок все-таки и нам пришлось потопать по горам. Вот уж попотели. Больше бронежилет в горы брать не буду. Да и никто из офицеров не берет. Вероятность того, что в тебя попадут, ничтожно мала, зато натаскаешься как ишак, это уж 100 процентов. Столько лишних килограммов, когда каждый грамм на учете. На полпути к вершине сил уже нет. Остановки все чаще и чаще. Мальчишки наши все-таки молодцы. Несут дополнительно к своему оружию и рюкзакам радиостанции, пулеметы и

минометы. Карабкаются там, где в пору опытному альпинисту ходить. Влезают сами, отдышатся и идут вниз, чтобы взять рюкзак ослабевшего. Вешают на себя по два автомата. Я свой рюкзак и автомат донес до вершины сам. А помощь отправил к радисту. У этого паренька груз вообще неподъемный. Последняя ночевка на камнях, а утром нас забрали «вертушки». Напоследок опять наелись песка и пыли от винтов.

Прибыл на КП, а там сюрприз. Письма от Людмилы из Куйбышева и Натальи из Ялты. Как глоток воды в пустыне, вернее, как в горах. В тот же день ушли домой, но отдохнуть не удалось. Пока нас не было, «духи» обложили гарнизон и пять часов долбили аэродром. Обстановка во всех городках с этими полувоенными организациями (госпиталь, военторг и т. д. и т. п.) была близка к панике. «Советники» срочно собрали семьи и готовились к эвакуации. Есть погибшие и раненые. Сгорел самолет. Сгорел модуль. Остались без телевидения: разбит ретранслятор. Наш городок оказался в стороне от событий. Три мины в парке не в счет. Только вернулись, помылся в бане, взял батальон и пошел на прикрытие аэродрома. Еще два полевых дня. Желанная комната рядом, ан нет. Опять солнце, жара и пыль, опять пятнистый потный КЗС. Хорошо, что на ночь устроились комфортно у зенитчиков.

Сегодня 17 августа. Отоспался, отмылся, постирался и даже записал все в дневник. Собрал рюкзак для нового похода. Дней через 10 тронемся на Файзабад, это километров 200 на север через Саланг. От предыдущего похода остались впечатления да обветренные губы. Все течет: «…есть у нас еще дома дела!»…

Афганский стиль

Мятежников в информации по радио называют не «духами», а «бородатыми»: «Вижу пять бородатых на отметке…» И я уже к этому привыкаю. Вертолеты почему-то кое-кто называет «бетономешалками».

Солдаты с гордостью, как крестики, носят на шее гильзы на веревочке. Сначала решил, что это пижонство, а затем узнал — приказ. В гильзе бумажка: Ф. И. О. и адрес. Своего рода фронтовой медальон времен Отечественной войны. Не всех героев после боя узнают в лицо.

Несостоявшийся сувенир

Когда взяли, наконец, «духовское осиное гнездо» в горах, приказал зеленый флаг содрать и сохранить, потом отдать мне. Когда вышли на последнюю площадку, я увидел этот «флаг» — зеленая скатерть, да еще и с серебряными узорами с двух сторон. Совсем не то, что думал. Пришлось сжечь. Жаль. Остался без сувенира.

18.08.1987, Баграм. Вторник

Последние новости. Отправил поздравления Александру в связи с поступлением в институт и ко дню рождения. Принесли фотографии с боевых действий в районе Мирбачакот, Дехи-Нау, Санги-Шанда. Пришло известие о том, что командующий, генерал-лейтенант Б. В. Громов, подписал представление на командира полка В. А. Вострогина к званию Героя Советского Союза. Восстановили, наконец, ретранслятор. Шамиль, играя в футбол, кажется, сломал ключицу. Завтра его отправляют в Кабул. В коридоре прибили очередную фалангу. Из госпиталя дозвонился Константиныч, просил привезти книги, «умирает» с тоски. Как он туда попал, что подхватил, не узнал. Завтра отвезу книги и все выясню. В общем, калейдоскоп, винегрет.

19.08.1987, Баграм. Среда

Был с утра у Константиныча. Привез ему три книги, газеты да консервы. Думал-думал, брать ли виноград и помидоры, но решил, что в инфекционный госпиталь с ними не пустят. Приехал к нему и не узнал. Честное слово, не думал, что гепатит так может высосать соки из человека. Где пузо, где полные щеки с фотографий. Осунувшийся, худющий человек с запавшими красными глазами и слабым голосом. Сейчас пошел на поправку. Час просидели в беседке, подъезжали ребята из его организации, тоже с книгами и консервами.

Вечером опять грохот артиллерии. Опять пехота с кем-то воюет. Черт знает, как они воюют. Тронутые. Во время бойни 14 числа по нам и от нас не прозвучало ни единого выстрела, хотя и к нам кишлаки подступают на 500–700 метров. Взаимный мир. Душманы это понимают и прекратили бить по аэродрому с нашей стороны. Чем меньше бессмысленной пальбы, тем меньше стрельбы вообще. Сегодня у афганцев День независимости (с 1919 года).

21.08.1987, Баграм. Пятница

Завтра с колонной почти из полсотни машин выхожу на север за запасами. Путь лежит по горам через перевал Саланг. Сколько слышал о тоннеле и вот теперь воочию увижу, что это такое. Подробности после поездки.

Особых новостей нет. Новенькое только то, что с вечера пришла кодограмма о возможности обстрела аэродрома реактивными снарядами. Оказалось, «утка». Ночь прошла тихо и спокойно. Зная о нашей «осведомленности», никто, по-моему, не воспринял эту информацию всерьез. Дима на всякий случай оповестил дежурного и дальше по цепочке: караул, охранение, пожарную команду, водовозку и медпункт.

С утра как всегда рев самолетов, керосиновая вонь. Сидели вчера во дворике, покуривали, посматривали на горы бомб на стоянке Су-25 и единодушно решили, что, если они начнут рваться, то нам скучно не будет: полполка испарится, как и не было. Постепенно прибарахляюсь. Скоро станет прохладно. Н. Чудаков уже сидит на чемоданах. Придет его сменщик, сдаст дела и — в Каунас. Заместитель командира дивизии по тылу. Мы его все подначиваем, при его появлении, шутливо командуем: «Смирно!». Как-никак заместитель командира дивизии вошел. В общем-то он мужик не плохой и работник стоящий. Опять же опыт: восемь лет. Отдал мне сегодня и полушубок, и куртку, и свитер. Все новое, когда ему их было носить. В горы не ходок. Мне в снегах пригодятся. Обзавелся трофейным японским биноклем. Почувствовал, что в горах без «глаз» плохо, вот и озадачил разведчиков. Те ребята бакшишные («бакшиш» — подарок). В тот же день принесли. У них не убудет.

23.08.1987, Баграм. Воскресенье

Только что вернулся из Пули-Хумри. За двое суток дважды отмахали по 270 километров. Саланг… Действительно, сколько слышал о нем. Говорят обычно о том, что важно, что привлекает к себе внимание трудностями и их преодолением, что значимо. Понять значение Саланга можно и без слов, достаточно посмотреть на карту. Зато удобство пути в том, что вот карты-то и не надо. Иди себе по дороге, петляй по серпантину, с дороги не собьешься, не заблудишься. Каких только гор ни насмотрелся по ту и другую сторону. На юге, при движении от нас, они как-то сразу вступают в свои права. Теснят и ломают дорогу, зажимают грубо горную речку. Впрочем, за это та речка платит, но не горам,

а людям. Дорога только что открылась для движения. Где-то в горах прошли дожди, и по руслу прокатился селевой поток. Огромные валуны во множестве, громоздятся где попало, как безобидные детские мячики. В одном месте дорога размыта полностью. Здесь полно работы для наших и афганских дорожников. Часто встречаются трубопроводчики. Чинят свои трубы. На память остались целые озера керосина на обочинах. И все кругом круто замешано с песком. В иных местах такая самодельная штукатурка заплеснула скалы метров на 10–15 выше русла. Не хватает фантазии, чтобы представить, что здесь было в пик селя.

Через определенные промежутки по пути встречаются наши посты. Между ними в «игривых» местах, обычно там, где уже громоздятся горы ржавого, обгоревшего и истыканного пулями металла, парами и поодиночке стоят танки и БТРы. Стволы к вершине, на башнях и броне солдаты с биноклями. А любимая игрушка у «духов», видимо, «наливники». Их побитые колонны особенно часто попадаются на обочинах и под откосами как до, так и после перевала. В начале ущелья сначала чаще, затем все реже, попадаются кишлаки, пенящиеся по крутизне вверх. На память сразу приходит сравнение с нашим Кавказом времен соответствующих войн. Если кому захочется вновь иллюстрировать «Бэлу», то лучше пейзажа не найдешь. Дорога упрямо вьется вверх. Уже в одной из первых галерей сделал Салангу подарок. Неудачно повернулся, чтобы осмотреть колонну, и ветром сорвало солнечные очки. Где уж тут подбирать. Жаль, привык к ним. А может, наоборот, удачно. Сделал подарок горам, и прошли без происшествий и остановок. Все диспетчерские посты проходим, как по расписанию курьерского поезда. И на последнем посту перед тоннелем простояли ровно столько, сколько требовалось, чтобы подтянуть колонну. Вот только здесь начался настоящий подъем. Дорога буквально винтом вкручивается в небо. Машины ревут натужно. Скорость упала до минимума. «Уралы» с КамАЗами бегут еще хорошо, с бронетранспортерами чистое наказание. К слову, на обратном пути на нашу вершину КШМ затащил на буксире «Урал».

Буквально с каждой минутой становится все холодней, и кончается тем, что я надеваю поверх бронежилета куртку. Но во всем есть и свои преимущества. Теперь, забираясь на очередной виток, я как на ладони вижу внизу свою колонну. В галереях особенно сыро и холодно. Кое-где, пробив стенку и наполовину заглядывая внутрь, торчат приличные кругляшки камней. Наконец, последний диспетчерский пункт и начинается тоннель. Так-то он видится мирным и спокойным, — этакая пустынная

освещенная лампами дневного света городская улица с тротуаром. Так и кажется, что сейчас попадутся поздние прохожие. Ветер на перевале разгулялся не на шутку, и тоннель «протягивается», как аэродинамическая труба. С трудом представляю, что вот именно здесь произошла трагедия, когда уперлись друг в друга две встречные колонны и люди стали гибнуть от выхлопных газов. Это после того случая перевал стал работать по графику: понедельник, среда, суббота — с юга на север; в остальные дни — в обратном направлении.

Уже в тоннеле начинает чувствоваться, что дорога пошла вниз. А когда, наконец, вырываешься на солнышко, то становится веселее. И хотя снега все еще близки, но уже теплее. Горы расступаются, и долина становится шире. И оттого, что над тобой ничего не нависает, и ты не ощупываешь тревожно глазами каждую мало-мальски пригодную для засады груду камней над собой, на душе тоже становится как-то спокойнее. Пусть и дальше будут попадаться разбитые машины, и дальше будут стоять вдоль дороги обелиски с датами и фамилиями погибших, но уже машины идут резвее, а не ползут, как мухи после зимы, которых легко смахнуть щелчком пальца.

Теперь уже с каждой минутой становится все теплее. Начинается постепенное раздевание. В конце концов, приходится снять и прилипший к телу бронежилет. В лицо начинает бить прямо обжигающий воздух. Зной стоял такой, что я уже стал считать, что поспешил с уверениями в привычке к жаре. Дорога еще почти сотню километров петляет между гор по довольно живописной» зеленой и плодородной долине. Часто попадаются тенистые кишлаки, рисовые поля, бахчи. Но еще чаще попадаются вездесущие «бачи». Увидев колонну, бегут к дороге, лопочут что-то призывное и протягивают дыни, персики, яблоки. А если приходится остановиться, буквально облепляют машины. И начинается торговля и обмен с солдатами. И как ни смотрят офицеры, все равно по приезду на место в кабинах обнаруживаются и дыни, и виноград, и все прочее. Все разговоры о магнитных минах сразу забываются. К сожалению, разговоры не пустые. Уже на месте узнаем, что на днях две машины с авиабомбами взлетели на воздух после такой торговли.

Девять часов пути и, наконец, мы у цели. Можно считать: дошли быстро. Но настоящая работа только начинается. Без трудностей не бывает, и поначалу чуть все не пошло прахом. Под загрузку боеприпасов нас поставили четвертыми, а это все равно, что сказали бы: получать будете завтра. Пришлось идти и звонить в штаб Армии, добираться до самых больших начальников и объяснять: если сейчас не загружусь, то завтра не пройду Саланг

в обратном направлении, что буду ждать проходного дня еще двое суток, смогу уйти только 25-го. Полк без боеприпасов, а 26-го ему на «боевые» и т. д. и т. п. Пробил. Поставили под загрузку, да еще разрешили работать и ночью. И опять наши мальчишки молодцы. После такой работы: по горам за баранкой, да на загрузку, да до полуночи закинули в каждую машину по шестьдесят ящиков по сотне килограммов каждый. А на машине только водитель и старший, офицер или прапорщик. Никто не остался в стороне. И ни звука: надо, значит надо.

Короткая ночь, а наутро обратно. Доктор напичкал всех какими-то тонизирующими таблетками. Не знаю, как другие, а я себя почувствовал бодрым и работоспособным. Доктор уверял, что они, таблетки эти, только в Армию поступают, что просто чудесные и без всяких противопоказаний и не наркотик. Может, поэтому подействовали так благотворно. Ведь иному больному главное верить. Кое-кому и мел помогает, если он решил, что это лекарство от боли в сердце. Обратный путь без особых запоминающихся моментов. Те же горы, тот же тоннель. Но стали сдавать машины, стала пропадать связь, пропало перед тоннелем и наше «техзамыкание». Ждали его внизу так долго, что нас буквально выгнали с площадки диспетчерского пункта, чтобы мы освободили место для других. Постоянно приходилось гонять афганские грузовики и автобусы, чтобы не перебегали дорогу. В русле уже подсохшей реки прибавилось народу, который выковыривал из этой каши стволы, пни и прочий мусор на топливо. Ну а южная сторона, начиная с «зеленки», встретила нас сбивающим с ног ветром. Правда, пыли в нас было столько, что граммом больше, граммом меньше, уже не важно.

Сегодня я молодец. Дело сделал хорошее. Много чего увидел, а вернувшись, много чего успел: и помыться в бане, и газеты просмотреть, и письмо из дома прочитать, и вон сколько в дневнике записать. Ко всему, мальчишки успели на банно-прачечном комбинате простирнуть и погладить форму, завтра буду похож на человека. Час ночи 24.08. Сегодня мои дорогие покидают Куйбышев и едут домой в сырой Псков. А я через день часть привезенных боеприпасов колонной повезу в Панджшер, в Анаву.

25.08.1987, Баграм. Вторник

С трех часов утра разбирался с колонной (кто с кем и с чем едет, сколько машин, как с охранением и связью). Тронулись в начале пятого, еще в темноте. Баграмский круг прошли с ходу, но

уже в Джабаль-Уссарадже пришлось постоять. Как и ожидал, один танк пришлось оставить на ДП (диспетчерском пункте) для ремонта, забрали его на обратном пути. Как всегда, идя в колонне, наелся пыли, но уже по своей инициативе. Для страховки пустил впереди своей «Чайки» боевую машину и испытал всю прелесть пыльной бури. На лице сплошная серая маска. Дойдя до места, первым делом пошел отмываться в полевом душе. Дошли туда и обратно без происшествий.

В «группировке» все по-старому. «Бородатые» нас не трогают, зато каждый день воюют с пехотой. Чем-то, видимо, те их разозлили. За прошлую неделю в Рухе ранены два комбата и командир дивизиона. А в Фирадже вот уже месяц «душки» воюют между собой. Приказал не вмешиваться. Доходит до абсурда. Рядом два поста: 16-й — наш и 18-й — пехоты. Первый не трогают, второй накатывают каждый божий день. Ко всему, у них подрыв БМП на фугасе с гибелью лейтенанта и двух солдат. Обратно шел уже впереди всех, чтобы не глотать пыль килограммами, а прикрытие поставил сзади. Панджшер все такой же. Только стал поспокойнее да почище. Теперь, действительно, голубой.

29.08.1987, Баграм. Суббота

Остался за командира. Полк ушел 26-го на Файзабад. Сейчас в Кундузе. Готовятся к войне. В расположении полка тихо и пустынно. Осиротели. Осталось чуть больше трех сотен человек, но жизнь течет. Провожу совещания, подписываю бумаги, разобрались, наконец, с людьми и оружием. И уже искали одного солдата. Нашли. Подписал первое свое согласие о возбуждении уголовного дела. В общем, текучка. Людмила с Михаилом 27.08 должны были приехать домой в Псков. Когда еще получу от них письмо? Зато получил письмо от В. Грихонина из Каунаса с сообщением, что магнитофон у него.

30.08.1987, Баграм. Воскресенье

Если бы не посмотрел с утра «Утреннюю почту», так бы и не знал, что сегодня выходной. Связался с нашими. Они до сих пор в Кундузе. Ни у меня, ни у них ничего криминального. К вечеру заела тоска. Пошли с Николаем Чудаковым в клуб, а там фильм еще тоскливее. Получил сегодня письмо из прошлого. Нашлось письмо, датированное 12 июня. Забавно читать. Все уже

решилось, все устроилось, а в нем Алька сдал в школе только четыре экзамена и боится пятого — физики. В письме: собираются из Пскова в Куйбышев, а на деле — только что вернулись обратно, и т. д.

Сейчас показывают по телевизору день за днем «Войну и мир». К событию рассказали анекдот: «Если бы у Кутузова было столько войск, сколько у Бондарчука, то он бы Москву не сдал. А если бы у Наполеона было столько денег, сколько у Бондарчука, он бы на Москву и не пошел». Жаль, что мы, будучи в Москве, так и не съездили в Бородино в первое воскресенье сентября, как собирались. В этом году 175 лет сражению. Грандиозное будет зрелище. Но без нас.

7.09.1987, Баграм. Понедельник

Подведем итог недели, которую я провел, работая командиром. Скоро бразды правления сдавать. Честно признаться, вкус командный есть. Хотелось бы получить самостоятельную работу. Без хвастовства, есть силы, есть голова и есть свое представление, как делать дело. По характеру — юла, то есть чем больше кручусь, тем устойчивее себя чувствую. И не люблю быть на подхвате: и своего не внесешь, и за короткое время не освоишься. Давно и не только мною замечено, что смена требований, по крайней мере в первое время, вносит разнобой. За прошедшие дни, может, выразилось это во вспышке неуставщины. Скорее даже в изобличении. Два дня одного за другим искали двух солдат. А 31.08 обнаружилась кража в военторге. Сумма в принципе пустяковая, чуть больше 300 рублей, но трое пойдут под суд. Самое для меня неприятное: доклады командующим, в Армию и в Москву в штаб ВДВ, по понедельникам. Приходится взвешивать каждое слово.

Полк до сих пор на «боевых». Потери: один человек ранен на подрыве. Вчера пришло сообщение о том, что сбита «вертушка», но связь прервалась, мы так и не узнали, зацепило кого-нибудь из наших или нет. И нам сегодня ночью «душки» устроили «спокойную ночь». Положили с часу до двух с два десятка РСов по аэродрому. Из них четыре упали рядом с позицией нашей артиллерии, а один метрах в 15 от автопарка. Никого не зацепило. Меня затерроризировали телефонными звонками с докладами. Успокоились только под утро. Меры все приняты: пожарная команда, врачи, водовозка. На позициях у забора развернули танки. Резервная группа БТРов стояла «под парами» в парке, самоходки были готовы к стрельбе прямо из парка. Вот и

весь наш жалкий кулак. Самим бы отбиться при случае, а тут приглашает второй день подряд на взаимодействие командир *108-й мсд* В. Барынькин. Они там утрясают разведданные, определяют цели для авиации и артиллерии, а я со своим жалким войском только сижу и слушаю, куда и сколько чего «духи» подвезли, откуда готовы стрелять, где и с кем между собой дерутся, где какая банда появилась. Хорошо, что мы уже прогнали на днях свою колонну через Саланг. Это первое, о чем я подумал, когда услышал, что Ахмад Шах направил на южный Саланг группу боевиков во главе со своим первым заместителем по террору. Два американских оператора с ними. Цель — разбить советскую колонну и запечатлеть это на пленке. Давыдову с его штурмовиками будет в эти дни много работы. Хотя за ними тоже охотятся. Радиоперехват прослушал просьбу кого-то к кому-то скорее «свалить» два самолета. Сволочи, планируют событие, как мы сдачу домов, раньше срока, к празднику. За неделю дважды обстреляли Анаву из минометов, правда, безрезультатно.

Были на этой неделе и события, о которых приятно вспомнить. Встретили комиссию Центрального Военно-медицинского управления. Шуму она по всему Афганистану наделала много. Пока побывала в Шинданде, Кандагаре и Джелалабаде. Прилетела из-за вспышки инфекционных заболеваний. Выводы делала весомые, и головы после проверок летели, как переспелые груши. Пришлось повозиться, чтобы все закрутилось, и все привести к уму. Но и результат — нас отметили в лучшую сторону среди частей Баграмского гарнизона. Естественно, все себе не приписываю, но и мой вклад был.

Долго и терпеливо ждал писем из дома. Наконец получил. Людмила с Михаилом уже в Пскове. Алька остался в Куйбышеве и уже уехал трудиться в составе своей первой студенческой команды. Самое приятное, что они получили от меня посылку. Пишут, что были несказанно рады, и я кожей до дрожи чувствовал, как им было приятно. Зримо представлял, как Михаил прыгает от радости при словах: «Миша, от папы подарки!» Собрал им перед «боевыми» в спешке две банки чая индийского, Люде — парфюмерию, Мише — часы, авторучку и спальный мешок. Оставил деньги на «Си-Си» и конфеты, которые потом вложил в портфель Геннадия Крамского и, кроме того, кассету с записью «афганских» песен. Люда пишет, что и Нина получила от Сергея Яркова передачу, и пишет, что мы, видимо, объяты одним стремлением купить все побыстрее. Может и так. Но все время ловлю себя на мысли, что тороплюсь, чтобы им осталась обо мне какая-то память, как будто завтра получу пулю. Глупо, очень глупо, но это есть.

Сегодня в Женеве начинаются переговоры по Афганистану. Решается наша судьба: когда вернемся домой, в Россию, в семьи, к повседневной работе. Скорей бы. Нам, судя по всему, придется покидать страну замыкающими. Будем держать аэродром до последнего. Так что, далеко загадывать не стоит, буду с нетерпением ждать октябрьской поездки в Союз. К квартире буду, наверное, взбегать по лесенке и этажам одним махом. Иногда по вечерам долго разглядываю наши фотографии, которые висят у меня на стене. Вот трое, в Кузьминках (эта мне особенно нравится), вот мы вдвоем в «Красной поляне» у водопада, вот я и мальчишки, в «наполеонках» и трусах, ремонтируем нашу комнату на Садовой-Спасской в августе 1986 года. Вот наши мальчишки при значках и в школьной форме серьезно смотрят в объектив. А вот вы с Александром перед школой в день выпуска. И не иногда, а довольно часто, один улыбаюсь, вспоминая многое из нашей жизни. И до сих пор ни на миг нет сомнения, что ты у меня самая красивая, самая умная, спокойная, обаятельная и веселая. Скорей бы обнять тебя и поцеловать твои ласковые губы. Но, чур, не так, как в мае в Псковском аэропорту, обреченно и со слезами. Скорее, скорее, скорее!

Сделал вырезку из «Правды» от 3.09. Интересно читать в центральной прессе о событиях, к которым ты, пусть и косвенно, но причастен. Позавчера сидели у меня в кабинете летчики, разговорились. Они мне рассказали, как сбили самолет Ан-26 над Хостом. А потом оказалось, что буквально через несколько минут один из них взлетел и получил «Стингер» в хвост. Парень рассказал о своих ощущениях. Самое интересное, что шли они уже на высоте 9200 и были спокойны (горы там 2600). Потом все удивлялись, как так вышло, что их достали, и как с такой дырой в стабилизаторе они сели. Упоминается в статье и фамилия Арбузов, а это командир нашего Баграмского авиаотряда Ан-12. Бывает у нас в гостях, мы ему помогаем, он при случае нам: подвозит, когда надо куда-нибудь слетать. Вот так поговорили, а буквально на следующий день о том же самом читаю в «Правде». Когда сам к чему-то причастен, то читается с большим интересом.

10.09.1987, Баграм. Четверг

Ждал с нетерпением, что вот-вот приедет командир, а он будет только 15 или 16 сентября. Сегодня не самый удачный день. С утра, как холодный душ, сообщение: умер солдат в госпитале (амебиаз, сердечная недостаточность), затем второе: исчез солдат из этой проклятой батареи САО. Сколько уже эта

батарея нашей крови испортила. На двадцать солдат — прапорщик, младший офицер и целый подполковник (начальник артиллерии полка). То побеги, то сломанные челюсти, то уголовное дело по краже. И этот, сбежавший, тоже запустил руку в карман товарищам, и за эту руку его схватили. То, что он подлец, лично для меня утешение слабое. Об его отсутствии должен был доложить командующему через 30 минут после побега, а сейчас уже вечер. Надо теперь ждать до конца, все равно: часом больше, часом меньше. А если не найдется? А завтра ехать в Кабул. И получится, что докладывать придется с глазу на глаз. По телефону «огребать» все же легче. Так и подполковника не получишь с этими урками. Вторые сутки уже не укроешь. Черт, дурацкое положение, и состояние, как на углях. И другие мелочи не улучшают настроение. Вчера завезли столбы для ограждения аэродрома, а сегодня докладывают, что их уже украли. И смех и грех.

За несколько дней накопилась кипа газет, и все не дойдут руки почитать. Наши перестройка и гласность, если и идут медленнее, чем хотелось бы, все же дают ощутимые результаты хотя бы в печати. Сколько интересных, острых, спорных и конфликтных статей. В последние дни «Известия» и «Красная Звезда» сцепились друг с другом и читателями на тему пропавших без вести. Спорят в основном ветераны Отечественной войны, но проблема напрямую касается наших дней. И здесь, в Афганистане, идет война, и здесь гибнут люди и пропадают без вести, и попадают в плен. Два года назад выехал прапорщик на БТРе на заставу и пропал. БТР нашли подбитым, водитель убит, а прапорщика нет. И два года жена с двумя детьми живут в нищете. Ничего ей не положено, раз муж пропал без вести. Таков закон. Если даже взять крайность (что сомнительно), что муж сволочь и подлец, предатель, то и тогда не понятно наше отношение к трем полноправным гражданам. Что мы выигрываем? И кого хотим, в конечном счете, вырастить из этих двух малышей? Сталина нет — Сталин жив.

Кстати, как в последнее время всколыхнулась опять эта тема. Сколько нового узнаешь. Сколько жарких дебатов. Интересную статью прочитал в «Огоньке» о судьбе М. Кольцова. Какие все-таки талантливые люди гибли. Статья называется «Тайна…». Дико читать, — махровое беззаконие и полное бессилье людей что-либо изменить в своей судьбе. «Огонек», на удивление, становится читабельным. До этого я только при вынужденном безделии его читал: в поезде, самолете и т. д. Море фотографий, жалкие жидкие тексты и редко — что-то занимательное, типа детектива Юлиана Семенова, чтобы вообще вкус не отбить у

читателя. Сейчас есть на чем остановить взгляд, есть над чем работать голове и памяти.

Получил письмо от Маргариты Ивановны. Отдыхает в санатории под Пензой. Как все-таки письма наших стариков похожи друг на друга: болезни, уколы, лекарства, самочувствие, дети и внуки! Мы взрослеем, они стареют. И мы как-то вдруг, буквально в один момент отмечаем, что вот был сильный энергичный человек, а сейчас шагнул в старость.

Дописываю 11 сентября вечером. На то, что день так растянулся, есть своя причина. Где-то за полчаса до полуночи раздался телефонный звонок. Первая мысль: «Ну, радость, наверное, нашли». И, как удар током, доклад дежурного по полку: «В карауле, на посту у водоскважины мертвый часовой». Сборы как по тревоге, и через пяток минут мы с Шамилем уже на месте. Что тебе, парень, не жилось? Рост — 188. Стройный симпатичный сержант, командир танка. Кому на своей родной Украине ты такой серый и повторяющий каждую рытвину на земле своими безвольными руками и ногами (плюшевая кукла, которая была человеком) нужен? Бывают же такие символические совпадения. Пока мы стоим и ждем прихода начальника особого отдела, ждем прокуратуру, с дальней горушки полетели на нас РСы. Пуск снаряда на начальной траектории виден отчетливо. Направление — на нас. Неприятное чувство томительного ожидания. Куда ляжет залп? Даю команду всем укрыться. А через несколько секунд разрывы возникают в районе военторга и госпиталя. Потом узнали, что в целом никто не пострадал, но в реабилитации, где отходят после болезни выписанные больные, один РС попал в модуль, двое раненых. В тот момент у меня возникла мысль, что «духи» салютуют тебе, дурак, что тебя теперь и убивать не надо, сам ты гвардеец приставил дуло к сердцу.

До двух часов разбирали документы, письма, вещи. Беседовали с людьми, его знавшими и дружившими с ним. Ни одной зацепки по мотиву поступка. Не было ни трагического письма из дома, ни конфликтов с сослуживцами и командирами. Пользовался авторитетом и уважением, никто не пытался приставать. Спокойный, рассудительный. До обеда работал в парке, потом постирался, готовился в наряд. Шутил. Ни намека на трагедию. И вдруг, выстрел в упор, навылет, точно в сердце. Зачем? Пока сидели в кабинете, разбирались, пришло сообщение из рембата: задержали нашего подлеца. При обстреле бросились из казармы в убежище, а он там спит. И то радость. Одним ЧП меньше.

Поспал пару часов. Затем на БТР и в Кабул. До обеда занятия. На обратном пути заехал в дивизию, поздоровался с Савицким и

Ярковым. Весь обмен новостями прямо на ходу. Надо было спешить, в 16.00 закрывают диспетчерский пункт, и из Кабула никуда не выедешь. Сергей завтра идет на «боевые». Подтвердилось, что под Мирбачакотом мы были соседями. Он сидел по другую сторону той долины, в горах. Савицкого прямо «убило», что на мой орден уже пришло подтверждение. Он, прохвост (любя), в октябре тоже собирается лететь за «молодыми», то есть рвется домой.

На телефон уже не могу смотреть. Когда он звонит, я весь напрягаюсь, жду, о чем сообщат на этот раз. Докладывают о смене дежурства. Пронесло до очередного раза. Тьфу-тьфу-тьфу, через левое плечо. Так и суеверным можно стать. Хотя… просто, эти два дня на нервах. Отойдет.

Поездив по Кабулу, подметил массу новых деталей. Как сходом дома строят. Как кирпичи прямо из серой пыли рядом со стройкой лепят. Какой все-таки дружный и трудолюбивый народ, как муравьи. Что кричат малыши типа: «Командор, как дела? Зае…?» Ведь научил кто-то. Много еще интересного, но нет вдохновения расписывать впечатления после всего вышеизложенного. Как-нибудь в другой раз.

19.09.1987, Баграм. Суббота

Прилетел из Анавы. Полет — как обычно. Постепенно происходит трансформация ощущений. По первому разу ладошки, что скрывать, потели, потом пришло спокойствие, а теперь, можно сказать, безразличие. Сидишь, смотришь вниз на проплывающие горы, наплывающую «зеленку» и думаешь о своем. Мысли о трех сбитых под Кундузом «вертушках» и сбитом там же Ан-26 промелькнули как посторонние. Подумал о том, что наши сейчас там, за Кундузом, на «боевых» и скоро вернутся. Связь с ними прервалась, вроде пока только один раненый. Вернутся где-то через неделю, а уже пришло предварительное боевое распоряжение на выход в сторону Гардеза. Но это уже без меня, надеюсь, буду сидеть в это время в кресле самолета «Аэрофлота», а не на жесткой скамейке Ми-8. Домой тянет, соскучился. Прилетел из Панджшера, а мне в подарок три письма: два из дома и одно от Романа Георгиевича. Михаил дома «воюет, бьет душманов», но, видимо, и ему достается. Получил камнем по голове, сейчас залечивает раны.

В Анаве пробыл три дня. Провел первый день сборов с начальниками сторожевых застав, и вдруг получил радиограмму со срочным вызовом. Гадал-гадал и уже пришел к выводу, что что-

то случилось дома. Другого объяснения столь срочного отрыва со сборов не нашел. Приехал, захожу, а мне объясняют, что Николай Чудаков собрался дать отходную в связи со своим отъездом. Фу, черт.

В Панджшере все на своих местах. Комната пришла в запустение, все в пыли и мышиных следах. За три проведенные там ночи убедился, что эти твари основательно распоясались, бегали чуть ли не по голове. На следующий день по прилету «вертушками» сняли с постов и заменили другими офицерами всех командиров застав. С некоторыми из них познакомился, наконец, лично. А до этого знал только по фамилиям, да по голосам по радиостанции, когда шли бои и обстрелы застав и «группировки». Много новичков пришли этим летом с заменой. И надо сказать, что ребята понравились: молодые, энергичные и деятельные старшие лейтенанты И. Сухарев, С. Подгорнов, Е. Козырь, лейтенанты М. Зернов и М. Свиридов. Зернов с Костенковым 9 сентября отличились, когда обнаружили и разбили караван. Уничтожили восемь «духов» и 12 вьючных тварей. С. Подгорнова с его 16 заставой в последнее время обстреливают часто, но ни потерь, ни трагических ошибок. Прилетев в Баграм и сидя на КП вертолетчиков, услышал похвалу в его адрес. Мол, 16-я всегда четко принимает «вертушки».

Целью сборов ставил даже не то, чтобы учить чему-либо (это само собой), но просто дать отойти, наговориться, побыть в офицерской среде, сходить в баньку всем вместе. В первый день в обед они такой гвалт в беседке устроили, что стены крепости дрожали. Путь хохочут. Молодо-зелено. Зато на сборах они насели на меня и комбата с вопросами. Правда, я их сам спровоцировал. Проблем много: питание, вода, дрова, патроны, обмундирование к зиме, ремонт оружия, получение денег… Василий Серебряков много не дорабатывает. «Чапай». Высокую требовательность надо сочетать с заботой. Даже из того, что я привез с военторгом, командирам застав ничего не перепало, а ведь требовал заявку и, выполняя ее, думал, прежде всего, об этих лейтенантах. Пришлось персонально брать у них заявки на магнитофоны. Сколько проблем. И ни на один вопрос конкретного ответа. Будем выправлять. Уже в понедельник в Анаву полетит начальник службы РАВ, затем вещевик. Насчет курток, тельняшек и горного обмундирования для застав вопрос с тылом, в принципе, решен. В горах по ночам уже довольно холодно.

Внизу в долине днем еще жарко. Созрел грецкий орех. Мирные готовятся к уборке кукурузы. Был в гостях у «советников», попарился в их бане. Константиныч в отпуске до 28

октября. За него Виталий Иванович. Встретили гостеприимно, накормили рыбой, которую в большом количестве наглушили в Панджшере взрывчаткой и гранатами.

Душманов с застав видят каждый день, но на посты они вот уже неделю не нападают. Пока тихо. Но неприятно тихо. Об этом я мальчишкам и говорил. И больше смотрел на М. Свиридова. За два года на посту погибли три его предшественника. Есть о чем подумать, но парень держится молодцом.

Информация к размышлению (из обзора командующего 40-й армией)

За восемь месяцев этого года на постах и сторожевых заставах погибли 72 человека, 283 ранены. Наши русские парни. Потери в основном от собственной дури.

Вчера прапорщик из *108-й мсд* прорвался из Кабула через КПП «Теплый стан» на БТРе и КамАЗе, а чтобы на Баграмском кругу его не перехватила комендантская служба и не записала, решил свернуть на старую Баграмскую дорогу, объехав КПП. В результате, «духи» запустили его колонну в «зеленку» на 2 км и расстреляли в упор. Техника сгорела, люди погибли. Лишь один раненый спрятался и утром выполз на шоссе. Благо, «духи» испугались ультиматума и выдали тела погибших. Сережкин полк поднимали по тревоге и бросали на спасение. В результате, по непроверенным пока данным, подбита еще и «вертушка», а в ней шесть человек. Главная причина потерь — дурость и недисциплинированность. А впрочем, это уже другой эпизод. Всего в дневнике не напишешь.

Письмо домой от 19 октября 1987 года.

Пишу из Анавы. Вот куда надо брать дневник и бумагу для писем. Наверно, горы так влияют. Прилетел вместе с новым заместителем по тылу А. Судьиным. Зазвал его сюда, чтобы он имел полное представление о Панджшере и проблемах батальона. Он говорит, что у нас здесь курорт. И я его поддержал в том смысле, что курорт, если прилететь на пару дней.

Достала цензура. Вот специально пишу, чтобы прочитали. Твои письма приходят в рваных конвертах, все заляпанные клеем и топорным штампом: «Пришло со следами клея».

21.09.1987, Баграм. Понедельник

Завтра провожаем Николая Чудакова. На память подарил ему зажигалку. Хороший мужик. Впрочем, у нас здесь как-то сложилось все по-мужицки просто. Когда хранишь на столе хвостовик мины, которая на тебя упала, то на рассуждения типа «что такое жизнь», не тянет. В обед в честь Николая Николаевича Иван прошел на «спарке» над крышей модуля.

В обед съездили к Е. Арбузову. Лежит с гепатитом и выглядит ослабевшим, еле разговаривает. Завезли ему сок, виноград и т. д.

23.09.1987, Баграм. Среда

Наши возвращаются. Только что с ЦБУ (Центр боевого управления полка) доложили, что они где-то на подходе к Салангу. Готовим встречу. На день остался за командира. В. А. Востротин ночью улетел на Военный совет в Кабул. Утром 22-го проводили Николая Николаевича. Хоть он и храбрился, и веселился, чувствовалось, что трудно ему расставаться. Как-то будет на новом месте? Что точно: так как у нас дружно, одной семьей, не будет.

Вечером сидел в кабинете у Шамиля, и ему позвонили из Кадров, из Москвы. Разговор шел о посторонних вещах, но я его подтолкнул спросить о себе и В. Архипове, насчет званий. Наконец-то выяснилось, что приказ подписан еще 9 сентября, и номер есть (0224). А я полмесяца хожу и не знаю. Самое интересное, что подписан приказ, день в день. Кому ни рассказывал, как приходили звания, все удивляются, говорят: везет. Лейтенанта получил по выпуску 24 июля, а к подполковнику подошел 9 сентября. На все звания набежало 1,5 месяца. Хорошо.

27.09.1987, Баграм. Воскресенье

Страна перешла на зимнее время, а мы остались при своем. Теперь у нас разница с Москвой полтора часа. Удобнее стало смотреть телевизор, тем паче что, наконец, вернулась «Орбита-4». Программа «90 минут» теперь начинается в 6.30 по местному времени, а это уже приемлемо. Да, и вечером можно засидеться подольше. Вчера был вечер М. Жванецкого, смотрели всем миром. Времена интересные. Некоторые остроты до того едкие, что по старинке думаешь: «Как же пропустили на ЦТ?» И Юмор, и интонации такие своеобразные, что не сразу и сообразишь. И что еще привлекает, так это то, что героев и монологи автор ставит в

чудные, неординарные ситуации. Жаль, что не записали на магнитофон.

С утра решил все вопросы по обеспечению Анавы, а потом съездил к вертолетчикам, договорился с комэском Сергеем Лаптевым *(262-я овэ)*, чтобы он вывез меня завтра на боевом вертолете посмотреть посты и «группировку» сверху. Карта и фотоснимки полного представления не дают. Надеюсь, что с боевого Ми-24, когда они прикрывают транспортные и ходят по кругу, лучше уточню местность.

Вчера «духи» пытались штурмовать 8-й пост. Скорее всего, решили отомстить за разбитый караван. Командир заставы, хотя и молод, парень хваткий. Уже не первый раз для себя отмечаю его (лейтенант М. Зернов). Вот и сейчас задали «душкам» жару. Двоих убитых «духи» оставили на тропе, один раненый пытался уползти. Другие его прикрывали. Была хорошая пальба. Жаль, склоны в сторону ущелья Шутуль крутые, и артиллерия наша достать цель не смогла. Пытались через штаб Армии вызвать «вертушки», но это как всегда оказалось невозможным. Одна болтовня и теоретизирование насчет непосредственной авиационной поддержки. И чужой опыт во Вьетнаме ничего не дал, кроме статей и докторских диссертаций.

…Насколько интересно раскрываются люди в Афганистане, в нестандартной обстановке. Капитан Франц Клинцевич — помощник начальника политотдела по спецпропаганде. В Союзе был бы рядовым политработником, и только. Здесь налаживает связи, поддерживает контакты, ходит в банды, встречается с главарями и даже устраивает с ними встречи командира. Умен, энергичен и храбр. Последнее слово у нас не часто употребляется. Но другого выражения я бы не подобрал. Вот в бой идти под пули не боюсь, а сунуться в банду вряд ли смогу. А он работает. Вчера увидел его помощницу: инструктора по работе с женщинами. Хрупкая маленькая девчушка, таджичка. На улице в Союзе встретишь и пройдешь мимо, не взглянув, а здесь смотришь с уважением, зная, какую работу на нее взвалили.

29.09.1987, Баграм. Вторник

День выдался хлопотный и напряженный. Сделал много, крутился с утра, ну я ведь волчок, стою пока кручусь. И настроение соответствующее. Ночью раздался звонок. Звонил дежурный, комэск просил передать, что с рассветом вылетаем. Вчера ему вылет запретили, и наше соглашение расстроилось. Я уже решил поставить на этом крест, и вот звонок.

Машины под боком нет, да и сонливая расслабленность, вот и решил спать дальше. Но чуть забрезжило, снова звонок, теперь уже сам Сергей звонит: «Давай, жду». Отговорки не действуют: «Давай и все, Ми-8 уже взлетают, времени в обрез». Мигом одеваюсь, пистолет на ремень, гранату в карман и через стоянку штурмовиков — к взлетной полосе, а там поджидает КамАЗ. Подъезжаем прямо к вертолетам. Подходят Сергей с замполитом, идут они на вылет каждый своей парой. Инструктаж еще короче упреков. Надеваю парашют, техник показывает, как выйти на связь, как открыть боковые дверцы для прыжка, и вот мы уже выруливаем на бетонку. Пара докладов в эфире, короткий разбег, усиливающийся рев двигателей, и мы уже кругами идем вверх. Сидеть страшно неудобно. Разместился пока сзади в десантной кабине, но Сергей зовет к себе, а я по узкому проходу протиснуться к нему не могу. Парашют под задницей — шире прохода. Слышу успокоительный голос в шлемофоне: «Ничего, придем в горы, снимешь его, все равно он там бесполезен, и встанешь за мной». Отвечаю: «Есть».

Вот и горы начинаются, вместе с рассветом входим в ущелье. Под нами проплывает 3-й пост. Сколько раз уже летал в Панджшер, но вот так разглядывать его, как на ладони, не приходилось. Да это и есть моя цель. Хочу посмотреть работу вертолетов по постам, посмотреть сами посты сверху, подступы к ним. Пока Ми-8 разгружаются в Анаве, мы всей четверкой Ми-24 идем по моей просьбе к 8-й заставе, встаем в круг. Сергей спрашивает, по какой цели отработать, и, не дождавшись моего решения, сам выпускает серию НУРСов по скальнику на противоположном склоне ущелья Шутуль. В кабине резко пахнет порохом. А внизу на посту как ни в чем не бывало идет солдат с ведром.

Но вот начинается работа. Идем к другому посту, к которому снизу поднимается «грузовик». Вот он зависает и медленно приближается к площадке. Пыль, посадка. Сноровисто снуют мои гвардейцы, выгружая привезенное добро. Вот они присели, спрятав лица, доклад «вертушки»: «Взлет». Идем к другой стороне ущелья и прикрываем следующую «вертушку». И опять все повторяется. Горы, такие мирные, невозмутимые и спокойные, но мы-то знаем, что в любой момент они могут огрызнуться огнем. Поэтому постоянный крен влево и ход по кругу прерывается на короткое время выравниванием, опусканием носа и трассами от нас по всем подозрительным местам. Пыль от отдельных разрывов сливается в единый туман и опускается вниз по ущелью и водостокам. Посмотрел, наконец, в упор на 13-ю и 15-ю заставы. Да, чтобы сесть на этот уступчик, надо быть ювелиром. Хорошо,

что сегодня прохладно и нет воздушных потоков.

Успеваю фиксировать и свои вопросы. Вот на этой площадке при посадке «грузовика» взлетел мусор. Опасно, если попадет в двигатели. Надо запомнить. А вот на этих площадках народ распоясался, вышел навстречу без касок и бронежилетов. Все запомнить. Как приземлился, сразу отбил в «группировку» радиограмму с разносом. Ну а пока работа продолжается. В воздухе уже полтора часа.

Что-то я увлекся тыканьем пальцем в цели, и вот уже Сергей кричит, что пушка и блоки НУРСов пусты. Но работать надо, прикрывать транспортные вертолеты хоть своим грозным видом, поэтому карусель продолжается. Проходит время, подходит к концу топливо. Пора домой, теперь «каруселим» наверх. Вот уже и «зеленка», вдали аэродром. Напоследок Сергей по своей инициативе проходит на бреющем над дорогой вдоль городка и делает горку над полком. Снова заход и снова горка над родным модулем. Идем на посадку. Все. Приехали. В воздухе пробыли почти два часа. Отбрасываю створки люка, вижу лицо техника и его вопросительный взгляд. Показываю большой палец. Смеется над дилетантом. А через час пересел на БТР и поехал на ближнюю заставу. Работа есть работа. День прожит не зря.

Супруга меня балует. Письмо каждый день. Читаю с удовольствием. Допинг. Скоро, скоро домой. Командир указал на 15-е число.

2.10.1987, Баграм. Пятница

Немного повоевали. Здесь недалеко, «за огородами». В трех-четырех километрах от нас вдоль канала стоят посты пехоты, и вот для того, чтобы доставить им топливо на зиму, была спланирована целая армейская операция. К делу все отнеслись серьезно, так как с «зеленкой» не шутят. Неделю увязывали, согласовывали детали, организовывали взаимодействие, чтобы протолкнуть туда два десятка машин. Еще неделю в «зеленку» и обратно ходили доверенные гонцы с письмами к главарю и ответами от него. Вроде договорились, войны не будет. И опять эта дурная пехота «вляпалась в грязь». Забили и сожрали у «мирных» корову, да еще пальбу устроили.

Так до конца и не ясно было, как на все это «духи» отреагируют. Все же решили авиационной и артиллерийской подготовки не проводить, но вертолеты, штурмовики и пушки держать в готовности. Зона ответственности не наша. В связи с тем, что пехота выделила основные силы для проводки колонн на

Гардез, привлекли к этой войне и нас, один батальон с артиллерией и танками. Руководить всем этим хозяйством командир поручил мне.

В три часа утра занял место на ЦБУ, проверил связь. Машина закрутилась. В общем, обошлось без стрельбы и без подрывов. Только на другом фланге, где шел разведбат пехоты, была маленькая стрельба. Душманы обстреляли пост, двое раненых. Да обстреляли «вертушку», которая шла на центральные заставы с грузом. Все для нас кончилось довольно мирно, не так, как весной.

5.10.1987, Баграм. Понедельник

Чувствуется и у нас приближение зимы. Днем еще тепло, солнышко, иногда даже жарко, но к вечеру становится довольно прохладно. А ночью и под утро — собачий холод. Полк готовится к очередным «боевым», одновременно готовится к приезду нового Командующего ВДВ. Сроки немного перенесли, должны были уходить завтра. Теперь пойдут 11.10 на Гардез. Там «зеленка», как говорят знающие люди, еще отвратительнее, чем у нас. Будет жарче, чем в предыдущие походы. Ну, а я снова остаюсь. Завтра прогоню колонну в Анаву, затем слетаю с инспекцией дня на три-четыре и 15 октября полечу в Союз. ДОМОЙ. Бумага о нашей командировке уже пришла. 1 ноября надо быть в Гайжунах. Так что у меня полмесяца в личном распоряжении. И теперь уповаю на «Аэрофлот», чтоб не отнял у меня ни одного драгоценного дня.

Постоянно слушаю прогноз погоды, радоваться не приходится: дожди, слякоть и холода почти везде по трассе. Не дай бог засесть где-нибудь в аэропорту. С улетевшим в Фергану прапорщиком передали удостоверения личности и воинские требования (я и три офицера, которые входят в мою команду), чтобы заранее купить билеты. Хорошо, когда имеешь два документа — паспорт и удостоверение. Можно даже такие вещи сотворить. Билеты на Москву он должен взять на 17 октября. А дальше, кому куда. Все до срока по домам. Подарок судьбы. Зря, наверное, заранее супруге отписал. Чем ближе день встречи, тем письма все более нервные получаю. Заждалась голубушка. В последнее время балует письмами, почти каждый день получаю. И в каждом рисунок Михаила: лодки, корабли, спутник, самолет и т. д. Проглаживаю сгибы утюгом, и — на стенку. Целая картинная галерея получилась. Сделал уже кое-какие закупки, чтобы порадовать своих: индийский кофе, пакистанские конфеты, голландское «Си-Си».

Завтра вернусь из Панджшера и отпишу домой весь свой план-график поездки. Выцыганил у Петровича духовое ружье. Говорю: «Тебе все равно скоро уезжать, а я еще постреляю». Отдал. Если будем выходить, то в этой толчее, наверное, смогу привезти домой. Ведь эта штука толком и не оружие, так, безделушка для тира в ЦПКиО. Посмотрим. Для моих мальчишек хороший подарок был бы. Надо уже подумывать о зимнем спальнике. Мой спальный мешок — летний, особенно на снегу не поспишь. А трофеев давно не брали. Придется опять кого-нибудь из зажимистых хозяйчиков раскручивать, просить из старых запасов.

Подписался на следующий год на «Известия», «Литературную газету» и «Зарубежное военное обозрение». Пока пользуюсь «Литературкой», оставшейся после отъезда Н. Чудакова. Постепенно быт налаживается во всех отношениях. Даже домашние привычки и привязанности восстановил. А тут письмо первый раз в жизни в газету написал. Возмутился военной безграмотностью редактора «Известий». Стал советы давать. Забавно. Черт попутал, впрочем все правильно. Любое дело надо делать профессионально.

9.10.1987, Баграм. Пятница

Случилось вернуться в Баграм только сегодня. С утречка пошли на Панджшер, и все было гладко и прекрасно. Но только вступил одной ногой в родную «группировку», как эта дурная пехота стала снимать блоки. Пометался-пометался, да и заночевал… на три ночи. Нет худа без добра, так хоть маленькую инспекцию провел жизни, быта и боевой деятельности. Вроде все нормально, и это успокаивает. Тревожит тишина вокруг наших постов. У рухинцев за двадцать дней восемнадцать человек потерь, из них девять погибших. Ох, подозрительная тишина вокруг нас. Относительная, конечно. Сегодня только тронулись и отошли километра на три, как «духи» обстреляли 12-й и 14-й посты, под которыми мы стояли три часа в ожидании команды: «Вперед». Морду «духам» быстро набили и через десяток минут они успокоились. Такое нападение у нас за ЧП не считается. Рядовой случай.

За три дня в Анаве дважды побывал в бане. Один раз у «советников», другой — у артиллеристов. И там, и там посидели, поболтали, попили чайку. Узнав, что еду домой, «советники» от щедрот своих снабдили грецким орехом из своего сада. Вручили целый сверток вяленой рыбы, подарок Панджшера. Выразили свое

«возмущение» тем, что взрывчатка в «группировку» поступает в больших шашках. Приходится пилить на куски и сверлить новые отверстия под капсюль, чтобы сделать «удочку». А потом новые неприятности. На два дня пропал Бим, общий любимец. Гадали: «духи» отравили или мои орлы «свистнули». Оказалось, загулял «парень». В конце концов, отловили, отняли у очередной невесты. Грех пса ругать, и среди людей подобные вещи случаются.

В последний вечер местная интеллигенция и власть пытались зазвать нас на ужин. Но мы с комбатом, посмотрев на темные окна, благоразумно решили, что себе дороже выйдет. Зачем дарить свои головы Ахмад Шаху в подарок. Может, и драматизирую, но и смотреть в их лживо-искренние рожи не хочется. А без плова я проживу. Виталий Иванович пошел на эту вечеринку, но для него — это работа, а мы остались смотреть телевизор.

В компании веселее. Комбат поставил чай, нарезал литовской колбасы, и мы миром хорошо потолковали. В свою конуру пришлось идти, когда выключили движок и погас свет. Как и в три предыдущие ночи, периодически бросал в стены свои ботинки и стучал прикладом в пол. Мыши облюбовали мое нежилое помещение и совсем распоясались. Меньше месяца назад был в Анаве и привел комнату в божеский вид, а приехал, не узнал. Кругом дыры, ходы, гнезда. Уезжал, поставил задачу: все тряпье снять и оклеить стены, по крайней мере, газетами. Но не на мучном клейстере. Добавить дуста, чтобы эти серые твари подавились такой закуской.

Обратно дошли без приключений. Все как обычно. Саперы поставили на месте гибели В. Сидоренко заранее заготовленный памятник: крест-накрест два снаряда, начищенных и прикрепленных к плите с надписью: «Сидоренко, Ростов-на-Дону, дата гибели…» На выходе из ущелья в Дехи-Нау нас уже ждет ватага «бачат» всех возрастов. Солдаты кидают им галеты и сухари, банки из пайка, а они в драку все ловят и снова кричат, машут руками. Я пошутил: «Нормально живем с местным населением, дружно общаемся. Мы им галеты, они нам липучки и магнитные мины на машины». Сегодня должен был прилететь командующий, но замело пыль, и аэродром закрыт.

Афганские впечатления

Местные жители снимают второй урожай, в основном, кукурузу. Опять идут нагруженные ослики, которых под вязанками и не видно. Крыши домов и дувалы вдруг все

покраснели от рассыпанной для просушки кукурузы и репчатого лука. Кое-где собирают семьями хлопок. Урожай, конечно, не ахти какой. Кустики маленькие, засохшие, коробочек почти не видно. Жалкие клочки ваты. Видел хлопок в Кировабаде — кусты по колено и коробки что надо.

Может, и правда, примирение что-то дает. То тут, то там попадаются вновь отстроенные дома. Панджшер как всегда красив. Изумрудно-голубой, в кружевах из белой пены.

12.10.1987, Баграм. Понедельник

Сегодня полк ушел на «боевые». Цель — разгром базы снабжения и мест дневки караванов в ущелье километров за 70 до Гардеза (провинция Логар). А вчера отпраздновали и отметили все, что можно, в том числе мой день рождения. 10-го с утра до вечера были на прицеле у Командующего ВДВ (Калинин), который решил посетить Афганистан и познакомиться со своими воюющими войсками.

Я уже поставил крест на своих именинах, но вот вчера спонтанно сели и просидели до глубокой ночи. А как пели… Окунули ордена Шамиля и Петровича, а напоследок: тост за удачу и минимальные потери. Успехов им. Мы опять осиротели, полк пустой, парк голый. Как-то непривычно. Зато у меня приятные хлопоты. В Кабул уехал офицер с моим паспортом. Скоро привезет визу. Как только будет, так звоню диспетчеру, узнаю про борт на Фергану и… вперед. Ура. Пока закупаю подарки, лакомства и прочее. Пакуюсь. Образно говоря, сижу на чемоданах. Последние дни и часы самые томительные. Наверное, это последняя запись в дневнике. Можно только дописать к предыдущим анавинским впечатлениям, что позавчера «духи» обстреляли «группировку» из 76-мм горной пушки. Эта новость нехорошая. Не было у «бородатых» таких штук. Надо срочно ее искать и уничтожать, иначе много вреда может принести эта железка.

Позавчера прошел первый сильный ливень. А с утра обнаружилось, что вершины гор уже в снегу. Резко похолодало. Чувствительно…

Часть вторая

6.11.1987, Баграм. Пятница

Начинаю вторую часть повествования. Первую отвез домой и сдал супруге. Хотя и решил поначалу до полного возвращения не показывать дневник, все же, повинуясь сиюминутным ощущениям, отдал жене для прочтения. Первоначальное желание исходило из побуждения не волновать, не трогать излишними подробностями. Для нас это не совсем то, что для ждущих. И главной причиной того, что все же отдал дневник, была, наверное, тяга назад в Афганистан, в Баграм. И какая жена поймет это сумасбродство. Отвык в Союзе от стрельбы, залпов артиллерии, взрывов, от автомата, привычного здесь на плече, как бритвенный прибор для цивилизованного человека.

На период с 15 октября и до возвращения в Баграм в ночь на 6 ноября, все перед лицом и глазами, как калейдоскоп желаний и лиц. Трудная, утомительная дорога домой со вспышками энтузиазма: вот и Союз, вот и Москва, вот и родная дверь, за которой теплая домашняя атмосфера, любимые жена и спящий сын. Минуты осмысления и оценок всех прожитых месяцев и просто спокойная расслабленность. Я и дом! Десять дней дома!

Прилетел в ночь на шестое. Как трудно улетал, так трудно и возвращался. Посадки в Марах, Кокайдах, наконец, Кабул. Ночевки там и сям, соответственно условия с минимумом удобств. Жара и холод для солдат, еще и холодный пол на две ночи. Затем борьба за лишний борт, в которой успеха добился Франц Клинцевич, «купивший» экипажи для лишнего рейса за пиво и тельняшки. Так или иначе, 200 человек перебросили, соревнование с пересыльным пунктом выиграли. Явление вполне нормальное, учитывая, что у нас всегда чего-нибудь не хватает. Прилетел в Баграм, приехал в полк под утро, а полк сидит в укрытиях: полночи летят РСы. Духи «поздравляют» с 70-летием Октября. В первую очередь интересуюсь Анавой и узнаю, что взяли пленного в обмен на оторванную у разведчика ногу. Ко всему, еще один солдат в тяжелом состоянии после ранения в голову. А к вечеру еще двое раненых, и снова из Анавы. И опять один тяжелый, и опять в голову. Что-то многовато даже для праздника.

Днем штурмовики работали где-то совсем рядом. Модуль подпрыгивал как живой. В комнате, как и положено, пыль и запустение. Час ходил с тряпкой. Получил оружие, кучу писем.

Первое время находился в центре внимания, притягивала свежая информация, потом «звало» пиво.

Вот под вечер уединился. Пишу. Прослушал кассету с записью песен солдата из Анавы. Сам пишет, сам поет. Голос притягательный, с хрипотцой. Текст, со скидкой на двадцать лет и отсутствие посягательств на широкую публику, очень даже задушевный, а главное, близок по теме и духу. Не пророк, но если не собьется на харьковщину, чуть поддержать и подтолкнуть (чуть-чуть), то может завоевать слушателей не только Анавы и Баграма. Кажется, талант есть. Не похожи эти песни на бренчание в курилке. После праздника полечу в Анаву на сборы. Вернусь дня через три и пойду (то есть полк пойдет) на Хост. Пора и повоевать. А в Анаве познакомлюсь с этим бардом. Судя по замаху, человек мыслящий, неординарный. Поживем, увидим (Чернышев Андрей, пост 12а, увольняется в ноябре 1987 года).

9.11.1987, Баграм. Понедельник

Когда начинал писать эту часть дневника, не знал, что в Анаве «духи» в это время учинили провокацию. Перешел к врагу пост царандой (местной милиции), ушли семь человек, убив заместителя и ранив командира. (Вот ведь как вышло. А я в преданность командира не поверил, тогда в июне, когда место нашей засады с поста царандой «духам» указали трассерами.) Унесли 8 автоматов, ДШК и ДП (Дегтярев, пехотный). Подгадали, сволочи, к празднику и подгадили.

Повторюсь, что интересно читать в центральной прессе о событиях, к коим был причастен, или о людях, которых знаешь. Писал недавно о Франце Клинцевиче и девчушке-таджичке, которые работают с местным населением, ходят к «духам», рискуют жизнью. И вот в «Правде» от 29.10.1987 года статья «Афганские мадонны», а в ней о Мохруй Хабибове. Она и есть. И честь по праву. Наверное, о Клинцевиче тоже скоро в «Красной Звезде» прочитаем очерк. Бывший здесь в октябре корреспондент двумя руками за него уцепился и даже в ночь сходил с ним на свидание с «бородатыми».

10.11.1987, Баграм. Вторник

Штурмовики вчера четверкой ушли на задание. Три самолета ударили куда надо. А один — по своим, по посту пехоты у моста через Панджшер.

Четверо убиты, несколько человек ранены. Издержки войны. Один из тех случаев, о которых еще с Великой Отечественной войны говорят: «Ну, надо же, а?» Прискорбно. Хорошо, если «грачи» и по «духам» так бьют каждый день.

Утром в Анаву «вертушками» переправили 40 человек молодых. Как подлетят остальные из Ферганы, так подамся туда и я, посмотрим сборы. Днем после политзанятий провели смотр готовности к «боевым». Сроки и задача еще до конца не ясны. Отснял еще несколько кадров своим «Зенитом». Затем пришлось решать задачи по организации боевых стрельб взводов. С утра *3-й пдб* выходит на стрельбище, а к 9 часам я повезу туда полковника из группы В. И. Варенникова для проверки. Организовано все по союзным меркам убого, на скорую руку. Вечером проверил: пишут планы, колотят мишени, готовятся. Посмотрели «Путь к Минотавру». Убедился в его затянутости, нудности, но все же смотрел. Позже с В. П. Архиповым посидели, попили кофе, прослушали конец золотого для «Спартака» матча с «Гурией». Счет 1:0. Бой гладиаторов: один чемпион, второй вылетает из высшей лиги. Чемпионы?! Запятнали свои медали в катастрофе с «Вердером» (2:6).

Вот и день прошел. Днем крутишься, вроде ничего. К вечеру в уединенной келье заедает тоска. Скорее бы на «боевые». Магнитофон и кассеты отвез домой, и теперь вечерний собеседник — радиоприемник. Наши станции слышно удовлетворительно, зато весь средний и длинный диапазоны забиты арабской и индийской речью. Ташкент и Душанбе, правда, ведут иногда передачи на русском. Бывают хорошие концерты, но больше местных новостей, которые ничем не трогают. Любимый «Маяк» чисто слышно только ближе к полуночи.

В комнате холодно и от этого особенно неуютно. Ночи стали чувствительно прохладны. Иной раз укрываюсь тулупом. Днем солнце еще припекает. Любители коричневой кожи (в основном те, кто собирается в отпуск) даже загорают. На горы вокруг нас уверенно легли снежные шапки. Принимаю меры, чтобы добыть зимний спальник. Вроде уже нашел трофейный, американский на гагачьем пуху. Скоро должны принести. Свой летний в горы брать бесполезно, только радикулит наживать на камнях.

Получил среди писем и конверт с фотографией и заверением командования 234 полка из Пскова, что я выполняю «интернациональный долг», а они не забывают об этом. Когда дочитал трафарет до того места, где говорится об обеспечении жены картофелем, то плюнул, вспомнив свой разговор с Лазуренко буквально три недели назад и в первом порыве чуть не отправил им эту «индульгенцию» обратно. Потом здраво решил,

что без толку.

Написал сегодня письма для дедов и Александру в Куйбышев. Судя по телефонному разговору, сын немного паникует. Ничего, голова у него есть, есть здоровое любопытство ко всему новому, есть хорошая работоспособность. Постепенно освоится, войдет в ритм новых условий и требований. И все пойдет как нужно. Написал ему про спорт и глоток свежего воздуха. По своей учебе в Академии знаю, что без того и другого трудно толково учиться, тяготят многочасовые сидения в аудиториях и духота классов.

Что-то артиллерия сегодня «разбухалась». Полпервого ночи. Ну что, и мы на холодную подушку? Поразмышлял про себя. Пора смотреть сны. Хотя они и цветные, но по приезду что-то стали мои «мультики» какие-то тревожные, беспокойные, энергичные. А проснусь, ничего не вспомню, только удовлетворение, что это был просто сон. Хотя бы женщины снились, а то все война. Есть правда от чего. Вечером 9 ноября опять ранен лейтенант Игорь Герман (командир взвода *4-й пдр)* на 3-м посту. В июле остался без пальцев, а теперь пуля в бедро, да с повреждением кости выше колена. Интересно, каким его считать: невезучим или счастливчиком?

12.11.1987, Баграм. Четверг

Утром вылетаю в Анаву. Посмотрю обстановку, проведем занятия с молодыми и к «боевым» вернусь обратно. Пойдем на Хост, время и сроки выхода пока неопределенные, но, судя по всему, скоро не вернемся. Продовольствия берем на месяц, а там, глядишь, подбросят. Давненько там нога советского солдата не ступала. «Духи», наверное, постараются, чтобы победной поступи не было. Это им не со своими афганцами воевать. Вчера с полковником Сумятиным наблюдали их взаимоотношения. Пока были на стрельбище, видели, как из Кабула на бреющем прошла на Баграм пара афганских «вертушек». И сразу ушла обратно. Шли над «зеленкой», и хотя бы один выстрел. Свои. Попробовали бы так наши сунуться, враз бы сняли.

16.11.1987, Баграм. Понедельник

На один день остался за командира. В. Востротин с офицерами уже к вечеру должен приехать с организации взаимодействия из Кабула. Выход ориентировочно 19-го на Кабул, ночевка, и дальше на Хост. Вероятно, пробудем там месяц

с лишним. Уже сегодня с приездом командира будем точно знать задачу. Район действий дикий. Единственная доступная машинам дорога через горы вся заминирована. Вот будет «железный поток». Ко всему, рядом Пакистан, и для нас, и для «духов» — фактор немаловажный.

Вчера с утра прилетел из Анавы. Пробыл там немного, всего два дня. Проконтролировал начало сборов с молодым пополнением, посмотрел жизнь, быт, боевую готовность. Сходил на два поста: 12а и 14-й. Про 12а можно и не упоминать, стоит рядом, низко над рекой. Зато подъем на другой пост после долгой «диеты» на восхождения дался трудновато. Опять надо привыкать, втягиваться. Вот сейчас болят ноги, спина и даже руки. Знакомая резь в глазах от соленого пота, будто налитые свинцом ноги, опять рвешь воздух открытым ртом. Опять знакомая бесшабашность, притупление чувства опасности от полной измотанности. А рядом гора Хаваугар и ее скалистые склоны. Это с них обстреливали группу Г. Крамскова, направленную на выручку раненым 14 июня. Места «духовские». Да и бьют заставу «духи» довольно часто.

Наверное, уже с трети пути начали делать остановки через каждые 100–200 метров. Конечно из-за меня. Нас семеро: старший лейтенант А. Перепичь, капитан В. Белоусов, два разведчика, сапер, санинструктор и я. На остановках выбираем место за скальником или камнями, чтобы быть прикрытыми со стороны гор, садимся и смотрим вокруг. Красотища! Внизу ущелье. Желто-красные облетающие деревья вдоль реки. Желтые и коричневые дувалы в кишлаках. Черно-белые скалы и намного ближе и ниже, чем летом, границы снежных шапок на вершинах. Яркое-яркое солнце.

В общем-то, тепло, но в воздухе какая-то холодная дымка.

Внизу пылят машины. Рухинцы *(682-й мсп)* выводят из Панджшера свою колонну. Ровно в 10 часов, как и предусматривалось заранее, наша батарея открыла беглый огонь по лагерю «бородатых» — данные «советников». В предыдущий вечер мы долго рассматривали с ними аэрофотоснимок и довольно отчетливо видели те два домика под уступом скалы, о которых говорил афганец. С высоты да издали струйки дыма, появляющиеся на позиции, кажутся безобидными. Да и хлопки тихие. Даже не верится, что вот так может выглядеть чья-то смерть. Результат узнаем только со временем.

Вершина приближается слишком медленно. Стараюсь не смотреть вперед. Не знаю, как со вторым дыханием, но постепенно идти становится легче. Наконец и пост. Личный состав начальник заставы построил для приветствия, а я прошу

дать пяток минут, чтобы отдышаться. Для этих аборигенов наш приход — событие. Новые, свежие люди, новые лица, новости, почта.

Застава обустроена вполне сносно. В скальнике в рост человека выдолблены траншеи. Огневые точки обложены камнями. Несколько бронеколпаков. На возвышенных местах выложены стенки из камня, но явно жидковаты. Пули, осколки они выдержат, а безоткатное орудие разнесет их вдребезги. В скалу врезан бункер для жилья, рядом так же устроена баня. Склады боеприпасов и продовольствия, столовая вынесены в сторону долины, то есть в наиболее безопасное место. Быт, конечно, суровый. Пост безводный, все доставляется вертолетом, и ругать за грязные простыни и наволочки — грех. И так видно, что воду экономят, каждая капля на счету. Белье меняется настолько регулярно, насколько регулярно работает авиация. Но какая наволочка выдержит грязные немытые щеки.

На огневой позиции зенитки ЗУ-23-2 все снарядные ящики в дырках и отметинах от пуль. Обычная схема нападения «духов»: работа двух-трех снайперов по позициям и амбразурам, чтобы выбить расчеты и не дать им возможность занять место для стрельбы. Одновременно огонь из ДШК и миномета по всей заставе. Кругом валяются использованные дымовые шашки. Под прикрытием дыма расчет ЗУ-23 выскакивает к орудию, вмиг готовит, заряжает, наводит и открывает огонь. Частенько стреляющий не сидит в кресле, а присев на корточки и спрятавшись за установку, нажимает рычаг спуска. Стрельба навскидку. В одном из двух кресел пулевая отметина. Кому-то «повезло» бы… А. Перепичь долго и упорно пытается показать «духовский» ДОТ, находящийся от нас метрах в 800, но только с третьей попытки я, наконец, рассмотрел еле видимую амбразуру в скальнике. Еще дальше в водоразделах едва виднеются два домика. И то, и другое периодически разбивается огнем с заставы, и с муравьиным упорством восстанавливается в течение одной ночи. Друг к другу в «гости» никто ходить не хочет. Кругом мины. Война идет на неожиданность, на хитрость, на измор. И такое противостояние изо дня в день, из месяца в месяц продолжается годами.

Фотографируюсь на память на позиции зенитки, потом со всеми, в куче загорелых, улыбчивых физиономий. Пора вниз. И опять подтверждение предыдущего опыта. Спуск ненамного легче, чем подъем. Ноги уже на полпути начинают дрожать и подгибаться, становятся предательски ватными. А пота не меньше. Постоянно ловишь равновесие.

А камни и галька так и норовят выскользнуть из-под

подошвы.

Вечером в медпункте возвращают к жизни паренька лет восьми. Лежит на столе, голова и плечо в бинтах, не стерта еще лужа крови, и игла капельницы в вене. Рядом бестолково суетится отец, командир взвода царандой. Вез сына из Баграма на каникулы в Анаву и, вот, довез. Где-то недалеко от входа в ущелье их обстреляли из засады. Второй жертвой стала трехлетняя дочь замполита роты царандой. Для малышки пуля в живот оказалась смертельной. Взрослому человеку такое ранение почти не оставляет шансов, а для такой крохи и тем более. А взрослые все целы. Назавтра паренька вывозим в медбат на вертолете. Держится молодцом, любопытство явно заставляет забыть страх и боль. В первый раз видит, наверное, свои горы из поднебесья. А может, больше ему и летать не придется.

Мои предположения насчет статьи о Клинцевиче (писал 9 ноября) сбылись даже раньше, чем можно было бы предположить. В «Красной звезде» от 14.11. большая хорошая статья «Черные тени». Все правдиво, знакомо, объективно. По привычке вырезал из газеты. Не знаю, может и будет к дневнику хорошая специя. Ко всему понравилась статья-очерк в «Огоньке» № 29 и № 30 за 1987 год об Афганистане. На мой взгляд, немного перебрано насчет фольклора, но некоторые места донельзя близки и понятны.

Вчерашний день рождения Дмитрия Савичева командир объявил безалкогольным, что, честно говоря, взрыва энтузиазма не вызвало. Ничего, подчинились, но после полуночи втихаря наверстали упущенное, уединившись от начальника политотдела в келье у Петровича (В. П. Архипов).

17.11.1987, Баграм. Вторник

Погода, наконец, установилась. Со вчерашней ночи и весь прошлый день мело с завидной силой и упорством, строго с севера. Вся наша пыль-пудра поднялась в воздух. Крыши грохочут. В комнате, да и во всех помещениях, слой пыли. Не то, что на улице, в помещении нечем дышать. Машины идут наощупь. Чуть зазеваешься, и вот у тебя перед носом уже торчит корпус БТРа или еще чей. Прогнали сегодня колонну в Анаву и обратно. Без ЧП.

24.01.1988, Баграм. Воскресенье

Вчера вернулись с «боевых». Когда 19 ноября уходили, никто

не предполагал, что воевать будем больше двух месяцев. Все надеялись, что Новый год встретим на базе, но встречать пришлось в палатках, среди гор. Столько впечатлений, что и не знаю, как все изложить, за какую ниточку потянуть. Да и рука отвыкла от писания. Время без пяти двенадцать (полночь). За день отоспался, как медведь зимой, и буду писать всю ночь, тем более что Завтра второй выходной, объявленный командиром. Два выходных за два с лишним месяца.

Итак… 19 ноября. Семь утра, колеса закрутились. Путь знакомый: аэродром, базар, Баграмский круг, Мирбачакот, перевал, «Теплый стан», и пустырь-предгорье за инфекционным госпиталем на окраине Кабула. Здесь ночевка. Все продумано, все отработано. Буквально через час без суеты и спешки вырос бивуак, закурились дымки кухонь. Хотя все знакомо и привычно, но неоднократно и потом про себя удивлялся, как быстро у нас устраивался полевой быт. Под вечер смог съездить в 103-ю дивизию, повидать В. Савицкого. Впрочем, они выходили на «боевые» вместе с нами, и потом мы неоднократно встречались и в Гардезе, и на перевале, и на нашем КП в районе Сраны.

Впервые посмотрел «зеленку» по дороге на Гардез. Вот это действительно «духовский» заповедник. Наша Чарикарская «зеленка» и дорога через нее просто забава по сравнению с этой. Разрушенные кишлаки вплотную подходят к дороге. Кругом кустарник и целые рощи деревьев. Представил, какие джунгли здесь летом. Место для засад — лучше не придумаешь. Поэтому груды машин, вернее то, что от них осталось, все искореженные, с дырками от пуль и осколков, удивления не вызывают. «Духовская» добыча. Сколько похоронок ушло в Союз, можно только гадать.

Под Гардезом без движения и дела простояли почти месяц. Парламентеры с письмами от правительства утешительных известий не принесли. Сведения, поступающие из-за цепи гор, тоже не вселяют надежды на мирный исход. Из Пакистана перебрасывается пополнение, дороги и ключевые высоты минируются, запасы создаются, а все ценное вывозится. Племя «джадран» при поддержке соседних племен дорогу и перевал открывать не намерено. Уверенности им прибавляет то, что за девять лет на Хост не прошло ни одной колонны, нога советского солдата не ступала за перевал и дальше. Все снабжение Хоста, города и округа, шло по воздуху. А в последние месяцы и это стало очень рискованно. Наш баграмский отряд Ан-12 испытал это на себе в полной мере. Встречаясь с летчиками, только и слышали от них о пусках ПЗРК, обстрелах самолетов РСами и минометами при посадках и взлетах. Каждый полет как лотерея.

В лучшем случае — работа для техников.

Несколько дней длились переговоры, затем заговорило оружие. Огонь артиллерии, удары авиации, и пехота пошла брать предгорье. Первые сообщения об успехах и неудачах, первые потери. Много подрывов. Первые потери и у нас. Взлетела на воздух БМП 9-й роты, которая сопровождала и охраняла саперов инженерного полка. Машину пришлось списать и разобрать на запчасти. Механику повезло: контужен, но жив. Предгорье взяли, и в бой ушел «полтинник» *(350-й гв. пдп)*. Перед их уходом заехал к Сергею Яркову, поделились новостями, пожелал ему успехов, а он мне. Перевал взяли хорошо: быстро и почти без потерь. А потом вмешалась политика, будь она трижды проклята. Эти марионетки затеяли джиргу, которая объявила двадцатидневное перемирие: игра в миролюбие, двуличные речи, а по сути, по обстановке — удар нам в спину, время для того, чтобы «духи» укрепились.

Чтобы как-то занять личный состав, удержать настрой, организовали боевую подготовку, провели соревнования по боксу, футболу, выявили знатоков в своей импровизированной игре «Что? Где? Когда?». В общем — «странная война», как в Европе 1939–1940 годов. И все равно люди «перегорели». Однообразие и неопределенность хуже всего. День похож на день. С утра ждешь газеты, как лучший подарок. Объехали все бани 56-й десантно-штурмовой бригады. По вечерам преферанс на троих: Востротин, Березнев и я. С грехом пополам научили под конец начальника особого отдела игре без ошибок.

Под занавес нашего гардезского стояния командующий поставил полку задачу на проведение поисков под блоками «полосатых» за перевалом, первое реальное дело. Первый день командовал я, второй — В. Востротин. Первые успехи, первые найденные и уничтоженные склады с боеприпасами. Свой КП развернули рядом с НП Армии на самой высокой точке перевала. Вид, как с борта самолета, все как на ладони. Декабрь месяц, но тепло и солнечно. Перевал Сату Кандав буквально переводится как «толстое бревно», а литературно как «перевал могучих деревьев». И действительно, начиная с предгорья растительность нарастает с геометрической прогрессией. Непривычно видеть заросшие соснами, кедрами и горным дубом склоны. Заглянули за перевал, как на обратную сторону Луны. Даже дух непривычен, смолистый дух российского леса. И горы, горы, горы до горизонта. Враждебные горы. Оттуда периодически летят РСы, бьют минометы. Видим разрывы на блоках «полосатых» (наши десантники). Хорошо, что мы не пошли на выбранное первоначально место. Душманы его накрыли несколькими

залпами в первый же день. В ответ бьет наша артиллерия, заходят в атаку штурмовики. То тут, то там пузырятся разрывы, такие безобидные с виду, особенно пока звук не доходит до нас.

Делаю отступление от рассказа. Тихо бурчит радиоприемник, и вдруг слышу невероятную весть. Передают, что в Кабуле правительство объявило о том, что афганские войска покинут после успешной операции дорогу Гардез — Хост и призывают население взять на себя охрану дороги. Нет слов для комментариев. Это про те войска, которые бежали впереди нас, нарушая все графики и забивая дорогу? Это сообщение сейчас, когда мы уже сидим по домам, а «зеленые» — тем более? А о каком населении идет речь, если за перевалом все кишлаки брошены, население ушло в Пакистан, а в горах только «духовские» боевые группы и отряды? Вот брехуны. Черт с ними.

Наверное, никогда не будет правдивой информации ни с той, ни с нашей стороны. Первоначально в газетах были такие сообщения, что если бы я не был участником тех событий, то вообще ничего бы не понял. Только под конец то, что писалось о нас, а писалось много, стало соответствовать действительности. И все равно, нет-нет, да и приврут, приукрасят. Взять хотя бы статью в «Известиях» о бое на высоте 3234. Сколько там реально было человеческого мужества, самопожертвования, какой трагический накал боя. А статья какая-то глянцевая, фанфаронская. К чему это? Впрочем, писал человек-телефон. Писал, не покидая Москвы. Уже на следующий день после того, как газета попала на высоту к истинным участникам событий, комбат передал, что люди оскорблены и возмущены. Кто услышит?

Убедился лично, что врут отчаянно и на той стороне. Вражеский «голос» передавал как-то раз, что мы тела вывозили грузовиками. Стиль подачи новостей — для базарных торговок. Закончили сообщение похвалами «мужественным моджахедам», которые упорно сражаются и не дают нашим войскам продвинуться вперед. А у нас на следующий день пошла первая колонна! Духи в Пакистане на весь мир объявили, что насбивали наших самолетов и даже взяли в плен трех летчиков, называли фамилии полковника, майора и старшего лейтенанта. Врут отчаянно. Мы-то знаем, что за все время операции «Магистраль» они сбили один вертолет над Гардезом, да один штурмовик получил «Стингер» в хвост. Летчик довел-таки своего «грача» до Баграма. Его переговоры мы прослушивали по сети авианаводчика. Но к делу…

Вслед за десантниками в дело вступила гардезская 56-я бригада. Вот тут действительно «духи» оборонялись отчаянно.

Трудно, медленно, но упорно наши продвигались вперед. Каждая высота бралась с боем. Сильное огневое воздействие. Роту «полтинника», которую выдвинули вперед, чтобы прикрыть левый флаг бригады, даже пришлось отвести, так как она начала нести потери. Близость базового района Джелалуддина была ощутима. Без его захвата не было смысла дальше драться за дорогу. Не знаю точно, как и когда созрел у командующего окончательный замысел, но мы получили сформированную задачу 18 декабря.

Вечер 18 декабря. Палатка офицеров управления. Тесно от собравшихся. Все собранны и сосредоточенны. В. Востротин отдает боевой приказ, организует взаимодействие. Кратко общий замысел: выход к базовому району Срана на широком фронте, захват гор восточнее долины 1-м батальоном; западнее — 3-м, затем проведение разведывательно-поисковых действий разведротой непосредственно в районе. Я возглавляю передовой командный пункт полка и иду с 3-м батальоном. Нам, наконец, отдают обратно 9-ю роту, которая работала до этого на перевале, прикрывая саперов. Получил от В. Востротина неприятное внушение. И справедливо, по делам. Все надо делать самому и тогда не придется ни на кого сваливать. Долго скрывал, что вышел на «боевые» без спальника. Пришлось выкручиваться.

За час до рассвета начинаем выдвижение за перевал. Уходили из Гардеза почти летом, а вернулись туда уже настоящей снежной зимой. Последняя ночевка перед боем в исходном районе. Обговариваем с командиром 3-го батальона (майор Н. Ивонник) и его заместителем (капитан И. Печерский) последние детали действий на завтра, ужинаем и на боковую. Остаюсь ночевать у них в палатке. Чтобы особенно волновался, не скажу. Спал без сновидений. Точно помню, что подумал о том, как все закончится, вернемся и будем вспоминать пережитое. И никто не знал (почти как в «Живых и мертвых»: «…и никто из них не знал, что эта задержка у моста разделила их всех на живых и мертвых»), что Ивонник уже следующим вечером будет ранен. А через 20 дней я поднимусь на гору и заменю в командовании батальоном раненого И. Печерского.

Рассвет 20 декабря. Начинаем выдвижение на боевых машинах сначала по главной дороге, затем сворачиваем в русло реки и, петляя вместе с ней между гор, выходим за линию 8-й афганской пехотной дивизии. Дальше нас выручают только ноги и десантное здоровье. Хочется выразить словами все свои ощущения, но боюсь, не найду таких слов. Увешанные рюкзаками, оружием, взбираемся по еле видимой тропинке на склоне с осыпями. Спуск вниз, опять на хребет, вверх. Опять рвешь воздух ртом. Пот, пот, пот. Короткая передышка на вершине. Пара

жадных глотков из фляги. Сверяем карту с местностью. И снова вперед.

В некоторых местах выставляем крупнокалиберные «Утесы», выдвигаем вперед одну роту, и, после того, как она оседлает следующую вершину, выдвигаемся к ней. На подозрительные вершины на флангах вызываем огонь артиллерии. Бог войны бьет точно. Молодцы! Наконец выходим к цели нашего путешествия. Перед нами солидная стена, правая часть которой именуется горой Дрангхулегар. За двое суток это название трансформировалось у нас в «Хулиган». И этот «Хулиган», по всем нашим данным, уже занят «зелеными». Вид горы солидный: обрывистые камни на вершине. Идеальное место для обороны. Влево по хребту одна за другой возвышаются две вершины поменьше. За ними плато и наша задача. Последний разговор с В. Вострotиным, уточнение задачи, и мы начинаем подъем. На середине подъема уже проходим за раз не более 50 метров и буквально падаем для отдыха.

Первым тревожным позывом для нас были разгоревшаяся пальба справа на «Хулигане», минометные разрывы. Отчетливо вижу две фигуры, отходящие по вершине. А ведь тогда я решил, что это «зеленые» укрываются от огня. Потом выяснилось, что эти «вояки» численностью в 25 человек бежали от 15 «духов». Через десяток минут справа сверху ударили из автоматов вниз, через наши головы. Снизу в сторону горы заработал пулемет, и теперь уже не только свист пуль над нами, но и светящиеся очереди трассеров прижали нас к земле. Передал обстановку, приказал надеть всем каски и укрыться за кое-где поваленными стволами деревьев. Утешение слабое, но сам укрыл голову рюкзаком. Всяк надеется. И вдруг, вой снарядов и разрывы. Все в кучу. Разрывы все ближе и ближе. Снаряды, а это точно снаряды, а не «духовские» мины и РСы, летят с нашей стороны. Кто бьет по нам, непонятно. Чувствую по тревожным голосам с КП полка, что они пытаются нам помочь, выходят на связь с КП Армии. Но время идет, а снаряды все падают и падают. Сначала матерюсь я. Потом опять серия разрывов с перелетом, доклад Н. Ивонника, что у него трое раненых, и теперь уже в эфире матерится В. Вострotин. Как истинный офицер и командир Н. Ивонник не доложил, что и сам ранен. Когда, наконец, все стихло, это передал И. Печерский.

Их группа выше нас метров на пятьдесят. Бросаю свой рюкзак и налегке с радистом выхожу на вершину. Н. Ивонник ранен в челюсть. Солдату-радисту осколок снес переносицу. Старший лейтенант А. Бобровский лежит с перебитыми ногами. Из тех, кто рядом и цел, никто не растерян: рвут бинты, мотают повязки. Сосредоточенно работает врач лейтенант З. Саипов, переходя от

одного к другому. Уже стемнело, все делается буквально на ощупь. Пока раненым оказывают помощь, коротко совещаюсь с В. Вострогиным. Темнота, неясность обстановки, раненые. Решение: отходить и спускаться вниз. Сказать, что выносить раненых в горах трудно, значит не сказать ничего. Ночью тем более. Вызывает гордость и восхищение то, как измотанные люди несут на плащ-палатке раненого, нередко оступаясь и рискуя сорваться вниз в темноте. Другие ведут, поддерживая своего товарища, раненого в лицо. Третьи взвалили на себя по второму рюкзаку. Комбат спускается сам. Лицо наполовину замотано окровавленной повязкой. На одной из остановок пробует закурить. У него не получается, и я всовываю ему между бинтами зажженную сигарету.

Нам пытается подсвечивать осветительными снарядами артиллерия. Сорок секунд света, а затем еще более непроницаемая темнота. Движемся рывками. Внизу в долине нас с блоков начинают обстреливать «зеленые». Сволочи. Их уже предупредили на всех уровнях о том, где мы пойдем, дважды мы даем сигнальные ракеты, и все равно они продолжают всаживать одиночные трассирующие пули в камни над нашей головой. Как игра в кошки-мышки. Группа с ранеными заменяется и продолжает движение дальше. Им придется преодолевать еще один хребет. Только туда могут подойти боевые машины. Я забираю своих людей и поднимаюсь на другую вершину.

Обстреляли нас в 17.30. Раненых вынесли к машинам только к часу ночи. Бобровский внизу в долине был еще в сознании, просил пить, но, несмотря на то, что делали ему на остановках капельницу, вводили лекарство, вскоре впал в беспамятство и перед рассветом скончался. Винить некого, сделали все возможное. Если бы не горы, был бы без ног, но жив. Когда я утром получил от В. Вострогина сообщение: «Бобер-021» и сказал об этом О. Иванову, у того накатили слезы, и он ушел за камни. В Баграме он с А. Бобровским жил в одной комнате.

То, что била по нам артиллерия «зеленых», мы поняли еще тогда, когда ложились снаряды. Так и оказалось. Разве это первый случай? На следующий день они объяснили, что к ним поступила информация о том, что на гору лезут душманы, переодетые в советскую форму. К сожалению, никто дальше разбираться не стал.

На своей вершине некоторое время обдумывал, с какой стороны разместить людей. С юга противник на «Хулигане», с севера «союзники», и кто опасней, неизвестно. Залегли на отдых на южном склоне, решив, что «союзники» опаснее ночью. С рассветом перебрались за скаты на северную сторону. И вовремя.

Через пару часов душманские пули защелкали у нас над головой.

По-моему, впервые почувствовал, что такое предел сил. На последнюю горку поднимался уже на автопилоте, соображал с трудом. Растерял людей и собрал всех только на КП 8-й роты. Некоторое время прослушивал переговоры по радио об эвакуации раненых и не заметил, как выключился. Боюсь, что и радист заснул.

21 декабря. Посовещавшись с командиром, решили дать людям отдохнуть до 10.00. Пришел нежданно-негаданно командир 76-го афганского пехотного полка с переводчиком. Его КП оказался на нашем хребте с другой стороны. Пришел согласовывать действия. Мы ему все наболевшее высказали, не выбирая выражений. Собрались, вроде, эти обезьяны снова брать «Хулиган» и хотели начать вместе с нами. Ну что, эмоции эмоциями, а воевать все равно надо. Хотя и не ахти какая сила в помощь (с командиром полка два батальона, аж 50 человек, а третий батальон — 15 человек на вершине, с которой нас обстреливали), но вреда за спиной могут принести много. Поэтому В. Востротин приказал мне выйти к ним, к «зеленым», на КП. Согласовать все действия. И. Печерскому с 9-й ротой — снова взять вчерашнюю высоту. Мне — осуществлять общее руководство, а с занятием высоты и самому выдвинуться на эту вершину. Находясь на афганском КП, не допустить, чтобы им опять что-нибудь «показалось». Ко всему, командир послал Ф. Клинцевича на КП 8-й пехотной дивизии.

Когда я добрался до афганцев, выяснилось, что воевать они не собираются. Плюнул, выругался про себя и сосредоточил все внимание на нашей задаче. На высоту взошли без происшествий, но И. Печерский второй раз поиграл со смертью. Взял двух радистов, командира 9-й роты С. Ткачева, корректировщика и выдвинулся по хребту к «Хулигану» на рекогносцировку. Не успели они как следует осмотреться, как «духи» ударили по ним с разных сторон. Со своего места отчетливо вижу минометные разрывы, воздушные гранатометные разрывы, с «Хулигана» бьют пулемет и автоматы. Дело — дрянь. Отойти они не могут, лежат среди камней, и это пока спасает их от пуль и осколков. Но надолго ли?

Командир среагировал быстро. В считанные минуты вся артиллерия обрушилась на «Хулигана» и соседнюю высотку, истерзала их разрывами, затянула дымом дымовых снарядов. В роте быстро развернули «Утес» и подавили гранатомет. И. Печерский со своей группой броском вышел из ловушки. Когда они бежали, успел их сосчитать и вздохнул с облегчением. Честно говоря, восхищаюсь мужеством и выдержкой этого человека. Все

доклады следовали абсолютно спокойным голосом, полный самоконтроль. Молодец!

Я уже собрался двигаться к Печерскому но тут командир поставил новую задачу. Кухня этого решения интересна, но вдаваться в подробности не буду, многословия и так хватает. Больше всего тому, что карабкаться вверх не придется, обрадовались радисты с их тяжелыми радиостанциями и запасными АКБ. На следующий день по пути прочесали долину и кишлаки в ней. Нашли и уничтожили кучу мин, патронов и гранат. Захватили в «плен» ишака и нагрузили на него обнаруженное безоткатное орудие и ДШК. К середине дня вышли в новый район. Цель — базовый район Срана. И надо взять это гнездо ударом двух батальонов во что бы то ни стало. В газетах Срана трансформировалась в Сурану или Сарану. Мол, не литературно.

С рассветом 23 декабря батальоны после огневой подготовки при поддержке огнем танков двинулись вперед, охватывая долину с двух сторон. Противник тут же откликнулся залпами РСов. Заполучил «духовский подарок» и мой ПКП. Не успели как следует обосноваться — как нарастающий свист, раскатистые разрывы: и нашу высотку заволокли клубы пыли. Один залп, второй, третий. Неприятное чувство беспомощности. Лежишь и уповаешь на судьбу. Прошу командира, чтобы батальоны засекали, откуда работает РПУ, но никто пока ничего не видит. Следующие залпы идут с перелетом, теперь уже «духи» бьют термитными снарядами. От горящих блямб фосфора вспыхивают и горят кусты и деревья. Наши потери: осколками пробиты штормовка старшего лейтенанта О. Иванова, висевшая на кусте, да палатка связистов. Все целы.

Но нам легче, мы на месте, у нас есть укрытия в каменных кладках. Тем же, кто в это время штурмует высоты, намного сложнее, и здесь не до шуток. Начинают поступать доклады о раненых. Ранен капитан Иван Гордейчик — начальник штаба у комбата-1 А. Давлятшина. Ни на одних «боевых» управления батальонов не несли такие потери, как здесь. Дела у *1-го пдб* идут успешно. Встретив упорное сопротивление, *3-й пдб* штурмует высоту за высотой, отклоняясь к западу. Обстановка корректирует планы. Выйдя к высоте, которую мы потом назвали для простоты высотой «2» (а позже героической высотой с отметкой 3234), наступление пришлось приостановить. Почти 50 метров отвесной скалы. Риск велик, потери могут быть большие. Игорь Печерский, взявший на себя командование батальоном после ранения комбата, докладывает решение о ночном штурме. Пока подразделения закрепляются на достигнутых рубежах, темнеет, и

стрельба постепенно стихает. Последние несколько залпов «духи» кладут в долину по месту, где утром стояли танки. Чем теперь она им не понравилась, не знаю. Видимо, бьют наобум, без корректировщика. Пусть тратят снаряды по пустому месту, завтра меньше упадет на наших солдат.

В спокойной обстановке собрал подчиненных для организации охранения и быта. Настрого запретил с рассветом всякие передвижения: из-за чего нас засек противник и накрыл своим огнем. Напоследок пошутил над старшим лейтенантом Г. Шевченко и радистом, что в былые времена подчиненные закрывали своим телом командира в бою, а сегодня мне пришлось на них сверху лежать, когда кругом все загрохотало.

Ночной штурм получился удачным. Зрелище, конечно, жутковатое. Снаряды кучно рвутся на вершине. Осколочные снаряды идут вперемежку с дымовыми. Осветительными снарядами специально бьют по земле для ослепления противника. Все грохочет, горит. Высоту заволокло дымом. А в это время вверх карабкается штурмовая группа. Остается только ждать. И вот, наконец, как вздох облегчения, доклад: «Высота взята! Потерь нет». Душманы и не попытались оказать сопротивление, дали деру. Наши трофеи, правда, не велики: чугун с горячим пловом, пара чайников и куча тряпья.

После того, как долину надежно обложили со всех сторон, в дело вступила разведрота. Разведчики в долине, а роты вокруг своих блоков, буквально вывернули все наизнанку. Давно не брали столько трофеев, не уничтожали такого количества боеприпасов. Если бы не двадцатидневное вынужденное стояние, результат был бы еще больше, без сомнения. Множество пещер, некоторые глубиной под сотню и более метров. Из некоторых пещер явно что-то вывезено. Взят и подорван неисправный танк, уничтожен ГАЗ-53, а ЗиЛ-130 с английским дизелем разведчики выпросили для себя — и торжественно въехали на нем в полк по возвращении. Взят и новенький исправный трактор «Беларусь», который командующий разрешил полку оставить себе. Найдены спрятанные в пещерах и водостоках двенадцать ДШК, четыре пулемета «Максим», три чехословацких пулемета времен войны, несколько минометов, горная пушка, ЗГУ, запасные стволы, ружья и винтовки, 100 тонн зерна, склад под 1000 комплектов обмундирования, склады с продовольствием, оптикой, госпиталь с западным оборудованием. Количество боеприпасов ко всякому оружию подсчитать было трудно.

Наверное, все-таки нашим докладам не особенно доверяли, до тех пор, пока мы не отпечатали и не предоставили фотографии. Вот когда закрутился механизм успеха и

популярности! Кинооператоры приехали раз, потом корреспонденты трех газет, затем М. Лещинский, потом опять кинооператоры. Особенно трудно дался нам визит Лещинского. Суета съемочной группы привлекла внимание противника. Вынуждены были рисковать жизнью людей. Количество раненых увеличилось у нас на четыре человека. Не слишком ли велика цена трехминутного репортажа?!

В какой-то из дней получил по радио сообщение: встретить выехавшего ко мне «Звезду-2». Посмотрел в ТПДЛ (таблица позывных должностных лиц), а это Командующий. Событие. Устроил форменный аврал. Срочно собрали вокруг горки все пустые банки. Вылил из фляги остатки воды и сбрил, морщась от боли, недельную щетину на обветренном лице.

Вскоре внизу появились два бронетранспортера. Встретил и представился Б. Громову. По тропе поднялись на вершину. Командующего сопровождал генерал-майор, судя по рубашке с галстуком и ботиночкам — турист из Москвы. На вершине, по приказу Громова, доложил обстановку, ход боевых действий при захвате базового района и показал расположение подразделений. Сначала не мог понять, почему московский генерал, вроде, и не слушает, больше на меня косится. Наконец, того прорвало: «А почему Вы, товарищ подполковник, выбриты, а ваши подчиненные такие чумазые?» Что тут ответишь, кроме как: «Виноват»? Посмотрел на Громова, и тот отвел взгляд.

Пока я докладывал, внизу прозвучало два взрыва. Пояснил, что вчера подошли подразделения мотострелковой бригады и они, вероятно, строят укрытия. Командующий приказал вызвать их старшего, и вниз отправился старший лейтенант О. Иванов. Ждем-ждем, никого нет. Наконец появляется солдат в майке и тапочках. Громов ему: «Ты кто»? В ответ: «Ефрейтор такой-то». «А где комбат? — Ушел в кишлак. — Что делаете? — Укрытия для танков. — Не подорветесь сами? — Нет, мы сами саперы». Громов хмыкнул, и мы опять вернулись к разговору о предыдущих днях. Солдат стоял, смотрел на нас снизу и вдруг решил проявить заботу: «Вы бы так открыто не стояли. Вчера вот так же стояли, и «духи» как нае… РСами». Адъютант аж поперхнулся: «Солдат, ты же с командующим говоришь!» Боец застеснялся и поправился, мол: «Не нае…, а врезали…» Отправили бойца обратно с наказом вызвать комбата, когда тот объявится. Когда стали спускаться и мы, Громов посмотрел на осколки вдоль тропы и спросил: «Что, нае… вас вчера?» На что я ответил, что только врезали, и оба рассмеялись. А внизу на перевале нарисовался пехотный майор, и я попросился вернуться обратно, чтобы не видеть окончания корриды.

Все остальные дни похожи как близнецы. Как были мы на главном направлении, так и остались. Никого так постоянно, с остервенением, «духи» не обстреливали, как наши подразделения. В первые дни обстрелы РСами начинались в 14–15 часов. Затем «духи» перестроились и начинали работать с 8.30-8.50. Тут же в ответ начинала работать наша артиллерия. Обстрелы в подразделениях стали так привычны, что командиры иногда переставали об этом докладывать. Как ни укрывай людей, то один, то двое новых раненых появляются. Радуемся, что нет убитых.

Где-то под Новый год КП полка и артиллерия перемещаются вперед, в новый район, ближе к нам. На время беру управление на себя, а когда КП полностью развернулся, мне уже не нашлось работы. ПКП закончил свое существование. Новый год встретили в палатке за импровизированным праздничным столом. Командира пригласили в гости наши соседи из бригады «коммандос». По праву старшего я произнес тост. Подняли кружки со сливовым соком, и уже к 9 вечера все разошлись. Командир отдал приказ: Новый год встречаем на базе в ночь с 31 января на 1 февраля.

Периодически разговариваем с полком. Станция «Космос» обеспечивает надежную связь. В курсе всех новостей. Не все новости приятны. В Анаве четверо убитых, один тяжело ранен. Душманы решили закупорить аэродром, сбили один за другим три самолета, да один штурмовик упал в Панджшере. Несколько наших женщин собрались в отпуск и просились у экипажа Ан-26 взять их на борт. Те отказали, взлетели,» и были сбиты буквально над полком. Очевидцы рассказывают, что наши оставшиеся в полку бабы впали в истерику, и рыдания неслись на весь полк. Вой стоял ужасный, пока все не прояснилось. Самолет упал километра через два в «зеленке». Экипаж успел выброситься, погиб только командир экипажа. Ему не хватило высоты, пары секунд. Теперь в Баграме все полеты осуществляются по ночам. А если взлетают днем, то поднимают для прикрытия боевые вертолеты, как в Кабуле.

Начиная с Нового года, последовательно снимаем с гор роты, заменяя их разведчиками, даем отдохнуть день-два. Устраиваем помывку в нашей полевой бане. Получилось совсем неплохо, сами моемся с удовольствием. Умудряемся с командиром даже постираться. По вечерам в своем кунге вдвоем с В. Востротиным ведем долгие разговоры о будущем, о настоящем, о жизни, о том, о сем. Впечатлений хватает.

День 7 января начинался хорошо. С утра позвонили из Баграма и сообщили, что Указ состоялся в конце декабря, и

пришли награды. Моя «Красная звездочка» лежит и ждет моего возвращения. Приятно принимать поздравления. Затем мне на ухо Н. А. Самусев шепнул по секрету, что сегодня должен состояться Указ о присвоении В. Вострotину звания Героя Советского Союза.

Когда в 16.30 третий батальон сообщил о том, что начался обстрел 9-й роты, мы еще не знали, что это будет наша боль и наша слава. Обстрелы стали привычны. Но постепенно обстановка становилась тревожнее и тревожнее. Сильное огневое воздействие из безоткатных орудий, минометов, стрелкового оружия, гранатометов. Первый доклад о потерях, гибнет ефрейтор А. Федотов. Через час в сумерках противник перешел в атаку. Двигаются спокойно, в полный рост. Одеты в черные куртки с капюшонами. Разгорается ожесточенный бой. Прут, невзирая на потери и огонь артиллерии. Двое подрываются на минном поле.

Не знаю, верно ли наше предположение, но, посовещавшись, утвердились во мнении, что все они шли в атаку обкуренные. Раненые солдаты, которых мы опрашивали на следующий день после боя, в один голос говорили, что всех неприятно поражало, с каким спокойствием «духи» переговаривались. Используя террасы и скрытые подступы, противник подходит все ближе и ближе. Теперь уже с той и другой стороны в ход идут гранаты. Душманы атакуют с криками: «Аллах Акбар! Москва, сдавайся!» Наши мальчишки, бросая гранаты, кричат в ответ: «За Куйбышев! За Борисов! За Могилев!» Каждый кричит свой родной город. Бой идет второй час. Прикрывая отход товарищей, остается один в кладке и отбивается от «духов» младший сержант Александров Вячеслав Александрович. Все успели отойти без потерь и закрепиться на высоте. Александров отойти не успел. Душманы одновременно бьют по нему из трех гранатометов. Мнение всех об этом парне было единым: прекраснейший человек и отличный товарищ. Это первый наш солдат в том бою, которого мы представили к званию Героя посмертно.

Пока идет бой, мы срочно снимаем с горы разведывательную роту и бросаем ее на помощь нашей героической 9-й. Старший лейтенант С. Ткачев командует уверенно, но тревога в голосе чувствуется. Рота держится, но боеприпасы подходят к концу. Проклятые скалы. Чтобы как-то ускорить подход, разведчики создали группу, которая, бросив все лишнее, взяв только гранаты и патроны, идет во тьме наверх. Короткая передышка, и снова вражеская атака. Девятый час вечера. Положение критическое. Почти нет гранат. Один за другим гибнут рядовые А. В. Мельников и А. Ю. Кузнецов.

На помощь роте выходит разведвзвод старшего лейтенанта

Смирнова. Чуть легче. Отлично работает корректировщик — старший лейтенант И. Бабенко. Артиллерия делает полдела. Группе разведроты еще, часа два пути наверх. Отбита вторая атака. Где-то ближе к часу и до трех, начинается и захлебывается третья атака, самая ожесточенная. Много раненых, мало патронов. Душманы забрасывают наши позиции гранатами. Когда после боя выносили умирающего рядового О. В. Криштопенко, он все шептал, что не успел ее (гранату) отбросить, отбросить свою смерть. До рассвета не дожил. Видели мы потом эти ручные гранаты американского производства. Легкие, пластмассовые. Срезав часть корпуса, обнаружили множество шариков диаметром в 3 мм. До сотни таких шариков остались в теле младшего сержанта К. Н. Огнева. Ногу ему пришлось ампутировать. Сутки прожил с тяжелейшей контузией рядовой А. П. Цветков и скончался. Трудно мы удержали высоту 3234. Шестеро убитых, десять раненых. Из раненых трое отказались спускаться и эвакуироваться. Только через трое суток их спустили, стали гноиться раны.

Сколько было противника, можно только догадываться. По нашим прикидкам, никак не менее двух-трех сотен. Против 39 десантников. Когда на следующий день саперы поднялись на вершину, чтобы восстановить минные поля, обнаружили множество луж крови, обрывки бинтов и обмундирования, окровавленные ботинки, огромнейшее количество стреляных гильз. Нам достался только один гранатомет с десятью выстрелами. Верные себе «духи» вынесли всех убитых и раненых. Так и не узнали мы достоверно, удалось ли нам накрыть артиллерией «духовские» вертолеты, которые садились на площадку за хребтом. По звуку двигателей определили приблизительный район и накрыли залпами батареи БМ-21 «Град». Целый день там что-то горело и дымило, но что? Из-за низкой облачности летчики заявку на воздушную разведку не приняли. Через несколько дней через разведуправление Армии пришло сообщение о том, что против нас воевал отборный полк «коммандос» пакистанской армии «Чехатвал».

Поддержали нас и в представлении на Героя Советского Союза (посмертно) рядового А. Мельникова. 8 января узнали, что Указом от 06.01.1988 года наш командир В. А. Востротин получил это высокое звание. Рад за него искренне, достойнейший человек. Как обычно на войне, и боль, и радость ходят рядом.

Остальное кратко. Каждый день без перерыва идут колонны по 180–250 машин. 11 января получает ранение в голову капитан Игорь Печерский. Теперь батальон, в буквальном смысле, обезглавлен. С утра поднимаюсь на КНП *3-го пдб* и принимаю

командование батальоном на себя. Через три дня И. Печерский возвращается. Крепкая оказалась у него голова, отделался царапинами. Под конец ударили морозы. Выпал снег. Поморозили людей. Горы есть горы. Мороз, ветер, снег. Посиди-ка на высоте за 3000 метров. Командир приказал срочно собрать на командном пункте все полушубки и перебросить для тех, кто находится на снежных вершинах. Зато и «духам» стало трудно нас долбить. Количество обстрелов заметно поубавилось. Из боя вышли только утром 22 января, без происшествий. На всякий случай в дополнение к заградительному огню артиллерии выставили на прямую наводку танки И. Сухарева. Трудно дался подъем на заледеневший перевал. Ночевка под Гардезом, а 23 января на одном дыхании домой.

Представлен к афганскому ордену «Красное Знамя». Отвоевали мы громко, и нас, как никогда раньше, осыпали почестями и наградами. Да, впрочем, за дело. На вопрос командующего: «Как ведут себя люди?» — ответил: «Геройски». Ни в чем душой не покривил, ибо знал множество примеров мужества, самоотверженности, верности воинскому долгу, товарищества и мужской выдержки.

27.01.1988, Баграм. Среда

Складывается впечатление, что даже на «боевых» жили комфортнее, чем на базе. Периодически выбивает свет, нет отопления. В комнате холодно и тоскливо. В ночь насыпало снега. Все вокруг затянуло облаками, туманом. Сырость сверху, сырость снизу. Поганая погода.

Съездил к вертолетчикам и выпросил у них лампу «Липа». Вот сейчас под вечер включил, и стало веселее. Комэску *262-й овэ* С. А. Лаптеву с его замполитом рассказал свои новости, они — свои. Рассказали, как спасали летчика-штурмовика в Панджшере. Тот катапультировался и приземлился на вершину четырехтысячника. Оказался по горло в снегу. Ветер, холод. Человек одной ногой в могиле. Вертолет на такой высоте сесть и взлететь не может. В первый раз сбросили ему теплую одежду и продукты, все улетело в пропасть. Во второй раз выпрыгнул к нему с парашютом прапорщик. Прыгнул со 100 метров, как из пистолета — в упор. Летчик лежит, сжимает единственную гранату, плачет, а слезы тут же застывают. Вдвоем они спустились пониже, а там экипаж их подобрал, работая на грани возможного.

Да и летчиков со сбитого Ан-26 вертолетчики тоже буквально

с того света вытащили. Стояла «вертушка» на старте, увидели горящий падающий самолет и без команд и разрешения пошли в «зеленку». Видели, как «духи», кто пешком, кто на машинах, устремились к приземляющимся на парашютах пилотам. Выхватили сбитый экипаж буквально из-под ножа. Ушли на бреющем полете на аэродром, привезли спасенный экипаж и дырки в фюзеляже. Наши очевидцы рассказали, что и не предполагали, что у «духов» в кишлаках столько оружия. Настолько плотный огонь вели по спускающимся на парашютах летчикам и по вертолету. Вот так же, как действовали вертолетчики, без приказа и инструкций, им, обойдя все формальности, быстро оформили наградные. В феврале описала это событие «Комсомолка» в статье «Командировка на войну».

…Судя по письмам, Александр сейчас где-то на пути домой. Досрочно сдал свою первую сессию. Вместе с ним должен приехать дед. Получил фото Михаила с пионерским галстуком. События переплетаются самым удивительным образом. 20 декабря, когда папа лежал под снарядами, сын фотографировался для папы по случаю такого знаменательного события, как прием в пионеры. Ну, а Людмила каламбурит по поводу того, что в пионеры принимали в Поганкиных палатах Псковского кремля.

31.01.1988, Баграм. Воскресенье

Вчера отпраздновали Новый год. Все офицеры собрались к 20 часам в офицерскую столовую. Большинство приоделись в повседневную форму, которая для нас является почти парадной. Вид праздничный. По стенам развешаны стенгазеты подразделений. Забавная шутливая фотогазета. На столах сок, конфеты и печенье. И хотя командир громогласно заявил о том, что праздник безалкогольный, надо признать, что большинство «на взводе». Да и трудно было ожидать иного, если днем провели разбор боевых действий и вручили почти полторы сотни наград по последнему Указу. Ругаться бесполезно. Но и смотреть сухими глазами на шумное веселье тоже не в ритм. Все прошло без эксцессов, непринужденно, почти посемейному.

Валерий Востротин как всегда на высоте, кумир публики, заводила и выдумщик. Открыл вечер шутливым приказом по полку, суть которого: считать «духовское» сопротивление под Хостом безобразием, а январь месяц 13-м месяцем ушедшего 1987 года. В приказной части всем должностным лицам задачи по проведению праздника, типа: заместителю по тылу обеспечить снег и новогоднюю погоду. Здесь накладки точно не получилось.

Всю ночь на 30-е шел снег, и к утру все было в белом пуху. Новый год так Новый год!

По ходу вечера командир брал гитару и пел частушки своего производства. Вот за это к нему и тянутся. Умеет воодушевить людей, не чинуша, открытый и искренний человек, мастак на выдумки. Есть что-то гусарское. Вообще не раз уже обдумывал секрет его успеха, имел возможность посмотреть его в работе, в бою. Что полезно перенять? Ну, опыт, это конечно дело наживное, все-таки В. Востротин пятый год в Афганистане. Корреспонденты в кунге под Сраной выпытывали его как очевидца и участника декабрьских событий 1979 года. Уже тогда можно было понять, что не случайно выделили его, старшего лейтенанта, из многих других офицеров. Дали сформировать роту для выполнения боевой задачи, перебросили в Афганистан и поручили прикрывать «спецназ» при штурме дворца Амина. Подробности, конечно, ни к чему. Сам он настоял на том, чтобы магнитофон выключили. Но, так или иначе, задача стояла ответственная, и задача эта была успешно выполнена.

Потом бои. Июньское тяжелое ранение. Госпитали в Ташкенте и Ленинграде. Вот поэтому высок его авторитет боевого офицера. Но и это было бы ничто без профессионализма. Плюсы: хорошо продумывает решения, но своего мнения не навязывает. В ходе «боевых» всегда сначала скажет комбату: «Как завтра будем брать ту или иную высоту? Как лучше использовать подразделение? Как лучше использовать местность? Подумай, прими решение, на следующем сеансе доложишь!» Советуется. Всегда поддержит разумное решение.

Нет мелочной опеки. Без нужды в эфир не вклинивается, сидит, дымит, прослушивает переговоры по ходу боя. Решения по обстановке принимает быстро. При необходимости сразу сосредоточивает огонь всей артиллерии в опасном месте.

Людей разумно бережет, насколько это возможно на войне. Резерв под рукой, в кулаке. Разнообразие тактики. Смена направлений сосредоточения усилий (Срана 21.12). Смена частот перед штурмом и при выходе из боя. Дневное наступление и ночные штурмы. Ослепление дымами и светом на удар. Имитация отхода с минированием (Алихейль, июнь 1987-го). Спецпропаганда, компромиссы с главарем для разгрома другой банды в «зеленке» (апрель 1987-го). Риск на грани авантюры, личная смелость. Работа с населением через политотдел и Франца Клинцевича. И что интересно, люди в условиях наибольшего благоприятствования в работе становятся открытыми. Это уметь, конечно, надо — расположить к себе людей, чтобы дать им самим раскрыться. Истинный талант

руководителя. Все взаимосвязано. Каждый с толком работает, и всем вместе легче действовать.

После Пскова испытывал в первое время истинное наслаждение. Никаких надуманных трудностей, все вопросы решаются легко. Валера коммуникабелен, легко сходится с людьми: как с начальниками, так и с подчиненными. Все работают на авторитет командира, авторитет командира работает на всех. Разумная афиша. Не показуха, а умение подать свои (полка) успехи. Щедр на похвалу и награды. Одновременно горяч, вспыльчив, но отходчив, не злопамятен. Умение подавить, заставить — без обратной человеческой антипатии. Тоже умение. Сколько командиров требуют правильно, а вызывают во множестве неудовольствие и скрытое сопротивление. Умеет просто поговорить с солдатом, авторитет непререкаем, его буквально боготворят, гордятся своим командиром.

И, в общем, приятно работать с умным человеком. Свой орден вчера принял из его рук с искренней радостью. Очень рад за него, за его Золотую звезду Героя. Первый принес эту весть Николай Самусев 8 января (Указ от 6.1.1988 года). Собрались вечером того же дня в палатке за ужином, вроде как на день рождения Самусева. А тот извинился за обман и преподнес эту весть. Были я, Н. А. Самусев, Ш. Н. Ахметов, М. А. Скоморохов и сам виновник. Достойнейший человек и награда по заслугам: не к юбилею, не за липовый хлопок — за талант, мужество, душу и энергию.

Вот описал все это, все мною проанализированное и продуманное. А что я? Как хочется самостоятельной работы. Не могу я в полном объеме раскрыться в замах. Ну не умею. Хочу все сам. Не умею быть на подхвате. Хочу сам принимать решения и за них отвечать. Ведь кое-какой опыт у меня уже есть. Пусть и ошибки будут, и чего-то не знаю, но кто не ошибается? Голова есть, справлюсь. Опыта наберусь. С людьми деловой язык найти умею, уважением пользуюсь, считают неглупым человеком. Но пока и только. Коммуникабельности, конечно, не хватает. Самое отрицательное качество — с подчиненными лучше нахожу контакт, чем с начальниками. Спасибо судьбе, всегда сводила с умными командирами, у которых было чему поучиться. О. М. Пикаускас, В. А. Богданчиков, В. С. Халилов, первый для молодого курсанта командир Г. И. Шпак, первый для молодого лейтенанта комбат Мокрушин, и комбат-друг Виталий Видякин.

Вот сейчас на «боевых» опять получил подтверждение, что на подхвате быть ой как плохо. Пока был в работе, на ПКП, был в курсе боевой жизни, отвечал за безопасность людей, принимал решения, командовал, все знал. Вот тогда и жил по-настоящему,

вертелся, не чувствуя усталости, холода, голода. А вернулся на КП, так офицер на посылках. Приказы и распоряжения пошли через голову: кто, что, куда, когда? Сам заглянешь через плечо в карту, будешь знать, что делается. А нет, так и Бог с ним. Ведь информация без решения все равно лежит в башке как шлак, пока не устареет. Начинаешь искать себе дело, но тут же чувствуешь, что это надуманное.

Конечно, не бездельничал, командиру помогал хорошо, но нет радости труда и самостоятельности. По боевой работе В. Вострогин на разборе поставил в пример. И что в опасных местах работал, и что работал много и грамотно. Перед всем полком объявил, как только выйдет срок от прежнего награждения, он представит меня на «Красное знамя». Но… Но в душе нет радости и удовлетворения от этой высокой награды. Чувство такое, что награда идет авансом. Разве может «Красное знамя» быть авансом? У меня ведь тоже гордость есть. Я боевой офицер, а не финансист из Кабула. Это «те ребята» и им подобные получают ордена за должность, не выходя из кабинета. Я-то видел кровь, пот, истерзанные тела, слышал свист пуль и лежал под разрывами. Но и этого на войне для награды мало. Стрельба в тебя это профессиональная привилегия военного человека. На этих «боевых» иные командиры про обстрелы просто перестали докладывать.

Завтра выезжаю в Кабул. Звонил сегодня С. Яркову, но он уже летит в Ташкент. Не успел ничего передать домой. Пока В. Вострогин с А. Греблюком будут на Военном совете, на разборе боевых действий, я с подарками навещу в госпитале наших раненых. Встречусь с В. Савицким.

Получил письмо от Михаила. Кажется, к моему гневному посланию отнесся серьезно. На пользу бы, да подольше! Пишет, что получает пятерки и четверки. С удовольствием ходит в бассейн. Участвовал в соревнованиях, проплыл 25 м и награжден знаком. Подтягивается три (!) раза.

8.02.1988, Баграм. Понедельник

Утром вернулся из Анавы. Пробыл в Панджшере четверо суток. Вручил награды офицерам, прапорщикам и солдатам «группировки». Для награждения подразделения построились во дворе крепости. Посреди двора стол с красной скатертью, в коробочках на скатерти ордена и медали. Перед вручением рассказал, как полк воевал, про наши успехи, наши горестные потери. Чуть-чуть ораторского искусства у меня есть, поэтому

глаза у людей были пытливые и умные.

Пока мы были на «боевых», «бородатые» развернули в Панджшере настоящую войну. Конец декабря — это постоянные обстрелы постов и «группировки». Шестеро раненых. Потеряли безвозвратно четверых. В основном потери (убитые) по глупости и по разгильдяйству. Двоих «духи» подстерегли у ручья, когда с поста ходили за водой. Беспечность и самоуспокоенность обернулись двумя «похоронками».

Противник пытался штурмовать 13-ю и 15-ю заставы. Опять 15-ю! На ней сейчас командует лейтенант Михаил Свиридов. Молодец мальчишка. Все укрепил, по-новому оборудовал укрытия. Амбразуры заложил камнями, оставив узкие щели, обращенные на места, откуда всегда обстреливают. Еще наплел из МЗП сети, установил их в 50 метрах от позиций, и теперь эти сети «ловят» и уводят в сторону гранаты РПГ. И результат, соответственно, появился. Сколько на этой заставе было убитых и раненых. Теперь за месяц обстрелов ранен один. Вот что значат ум и инициатива.

За один день 26 декабря на саму «группировку» бородатые положили до сотни мин. К моему прилету в Панджшере установился «мир». Свою политику примирения объявил Ахмад Шах. Соответственно и мы получили приказ не стрелять и не наносить удары авиацией. В отличие от прежних, эта инициатива поддержана В. И. Варенниковым. По некоторым данным, он входил в контакт с «духами». Новая черта. В принципе здравая мысль. В неясной обстановке перед переговорами в Женеве ни к чему бойня и потери. Политическая и военная ситуация остаются сложными. Ахмад Шах Масуд — реальный лидер. Его поддерживает почти все население северных провинций. Авторитет непререкаем.

Государственная власть и ее влияние, практически, сведены к нулю. Наш уход для этих марионеток означает полный крах. А каждый час на своих постах — это власть и деньги. По всем данным «союзники» стремились, и будут стремиться столкнуть нас с моджахедами. Анавинский ХАД продолжает слежку за «группировкой». Можно опасаться провокаций и обстрелов с целью свалить все на «бородатых». Так уже было. Вплоть до того, что Ахмад Шах брал советские гарнизоны под охрану. Все переплелось и запуталось. Друзей нет, кругом враги. Каждый из них ведет свою игру, защищает свои интересы. Вот только платим за их интересы мы своей кровью. Минирование дороги перед Рухой прекратилось после того, как оттуда убрали посты царандой. Афганская авиация сбрасывает авиабомбы без взрывателей на ледники, откуда «духи» их скатывают и добывают

взрывчатку для фугасов. Своеобразная доставка ВВ (взрывчатых веществ). Почти открытое пособничество.

Разговоры про американцев, конечно, для несведущих людей — игра пропаганды. Хорошая мина при плохой игре. Ахмад Шаху, в частности, не нужны ни мы, ни Штаты. В этом своеобразие Афганистана. Они жили и будут жить по-своему. Боюсь, через десяток лет мы будем приветствовать где-нибудь на конференциях и совещаниях таких как Масуд в качестве главы суверенного государства.

Пока был в Анаве, нежданно-негаданно погибли два прекрасных офицера. Возвращались из Кабула с чужой колонной, попали в аварию на базаре в Мирбачакоте, и «духи», воспользовавшись ситуацией, неожиданно расстреляли их в упор: бей лежачего! Погибли капитан Е. Богач и старший лейтенант Ю. Сергеев. Последний уже имел приказ на замену. Вот только недавно мы с ним поднимались на горку и прикрывали саперов на стыке 8-й и 9-й рот. День работал на нашем ПКП. Толковый офицер, и вот…

В. Востротин позавчера улетел в Союз за наградой. Уже почти точно известно, что он уйдет на повышение. Жаль. Не будет тогда такого прекрасного чувства — работы с удовольствием.

В Анаве прошли снегопады. Все горы в снегу. Довольно холодно. Вот повезло. Подморозило. Тучи разошлись, и «вертушки» сумели до нас добраться. Пробовали отработать по постам, но не дал ветер на вершинах. Издали такое впечатление, что вершины курятся, как вулканы. А внизу шумит река Панджшер. Когда утром вышел, показалось, что ревут машины. Откуда? Даже не верится, что река может так «рычать».

Побывал на двух заставах (8а и 6-й). На заставах новые офицеры, но, как обычно, отличаются друг от друга, как отпечатки пальцев. Старший лейтенант А. Логинов — деловой, энергичный, хозяйственный. Последнее качество на отдельной заставе совсем не лишнее. На заставе порядок и дисциплина. На другой заставе командир — полная противоположность.

Начало месяца, а уже все съели. Остались рис, квашеная капуста, борщ и рыбные консервы. Когда на совещании спросил старшего лейтенанта В. П. Дон: «Сколько блюд можно изо дня в день готовить?» — он ответил: «Шесть». Чудеса изворотливости. Все посмеялись, но и задумались. В целом комбат В. Серебряков обстановкой владеет. Люди накормлены, вид чистый и опрятный. Но проблем много. Кажется, наконец-то начал складываться коллектив заместителей (С. А. Богатов, И. А. Севастьянихин, О. А. Юрасов, Л. З. Алхасов). Было бы взаимопонимание, а в работе все решить можно.

Вечером поехали в баню, от души напарились. На дрова, которые я предложил загрузить на «боевых» на освободившиеся от снарядов машины и перебросить в Панджшер, комбат наложил руку. Использует только для бани. Запах изумительный. Интересно бы знать, что за деревья такие душистые. Я, ко всему, пропустил через стиральную машину старое ХБ. А когда в предбаннике, отдуваясь, пили чай и смотрели телевизор, стали свидетелями специального выпуска новостей: заявление М. С. Горбачева по Афганистану. Долгожданное заявление. Кратко суть: если до 15 марта соглашение будет подписано, то с 15 мая начнется вывод войск. Срок вывода — 10 месяцев. Много теперь вопросов: как замена, как призыв, как отпуска, куда и когда конкретно пойдем? В первую очередь нам, конечно, не придется рокироваться. Представляю, как мои дома смотрели и слушали эту новость. Ждут папку. Соскучился по маленькой, соскучился по мальчишкам. Вот на расстоянии острее чувствуется, насколько дороги мне эти существа. Предвкушаю радость встречи.

13.02.1988, Баграм. Суббота

День похож на день. Даже писать не о чем. Потеплело. Днем солнышко. А на солнце припекает, где-то до +5. Вчера посмотрели по программе «Время» вручение в Кремле «Золотой звезды» Героя нашему командиру. Все чувствуют какую-то таинственную сопричастность. Только и разговоров. Принял окончательное решение, что делать со своей винтовкой. Эта красавица так мне нравится, что уже в голове появились дурные мысли. Легкая, изящная «Маузер Сафари», калибра 7 мм. Жаль с ней расставаться, но и держать ее еще труднее. Как алмазом «Раджи» или «Око Света» любоваться. Получить шесть лет тюрьмы, закончить карьеру только для того, чтобы втихую любоваться? Тем паче патроны на 7 мм в Союзе все равно не найдешь. К черту соблазны. По приезду командира вручу ему подарок. И пусть дальше думает он. Подальше от криминальных соблазнов.

16.02.1988, Баграм. Вторник

Утром вернулся из Кабула. Прошлый день весь прошел в заседаниях. На Военный Совет со мной выезжали Х. Ахмеджанов, Гнидец, В. Маслов.

Обстановка

Верхние эшелоны власти Афганистана — за вывод и приветствуют его. Средние — середняки — обеспокоены тем, что уход Советского Союза из РА приведет к росту кровопролития, а сокращение помощи поставит Афганистан в тяжелое экономическое положение. Конечно, завязаны они на нас крепко, половина машинного парка, заводы, электростанции и прочее нашего производства. Ко всему, вряд ли эти нувориши найдут на мировой арене еще такую дойную корову, как мы. Третья часть, наверное, большинство народа относится к выводу безразлично.

Задача: готовиться к выводу. Иран и Пакистан несколько снизили поставки вооружения и материальных средств боевым отрядам «семерки». В преддверии закрытия границ, обусловленного готовящимся договором, «бородатые» усилили переброску запасов на афганскую территорию и активизировали создание баз в приграничных районах. Основные боевые действия теперь будут планироваться в двух направлениях: очистка приграничных районов и обеспечение коммуникаций для вывода войск. Чувствуется, что повоевать еще придется. Учитывая наше славное прошлое, без нас не обойдутся. Мы-то точно повоюем до конца. Отдельный полк — со всех сторон удобная единица. С одной стороны, не дивизия, меньше разговоров. С другой — слаженный воинский коллектив с сильным опытным командиром.

Опять поднимался вопрос о дисциплине, потерях. Последние, как всегда, от разгильдяйства, разболтанности, снижения настороженности. Опять катастрофа «вертушки». На другом Ми-8 погибли три офицера, женщина и гражданский. Авария самолета. Воздушное хулиганство. Потеря в засаде двух БТР и шестерых человек из бригады «спецназ» под Кандагаром. Вспомнили и наших офицеров, которые погибли в колонне инженерного полка в засаде на базаре в Мирбачакоте. Сейчас проезжал через этот базар и никак не мог представить себе бой на этом пятачке дуканов. Светит солнышко, пестрят прилавки, суетятся люди. Шум, гам, толкотня, и опять ходят, прищурившись, «бородатые» с оружием, в открытую. Может, и «перешли на сторону правительства», а может, уже давно «защитники революции». Кто их разберет? Все равно: отправить на тот свет неверного и для тех, и для других — лучший подарок аллаху и снятие всех грехов. Интернациональную помощь мы, может, и оказываем, но за это платим большой ценой. Трудно представить белорусских партизан, которые вот так бы разгуливали по занятым немцами улицам. Мы же исходили из того, что есть мирное население и маленькая часть экстремистов, бандюг. В такой пропорции я что-

то сомневаюсь.

Подготовка к выходу. Многое оставляем здесь. Войска передают афганцам БТР-60, карбюраторные машины, артиллерийские орудия, много боеприпасов. Есть даже наметки оставить БМП-2 для новой дивизии, которую «зеленые» хотят развернуть по типу нашей дивизии Дзержинского для МГБ из одних членов НДПА. Если доживу, посмотрю, наконец, со стороны, как эти болтуны на деле будут воевать за свою революцию.

Вечером заезжали в 103-ю. У Сергея забрал посылочку от супруги. Как частицу дома в руках подержал. Да, скорее бы в отпуск. Ночевал у Владимира Савицкого в *103-й вдд.*

24.02.1988, Баграм. Среда

Под праздники наконец вышло солнышко. Побаловало. Праздник, так праздник. Вчера с утра построение, поздравление с 70-летием Вооруженных Сил, вручение солдатам и сержантам на плацу юбилейных медалей. А затем спортивный праздник. Вечером КВН 1-го и 3-го батальонов. Был ответственным, но сумел съездить с Шамилем в госпиталь, поиграть в волейбол. Надо чаще играть. Многое не получается, скован, не отработан прием мяча, нет удара. Конечно, играем от случая к случаю. Команде госпиталя проиграли, у КЭЧ выиграли. Все подшучивают, что в КЭЧ спорт и самогон не совместимы. Победа им гарантирована, только если бы призом был самогонный аппарат. Это в память о рейде по их загашникам, который проводила Армия. Прохвосты там те еще попадались.

Все разговоры так или иначе сворачиваются к вопросу о выводе. Был у вертолетчиков. Поздравил комэска С. Лаптева и замполита с праздником. Им уже однозначно сказали, что для них замены не будет, а будут выходить в ноябре в Подольск. Для них, оказывается, это не лучший вариант. Во-первых, своя специфика — все офицеры и прапорщики. Максимальное звание — капитан. Соответственно, с учетом их «год за два», выслугу к сорока годам имеют все. Квартиры в Одессе, Тернополе и т. д. Естественно, никто на новое место не рвется. Тоже куча проблем и эмоций.

За неделю ничего нового. Вот только пару дней помогал на учениях батальонов с боевой стрельбой. Из-за погоды да праздников нет полетов, естественно, нет и почты. Дважды собирали и отставляли колонну на Анаву. Пехота что-то не хочет выставлять блоки на дороге. В Анаве пару раз обстреляли посты.

А может, врут, чтобы списать имущество. Вот тоже проблема будет, когда придется снимать с гор батальон со всем барахлом, грузами, запасами и техникой-уродами. Орудия там уже на ладан дышат. И самоходки тоже не глянец. И. Н. Сухарев, командир танковой роты, как-то возмутился, когда кто-то в шутку предложил называть его роту «танковым корпусом». В Анавинском взводе самоходной батареи положение аналогичное. Ивану Сухареву, правда, легче. В Хайратоне для нас уже стоят новые танки. Скоро заберем. По слухам, после дождей открылся перевал Саланг.

Приезжал генерал-майор В. К. Тюнюков. Выступал перед офицерами и прапорщиками как непосредственный участник и один из руководителей работ по ликвидации Чернобыльской катастрофы. Ну и, конечно, как очевидец, да в закрытой аудитории, рассказал подробно. Слушали с неподдельным интересом.

Несколько дней назад посмотрели фильм М. Лещинского «Операция «Магистраль». Все прилипли к телевизорам. Еще бы! Ведь столько знакомых лиц, знакомые места. Многие узнавали себя. Ф. Клинцевичу сказал, что его теперь в Академию без экзаменов примут: в газетах печатают, на ТВ снимают и показывают. По популярности скоро вровень с Адриано Челентано встанет.

Сегодня были в гостях у летчиков-штурмовиков. Сколько живем бок о бок, наконец провели для офицеров экскурсию. За экскурсовода командир полка Су-25. Наверное, не столько слушали, сколько щелкали фотоаппаратами: на крыле, под крылом, в кабине, на бомбах, на фоне эмблемы «Грач»… Заснял целую диапозитивную пленку и я. Будет память. Как рядом живем, так тесно и взаимодействуем. Когда они в воздухе, на душе спокойнее. Не всегда, правда. Савицкого в колонне наша же доблестная авиация кассетными «игрушками» посыпала. Чудо, что никого не зацепили.

Днем в гости приехали афганские летчики. Наша волейбольная команда выиграла в упорных пяти партиях. Национальная черта афганцев сказывается и здесь. Может, не так сильно и часто бьют, но за счет хитрости, обманных скидок очки набирали. Рядом с площадкой поставили стол, и на 64 клетках солдаты сразились в шахматы с «иностранным мастером». Оказывается, не только в газетах, но и в жизни можно увидеть такую умиротворяющую картинку. Осталось только посадить с ними деревья. Так обычно показывали эту войну в нашей прессе в «застойный» период.

Кстати, вспомнилось, как под Сраной поймали вечером по

«Маяку» передачу «Полевая почта». И вдруг передают поздравление с днем рождения старшему лейтенанту И. Бабенко. А он там, на политой кровью высоте 3234. Сразу командир стал звонить, чтобы вышли на связь с 3-м батальоном и передали, чтобы там, в горах, слушали. И ведь успели. Вот действительно: поздравление — так поздравление. Вот уж, действительно, «полевая почта» получилась. Сказали бы по радио, не поверил. И поздравление в точку.

Был у нас разговор: если кто и достоин «Героя», так это Иван Бабенко. От начала и до конца на острие. Когда погиб его радист и была разбита радиостанция, он взял рацию взводного и фактически управлял взводом, корректировал огонь. В самые критические минуты боя вызвал огонь почти на себя. Клал снаряды в 50 метрах. Малейшая ошибка в полделения, и все. Но кто о ней думает, когда все уже приготовились к рукопашной.

28.02.1988, Баграм. Воскресенье

Вчера на обратном пути домой в Панджшер заезжали и ночевали «советники» из Анавы: Дмитрий Константинович и Той Али. Посидели в баньке, поболтали. Свежие новости ГРУ из Кабула. Чувствуется, что пока на переговорах что-то конкретно не решилось, все повисло в воздухе, все в тумане. Продолжаются домыслы.

Пока мылись в бане, их водитель Макс успел где-то причаститься. И, чтобы не сорвалась наша поездка в дивизию, Константиныч сам сел за баранку. Уже поехав, я засомневался. Водитель он не ахти какой. УАЗик для него не то чтобы в новинку, но без навыка да в темноте — чужой дом. Ко всему, дернул черт ехать на ночь глядя. Автомат на коленях как-то утешает. Дорога пустынна. Перед въездом на базар пост царандой. Сорбоз стоит как будто не видит, а за пару метров выбрасывает автомат вперед и берет нас на прицел. Останавливаемся, как пароль произносим: «Шурави» и в ответ слышим интернациональное: «Давай, давай». «Даем» дальше. Базар и дуканы как вымерли. До поворота на КПП дивизии метров 300, но говорю Константинычу, чтобы не вздумал ломаться и глохнуть. Иначе нас потом не найдут, и дорогие наши нас не дождутся…

Константиныч оставил две давно обещанные карты Афганистана да фотографию Ахмад Шаха. Фотография более или менее свежая. Давность — пару лет. Учитывая, что его никто не видит и никто никогда не знает, где он, что у него полно

двойников, то вполне вероятно, что это только его зрительный образ. Почти одногодок, с 1953 года. В этом смысле относишься к людям с особым вниманием. Вглядываешься и вроде пытаешься понять, чем же этот человек мог выделиться? Претендует на весь север и северо-восток Афганистана. И, наверное, последнего слова еще не сказал. Умен? Хитер? Коварен? Жесток? — Все: да. С первозаветных времен качества, которые давали путь к владычеству над людьми. Добродетель — качество для всех остальных? Утром проводил Константиныча со спутниками в путь. Сейчас, наверное, уже в своем «санатории», встреченные и облизанные Бимом, разбирают покупки, припасы. Встречу командира и, наверное, полечу к ним в гости.

Вертушки на ОГ «Анава» не работали уже целую неделю. Сегодня собрались вроде, а им дали запрет. Под Асадабадом сбили Ми-24. Как всегда запрет, бредовые требования типа «провести огневое обеспечение всего маршрута пролета» и т. д. Кабинетные стратеги. Родить очередной запрет и бумагу, создать видимость дела, но все знают, что пройдет день-другой и все пойдет по-старому.

Комэск вертолетчиков С. Лаптев получил подполковника.

Моментальный снимок

Афганская детвора любой свободный клочок земли и пустырь использует для запуска воздушных змеев. Поголовное увлечение. Змеи самые разнообразные по размерам и цвету.

Сколько уже сказано про XIV век Афганистана. Убогость, бедность, просто нищета. Въезжаем в Гардез после холодного перевала. Обледенели, пропитаны холодом. На улицах люди в галошах на босу ногу. Ступни черно-синие, так что сразу и не поймешь, что они почти босиком по снегу ходят. От одного вида становится еще холоднее. Лавки открыты всем ветрам. Кое-где угли и маленькие печки. Дрова и топливо слишком дороги. Топят скудно. Целый день — что в доме, что на улице — все равно на холоде. Невольно ловишь себя на мысли, что наш цивилизованный теплым «толчком» человек давно бы загнулся в таком «комфорте».

Заезжал, как и обещал, корреспондент «Комсомолки» Миша Кожухов. Его статья о командире, о нас (плод его Хостинского посещения) напечатана в «Собеседнике». Пока был с Константинычем, прочитать не успел. Где теперь «Собеседник» здесь достанешь? Жаль. (Р. 8. Все же нашел и прочитал. Да и супруга написала, что заполучила этот номер в подарок.) В

«Комсомолке» уже в четвертом номере с продолжением печатается статья Лосото «Командировка на войну». Языком домохозяйки, но более-менее правдиво и достоверно описывает свои афганские впечатления и наш Баграм. Думаю, и домохозяйкам в Союзе читать будет занятно. Без претензий. Но Миша охарактеризовал ее так: цепочка интеллектуалов, по ее мнению, Маркс, Энгельс, Лосото. И тем заканчивается.

Звонили в наградной отдел Армии. Нашим афганским наградам предстоит большой путь. Сейчас представления в Турк ВО. Дальше пойдут в Москву, дальше в посольство и обратно. Так что в самом лучшем случае получу свой афганский орден «Красное знамя» в апреле-мае. Да и то теоретически. Поживем, увидим.

Впереди у любимой юбилей. Вот готовлюсь к отпуску и прикупаю что-нибудь вкусненькое к праздничному столу. Запасся икрой, крабами, ветчиной, конфетами разными и т. д. Что делать. В прошлую поездку с шуткой, но вез «из-за границы» гречку в Псков. Действительно, довольно унизительно. Хотя упрек скорее Агропрому, а не мне.

29.02.1988, Баграм. Понедельник

Пророк из меня оказался опасный. Только переговорил с вертолетчиками о сбитой «вертушке», как сегодня трагически закончились полеты с утра у них самих. Ходили на обеспечение постов на горы за степью и нашим стрельбищем. Съездил сейчас к ним, выразил свои соболезнования. Все ходят хмурые, чертят какие-то графики, объясняются с комиссией. Не до разговоров. Единственно, узнал кое-какие подробности. Сбили Ми-24. Погибли капитан и старший лейтенант. Сбили из ПЗРК. Вертолет сразу потерял управление, упал, взорвался. Все в куски. Даже тел как таковых нет.

2.03.1988, Баграм. Среда

Вот уже десять дней, как в последний раз работали «вертушки» на Анаву и по постам. И неизвестно, когда начнутся полеты. Сначала мешали погода, праздники, другие проблемы. Теперь, после катастрофы вылеты вообще прикрыли до тех пор, пока на утверждение В. И. Варенникову и Б. В. Громову не представят решение по обеспечению полетов при доставке на посты и заставы материальных средств. Урезают количество

постов, которые будут обрабатывать «вертушками». Чем это кончится? На постах и без того ежедневное поднятие воды превращается в тяжелейшую работу. Ко всему и опасно.

Вчера в Рухе под одним из постов подстерегли группу и из засады расстреляли. Двое убитых, трое в тяжелом состоянии. Если мы теперь месячный запас продовольствия, БП, топлива и всего прочего будем заносить сами, то это превратится в операцию для всей «группировки». Дотянуть бы до мая, до вывода войск из Панджшера. Ликвидируем одни проблемы, появятся новые: куда выводить и как размещать батальон. Под вопрос встанет и мой отпуск. Панджшер — моя вотчина. Следовательно, какой отпуск? Как бы хотелось встретить юбилей супруги в домашнем кругу. После мая-июня на отпуска вообще запрет вышел. Дальше по плану перевал Саланг, а где-то под зиму Фергана.

Поставил, наконец, себе в комнату долгожданный телевизор. Теперь я настоящий домовладелец. Ни к кому ходить не надо. Включил и, потягиваясь, смотрю все, что душе угодно. Красота. Встретили командира. С его приездом модуль заходил ходуном. Конечно, сначала в баню с ферганским пивом, а затем за стол. Тесный, дружный, спаянный боевой дружбой коллектив. Хорошо у нас. Обстановка душевного комфорта. К знаменательному событию А. Греблюк сочинил песню под гитару. Я, наконец, от имени всех замов вручил командиру свою красавицу-винтовку. Расцеловались. Сидели до глубокой ночи, пели, смотрели на экране слайды. В промежутках пытали Валеру: как Громыко, как прием, как министр, как командующий, как вручали? В каждом серьезном деле юмора хватает. Особенно, если рассказчик живостью характера не обделен. Хватило шуток и смеха и здесь. Разошлись за полночь.

4.03.1988, Баграм. Пятница

Вечер. Бухает артиллерия. С утра принимал строевую подготовку на лучший взвод. Съездили с Шамилем Тюктеевым и Димой Савичевым в военторг. Завезли спортивные костюмы «Адидас» По цепочке получил и наш магазин. Размеры как всегда 46-е, не больше. Недомерки в Баграме, а с нормальным ростом в Кабуле и Москве. Ничего не достали. А в целом суета. Был бы рад, если бы, достав дефицит, чувствовал себя на седьмом небе. Как мало надо.

Сегодня письма не получил. Нет борта. Привык к регулярным, с периодичностью в три дня, письмам от маленькой.

Строки просты, а будоражат мысль и память. Иногда тихо улыбаюсь, иногда и откровенно смеюсь. За чернильными закорючками жизнь, доброта, ожидание, надежда, мальчишки с их успехами и не очень благими поступками. В который раз задумываюсь, что для того, чтобы что-то оценить, иногда надо идти от противного. Вот не было бы уверенности в умении супруги правильно расставить акценты в воспитании, найти душевный контакт, поговорить, утешить, направить, то и многое было бы шатко в сознании. Как хорошо все же иметь человека, которому можно сказать все. Представлю сейчас в комнате человека пришлого и как реальность чувствую, как бы неуютно, скованно себя ощущал бы. Не выразил бы десятой части своего состояния.

Второй день смотрю свой (!) телевизор. Наконец разжился голубым экраном. Первый оставил в Панджшере комбату. Не забирать же. Посмотрел передачу, точнее фильм, о Марке Донском, его фильмах. Сделано сильно о неординарном человеке. Так и надо рассказывать о работе таких людей. И, главное, даже не надо объяснять. Все чувствуется сразу, смотрится на одном дыхании, принимается сразу и безоговорочно. Любая фальшь бьет сразу. Самая малая. А подлинно талантливое даже не дает право задуматься об этом.

Забрал характеристику Ахмад Шаха, которую сделал Константиныч. Жизнь, характер, качества, родословная. Сколько раз упоминал это имя в дневнике, что, впрочем, понятно. Реальный противник в Панджшере. Интересно, с кем воюешь. В ущелье пока все спокойно. Обстрелов нет, диверсий нет. Позавчера, правда, дали пару очередей по 12-му посту.

На 10-м помощник начальника заставы сломал ногу, неудачно спрыгнул в окоп. Вывезти его не смогли. С утра тучи, нет прикрытия «грачей». Вертолеты до сих пор не работают. Все полеты после гибели Ми-24 прекратились. И до сих пор непонятно, когда начнутся. Комэск С. Лаптев в Кабуле утверждает решение на обеспечение безопасности полетов. Урезали количество постов, обрабатываемых «вертушками». Как будем снабжать посты, черт знает. Подловят когда-нибудь из засады группу обеспечения, если мы хлопнем ушами. Уши надо держать востро.

Новости: В. С. Халилов на 23-е получил лампасы.

Смешинки

Развернулась кампания по списанию всего, что можно,

поощряемая начальниками самых высоких рангов. Соответственная кутерьма закрутилась и у нас. Шамиль в отсутствие Вострotина остался за командира. Получает рапорт о списании имущества: палатки, спальники, ХБ, белье, штормовки, горное обмундирование и т. д. И натыкается взглядом на слово «топор». Потом рассказывает: «Меня заинтересовало, как же обоснуют списание топора». Покопался в объяснительных и выкопал «шедевр» в стопке рапортов. Солдат пишет примерно следующее. Во время Хостинской операции, находясь на блоке, рубил дрова. Вдруг начался обстрел РСами. Бросил топор и залег в укрытие. После окончания обстрела вернулся на место работы и обнаружил, что в результате прямого попадания снаряда «топор был изуродован до неузнаваемости, а топорище расколото». Ну, в общем, списали этот топор. Правда, когда на совещании с трибуны зачитали документ, зал буквально рухнул от хохота.

11.03.1988, Баграм. Пятница

Достал все-таки себе костюм спортивный, «Адидас». Все удовольствие 130 чеков. С Александром Судьиным на пару из двух костюмов скомплектовали каждому свой. Ему, пузатику, куртка 50, брюки 52. Мне наоборот. И все довольны. Забавно.

Вчера заседала наградная комиссия. Обсудили все рапорта и утвердили награды. В. Востротин поставил задачу начальнику наградного отдела — оформить ордена «Боевого Красного знамени» на меня, начальника ПО А. Греблюка и В. Серебрякова. Приятная новость. Будем надеяться, что награждения пройдут все инстанции без препонов. Наша драка под Хостом воплотится в металл на груди. Подождем — увидим. Всего-то полгода и ждать.

Хост. Вчера приезжал и выступал в нашем клубе ансамбль «Каскад». Такую живую песню про Хост мальчишки написали. Молодцы. И ритм, и темп, и слова — все в точку. Они нам оставили кассету с записью своих песен. Вот сейчас ее «размножают», а там пойдет гулять по рукам, как часто бывает в Афгане.

Погода, кажется, наконец налаживается. К вечеру стало пробиваться солнце, а к ночи на небе высыпали звезды. После стольких дней дождей весь полк буквально утонул в лужах. Даже и это не точно. Модули плывут в воде как корабли. Земля как камень, и вода не впитывается, никуда не уходит. Кое-где стал рушиться забор, защищающий нас от «духовских» пуль. По словам старожилов, нормальное весеннее явление. И у меня столь долго державшийся потолок, наконец, «заплакал». Подставил банку.

Может быть, с улучшением погоды, В. Белоусов уведет наконец долго ожидающую колонну на Анаву. Вертушки, дай Бог памяти, не летали в Панджшер с 22 февраля. Тоскливо им там без связи с внешним миром, без почты и даже без телевизора. Что-то случилось с ретранслятором в дивизии. Потухли наши экраны. Тоже безрадостное событие. Впрочем, в «группировке» должны принимать сигнал на свой ретранслятор. Это крайние посты остались без зрелищ.

Безалаберная пехота «веселится». Один балбес запускает осветительную ракету, а в спускающийся огонек со всех постов летят трассеры. И этим мы тоже отличаемся от них. Таких дурацких развлечений у нас среди солдат нет. Правда, хватает других. Сколько ни говори про запалы для гранат и детонаторы, все равно хоть раз в месяц кому-нибудь пальцы да оторвет. Когда начинаешь разбираться, в ответ одно невразумительное мычание:

«Да я не думал! Да я не ожидал». Вот обезьянки. Просто какое-то животное любопытство ко всему, что блестит и взрывается. У офицеров мания на режущее, а у солдат на взрывающееся.

Ножи

В одном из кишлаков, который мы перевернули в поисках складов, подобрал нож. Скорее штык. Английский, узкий, длинный. Красавец. Когда после первых боев перед взятием Сраны вышли для пополнения запасов и отдыха в более спокойный район, показал этот нож Игорю Печерскому. По тому, как заблестели у него глаза, понял, что нож ему чертовски приглянулся. И хотя он мне и самому нравился, тут же вручил ему со словами: «За то, что за два дня дважды жив остался в таких переделках». Потом как-то разговорились, и он с тоской говорит: «Потерял». Обругал его. А тут вдруг захожу к заместителю по тылу в комнату и вижу точно такой же нож на столе. Чудес ведь не бывает. Разобрался, раскрутил цепочку подхалимов и отнял чуть не в драке у А. Судьина этот нож, чтобы снова вручить И. Печерскому. Одно дело нож за кровь, другое дело — для резки сала. Кощунство.

Самому нож из нашего штыка недавно подарил капитан И. Гордейчик. Переделываю его сейчас на свой вкус. Командир тоже что-то ударился в ножи. Вручил ему кто-то отличный «Золинген» времен войны. Как сохранился? Заточка как бритва. Изящен как «Паркер» с золотым пером. А тут сегодня ему несут еще и отличного качества английский охотничий или боевой нож. Когда рассматривал, старался, чтобы мои глаза не блестели, как у И. Печерского. И что за мания у нас такая на эти штуки? Пожалуй, для офицера лучший подарок такая железяка. Мужской подарок.

Свадьба

Вечер. За стеной все ходит ходуном. Празднуется свадьба. Все как положено на свадьбе: тосты, крики «Горько!», топот пляски, затем гитара вперемежку с баяном. Афганскую семью создали старший лейтенант Андрей Богдан и Катерина из офицерской столовой. С утра на БТРах вместе с НШ съездили в Кабул, где в посольстве расписались. Вместо подвенечного платья на невесте тулуп. По приезду у входа в модуль их осыпали конфетами и невесть откуда взятой мелочью. И вот теперь торжество. Командир с А. Греблюком, как и положено, во главе стола.

Своеобразное освящение церемонии. По существующему положению супруги не могут служить вместе. Но эта пара под такой параграф не подпадает. Еще на совещании В. Востротин дал команду подобрать новобрачным отдельную комнату в модуле. Мол, не так уж часто у нас женятся, чтобы не вручить им их первую «квартиру».

А свадьба, даже такая аскетичная, наверное, в чем-то запомнится даже больше, чем если бы ее праздновали в самом престижном ресторане под звон хрусталя. Вот уж артиллерийского салюта, как сейчас, в Союзе точно ни у кого не будет на свадьбе. Мне сегодня, судя по всему, предстоит бессонная ночь. Фанерная стена, отделяющая меня от ленкомнаты, идеально создает эффект присутствия. Ненавязчивого, правда. За счастье молодоженов можно и пострадать.

12.03.1988, Баграм. Суббота

Шамиль получил «Красное знамя». Наш маленький вечер, посвященный такому событию, поручили вести как тамаде мне. От такой чести даже посвятил награжденному стихи.

Пришли, наконец, после стольких дней газеты, а писем нет. На кой черт эти политические события, если не знаешь, что в доме творится. Не трогает. Тем не менее, жизнь движется. Колонна дошла до Анавы, выгрузилась и успела до заката вернуться в Джабаль-Уссарадж. Там и ночует на комендатском посту. Завезли в Анаву продовольствие на «дцать» дней. Теперь уже все мысли о том, как их из Панджшера вывести. За время перемирия у них на постах возникло до пяти БК на оружие. Если прибавить ко всему шмотки, оружие и прочее (включая банно-прачечный комбинат, хлебопекарню, личные письма из дома каждого солдата), то получится не так уж и мало.

Сиюминутные хлопоты унижают любое слово, которое со временем, наверное, примет для каждого прошедшего эти места почти мистическое звучание: Панджшер, Анава, Руха, Базарак, Пишгор, Хазара, Шутуль, Арзу, Тавах, Дехи-Нау, Маймазар… Наверное, как ни переворачивай, как ни озвучивай, все равно любое действие, связанное с риском превращения в ничто, в прах и слезы, в пыль и память, действует оглушающе. И заставляет помнить! Для каждого поколения выпал свой Афганистан. Нам достался этот. И честно говоря, по накалу впечатлений рад, что я участник этих событий. Наши месяцы и годы надо для себя засчитывать не за три, а умножая на жизнь. Такого у нас,

наверное, больше не будет. Для тех, кто приехал за «Тошибой», это бред. Но больше чем уверен, что даже последняя тварь и рвач хоть раз в своей паскудной престижной жизни почувствует себя ничтожеством. А если и не почувствует, то и думать о нем не стоит.

16.03.1988, Баграм. Среда

Развернулся второй круг Хостинских сражений, пошли письма родственников наших погибших солдат. Отец Цветкова прислал сыну свою фотографию с надписью: «В честь моего 55-летия. Чтобы мы с тобой, сынок, счастливо встретились». Надпись датирована 27 декабря, а сын погиб 7 января. С учетом наших расстояний письмо не успело дойти.

Прочитал в кабинете у начальника ПО письмо матери В. Александрова из поселка Изобильное Оренбургской области. Все наши требования о снижении потерь, требования беречь людей бледны, надо бы только зачитать всем письмо матери, потерявшей сына, и больше ничего говорить не надо. Сколько боли. И одновременно много вопросов: зачем, почему, к чему эта дорога, к чему война и потери? Пишет, что прочитала в «Комсомольской правде» статью «Командировка на войну».

Все-таки мы понимаем, но до конца не осознаем силу воздействия печатного слова на массы. Стали более откровенно писать о том, что здесь происходит, и у людей начинает ясно вырисовываться весь авантюризм, вся бездушность этого мероприятия. Вот мать пишет, что через 10 лет скажут, что это было ошибкой — ввод войск. Да уже сейчас об этом можно сказать так. Стронул камень с вершины, пошла лавина, и попробуй останови. С утра передали заявление о том, что переговоры сорваны и вывод войск откладывается на неопределенный срок. Но ведь и настрой населения, который уже определился, это тоже лавина. Как всегда — одни делают ошибки, другие их героически исправляют. А у нас теперь полное неведение и неопределенность.

Завтра должен лететь в Анаву, в основном, чтобы обсудить план вывода батальона из Панджшера. Вроде более или менее определился срок, а теперь опять все повисло в воздухе. И не только со сроком. Много вопросов: что и как вывозить, как списывать, что будем передавать «зеленым» и в каком количестве, будут ли они принимать наши посты и как, будут ли работать вертолеты при снятии имущества и людей с постов и т. д.? Один большой вопросительный знак. Забирать из ущелья надо почти

все. И полевые, и очажные кухни понадобятся на Саланге. Даже старые рваные матрацы надо вывозить, чтобы здесь людям было на чем спать. Миллионы выбрасываем на ветер и экономим на матрацах. Списать бы их, но кто даст новые.

Опять показалось солнышко, но холодно. Вчера на горы выпал снег, и опять все вершины в белом саване, а нижняя граница снегов даже ближе к долине, чем в разгар зимы. Эти снега и дышат на нас как снежная королева. Как ни странно, из земли полезла зеленая трава. То тут, то там солидные пятаки зелени. Вспоминаю эту землю летом, и даже не представляется, что из нее вообще что-то может произрастать. А пока воды столько, что не верится, что будут сушь и пыль, ветер и зной и что придется в трусах лежать под кондиционером. Пока ночью сплю под тулупом. Вертолетная лампа «Липа» светит и греет, когда есть нормальное напряжение, а в основном, через пяток минут после включения выбивает предохранитель и гаснет свет.

Комнату начальника ПО А. Греблюка сначала в шутку, а теперь уже почти всерьез, называем ленкомнатой. К вечеру потихоньку все собираются у него, и начинается: чай, шахматы, иногда домино, музыка (то гитара, то магнитофон), болтовня обо всем и ни о чем. Теперь вот Дмитрич создал новую забаву — светомузыку. Сам светится от восторга, показывая всем свое детище. На стенах картины, картинки, развешанные ружья, сабли и кинжалы. На стеллаже кувшины, книги, безделушки. Вид комнаты совсем обжитой. На его фоне у меня жилище аскета. Маленькая казарма. А после появления карт я вообще про себя называю свою комнату Генштабом. Конечно, без истинно высокого смысла этого слова.

Греблюк, безусловно, молодец. Натура деятельная, энергичная, думающая. Человек неунывающий и с острым языком. За словом в карман не полезет. Под стать ему и его помощники: Н. Самусев, Н. Войтков, Ф. Клинцевич, М. Лажков. Политотдел — мозг и двигатель самых разнообразных инициатив. Тут и концерты, и КВН, и конкурсы знатоков, и суд над Водкой. Столько рождается, вернее открывается талантов при творческом благоприятствовании. Какие песни, частушки, стихи солдаты представляют. Но это верхушка айсберга. А сколько рутинной, черновой, повседневной работы во всем, что связано с людьми, с их сложностями, характерами, неладами и конфликтами! Чаре (гашиш) и самогон, воровство и зуботычины. Напрочь отвергнутое чувство ответственности и искривленное понятие о чести, порядочности. Этого ничуть не меньше, чем талантов и подвигов. И в конечном итоге все решают люди. Работа политработнику есть. И, пожалуй, в первый раз вижу таких преданных своему делу

людей, людей-единомышленников, людей слова и дела.

Собрал портфель на завтра. Для Константиныча и его помощников кулек с яблоками, сыром, кофе, шпротами, то есть то, что называется хорошим старым русским словом гостинец. Туда же, в портфель, награды для вручения. Подписал фотографию у В. Востротина для В. Серебрякова. Фонарик и пачка «Беломора». Вот и готов. На столе пистолет. У Дмитрия Савичева одолжил пирофакел. В карман куртки — пачку патронов и гранату. Если и собьют, то будет чем себя обозначить. Не успеют прийти на помощь, так продержаться хоть немного, на солнце посмотреть. Потом можно и кольцо рвать. Все равно живым не выпустят, а издеваться будут долго, резать и жилы тянуть. Почти все тела, которые удавалось отбить или вытребовать, получали со вспоротым животом, набитым землей, с отрезанными членом, носом, ушами и выколотыми глазами. Душманский стандарт.

27.03.1988, Баграм. Воскресенье

Вот и вернулся наконец домой, в родной Баграм, в свою комнату. Десять дней пробыл в Панджшере. Все эти дни прожил у Константиныча.

Если в первый раз у него останавливался из интереса, то теперь и по необходимости. Моя комната после дождей совсем потеряла жилой вид, а кое-где и потолок обрушился. Глина она и есть глина. Привез с собой в Анаву хорошую погоду, которой и наслаждался три-четыре дня. А как засобирался обратно, небо враз нахмурилось. Зарядили проливные дожди, а под конец и снег выпал. Солнечные денечки успел использовать для хождения по постам.

Начал с 9-го. Интерес тройной: вручить награды, оценить порядок и боеспособность и увидеть то место, где расстреляли группу, посланную за водой, тогда, в декабре. Если первые два положительные моменты, то последнее вызвало возмущение. Из-за полной безалаберности, разгильдяйства и тупости. Вина В. П. Дона как начальника безусловна. Поражает наглость «духов». А впрочем, самое невозможное оказывается единственно верным. Если бы я был «духовским» начальником, то, посылая своих подручных на ту засаду, знал бы, что посылаю их на смерть. Место выбрано под постом, в долине у ручья, где и камней-то, чтобы спрятаться, не так много. Просматривается с поста, дальность метров 400. И ведь сложили головы два человека. И ушли «духи» без возмездия, и оружие унесли. Нет слов.

Сейчас на посту старший лейтенант С. А. Подгорнов. Человек толковый и надежный. И за водой уже ходят как положено: двое набирают, трое в круговую за камнями. Каски, бронежилеты. «Дорога ложка к обеду». Константиныч выразил точную мысль, что нас, русских, губят (и в смысле жизни, и в смысле дела) две крайности: «авось пронесет» и «как бы чего не вышло». По-моему, точно.

Общая обстановка в Панджшере: больше двух месяцев нет стрельбы. Мины и фугасы не снимаем. В начале марта Ахмад Шах провел совещание командиров своих боевых отрядов и групп. Продлил перемирие до 15 мая (на веру примем). Разослал всем приказ (т. е. членам НДПА, царандой, ХАД, властям) явиться, чтобы засвидетельствовать свою лояльность ему и ИОАП (Исламское общество Афганистана, Панджшера). Тем, кто склонит голову, прощение. Остальным — смерть. За прошлую неделю из Анавы дезертировали три солдата царандой, а офицер ХАД дал согласие работать на А. Шаха. В Панджшере противником создаются запасы оружия и БП для ведения боевых действий средней интенсивности в течение двух лет. В лагерях идет подготовка специалистов и расчетов тяжелого оружия, в том числе противотанковых и переносных зенитных комплексов, безоткатных орудий и минометов. По готовности пополнение перебрасывается в боевые группы в Чарикарскую «зеленку» и на Саланг.

Видимо, с целью предотвращения не санкционированных им боевых действий Ахмад Шах высказал мысль о недопустимости кровной мести. Сказал: «…и мы понесли потери в этой войне, и русские не только танки и самолеты теряли, но и людей». В случае выхода советских войск обещал не препятствовать, а на участке Кабул, Чарикар, Саланг взять их под охрану, чтобы не допустить обстрелов со стороны боевых групп ИПА (Гульбеддина Хекматьяра) и не спровоцировать ответные удары советской авиации и артиллерии. Вероятно, главной целью все же является захват под носом у ИПА и кабульского правительства постов вдоль стратегической дороги после оставления их нашими войсками. Во всяком случае желание отрядами Ахмад Шаха не вести против нас боевые действия выглядит убедительно, так как им нет смысла ввязываться с нами в войну, а надо копить силы для грядущих событий, для борьбы за власть после нашего ухода.

Постоянно под различным соусом подбрасывается дезинформация для подталкивания нас к драке. То «доброжелатели» говорят о появлении новых минометов в таком-то районе, то горной пушки в другом, то ПТУР и т. д. Периодически кто-то накрывает цели в зоне нашей

ответственности. Предположительно, артиллерия *177-го мсп* или полка ВС РА в Джабаль-Уссарадже. Вероятнее всего, последние. Уж кому хотелось бы втравить нас в потасовку, так это нашим «союзникам». В ответ на огневые налеты у нас в Анаве несколько раз кто-то обстрелял из миномета 6-й и 8-й посты. Еле удержал комбата от стрельбы «в никуда». Одно дело, если бы засекли супостата точно. А бить по кишлаку особого ума не надо. Последствия же были бы однозначными. В преддверии вывода батальона из Панджшера, нам эта свара вообще не нужна.

Когда рассказал Константинычу, что готовились к боевым действиям в районе Мирбачакота, он за голову схватился. Чистой воды глупость. Район ИОА. Они от боевых действий воздерживаются. Все обстрелы, нападения и сбитые над Баграмом самолеты, в основном, на счету у ИПА, на совести «бородатых» Гульбеддина. Уж кто на содержании у Штатов, так это они. Опять кто-то раздул «дезу» с целью завязать нас тройным узлом. Когда трое дерутся, четвертый (кто?) выигрывает.

Парадоксы войны. Учитывая, что режим Наджибуллы прогнил и реально авторитетом в народе не пользуется, уже сейчас надо поглядывать, с кем же мы будем иметь дело в будущем, кто будет южнее Кушки и Термеза, насколько будут спокойны наши границы. Время — лучший провидец. И головы остужает, и глупость лечит. Однозначно только, что дров наломали, а копья еще долго будем ломать, неся политические, военные и моральные издержки.

За время своего панджшерского «сидения» заснял три диапозитивные пленки да одну черно-белую. Только одну диапозитивную не успел там проявить. А те, что проявил, получились хорошо. Почти весь Панджшер снизу и сверху, в цветах и красках. Успел даже несколько кадров группового снимка с награжденными отправить на 9-й пост мальчишкам на память об их наградах. Впервые попытался снять черно-белую пленку через светофильтр, и тоже получилось отменно. В отпуске дома, наверное, закажу где-нибудь большие фотокартины.

Потеребил «группировку» за беспорядок, взгрел заместителя по тылу за столовую. И поделом, запустил бездельник это дело. Но в целом В. Серебряков людей держит крепко. Люди чисто, опрятно одеты, подтянуты, честь отдают энергичнее, чем в Баграме.

В солнечные дни в долине совсем красота. В один из дней доходило до +27. Покрылись цветами персиковые деревья. На ширину ладони взошли озимые на полях. А вершины гор все в снегу. Красиво. Река узкая, мелкая, почти спокойная. И это до тех пор, пока не начнут таять снега в горах. Вот тогда забурлит

Панджшер.

20-го числа афганцы встретили свой новый 1367 год. С утра в дувалах что-то дымило и курилось, готовили кушанья. Среди дня прошествовали из Анавы в Каламирамшах старейшины. Той Али пробовал объяснить их обычаи, но что-то не особо связно получилось. Одно понял, праздник, и не менее радостный, чем наш, хотя и без елки.

Группировка живет своими событиями, и мелких не бывает. У Светки от Бима родились щенки, от роду почитай им 20 дней. В голове засвербило: чистые овчарки. Присмотрел уже одного кобелька, самого крупного и энергичного. Взял бы — рос бы и зверел тут под моим присмотром. А что потом? Отберут у нас на границе всех собак санитары-живодеры, не пропустят. Еще подумаем.

Вечера коротали с Константинычем у комбата. И тепло, и сытно. За чаем или кофе перед голубым экраном да в разговорах время бежит быстро. А если на экране еще что-то увлекательное и спорное, то вообще летит. Последние два вечера «Взгляд» и «До и после полуночи» особенно понравились. Потом с Константинычем по кроватям и слушание новостей со всего мира. В основном, конечно, в разрезе Афганистана.

Только собрался улетать и, бах, нет погоды. Дождь как из ведра, а облака как ножом обрезали вершины. Потом от теплых скал упал туман. И зажурчало по земле и по стенам: «вода, вода, кругом вода…». Носа не высунешь. Только мысли иногда: «А каково там, на вершинах, на постах и в бункерах?» Под конец — снег. Но зато и подморозило. Вчера к вечеру даже солнышко на закате показалось, и родилась надежда. Утром чуть посерело, а уже где-то загудело. Как пружина из кровати выбросила.

Комэск С. Лаптев все же выполнил обещание, забрал при первой возможности. Напоследок кадры полета. Крепость и «группировка» — вид сверху. Гиндукуш — в перспективном плане, весь в снегу. Лечу один в вертолете, новые требования. Зато маршрут старый. По-над горами, затем по краю «зеленки» по кругу, обходя этот «гостеприимный» район. Внизу, опустившись метров на 600, гуськом тянутся боевые вертолеты. Над нами где-то очень высоко «грачи». Их-то никогда не видно, но они там. Без них «вертушки» не идут. Но в отличие от прошлого, сейчас мы их ощущаем. Периодически, ограждая нас от «зеленки», на нашем уровне вырастают гирлянды «осветилок» и, оставляя дымные хвосты, тянутся вниз. Нас прикрывают от «Стингеров» и другой заразы. Внизу на земле кое-где разрывы снарядов. Артиллерия ведет беспокоящий огонь. Серьезно, как я погляжу, стали относиться к вылетам. Заходим на посадку и сразу отворачиваем.

На глазах взлетает пара Су-25 и круто с виражом от «зеленки» забирается на верхотуру. Теперь можно садиться. Салютую командиру «вертушки» и выпрыгиваю на железные плиты стоянки. Приехали. И уже машина ждет. Последний жест вежливости комэску, который идет от своего боевого вертолета. Взаимные приветствия, новости, рукопожатия, и по домам. А дома на столе куча писем. Бальзам. В том, настоящем, доме все нормально: учатся, работают, делают зарядку и, главное, все здоровы. Все течет, и, слава Богу, ничего не меняется.

29.03.1988, Баграм. Вторник

Я улетал из Панджшера, а в это же время в Анаву тронулась колонна с грузами (топливо, продовольствие), но что самое приятное для аборигенов гор — военторг и начфин. И вот сегодня под вечер колонна вернулась. Все нормально, только на выходе из ущелья была какая-то беспорядочная пальба.

Попробовал сегодня первый раз позагорать. На солнышке припекает. Тепло и много воды. Из земли в самых неожиданных местах пробиваются тюльпаны. И сажать, ухаживать не надо, сами за себя отвечают. На кустах вполне распустившиеся листочки. Весна, и все сказано. Действительно — время надежд: на тепло, на солнце, на отпуск, на встречу.

31.03.1988, Баграм. Четверг

Чудное время. Половина одиннадцатого вечера у нас. Разница с Москвой после перевода стрелок теперь стала летняя, всего полчаса. А по радио только что отыграли куранты, и диктор объявил программу «После полуночи». Сплошной сумбур. Вроде и наступило время первоапрельских шуток, а вроде и нет.

Вернулся из Кабула. Собрался поехать сегодня с Ш. Тюктеевым. Он на постановку задачи, я проветриться, да закупиться, да с друзьями повстречаться. Но вчера, как снег на голову, появился Е. Минаев, советник в афганской десантной бригаде. Посидели, а когда он засобирался, и я с ним отправился. Весь полет до Кабула на Ми-24, на бреющем через «зеленку» с подскоком через горку перед Кабулом, занял 11 минут. Чудо, почти миг. И полет необычен. Вертушки афганские. Правда, пилотирует наш полковник. Зато расцветка да опознавательные знаки «духовские», и это как привилегия. Нас не трогают. Идем, цепляя брюхом землю. В стороны разбегаются отары овец и

верблюды. Устроились в заднем отсеке боевого вертолета. Успел пощелкать через люк из фотоаппарата, но, кажется, бесполезно. Пленка не передает ни высоты, ни впечатлений.

Утром подъехали наши офицеры на организацию взаимодействия, но за ночь все изменилось. По дороге на Газни, южнее Кабула, «духи» крепко вцепились в колонну «полтинника». Где-то с час была драка, били из гранатометов в упор, расстреливали из автоматов. Погиб командир роты, солдат, шестеро раненых. Командир *103-й вдд* П. Грачев отменил прежнюю задачу и дал команду разработать операцию возмездия в этом районе. Теперь будем ждать утверждения решения и пойдем бить «зеленку». Неизвестно только, когда. Шамиль пойдет за командира, я, наверное, заместителем на ПКП. Дальше будет видно. Вернулись к обеду домой на БТРах.

С утра с Володей Савицким съездили в Советский район в «оптику» и дуканы. Торгаши колотят деньгу вовсю. Кого же они будут обдирать, когда мы уйдем? Прибыли у них баснословные. Из-за нашего чертового дефицита всегда и во всем мы в их глазах, наверное, сами выглядим папуасами. Спрос оправдывает требования. За детскую пластмассовую бутылочку ломят по 50–60 чеков. Оправа для очков, в которой пара граммов пластмассы, а все изготовление заключается в ударе штампа, стоит 100 и больше чеков. Грабеж узаконенный. И ведь берут. От покупки оптики отказался, но «тройку» на лето все же не удержался и взял. Выложил две с половиной сотни. И это за брюки, рубашку с коротким рукавом и курточку из плащовки светло-серого цвета… «Кабул-подвал». И взял. И заплатил. Если можно было бы дома купить, кто бы шнырял по этим грабительским местам и позорился, везя домой копеечные вещи, купленные за сотни рублей, увозя в Союз консервы и конфеты. А теперь, наверное, и сахар надо везти. В шутку, конечно.

Только узнал, что в нашем посольстве работал Терешкин. Судя по всему, мы с ним однокашники, учились в параллельных классах. Жаль, не увиделись, уехал. Помню, впрочем, я его смутно. Но интересно было бы встретиться.

Зря сынулю младшего костил в своих заметках. Получил письмо, что четверть окончил на пятерки, с тремя четверками. Поведение примерное. Молодец. Рад за него. В письме объявил ему благодарность (шуточный приказ по семье). Сказал супруге, чтобы он ответил «Служу Советскому Союзу!». Получил он мои фото «духовских» складов, что взяли на Хосте. Понравились, хвастался перед ребятами. В его возрасте лучшего подарка и не нужно. Времена, конечно, меняются, и наши одежки им уже не подходят. И все же будем надеяться на преемственность. Хотя

силком свое мнение — ни-ни. Абсолютно не разумно. К чему душа повернется, тем и станет. Главное, чтобы призвание проявилось, не был бы безразличным человеком.

2.04.1988, Баграм. Суббота

13.45. Духи обстреляли три поста (3-й, 4-й, 8а). Конец перемирию? Опять ранен И. Герман, в ногу, сильное кровотечение. Сейчас комбат с группой где-то на посту. Будут спускать. Погода: тучи по земле. Вертушки не пойдут. Информация пока скудная. Если придется срочно эвакуировать, то волнений за два БТРа, идущих в ночь через «зеленку», будет предостаточно. Парня, наверное, придется отправить в Союз. Отец на днях прислал письмо, просит сохранить сына, а тут как назло третье ранение.

7.04.1988, Баграм. Четверг

С И. Германом все нормально, отлежится. С утра с В. Востротиным выехал в Кабул. Володю Савицкого встретил в Штабе армии в перерыве технической конференции. Не надеясь на встречу, подарок оставил его помощнику. А в буфете приобрел торт (вот уж радость — невиданное, давно забытое лакомство) и засунул ему в машину. День рождения — 10-го.

Планируемые боевые действия снова сменили окраску. Теперь идет 1-й батальон с разведротой на проводку колонн в сторону Кандагара, Шахджоя и Калата. Ведет Ш. Тюктеев. Постановка задач 9-го. Все, раз не берут на войну, я ложусь «на сохранение». До отпуска чуть больше месяца.

Конфликт из-за чая в военторге. Болит все тело после последних дней зарядки с пробежкой и штангой. Не совсем новая черта в поведении афганцев, но сегодня что-то особенно «повезло». Проезжая Кабул и Мирбачакот, и почти дома, в Баграме, на базаре получали камни и куски грязи от бачат, заморышей лет по 8-10.

Вечером сообщение о встрече в Ташкенте М. Горбачева с Наджибуллой. Нотки оптимизма в отношении подписания договора. В. Варенников на технической конференции однозначно сказал, что вывод пройдет по плану. На днях к нам по соседству перебралась 38-я бригада «коммандос». Займет наш городок после нашего ухода. Все афганские войска, судя по всему, стягиваются в район Кабула (до этого стояли где-то в глуши, в

провинции Пактика).

8.04.1988, Баграм. Пятница

Сбит ракетой афганский МиГ-21. Тянул на аэродром, но на посадке врезался в капонир 2-й эскадрильи штурмовиков. Летчик погиб. Больше никто не пострадал.

Вечером в новостях: Кордовес заявил, что в Женеве переговоры закончены и пакет документов по договору готов к подписанию.

9.04.1988, Баграм. Суббота

С утра инструктаж и отправка колонны в Анаву. Повел В. Белоусов. С ним начальник штаба батальона О. Юрасов и заместитель по вооружению О. Гапоненко. Перегоняем в ущелье восемь новых БМП-2.

10.04.1988, Баграм. Воскресенье

Проводили в поход 1-й батальон с разведротой. Ушли Ш. Тюктеев, А. Греблюк, Х. Ахмеджанов. Утром провожал их с известной долей зависти. Знакомая суета вокруг машин. Последний инструктаж. Команда: «По машинам!» Отряд обеспечения, затем пошла вся колонна. Боевые машины, облепленные пехотой, поочередно пропускают по три-четыре колесных и вклиниваются в поток. Проходит буквально с десяток минут и остается только поднятая пыль. Завидую. Настоящая мужская работа, новые впечатления, настоящие поступки. Пошли на Кандагар, а это почти четыре сотни километров через половину Афганистана. Вернутся дней через 20. Модуль заметно обезлюдел. Да и городок поутих. Остатки полка полдня добросовестно метут территорию, собирают фантики, драят столовую перед приездом медицинской инспекции. Суета сует. Комиссия появилась, благосклонно посмотрела на звезду командира и благополучно ретировалась. Мелочные заботы и радости.

11.04.1988, Баграм. Понедельник

После зарядки, пробежки и штанги, после завтрака — час утреннего загара. И весь час где-то идет настоящий бой. Бухают разрывы, то громче, то тише. Отчетливо слышны очереди и одиночные выстрелы. Поднялись и кружат штурмовики, но не видно, чтобы заходили для удара. Вероятно, схватка идет нос в нос. Боятся зацепить своих. Чуть позже в пожарном порядке ушла группа из медбата. Накал все возрастает. Для эмоционального человека вполне достаточно, чтобы сделать сопоставление. Странности войны. Одни загорают и нежатся под солнцем, а другие в это время это солнце видят в последний раз. Кто-то заботится о цвете кожи, другие в пыли и крови вцепились в приклад и бьют по дувалам и зарослям, вытаскивают раненых, рвут бинты. Эфир забит командами, криками, руганью. Где-то на позициях артиллеристов: «Быстрей снаряд, выстрел, снова быстрей, быстрей снаряд!» А после боя у кого пустые бессмысленные глаза, а у кого и истерика. В Союзе кто-то смотрит фильм про войну и досматривает его до конца, как бы картинно ни упал герой. Здесь каждая смерть нелепа. Вот тебе и тихое теплое утро. Никакого монтажа и никакого удара по клавишам на высокой ноте.

Рота спецназа захватила у нас под боком двух 15-летних пацанов. С 29 марта о них ни слуху, ни духу. Приходили старейшины. Традиции кровной мести у мусульман придерживаются строго. Для нас это может закончиться несколькими внеурочными похоронками. Для «борцов за веру» не имеет значения, кто причастен к похищению парней.

Под Мазари-Шарифом сбит афганский Ан-26. Наши ночуют под Гардезом. Через Газни не пошли из-за сложной обстановки в том районе.

В программе «Время» сообщение о взрыве арсенала под Исламабадом. Погибли 75 и ранены 650 (?) пакистанцев. Если диверсия, то очень удачная. Пусть эти парни тоже почувствуют свою ответственность за прекращение войны. Любой мудрый политик чувствовал бы себя неуверенно, имея в своей стране чужие вооруженные отряды. Кажется, им еще придется испытать шаткость своего положения. Гульбеддин им нравился своей непримиримостью, вот пускай и воспитывают этого «капризного ребенка».

14.04.1988, Баграм. Четверг

Вчера под вечер при боевых действиях подорвалась на фугасе БМП. Погиб командир 3-й роты старший лейтенант В.

Архангельский. В Афганистане всего месяц пробыл и вот уже в обратный путь. Сейчас ищем офицера для сопровождения тела в Куйбышев. Сразу возникло желание что-нибудь передать с оказией, но, подумав здраво, решил, что, во-первых, не уместно, а во-вторых, зачем давать пищу для раздумий тем, кому передадут посылку. Завтра нежданно-негаданно на «боевые» ухожу и я с 3-м батальоном. Растащили полк по кускам. Задача в принципе не из сложных. Встанем на прикрытие колонн на участке Бараки-Кабул вместо батальона 108-й дивизии. Те уходят с какой-то задачей в район Алихейль. Вот там место действительно горячее во всех отношениях. В прошлом году мы там изрядно с «духами» сцепились, и память о тех боях и участии в них живет в разговорах у всех до сих пор и звучит как высокая степень отличия.

Погода установилась жаркая. Начались знаменитые баграмские ветра, метет пыль. Грохочут крыши. Ослепляющее солнце. Должны вернуться к концу месяца. Опять в деле с Н. Ивонником и И. Печерским. Будем надеяться, что все обойдется без приключений, таких как в прошлый раз на Хосте.

Уже больше недели нет писем. Ходят слухи, что на границе установили новые машины для проверки посланий, но никак не введут их в строй. И от этого наша почта где-то оседает без движения. Если так, то это черт знает что.

30.04.1988, Баграм. Суббота

Вернулись. Сейчас, вечером, после бани да хорошего ужина самое время все вспомнить. Ушли в пять утра 15-го. На место должны были выйти к 11 часам да промахнулись и уже к 9 вышли в район. Кабул прошли за 40 минут, а я рассчитывал часа за полтора. Сменили на блоках «красных» (пехоту). Задача самая для нас нелюбимая: блокировать дорогу и пропускать колонны, идущие на Гардез, Газни, Алихейль. Трудно держать людей: жара, солнце, однообразие и так изо дня в день. Сначала все подозрительно косятся на «зеленку», а она рядом, через дорогу. По ту и по другую сторону валяются разбитые продырявленные красные от ржавчины скелеты машин — в большинстве любимые «духами» бензовозы.

Со временем все свыкаются с опасным, но неизбежным соседством смеси разбитых дувалов и зарослей. И это привыкание опасней всего. А лучше места для неожиданной атаки все равно нет, да и понятия «опасное» и «безопасное» место в такой войне условны. Удачно, что местность идет с наклоном к реке и оттуда,

снизу, нас трудно накрыть. А приблизиться вплотную «духи» вряд ли решатся. В наследство от пехоты получили окопы, а со временем и сами основательно зарылись.

«Зеленка», долина реки Логар, начинается километрах в 10 южнее Кабула и тянется километров на 40–50 до самых Бараков. В повседневном лексиконе все именуют ее «Мухамедкой». Мухамедка — и всем понятно, о чем идет речь. А это от названия населенного пункта на полпути до Бараков: Мухаммедага-Уллусвали. Дорога хорошая, асфальтированная. Идет вдоль гор по правой стороне зарослей, полей, кишлаков (если ехать от Кабула). Слева вьется то ближе, то дальше река Логар. По обе стороны от нее на три-четыре километра сама зеленая зона, далее к горам степь.

Вдали громоздятся горы. Горы идут как бы ступеньками, все выше и выше, и уже на горизонте они солидной высоты, все в снегу. Высота там уже явно за 3000. Полотно асфальтовое, и кое-где обочины изрядно попорчены «духами»: где заплаты из земли и асфальта, а где и воронки до метра и более глубиной. Ну и, естественно, в тех местах и скелеты машин.

Работа обыденная и нудная. В полшестого машины разъезжаются по позициям, а к вечеру собираем их в ротные пункты. Машины разведвзвода возвращаются на КП батальона. Погода контрастная: днем жара, ночью довольно холодно. Соответственно погоде и букет болезней. За полмесяца отправили в Кабул несколько человек с подозрением на воспаление легких и инфекционные болезни. Последнего с подозрением на тиф. И сам начал пить таблетки от малярии. Сказывается близость реки — к ночи в палатку слетаются комары. Вот уж не доставало схватить малярию перед отпуском.

Идет колонна на север или на юг в Гардез: все «к бою». В окопы, каски на голову, стволы в «зеленку». Прошла колонна: «отбой», наблюдатели на местах, остальные в тень, под тент, под полог. Разрешили надевать бронежилеты на голое тело. Жара и духота. И сам, особенно в первое время, изрядно мучился, пока не акклиматизировался.

На солнце печет, а в палатке духота. Выскочишь, обольешься водой и минут 20 чувствуешь себя человеком. Остальное время — хлебный мякиш. Да и работы как таковой особенно нет. Зачитали до дыр, меняясь, все книги, брошюры и журналы, какие оказались у запасливых людей. На всех один приемник, да и слушать прилично можно только по вечерам. Днем берет на «троечку». Весь эфир забит восточным говором и музыкой. Индия, Иран, Пакистан — все в кучу. До нас днем доходят экзотические передачи, какие в Союзе и не слыхивал, — радиостанция

Мурманска «Атлантика» для рыбаков северо-западного района, передача для соотечественников за рубежом (это уже Москва). В обед хороший концерт для советских специалистов, работающих в странах Азии и Африки. Вечером начинает прилично звучать «Маяк».

Изредка слушали «Маяк» из Вашингтона. В один из дней одарили нас своим вниманием эти врали, заявив, что советские войска ведут упорные бои в долине Логар. А у нас тишина. Один раз видели далеко в предгорьях караван. Несколько раз каких-то людей в «зеленке», но огня не открывали. К чему бессмысленная стрельба. Возвращаясь в очередной раз к вранью в эфире, вспомнил, что было как-то в марте сообщение о том, что в Кабуле при взрыве погибли четыре советских советника. Спросил Женю Минаева, так ли это, и тот ответил: «Вздор, не было ничего подобного, утка в чистом виде».

К однообразию жизни — однообразие в пище. Под конец утром обходился чаем. Гречка уже в горле застревала. Как эту триаду (гречка, макароны и рис) не меняй местами, все равно аппетита они не вызывают, если их есть изо дня в день. А борщ в банках? Один вид штабелей этих банок вызывал аллергию. Положительным в этом выходе нахожу то, что научился играть в нарды (или Шеш Беш). Игра немудреная, но азартная и время съедает, как солнце лед.

Вечером кратковременный кусок прохлады, короткий переход от жары к холоду. Пошагаешь туда-сюда, как маятник, подышишь знакомым воздухом. Если днем он не наш, не русский, то с темнотой и сыростью от реки, свежестью от зелени нет-нет, да и напомнит что-то родное. Иллюзию нарушают шакалы. Впервые услышал этих тварей. А то все больше впечатлений вычитанных. Как кому, а мне их вой представился чем-то средним между боевым кличем индейцев и детским плачем. Иногда кажется, что это человек дурачится, визжит на разные голоса.

Скорее всего, эти гады и стали причиной моего конфуза. Среди ночи вдруг разразилась стрельба. Спросонья это оказалось так неожиданно. Показалось, что палатку в упор расстреливают. Реакция была мгновенной. Вмиг с кровати свалился, да еще подал команду: «Все вниз!». А через секунду очухался, поднял голову, а на меня ошалело, удивленно и тоже испуганно спросонья смотрят со своих кроватей Н. Ивонник и И. Печерский. Со стороны нелепо, конечно, смотрелось. Но как бы там ни было, они проявили такт, вроде ничего и не произошло. Разобрались в обстановке. Что-то или кто-то сорвал «сигналку», и часовые враз ударили туда со своих мест. Вот и все.

А на другую ночь действительно две залетные откуда-то пули

щелкнули над палаткой. После этого дал команду зарыть палатки. В земле, да за бруствером все спокойнее себя чувствуешь, а то лежишь как на сцене. Другая забота для волнений — змеи. Здесь уже Печерский больше всех волновался: «Не люблю, мол, этих тварей». Так-то они на людей не бросаются, а сейчас в апреле — мае в брачный период становятся нервными, агрессивными. Печерский приказал за неимением лучшего насыпать вокруг палатки хлорки. И смех и грех. А в один из вечеров дали команду: «К бою», а экипаж одной БМП мнется, никто внутрь лезть не хочет. В чем дело? Внутрь забралась змея. Шутки в сторону, машина небоеготова. Потом разобрались, что это полоз, не ядовитый.

На пятый день стояния в обороне вечером при возвращении на КП 9-й роты А. А. Махотлова подорвалась боевая машина. Номер 592 какой-то роковой. В декабре на перевале подорвалась машина с этими же цифрами на борту. Вот теперь сменившая ее другая совсем новая машина-красавица превратилась в металлолом. Только что ее пригнали из Союза. Жаль людей, жаль машину. И место, кто бы мог подумать. Съезд с дороги, метрах в пяти от полотна, на уже десятки раз накатанной дорожке. При взрыве вмиг всех разбросало в стороны. Хорошо, что не сдетонировал боекомплект. Лейтенант С. Бугаков и сержант Ментешашвили ранены. Лейтенант серьезно, перебита нога. Один контужен. Всех троих срочно на БТР и в медбат в Кабул. У машины пробит корпус, это все. Через два дня от нее остался голый корпус, а все внутренности оказались в кузове «Урала». Хорошо еще, что все так закончилось.

Это наши первые и последние на этих «боевых» потери. Где-то в это же время узнали о потерях соседей. Батальон спецназа в Бараках перехватил караван, захватил его, и в это время по трагической ошибке на караван вышли боевые вертолеты. Ударили на редкость точно: пятеро убиты, шестеро ранены. Погиб зам. комбата майор Головко. В мае прошлого года в статье «Дорога домой» писалось, что больше всех дебоширят демобилизованные десантники части майора Головко. В. Востротин тогда еще сказал, что теперь этому майору можно не завидовать. Не знали тогда, кто это такой. Теперь уже точно завидовать нечего. Нелепая смерть. За неделю они потеряли семь человек. Через день вновь перехватили караван из засады. Завязался бой. Вызвали на подмогу БМП. Когда бой уже заканчивался, «дух» — гранатометчик подобрался в темноте и влепил гранату в башню машины.

Позавчера пропустили через себя колонны войск, выходящих из районов Газни и Кандагара. И среди них прошел наш батальон

А. Давлятшина. Вышел к дороге и сфотографировал «Чайку», на которой шли Ш. Тюктеев и А. Греблюк. А потом помахал рукой. Приятное чувство: «Свои идут!»

Ну, а нам пришлось еще задержаться, прикрыть колонну на пути туда и обратно. Одна за другой пылят машины. Чего только нет в кузовах! Явно наметки на выход. Странно только смотрятся разбитые корпуса на тралах. Вывозить эту рухлядь себе дороже, но везут. Бред. Как только колонна прошла обратно, стали сворачиваться и мы. Путь домой. Дом и здесь.

Вернулся, а на столе куча писем и несколько номеров «Литературной газеты». Сначала начал разбирать вещи, приводить себя в порядок, но нет-нет, а косился на стол. Потом бросил все и сел грязный, чумазый рвать конверты, глотать строки любви, ожидания, надежд и тревог. Спасибо, дорогие, вам за этот дар, за это нетерпение.

Новости из Анавы. За это время обстрел РСами «группировки», обстрел из миномета 6-й сторожевой заставы и попытка захвата 9-й заставы. Конфликт В. Серебрякова с С. Богатовым. Неуживчивый характер у комбата. Давит людей, когда нужно и когда не нужно. В мае поедет в отпуск, а затем поступать в Академию. Из полка отправили на ремонт в Хайратон почти все БТРы, прибывшие из Анавы. Пока меня здесь не было, случился форменный аврал. Поставили задачу с 3-го по 7-е мая вывести группировку из Анавы. Затем приказ отменили, и теперь вроде вывод из Панджшера состоится в июле.

Полк с 11-го мая на месяц идет на Саланг прикрывать выход войск. С 15-го мая выходит Джелалабад и снимаются все заставы восточного куста вплоть до Кабула. С 28-го мая по 6 июня — Газни и Гардез. Идут сразу на Родину. Одновременно через Шинданд на Кушку закатывается Кандагар. Значит, к середине июня южнее Шинданда и Кабула наших войск не будет. Когда мы вчера снимались с блоков, нашлись шутники и привязали сзади к машинам веники. Мол, заметаем дорогу, чтобы не возвращаться больше туда, в те места. Наверное, и весь вывод будет с вениками. Может, когда-нибудь будут продавать турпутевки по Афганистану. Поеду обязательно как зритель, как турист.

1 мая 1988 года

Праздник. Хотя я этого и не почувствовал. Уже под вечер узнал из статьи в «Красной звезде» о Козине, вернее о мытарствах его жены. По афганской традиции подняли третий тост за погибших. А я говорю, что это, наверное, для меня как крест:

помнить своих первых погибших, Валерия Козина и Михаила Матвеева, которые сложили свои головы на 15-й заставе в июне прошлого года. Это было отрезвление, когда читал. Такое сообщение. Они для меня как святые, хотя я их и видел только мертвыми. Кому что объяснишь. Где-то в глубине души я понимаю черствых людей. В нашем складе общественного мышления: забвение корням, истории, старикам и всему гуманному. Главный принцип: «Не высовывайся», а доллар стал главной целью и оправданием всех поступков. Куда дальше.

А я вспоминаю прошлый год, свои метания (внутренние, никто, надеюсь, ничего не видел), когда пытался помочь, поддержать заставу. Помню то обнадеживающее сообщение, что, может быть, живы и разбирают бункер, обрушившийся от взрыва. Помню и разрушившее все сообщение о том, что они мертвы. И забота о раненых. И вызов «вертушек». И отправка искалеченных. И три пачки «Беломора», выкуренных за вечер и ночь. К чему военному эмоции. Мне бы спокойствие тех людей, которые решают судьбу вдовы 22-х лет с двумя детьми. А им бы мои переживания в Панджшере. Таким людям, наверное, и не надо говорить про кровь и смерть. Дать прочувствовать обыденность, тушенку изо дня в день, жару, изматывающую как бюрократ. Больше ничего и не надо. Думаю хватило бы. Думаю, что они столько пота в душной комнате не проливали, сколько каждый из нас потратил только для подъема на эту заставу. Про кровь и не говорю. Помню и совещание на следующий день, когда объявил минуту молчания и предложил собрать на помощь жене деньги. Знали о детях. И предполагали, что ей не сладко придется. В итоге собрали с офицеров и прапорщиков батальона больше 600 чеков. Для любящей жены слабое утешение, и все ж. Все что смогли. Помогли жене офицера корпоративно.

А матери Матвеева? А другим сотням и тысячам? Тут уже должно сработать государство, которое нас сюда забросило. Но государство состоит из отдельных людей. Если каждый из нас ничто, то что есть государство? Больше чем уверен, что начальник паспортного отдела И. С. Марусенко жена и мать образцовая. Затурканная обстоятельствами и дефицитом, дефицитом жилья и милосердия. Да и ума не хватает (скорее сердца в расчетливом мире), чтобы понять ВСЕХ. Ну а нас, афганцев, тем более. Это все равно, что Чернобыль для сибиряка. Занятно, но далеко. Дай Бог не коснется, свои проблемы с сахаром и Палестиной, тортом к дню рождения и косым взглядом шефа. Последнее страшнее, чем отсутствие колготок.

Днем усиленная пальба на окраине аэродрома, взрывы. Что за бой в такой неожиданной близи? Завтра узнаем. Вечером, как

обычно, работа артиллерии. День как день. Командир и начальник ПО в гостях у истребителей. Молчат, но краем уха слышал, что А. Греблюк летал над Афганом на МиГ-23 с начальником ПО истребителей под предлогом разведки погоды. Боятся не за себя, а за организаторов. Кто-нибудь вложит, а кто-то конкретно накажет. И не наших, а гостеприимных хозяев. Чудовищное нарушение правил, статей и пунктов. Пехота в воздухе. Льготы войны. Все проще, регламентация живых людей, а не пунктов. И это то, что притягательно. Люблю Афган за то, что все не так. Люблю за то, что можно нарушить, что никто не спросит и не осадит. Доверия больше в критических ситуациях и просто в поступках. И не от того, к сожалению, что поощряют, а просто рук и глоток на всех не хватает, да и бумаги меньше, чем брони на выброс.

Под Мирбачакотом неделю назад сожгли два бензовоза. На обратном пути видел только обгоревший асфальт и струны покрышек. У ближайшего танка — горы гильз, да остовы цистерн у заставы, куда остатки оттащили. Дождь нам помог. По приезду Хаким спросил: «Вас не обстреливали по пути назад?». Я говорю: «Нет». — «А нас обстреливали одиночными», — говорит Ахмеджанов. Впрочем, все это для войны баловство. Подумаешь, какого-то N ушлют в гробу домой. Война все спишет. Супруга как-то в октябре спросила: «Ты не боишься?» Ответил: «Нет», — и сильно не покривил душой. Действительно, чувствуешь все по принципу — Бог дал, Бог взял! И только под вечер в период спокойствия и осмысления начинаешь бояться.

Существует какое-то неписаное, но почитаемое всеми правило, что гибнут в большинстве в первые три или три последних месяца. Это у всех как наваждение. Никто, конечно, не рассчитывает превратиться в прах и память. Все чувствуют себя неуязвимыми. Тому сопутствуют обыденные обстоятельства смерти. Был, жил и вдруг, как-то случайно, подрыв, пуля, «Стингер». Все живы, а один лежит и не дышит. Белый, если чистый, или как кусок глины, если шел в колонне или вжимался под пулями в пыль и грязь.

Странно, что у убитых кровь не так бросается в глаза. Как ни странно, раненые и выживающие больше окровавлены и тем бросаются в глаза. А по опыту дорожно-транспортных происшествий, больше всего кричит тот, кто меньше всего пострадал. Тяжелый и умирающий молчит. Вот тому и требуется первейшая помощь. Хорошо судить, когда все по полочкам. А поди разберись в бою. Да под страхом своей смерти. Да в темноте. Сколько потом кусали локти от того, что при благоприятных обстоятельствах вполне можно было бы спасти. А

что такое «благоприятные», если кругом горы, а спасающие сами рискуют собой, техникой, вертолетами. Как вертолетчики садились на одно колесо, чтобы снять наших убитых на высоте 3234? Где те тормоза и стимулы? Для меня, боевого офицера, конечно, без всяких сомнений, риск — это когда рискуешь своей жизнью. После этого риск испортить карьеру — ничто. Не те мотивы и последствия, совсем не те последствия. Может и спорно…

На память:

Статья «Вы здесь чужие…» в газете «Красная звезда» от 26.4.1988-го, майор Н. Бурбыга, спецкор «Красной звезды». Честно говоря, хотел бы съездить в Кировоград. Как это стремление назвать, не знаю. Не уверен, что и помочь бы смог. Надеюсь, что заметка сыграет свою роль. Но мне бы хотелось и свое что-то вложить в память о погибшем подчиненном. Пусть я и не знаю его глубоко. В этом ли суть. Хотелось бы, чтобы слова «Вечная память» были не просто сиюминутной данью. Память нужна и живым. А мне эта память до конца дней. Крест.

2.05.1988, Баграм. Понедельник

В интересное время живем. Все живут надеждой, надеждой на перемены. Статьи в газетах, одна другой интереснее. Шатаются дутые монументы, рушатся радужные иллюзии. Иногда мысленно хватаешься за голову: чему верили, кому поклонялись?! А чему сейчас верить? Министры — воры, первые секретари — преступники. Мафия, оказывается, не только в итальянском лексиконе. В «Литературке» статья «Тайна октября 1941 года». Немцы под Москвой, а на Лубянке расправляются с Мерецковым, Штерном, другими видными военачальниками. Бьют резиновыми палками генерала армии заместителя наркома обороны. Пытают зверски дважды Героя Советского Союза генерала авиации. Почти до смерти запытывают наркома вооружения Ванникова. Расстреливают под Куйбышевым и Саратовом. Убивают их жен, только потому, что «…будучи любимой женой, не могла не знать об изменнической деятельности своего мужа». Разум отказывается понимать прочитанное. Россия-страдалица. Из века в век кровью умывается обильно. Костями дорогу в прогресс мостит. Что ни номер газеты или журнала, то жуткая, бьющая наотмашь правда. Голод 1929–1933 годов. Людоедство. Вымершие

деревни. Людей гибнет больше, чем в Гражданскую войну. В плодороднейших черноземных районах люди мрут, как букашки. И не в результате недорода или засухи. По воле одного человека. Невольно вспоминаешь бодренькие ленты: «Трактористы», «Кубанские казаки», «Веселые ребята». Да и все другое грандиозное оболванивание не только тех, но и нас через 30, 40, 50 лет. Геноцид физический и моральный. Пол Пот и Иенг Сари — «подготовишки» в коротких штанишках после таких учителей. Чем разможжение голов миллионов кирками отличается от миллионов замученных голодом. Старые большевики, забитые в лагерях уголовниками. Киров убит. Орджоникидзе застрелился. Горький отравлен. Бухарин — «немецко-японский агент и террорист». Апокалипсис. Миллионы погибших в Отечественную. Пять миллионов пленных. Периоды даже придумали: «культ личности», «волюнтаризм», «застойный». Когда же жили нормально? Богатая страна Россия. Весь счет во все периоды только на миллионы. В одни — миллионы загубленных, в другие — миллионы уворованные или приписанные.

Сможем ли когда-нибудь стать для других примером, которым все будут восхищаться, а не пугаться. И не ужасаться нашей дикости.

На «боевых» иногда, если «вертушки» приходили в Бараки, получали газеты. Начитался подобного, вышел и наткнулся на муравейник. Стоял, смотрел и думал. Вот идеал таких, как Сталин: безмолвны, усердны, все одинаковые. Удивительно трудолюбивы и жизнестойки. Пал сородич, тут же старательно тащат внутрь, чтобы добро не пропало, на корм. И никаких эмоций. Закапывали палатку, засыпали муравейник почти метровым слоем земли. Через два дня пробились наверх, к солнцу. Идеальный народец. Затопчи хоть сотню, ничего не изменится, ничего не заметят.

Завтра командир с группой офицеров выезжает на рекогносцировку на Саланг. Подготовка к операции по выводу. Выход на 11 мая. Готовность к 15-му, дню начала вывода. Срок — до середины июня. Буду смотреть все это по телевизору. Отпуск на носу. Не терпится. Переговорил с командиром о семье В. Козина. Машина уже закрутилась. Из Москвы из Управления несколько раз звонили, собирали подробности гибели. Направленец из ГУКа по ВДВ Безруков уже улетел в Кировоград. Безусловно, теперь все разрешится.

Да, наше лето закончится на Саланге. И из полка видны заснеженные вершины Гиндукуша. Вернее, зима для нас начнется раньше всех. На трех-четырех тысячах не разбалуешься.

4.05.1988, Баграм. Среда

После обеда концерт Н. Гнатюка. Можно долго рассуждать: знаменит, не знаменит, популярен или звезда на закате. Но, так или иначе, для полка событие. Все приятно: и обстановка, и душевная расслабленность, и чистый высокий голос. Ко всему мы в этой глуши без претензий. Не часто нас балуют заезжие знаменитости. А когда и балуют, так мы где-нибудь в походах. Вот так «посмотрели» Винокура, «Девчат» и т. д. Не знаю, как восприняли выступление мальчишки, молодое поколение, которое мы уже в своем возрасте не воспринимаем. По себе чувствую, что и сам отдаляюсь губительно для взаимопонимания. Свист в знак восхищения мною, как не прискорбно, воспринимается…ну как сказать? Скорее как освистывание все-таки. Командир молодец. Вышел под конец, взял микрофон и сам стал Звездой. Так перелопатил все, так расставил акценты, плюс живой человеческий юмор. И теперь уже свист в зале как высшая награда этому человеку.

Вчера сошлись накоротке с новым командиром отряда Ан-12. Только-только из Союза. Познакомились. Дал хороший совет, как выбраться домой. У него где-то 13–14 мая борт на Фергану. Да ко всему надоумил, что в Фергане вся ВТА бывает. Можно договориться, и прямым ходом оказаться в Крестах, в Пскове. В это даже не верится. Подождем.

Когда днем ездил на КП вертолетчиков, вблизи рассмотрел эмблему истребителей. Мимо рулил МиГ-23, и на воздухозаборнике эмблема в виде сокола с молнией в когтях. Все это самодеятельность. В Союзе эмблем полков нет. К этому мы со временем, возможно, придем. Талантов много. Нарисованы эмблемы со вкусом, талантливо. У истребителей — сокол, у штурмовиков — грач, на Су-17 — дракоша с бомбой в когтях, а у разведчиков — сова с фотоаппаратом на груди. Надо будет и вертолетчикам что-нибудь посоветовать, те традиционно отстают. Жаль, идею для С. Лаптева нельзя запатентовать. Хотел меня надрать в нарды, и тут же схватил шлем и побежал к своему боевому вертолету для вылета на прикрытие транспортников. Толком и не поговорили.

6.05.1988, Баграм. Пятница

Путевка на руках. Сегодня пришел паспорт. Морально готов. Одно держит, вкладная книжка, которая будет готова числа десятого. А время поджимает, срок путевки с 17 мая по 11 июня.

Обнадежили, правда, что можно опоздать до суток, и примут, и продлят срок. Но не люблю неопределенности. Пытался вчера дозвониться, попросил телефонистку передать через В. С. Халилова новость для супруги. Не слышит. Пытался сейчас опять звонить, канал в аварии. Не везет. Дома надо бы все заранее решить с учебой Михаила, отпуском, билетами. Не получается. Опять нагромождение случайностей.

Вчера и сегодня помогал в съемках эпизодов фильма, который выйдет на экраны где-то в конце года. Вчера сняли посадку десанта в вертолеты. Сегодня ветер не дал взлететь «вертушкам». Зато вместо десантирования разыграли настоящий бой в горах. Такой же бой «разыграли» и с гибелью корреспондентов «Известий». Вот только что программа «Время» вляпалась в грязь и подставку. Репортаж, интервью, даже съемки с места события. Траур. Автоматный обстрел?! «Духовские» гранатометчики?! Вот дурят. Еще вчера в подробностях знали, как завалил БТР водитель. Один из корреспондентов погиб, второй в тяжелом состоянии. Папа — заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК. Прилетел спецрейсом. Встретил сам командующий. Все вполне объяснимо, из этого и вся игра.

Наджибулла сейчас в Индии. Две страны притягиваются друг к другу не столько дружбой, сколько общими врагами. Косвенно присутствовал при его отлете в Дели. Видел выруливающие на сопровождение МиГи с ракетами.

Магомед Елоев получил звание полковника. Поздравили его с папахой «бараньей головой». Командир утром вернулся из Кабула, утвердил решение на боевые действия в мае-июне на Саланге. Новости не обнадеживают. Придется нам померзнуть. Сегодня опять выезжала группа на рекогносцировку. Говорят, холод собачий и снег. Операторы в штабе Армии утверждают, что сокращения сроков вывода не будет. Пока все по плану. Конец всего к 15 февраля 1989-го. Правда, не верится. Зная нашу любовь к широким жестам, надеюсь, что к декабрю уберемся, а правительство обставит это как шаг вперед и жест доброй воли. Посмотрим. В конце июня вытаскиваем полк из Файзабада, а затем снова на Саланг.

Который день ветер метет с большой силой. Из-за него утром не летали «вертушки» в Панджшер. Обещают завтра. Что-то рано в этом году заработал «Баграмский вентилятор».

Получил Героя П. Грачев. Должен уйти в Академию ГШ, а на его место после Академии приедет Е. Бочаров. ВДВ — войска тесные, почти семейные.

9 мая 1988 года

День Победы. По телевизору показывают праздник духовых оркестров. Москва празднично бурлит. Все торжественно. Только что вернулся с вечерней Зари. Получилось скромно, но достаточно по событию. Были и разноцветные ракеты при исполнении Гимна, гром салюта из ЗГУ боевого охранения. Наша батарея повесила осветительные снаряды почти над полком. Плац насколько можно освещен с двух точек фарами машин. При прохождении торжественным маршем зрелище какое-то фантастическое. Пыль поднимается сотнями ног и раздувается разгулявшимся ветром. А утром встречали генерала армии Зайцева — Главкома Южного направления. Торжественное настроение совместили с проводами первой группы увольняемых и вручением наград по последнему. Указу. Все ордена и медали Зайцев вручил лично. Но самая главная и, пожалуй, для большинства неприятная новость — это то, куда мы выходим. «Обнадежил» нас Главком, сказав, что уходим в Кировабад, где нас уже ждут, готовят место, учебную базу и решают жилищные вопросы. Как сказал Зайцев, «Будем противостоять южному флангу НАТО». Да, перспектива. Хаким, как услышал, так полчаса бессмысленно смотрел вдаль и мычал что-то про себя. Чертыхался, что восемь лет там провел и под конец службы опять туда, как в ссылку. А как почувствуют себя те, кто рассчитывали выйти в Фергану, написали рапорты на продление срока службы в Афганистане и остались здесь до конца. Вот удар будет.

Рассчитываю завтра, если будет борт, вылететь в Союз. Может, эта запись будет последней в дневнике. Путь домой. УРА!

Часть третья

Вот уж и третья часть дневника, надеюсь, последняя…

29.06.1988, Баграм. Среда

Позади отпуск. Все вместе: и грусть, и удовлетворение, и воспоминания, и ожидания. Впереди пока неизвестность. О будущем лучше не гадать. Весь первый этап вывода войск из Афганистана просмотрел по голубому экрану, в мягком кресле, в санатории. Судя по периодичности репортажей и предварительной моей осведомленности насчет графика вывода, все прошло по плану. Вот только молчок про Кандагар. Здесь уже узнал, что обстановка на юге сложная, постоянные схватки и обстрелы. Противник старается вырвать инициативу. Как результат, обе советские бригады пока на месте. Наши *(345-й опдп)* под Файзабадом. Сегодня с утра разговаривал с Востротиным по телефону. Обстановка в целом спокойная, но при выходе рот на блоки были потери. Пробудут на «боевых», вероятно, до 27 июля. Я остаюсь здесь и готовлюсь к возможному приезду командующего. На 16 июля планируется представление нового комдива 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Е. Бочарова.

Во время моего отдыха, в конце мая (19.05.1988), без всякого постороннего обеспечения, даже без усиления от полка, который стоял на Саланге, Д. Савичев и А. Судьин в одночасье вывели из Панджшера 2-й батальон. Теперь слайды, сделанные в Анаве, ценны вдвойне. По тем горам и тропам ходят только «духи». Нам уже не бывать там. В перспективе, во второй половине августа, начнется следующий этап вывода. Пора закругляться. Чем скорее закончим, тем больше жизней сохраним. Мы еще здесь, а в печати, по телевидению уже идут другие «баталии». Одни ошибки: и принятие решения о вводе войск в Афганистан, и эта девятилетняя война. Хорошо, что хотя бы одно не ставится под сомнение — солдатское мужество. Хотя это слабое утешение. А что нас, «афганцев», ждет дальше?

Вчера под вечер взяли старт из Ферганы на Баграм. Пока летели к границе, при свете почитал газеты. А с подходом к невидимой черте, разделяющей мир и войну, самолет погасил аэронавигационные огни, погас свет и внутри. Все, далее полет по-боевому. За час полета до Баграма прислоняюсь к

иллюминатору и смотрю на освещенные луной горы и облака. Настало время для размышлений и воспоминаний.

Первое время в Союзе все-таки бросались в глаза отличия мирной жизни от боевой. Вот ведь думал раньше, что передергивают ребята, когда говорят, что трудно входят в мирную жизнь, считал это чуть ли не бравадой. А ведь и сам первое время не раз ловил себя на мысли, что тихо, нет стрельбы и взрывов, странно, что вот так спокойно ходят люди, красивые, нарядно одетые, не видят крови, не знают смертельных переживаний.

24 дня в санатории им. Ворошилова. Больше трех недель сытой, спокойной, великолепной жизни. Чудо. Шезлонг на балконе 9 этажа, с видом на тихое море. Настойчивые призывы врачей подлечиться. От чего? От войны? Физически-то чувствовал себя превосходно. Зато Людмила лечиться начала с радостью. И Михаил с нами. Поставили раскладушку в комнате. Вот кому было раздолье. В одном ему не повезло, отец не рыбак. Зато научился играть в волейбол. Семейной командой пару раз победили Рожковых в «пионербол». Побывали в Афонской пещере. Сделали кучу слайдов и по приезду домой просмотрели их через новый диапроектор. Ну а затем полет в Куйбышев к старшему сыну. При нас он сдал два экзамена и закончил первый курс. Сейчас в стройотряде. Отпраздновали 90-летие Марии Алексеевны. Событие неординарное. Неделю провели в Куйбышеве, и поездом в Москву. С благодарной памятью искали окно нашей клетушки в общежитии Академии им. Фрунзе на Садово-Спасской, в которой провели чудесные студенческие годы. Жалко, что в Пскове пробыли всего четыре дня. Дом есть дом, даже если он и не обжит, как следует. А места вокруг города, да река Великая в тепле и зелени июня просто созданы для отдыха.

Все кончается. Все так близко и уже так далеко. Опять рев самолетов, ночная пальба и совсем другие заботы. Сегодня, правда, в дело особенно не лез, приглядывался. Навел порядок в этом своем доме, съездил в баньку. Завтра заберу бразды правления остатками полка у А. Судьина и за дело. Иллюзии в сторону. Отдых расслабляет. Кое в чем чувствую потерю реакции. Надо срочно ломать мирные настроения. Пока был в отпуске, пришло подтверждение на мой орден Красного Знамени.

3.07.1988, Баграм. Воскресенье

Второй тревожный вечер. Получена информация о возможном нападении «духов» на гарнизон и обстреле нашего аэродрома. Что ж, возможно, так и будет. Хотя столько уже было

предупреждений. Люди воспринимают все это как должное, и настроить их на опасность трудно. Вроде все сделано для обеспечения безопасности, и все равно, чувство такое, что все, что произойдет, будет, как обычно, неожиданностью. Как бы победить беспечность.

Сижу, потягиваю трубку с махоркой, смотрю заключительный концерт «Юрмала-88», пишу дневник. В комнате, несмотря на вечер, душно. Кондиционер тянет плохо. В ноздри лезет запах пыли. Сбрызнул воздух, промыл фильтр, и все равно душно и пыльно. Возвращаясь к событиям вокруг нас, можно поверить, что когда-нибудь и наш городок навернут «духи». Неоднократно проходила информация, что они планируют развернуть борьбу с авиацией на земле. После прекращения активных действий наземных войск вся тяжесть ударов по противнику легла на летчиков. По всем данным, противник решил активизировать действия по местам базирования нашей авиации. Под таким углом зрения, очевидно, и надо рассматривать потерю восьми штурмовиков при обстреле Кабульского аэродрома (погиб летчик), взрыв склада боеприпасов у вертолетчиков и повреждение двух Ан-12 у нас в Баграме.

В дополнение к боевому охранению развернули вдоль стены три танка, стволами в «зеленку». Периодически, то мы, то к нам, позванивают с «боевых». До сих пор колонны еще не пошли. Полк пробудет под Файзабадом до конца июня. Обстановка спокойная. Но, как всегда, когда спокойно со стороны «духов», тревожат свои. Позавчера командир ругнулся в трубку, что опять кому-то в 1-м батальоне оторвало палец.

У нас без особых новостей. Утром провели «Вопросы-ответы» командования личному составу. Пришел «хостинский» Указ (по результатам проведенной в Хосте операции). Вручение наград организуем по прибытии полка. А пока, в связи с предстоящим отъездом в ЦК ВЛКСМ старшего лейтенанта С. Ткачева, вручил ему заслуженный орден Красного Знамени. Искренне рад за него. Достойный боевой офицер. На памяти тот тревожный день, и ночь с 7 на 8 января. Тяжелейший был бой. Сколько мужества. А люди продолжают гибнуть. Последнее сообщение о подрыве на фугасе двух подполковников штаба Армии под Файзабадом. Дело знакомое. Будучи в Куйбышеве, посетил родителей Виталия Архангельского. Единственный сын, поздний ребенок, родителям за пятьдесят. Комментарии, как говорится, излишни. Трудные минуты соболезнования. Единственно, в чем смог помочь, съездил и пробил вопрос насчет памятника. Для родителей теперь память о сыне — весь смысл существования. С невесткой контакта нет. Остались перед смертью без. радостных хлопот о

любимом внуке и сыне. Не дай бог кому такой судьбы.

Закончилась XIX партконференция. Событие не рядовое. Наверное, впервые до конца был в напряженном внимании все время ее работы. Дебаты велись открыто, бурно, демократично. Сколько ярких запоминающихся выступлений. Может, и не столь откровенно выступление на конференции командующего 40-й армией Бориса Всеволодовича Громова, что, впрочем, и понятно, но запомнились его слова: «Никому не позволено ставить под сомнение выполнение воинского долга. Никто и ничто не сможет умалить героизм и самоотверженность наших людей». Выступления на партконференции были решительные. Огонь души, огонь костра, бенгальский огонь. За резолюции проголосовали, а что дальше? Как бы весь пар не ушел на гудок… Посмотрим, время покажет.

4.07.1988, Баграм. Понедельник

Сообщение с «боевых». Подрыв солдата 5-й роты на «блоке». Отправлен в Кундуз. Остался без ног, если вообще выживет. Днем пришла информация, что четверо погибли и еще четверо ранены, теперь уточнение, оказывается, пострадал только один. Странная ситуация, хочется сказать: «слава Богу», но язык не поворачивается.

Вчера в Кабуле исчезли двое гражданских «спецов». До сих пор не найдены.

5.07.1988, Баграм. Вторник

Собрались в бане всей компанией: Магомед Елоев, Роман (зам. по тылу госпиталя), А. Судьин, Вахид (начальник ХАД Баграмского гарнизона) и новый его советник Саша. Интересная компания. Пришлось, правда, потеснить женщин, чей день в бане вторник. Ну да успели и они, и мы. Разговор удалось поддержать в деловом русле. Не будь я сейчас в роли командира, то, вероятно, на вторых ролях пришлось бы улыбаться тому, что мне лично совсем не так занятно. А так от очевидца узнал ситуацию в Кандагаре, где Саша был месяц назад. Не знал, что Кандагар — бывшая столица Афганистана, Упорная оппозиция. Боевые действия шли уже буквально на окраинах. Город разрушен. Лучшие в Афганистане виноградники. Самые превосходные в мире гранаты, по сравнению с которыми, наши среднеазиатские — просто дички.

Постоянные обстрелы Кандагара. Реальная сила правительства — 2-й армейский корпус, от силы полторы тысячи человек. По данным разведки, правительственные войска город не удержат. Душманы представлены, в основном, формированиями ИПА, а это парни фанатичные. Компромиссов быть не может. Противника — 17,5 тыс. «штыков». После ухода двух наших бригад город падет в «духовскую» корзину, как перезрелое яблоко. Ну, да это ладно. Окраина. Хотя, может, мы иначе, чем местные, оцениваем значение Кандагара. Для меня лично новость, что «духи» в лице «семерки», в качестве столицы переходного правительства остановили свой выбор именно на Кандагаре, а не на Джелалабаде. Противник в июне неоднократно пытался взять Калат, расположенный на трассе Кабул — Кандагар, то есть подготовить падение Кандагара. По словам Вахида, сложная обстановка сложилась и в провинции Баглан. Там работает афганская авиация.

Вахид. Маловато все же информации, чтобы правильно оценить человека. Начальник службы безопасности (ХАД) всего Баграма. Человек стойкий, решительный, преданный нам. Но все, к сожалению, с чьих-то слов. Обмануться пара пустяков. Располагает к себе тем, что в разговоре не юлит, смотрит в глаза и говорит без оговорок и желания понравиться, говорит не то, что в «жилу». Тайная война идет в полную силу. Как нас поправил Саша, нюансы в терминологии: не «провокации», а «инспирирование». Стравливаются друг с другом банды ИПА и ИОА, ликвидируются главари и их замы. Если так, то это зрело. Жаль, нет разносторонней информации, чтобы отделить «зерна от плевел». Рад бы поверить. Так и нужно, но боюсь, как бы не было в рассказе Вахида излишней саморекламы.

Конечно, интересовало мнение Вахида по перспективам развития ситуации в Афганистане в связи с уходом Советских войск. Умница. Говорит взвешенно. Ох, как не просто у них все. Пытался он «взять» банду, потрепать ее. Но из Кабула некий «бугор» позвонил, чтобы не трогали. Оказывается, главарь банды — брат этого высокопоставленного «бугра». Все завязано тугим узлом, что, впрочем, не новость. У самого Вахида семейный клан в районе Мирбачакот может выставить под ружье до 500 (пятисот) бойцов. При любом раскладе, он сам может стать в оппозицию кому угодно и вступить в союз с кем угодно. Благо, что пока к нам расположен.

Возвращаясь к поводу застолья. Пришел приказ о назначении Магомеда начальником 1-й поликлиники Министерства обороны. Считай, стал москвичом, но госпиталь будет выводить сам. Когда? Это мы и сами хотели бы узнать. Пойдут они, значит,

пойдет и 108-я дивизия, пойдем и мы. Значит, покинем Кабул, Баграм, все районы южнее Гиндукуша.

6.07.1988, Баграм. Среда

Боевой опыт. Вот думаю, как бы точнее сформулировать, что это такое. Однозначно то, что ведение боевых действий против нерегулярных войск, против партизанских, повстанческих и тому подобных отрядов и формирований, ничего общего с крупным вооруженным конфликтом не имеет. Это не современная война. Терминология не в счет. У противника нет авиации, нет крупных группировок артиллерии и ракетных войск, нет современного управления войсками, космической связи, спутников и танков, нет ударов, прорывов и окружений. Отсутствует высокая мобильность. Гибкость в тактике — да. Стратегия на уровне тактики.

Что узнал нового? Новый театр военных действий. Познакомился с горами, местной природой, климатом. Полезно. Для Европы применение относительное. Свист пуль, взрывы ракет и снарядов испытал. Реально посмотрел в глаза «костлявой», психологически это важно. Теоретических знаний в области организации и ведения боевых действий, в общем-то, достаточно, и после уяснения специфики местных условий вполне хватает. Обстрелянность — это хорошо. Умение рационально оценивать опасность, принимать разумные решения, думать о деле, не о себе. До привыкания к опасности, в первых боях любой командир или начальник, так или иначе, думает о себе, и это не на пользу делу.

Вопрос моральный, но никуда не денешься, придется привыкать к почти спокойному отношению к смерти людей, мукам изувеченных. Война вообще дело жестокое, и не всегда получается соболезновать. Можно потерять еще больше. Слушать подчиненных, очень часто им виднее и понятнее конкретная обстановка. Но, приняв решение, проводить до конца. Метания опасны и вредны. Иногда даже не совсем взвешенные решения, но твердо всеми претворяемые в жизнь, продуктивнее, чем правильные, но не доведенные до конца.

Зная историю предыдущих войн, понимаешь, что очень часто победу одерживали «тараном». Успех любой ценой. Здесь, в Афганистане, в общем-то, этого не было. По крайней мере, при мне. Я этого не увидел. Иногда даже другая крайность, сберечь людей в ущерб делу. Отсюда безынициативность, боязнь потерь, медлительность и нерешительность. Для этой двусмысленной

войны, при невоюющей Родине, да на чужой земле, наверное, иного и быть не может. Для такой войны, как идеал — взвешенное соотношение категорий: затраты — результат; потери — успех; при большем доверии и меньшей регламентации.

Определенный скачок в развитии техники и тактики ее применения, правда, с учетом специфических условий Афганистана. Надежно показали себя БМП-2, танки Т-62, Т-72, БМ-21 «Град», 2С9 «Нона» и в целом вся артиллерия. То, что не выдерживало испытание войной, отсеивалось. До сих пор с содроганием помню, как расчет ломом запихивал в ствол самоходного миномета «Тюльпан» мину весом более сотни килограммов. Но когда этот расчет управляемой миной накрыл «духовский» миномет и шесть «бородатых» как испарились, мы ему простили все недостатки. Советское стрелковое оружие вообще вне критики. За всю свою службу не помню ни одного случая задержки при стрельбе из автомата. Пулемету ДШК можно ставить памятник. На себе испытали. У нас от него со временем отказались. Тяжел, не современен, но «духи» об этом не знают и успешно таскают его китайский вариант по горным тропам.

Ни один летчик никогда не скажет плохого слова о своем самолете. Иногда в разговорах прорываются пожелания усилить движки, заменить радиоэлектронное оборудование. А в целом «Грач» (СУ-25), СУ-17, СУ-24 достаточно надежные машины. Иногда возвращаются на базу действительно на одном крыле. И возможности по ремонту в полевых условиях очень высокие.

Представить Афганистан без вертолетов вообще невозможно. Безупречно работают и в зной, и в пыль, и лютый холод. Иногда сообразительность людей позволяет им летать в условиях высокогорья вопреки всем инструкциям.

Признательные слова можно сказать про службу ракетно-артиллерийского вооружения. По всей нашей истории зачастую воевали одной винтовкой на троих и отвечали на десять немецких снарядов одним своим. Здесь практически не было никаких ограничений ни по номенклатуре, ни по количеству. Бери, сколько сможешь унести. И брали под завязку, иногда выкладывая и оставляя сухие пайки.

В тоже время бросается в глаза, что зачастую действуем по старинке, «дедовскими» способами. Недостаточное знание техники, инертность и предубеждение, трудность эксплуатации, ненадежность и низкие тактико-технические характеристики техники, в дополнение — недостаточное материальное обеспечение. Подчас, некомпетентность, нечестность, разгильдяйство, безалаберность — вот цепочка, которую по звеньям не разорвать. А без сдвигов в стране, в экономике,

системе обучения и воспитания, дисциплине и морали, не решить тем более.

Наконец, во благо приобретения других знаний и опыта, пусть не боевых, а чисто практических: полевой быт, жизнь, питание и т. д.

13.07.1988, Баграм. Среда

События последних дней. 8 и 9 июля был в Кабуле. Если оценивать с точки зрения пользы делу, поездка бестолковая. Утром выехали на двух БМП с майором Н. Самусевым на совещание к генералу армии В. И. Варенникову, скорее, на отчет делегата XIX партконференции. По приезду выяснили, что мероприятие перенесено на вечер.

Пришлось отправить машины обратно с расчетом вернуться самолетом. Три часа просидели в душном зале, слушая изложение газетного материала, здравицы в честь раскрепощенного диспута, демократии и гласности. Довольно тускло и двусмысленно.

В Кабуле беспокойно. Проезжая на УАЗике мимо резиденции правительства, видели лежащих на изготовку солдат через каждые 50-100 метров под окнами и у стены крепости. Улица закрыта для движения. Нас пропускают, так как мы «шурави». Вообще, машин и людей на улицах заметно меньше. Почти каждый день, то здесь, то там, рвется начиненная взрывчаткой легковушка или грузовик. Гибнут люди. В основном афганцы. 7-го числа ухнул взрыв у КПП центрального госпиталя. Завалилось 15 метров забора, обрушилась крыша пропускного пункта, пострадал лабораторный корпус, вылетели все стекла. Чудо, что никто не пострадал. Одуревший, но невредимый наряд по КПП вытащили из-под обломков. Участились теракты. Выстрелом в спину в центре города убит солдат — водитель из ведомства Константиныча. Машина угнана и брошена. Оружие пропало. Участились обстрелы города РСами. Причем часть пусков осуществляется непосредственно из черты города. Оппозиция все делает, чтобы доказать неспособность правительства контролировать ситуацию. В известной мере, это им удается. Много информации о переходе групп военнослужащих и целых подразделений афганской армии к противнику.

В то же время при видимой удаче конкретных результатов мятежники не добились. Попытки взять наскоком Джелалабад, Калат, Газни, Майданшахр (Вардак) не имели успеха. А там наших войск нет, воюют одни «зеленые». Советские войска от

участия в непосредственных боевых действиях воздерживаются. По-прежнему сложно под Кандагаром. Зона влияния ИПА. Эти парни с ярым мусульманским экстремизмом бескомпромиссны. Северные районы Афганистана: Саланг, Панджшер, провинции Каписа, Парван скорее были и останутся оплотом ИОА, то есть останутся под Ахмад Шахом Масудом.

На днях заезжал с ночевкой Константиныч. Дал свое видение проблем. Руководство ИОА проводит довольно умеренную политику, воздерживается от нападений на советские войска: заставы, колонны, гарнизоны. Иногда даже заявляет о взятии «шурави» под охрану. После выхода наших гарнизонов из Панджшера Ахмад Шах, естественно, восстановил свое полное господство над этой территорией. Для полного удовлетворения сбил несколько постов царандой у входа в ущелье и успокоился. Впрочем, и сбивать толком не пришлось. Один солдат увел весь батальон, застрелив комбата, замполита и зам. по тылу. Никто не вмешался. Батальон, правда, как обычно, 35–40 человек. Батальон, одно название. Константиныч теперь обосновался в Таджикане, на сторожевой заставе. Практически на входе в ущелье Саланг. Зовет в гости. Устроился неплохо. Рассказывал о том, как выходил на контакт с главарями бандформирований, контролирующих Южный Саланг. По имеющимся сведениям, Ахмад Шах санкционировал такие контакты. Вообще, он проводит довольно умную и взвешенную политику. Его люди говорят: «Мы этих гадов «зеленых» били и будем бить, а вы не вмешивайтесь. Это наше дело. А вас трогать не будем». По распоряжению Ахмад Шаха после выхода наших войск из Панджшера были выпущены все узники из местной тюрьмы. Восстанавливают сейчас дорогу в ущелье, «исправляются». Подтвердилось сообщение прессы о готовности Ахмад Шаха отпустить советских военнопленных. Пока, правда, они остаются как залог и валюта. Но, наверное, можно поверить, что при нашем полном уходе он их отдаст. Константиныч рассказал показательный эпизод. На Саланге «духи» серьезно разбили колонну «зеленых». Их комбат «прилетел» к нашему (бросив, кстати, своих и уведя все БТРы) с просьбой помочь отомстить за нанесенную ему кровную обиду. Наш советский комбат поехал выяснить, в чем дело. На подходе к точке рандеву вышел из кустов здоровенный «дух» с гранатометом. Поднял руку и сказал: «Командор, буру!», т. е. не вмешивайся. Наш майор понял все правильно, развернулся и уехал. Сжечь один наш БТР «духам» составило бы столько же труда, как пятку почесать.

Но не все так просто. С начала июля в районе Мирбачакот систематически обстреливают из стрелкового оружия наши

колонны. Обстрелы провокационные, наобум, но неприятно. Было два таких эпизода и с моими машинами. Когда шел сам, старался быть предельно собранным. Наводчик в готовности за пушкой, солдаты на броне с автоматами на изготовку, перед самым опасным местом остановился, собрал в кулак нашу маленькую колонну из двух БМП, двух колесных машин, да двух пристроившихся под нашу защиту чужих и проскочили участок на повышенной скорости. На скорость вся надежда. Определить, откуда стреляют из этого хаоса разбитых дувалов, стен и виноградников, практически невозможно. «Зеленка» на то и «зеленка».

Константиныч на своем УАЗике отделался сравнительно легко. По приезду показал мне пулевые отметины на кузове. Крыли, как минимум, из двух стволов секунд сорок. Ни в «кого не попали. А вот стоматологу из медбата не повезло. Получил две пули — в грудь и бедро. Сейчас состояние удовлетворительное. И все почти в одном и том же месте. Меры принимаются. Практически весь Мирбачакот обложен нашими блоками. Боевые машины стоят даже на базаре, чего раньше не было. Патрули. Две машины в центре кишлака стоят носами в разные стороны и пушками в сухое русло реки. Все в готовности, но все по-прежнему.

В первый же вечер хотел улететь из Кабула, но опоздал на самолет, буквально на несколько минут. Пришлось заночевать у С. Яркова. Подъехал советник Володя Ермоленко, который был с 37-й бригадой «коммандос» с нами на Хосте. Ну, и, конечно, без застолья не обошлось. Хотя искренне не хотелось. Жара, духота, какое там питье. Убедился, кстати, что у нас не самое жаркое место. В столице от асфальта вообще дух тяжелый, прямо дурдом. Володя Савицкий буквально за два дня до моего приезда улетел в отпуск. Представляю его радость и радость семьи.

Только на следующий вечер удалось вылететь в Баграм. Выбирать не пришлось. Шел только один борт, почтовик, да и тот сначала летел на Кундуз, а уже на обратном пути садился у нас в Баграме. Так что пришлось пролететь пол-Афганистана. Ан-26 с бортовым номером 28. А его собрат 29-й лежит у нас в конце взлетной полосы. Вернее, торчит киль с номером, да разбросаны вокруг куски обшивки. Сбили? Сам упал? Кто его знает. Завалился за несколько дней до моего возвращения из отпуска. Оба номера знакомые. В октябре, вернее, ноябре, перебрасывал на них в Баграм пополнение из Союза. И в тот раз 29-й летел за людьми, да не долетел. Погибли шесть членов экипажа, а один умудрился уцелеть. Везунчик…

…Загрузили почту. Набралось, кроме нас троих, еще с

десяток пассажиров и полетели. Авиационный парашют (в отличие от десантного) висит под задницей. Не удобен. Ни пригнуться, ни наклониться. Сел, на пол. В кабине духота. Но самое неприятное, что до этого борт перевозил «груз 200», и смрад в салоне неимоверный. Сам не из брезгливых, терпеливый, но тут почувствовал себя скверно. Долго и нудно лезли кругами вверх над Кабулом. И только на верхотуре корпус охладился, заработала вентиляция. Стало легче. Огни погашены. В самолете, в небе и на земле ни огонька. Сиди и думай, идеальное место для творческих личностей и философов. Размышляй себе о смысле жизни и бренности бытия. Часа через полтора засветился под крылом Кундуз. Все как обычно, снижение, как вода в воронке. Это не гражданский флот, и посадка не в Адлере…

На земле открылась рампа, и в лицо дохнуло жаром. Что же у них творится днем, если в 22 часа такая духота? Сегодня улетел в отпуск Ш. Тюктеев. Недавно пришел с «боевых» из-под Файзабада. Уверяет, что в один из дней в том районе (Кундуз — Кишим — Файзабад) на солнце было 73 градуса по Цельсию. Я о такой температуре еще не слышал, но он клянется, божится. Приходится верить. Так что у нас в Баграме, отнюдь не Сахара. Досаждает, правда, ветер. Почти нет дня, чтобы с завидным постоянством не дул он строго с севера, поднимая клубы пыли и срывая листы шифера с крыш. Даже чахлые кусты растут с определенным наклоном, приспособились. Днем жарко, под 40 градусов, но выходит, что это не жара, так себе. В обед разгуливаю по комнате и модулю в трусах, периодически бултыхаюсь в РДВ или брызгаю на себя воду пригоршнями из-под крана. Упорная борьба с мухами. Вроде и мелочь, но своеобразная «достопримечательность» Афганистана. Все «афганцы», так или иначе, помянут недобрым словом рой мух, наглых, нахальных, назойливых. Да вкупе с ними комаров и москитов. Фалангу тут прибил, умудрилась залезть в кабинет командира, который сейчас занимаю. Как залезла, подлая? Отвратительное существо.

День за днем проходят, в общем-то, довольно однообразно. Текущие дела. Наводим порядок и относительный глянец на территории и в казармах. За утро территорию уберут, через полчаса весь мусор из мусорок ветер разносит по всем углам. Было бы хорошо, если бы командующий к нам не выбрался. Сейчас, да без всего полка, мы выглядим не выигрышно. И показать, толком, нечего. Награды по очередному Указу пришли, а вручать некому. И людей больше трех сотен, а откинуть караул, наряд, охранение да заступающий новый наряд, и в результате в клубе можно от силы заполнить три первых ряда.

Командующий подписал прошение о зачислении навечно в

списки подразделений ВДВ младшего сержанта В. Александрова и рядового А. Мельникова. Наши герои Хоста. Первого — в учебный полк в Гайжюны, второго — в 9-ю роту 345-го полка.

В Кабуле работают наблюдатели ООН. Необычно смотрятся белые УАЗики с буквами UN и голубыми флажками. Своеобразная форма. Такого же цвета и их вертолет Ми-8. Забавно смотрится губастый негритос, который ездит с гордо поднятой головой и высокомерным видом. Ну пусть порадуется местной «цивилизации».

В войсках в Кировабаде чрезвычайное происшествие. При проведении прыжков молодого пополнения из-за внезапно налетевшего шквала погибли сразу 11 человек. На моей памяти такого несчастья еще не было. Трагедия.

15.07.1988, Баграм. Пятница

Получил второе письмо из дома. Маленькая хандрит что-то. Впрочем, понятно: резкий переход от бурных эмоций, отпускного праздника к тоскливому одиночеству.

Вчера посмотрел с утра фильм «Миколка-паровоз». Встреча с детством. Фильм 1956 года. Вот тогда его и смотрел, он мне очень понравился. Название с тех пор помнил хорошо, а вот сюжет запомнился по-детски. То и помнил, что при встрече царя из рогаток стреляли по буржуям тухлыми яйцами, да в конце малыш, заменив раненого деда, угоняет паровоз из-под носа у белых.

С тех пор прошло почти 30 лет. И было интересно, что же видел тогда, чему радовался. И ведь воспитал фильм соответственно. Сейчас, конечно, видно много штампов: усатый, мужественный папа, пролетарий, который под конец надевает кожанку. Матрос в лентах, обличающий гнилую интеллигенцию, представленную в фильме учителями гимназии, глупыми, манерными и язвительными. Киношные фрицы, захватчики. Но все равно смотрел. В чем-то дает фору современным детским лентам. Вот как, например, современной интерпретации «Острова сокровищ». Обязательная музыка и песни в современном стиле. Утрированные злодеи и дешевое трюкачество типа пирата с пушкой, привязанной к спине. А может, я вырос. Может, и Михаил, который смеется над этим от души, тоже лет через 30 почувствует ностальгию при виде этого фильма.

И все-таки, довоенные «Пятнадцатилетний капитан» и «Остров сокровищ» были и останутся классикой. Эти нынешние, вряд ли. Субъективно, но если раньше фильмом действовали на

мысли и чувства, вызывали всю гамму чувств от возмущения до жалости и слез, то теперь эксцентричными поступками, экстравагантной одеждой и видом больше рассчитаны на развлекательность. Отдельные «чучела» для подростков не в счет. Их очень мало, тем более, что зритель массовым убожеством и серостью лент отучен от походов на серьезные фильмы. Давай, «Банзай». Особенно настораживает в титрах слово «по мотивам». Так и понимаешь сразу, что кто-то пытается выразить свое неуемное художественное видение и можно увидеть на экране Отелло, играющего на балалайке, или наркомана Гамлета.

19.07.1988, Баграм. Вторник

Вчера снова был в Кабуле. Я за командира, Н. Самусев за начальника политотдела. Представились командующему. Беседовали минут пятнадцать. В разговоре, более или менее, определился срок нашего выхода. Январь 1989-го. А я-то рассчитывал Новый год встретить в Союзе. Кабульцы выйдут на месяц раньше. И в нашем разговоре, и позже, на партактиве, командующий несколько раз поднимал вопрос о службе офицеров. Столько личных интересов замешано со всеми этими перемещениями: квартиры, переезды, семейные, бытовые и прочие неурядицы. В Кировабаде для нас уже сдали один дом на пятьдесят квартир, другой сдадут месяца через три, да городские власти до решения нами жилищной проблемы предоставляют два общежития. Солдат осеннего призыва будем увольнять с выходом на Родину. Для них это тоже серьезно. С выходом начнем сдавать нештатную технику. И фактически голышом поедем к новому месту службы. Там будем получать все ВДВэшное. Да, проблем хватит.

Однако это все хоть и в обозримом будущем, но где-то далеко. Пока здешних проблем хватает.

Послезавтра полк должен вернуться на базу. Несколько раньше срока из-за осложняющейся обстановки в режимной зоне «Баграм». Реальных сил сейчас здесь не осталось. Духи постепенно наглеют. Вот уже три ночи обстреливаются огневые точки нашего боевого охранения. Пули свистят над полком, как в хорошем бою. Глиняные заборы, заросли подступают к нам на 100–150 метров. А за всем этим кишлак. Как специально, нас провоцируют на применение тяжелого оружия. ЗУ-23 и, тем более, танки я запретил использовать, чтобы не затронуть дувалы. Охранение отстреливается из автоматов. Но всему есть предел. Сегодня через Барынькина (командир *108-й*

мсд) оповестил афганское командование и контрразведку, что если будет продолжаться это хулиганство, применю тяжелое оружие. А на ночь поставил задачу начхиму (Гаврыш) подготовить пару объемных выстрелов «Шмель». Бить только наверняка по засеченным точкам. Надо проучить наглецов. Ночь покажет, что к чему.

Погано стало ездить и в Кабул. Туда шли на двух БМП и прошли спокойно. Одно ЧП, которое видели по дороге, скорее автодорожное. Навстречу плотными колоннами, да на скорости, идут наши и афганские колонны. Понедельник. Перевал Саланг открыт на север. Самое настоящее столпотворение в Мирбачакоте. И, как всегда, группами и в одиночку бродят бородатые личности, увешанные оружием. Кое-где сидят в открытых чайханах за чашкой чая. В другом месте, положив оружие, умываются в арыке. Улыбаются. А может, ухмыляются. Бросается в глаза лежащий на земле гранатомет со вставленной в ствол зеленой гранатой.

На обратном пути по просьбе коменданта взял под охрану своими двумя БМП пяток колесных, чтобы по пути довести их до Баграма. Да пара афганских машин пристроились. И был не рад этой кавалькаде. Не проехали и трех километров, как наткнулись на горящий КамАЗ. Хотя обстановка и не особенно располагала, но щелкнул пару кадров на память. Если выйдет хорошо, то будет что вспомнить. А потом загнал наводчика вниз и сам крутил головой, держа автомат на изготовку. С известной тревогой смотрел за своей растянувшейся сзади колонной. Как бы по ним не врезали. Чертыхнулся, что связался с этими «колесами».

Доехали до Баграмского перекрестка, опять двадцать пять. Нет замыкающей боевой машины. А солнце угрожающе заходит за горные вершины. Пехота уже сняла свои блоки вдоль дороги. Подождал минут двадцать и поехал обратно выяснять обстановку. По пути в районе Карабага становимся свидетелями перестрелки двух вооруженных групп. Кто, кого, за что? Черт его знает. Опять загоняю всех под броню, но по нам не стреляют. Едем, едем, а машины все нет. Наконец, маячит вдали. Ползет еле-еле. Н. А. Самусев явно рад, на двух машинах все ж веселее. Пристраиваемся за ними и ползем со скоростью черепахи. Через некоторое время имеем «удовольствие» пообщаться с одной из тех групп, которые только что дрались между собой. Человек под тридцать стоят и сидят вдоль дороги, оживленно жестикулируют, разгоряченные боем. Что-то нам показывают. И опять всех загоняю под броню. Старший лейтенант Ю. Зибаров на первой машине, полускрывшись в люке, застыл с автоматом. И я точно так же ловлю каждое движение этих людей. Наводчик, подняв

голову, напряженно смотрит на меня, ждет команды, чтобы крутнуть башню. Медленно и торжественно проплываем мимо «духов». Еще некоторое время, пока не скрываемся за поворотом, смотрю назад, чтобы не послали пулю в затылок. Проезжаем еще немного, и первая машина встает намертво. Повезло, что до нашего, советского, поста осталось метров двести. Туда и затягиваем на буксире, оставляем на ночь.

Пока машину заводят во двор, мы с Н. Самусевым за разговором проходим по дороге метров сто вперед и стоим. Из кустов появляются три личности. Увидев, что я взял автомат на изготовку, демонстративно забрасывают свое оружие за спину. Идут к нам. Спокойно стоим и ждем. Вроде и хотели подойти, но посмотрели на мой автомат, большой палец, который я держу на затворной раме, снятый предохранитель, буркнули что-то типа приветствия и исчезли. А тут и машина подошла. Дальше добрались до дома без особых волнений. Вроде ничего не произошло, но неприятно.

Уже несколько дней как сломался кондиционер. От духоты, буквально, дурею. Вечером замачиваю простынь, укрываюсь и так засыпаю. Под вечер, в темноте иду гулять, но фраза: «подышать свежим воздухом» не имеет здесь никакого смысла. Такая же духота, никакого облегчения.

Сегодня опять обстреляли Кабул. Судя по всему, теми дальнобойными ракетами, о которых давно говорили.

Остался за командира и окунулся буквально в вакханалию писем, просьб, запросов и т. д. Родители Е. Богача задались целью добиться для погибшего сына звания Героя, посмертно. Что говорить, хороший был офицер, жаль, что погиб, но если так присваивать это высокое звание, то это станет правилом, а не исключением. Этическая сторона такого нажима тоже двусмысленна.

Другой пишет, что был ранен в бою. Высылает министру обороны справку, а ее пересылают к нам, и оказывается, что такого в 1984–1985 годах у нас не было. А в тот период, когда он был ранен, боевых действий не велось. И в соответствующих книгах нигде такого бойца с таким ранением не числится. Требует орден. Третий тоже требует орден за ранение. Подождал пару лет, когда все ушли и уволились, и теперь вдруг вспомнил. И я лично не уверен, что он получил свою рану не по собственной безалаберности, халатности, а то и членовредительству. Тех, кто получал раны в бою, представляли сразу.

Жизнь есть жизнь со всеми непредсказуемыми поворотами. Приходится оформлять и отзывы на награды. В бою был молодец, а через некоторое время молодцевато измывался над молодым

сослуживцем. У нас, чем дальше от войны, тем больше героев. То же самое, пожалуй, будет и с Афганистаном. Наверняка, найдутся нахрапистые, жонглирующие высокой фразой и жаждущие наград и льгот людишки, которые своей демагогией бросят тень на всех нас.

Время близится к одиннадцати. Один за другим с ревом стартуют истребители. Согласно дневной разведсводке, засечены два больших «духовских» каравана. Был свидетелем постановки задач летчикам на ночную штурмовку. Теперь видим выполнение этой задачи.

Афганские особенности:

Боевая настороженность (БН) — часто звучащий термин (местная особенность) в выступлениях, рапортах и других документах.

Периодически, кто в отпуск, кто по другим делам, подъезжают из района боевых действий офицеры. Сразу бросаются в глаза их черные, обтянутые кожей лица, какие-то мумифицированные.

22.07.1988, Баграм. Пятница

Вчера пришел полк. В. Востротин немного схитрил и не остался в месте ночевки перед Салангом, а перемахнул через перевал, и уже к 19 часам основные силы полка пришли домой. Шли хорошо. Мы всегда гордились своей маршевой скоростью и дисциплиной. Если бы не Оперативная группа армии, которую дали под охрану, то пришли бы еще раньше. Те не дали своим водителям отдохнуть и, как следствие, одну за другой пришлось поднимать и переворачивать, то есть ставить на колеса, три машины. А это большая потеря времени. Причина одна и та же — заснул водитель. За самовольство В. Востротин имел, правда, неприятный разговор с Б. В. Громовым, но что сделано, то сделано.

На «боевых» остался пока 2-й батальон. Файзабадский полк фактически уже на Родине. Его остатки перебрасываются сейчас самолетами из Кундуза в Союз. По рассказам В. Востротина, операция получилась на редкость кровавой. Погибло в общей сложности 56 человек. В основном, на подрывах. Как подрыв, так три-четыре человека. Ко всему, дорога большей частью пролегала по карнизам над глубокими ущельями. Подрываясь на фугасе,

машина летела вниз. Кончилось тем, что Башкиров, командир 860-го полка, дал команду спешить людей и вести их вслед за техникой. У нас один убитый, несколько человек ранены.

Полк встречали, как положено, с выносом Знамени и оркестром. Дорогу перед КПП буквально залили водой, чтобы прибить пыль. Одна за другой проходят машины. Тянутся солдаты, сидящие на броне, офицеры с башен отдают честь Знамени. Представляю и понимаю их чувства. Вот оно Знамя, алая святыня, Кончился трудный марш, кончились «боевые». Вот он городок. Наконец-то простыни и настоящая баня. Немного отдыха, можно слегка расслабиться. А пока все похожи на серые манекены. На лицах толстый слой пыли. И не узнать даже знакомых.

13.08.1988, Баграм. Суббота

Сижу. Пишу. Радует взор и слух новый магнитофон «Саньо». Сегодня вернулся с «боевых». День чудес. Все так прекрасно, что не верится. Отмылся, постригся, купил магнитофон, под вечер получил за Хост афганский орден Звезды II степени *(Указ Президента РА № 432 от 13.4.1367года, т. е. от 3.7.1988-го)*. И ко всему, полк завтра снова уходит на «боевые», а я остаюсь. Отойду немного от предыдущего похода. Отойдет обожженное солнцем лицо, заживут обветрившиеся губы. Да и просто побуду на базе, в тепле и комфорте. Не к слову сказано, но не поверят непосвященные. Ночные августовские холода в горах Афгана ничуть не привлекательнее наших равнинных морозов поздней осени. А днем и сам не веришь, что ночью можешь замерзнуть. Духота, пот, мухи, жара и желание припасть к воде. Муравьи и те прячутся после девяти утра. Унылые серые и красные горы. Зной да пыль. Пыль мелкая, как пудра. Стоит, поднявшись от колес и гусениц, долго и нудно. Посмотришь, кругом вроде камни, а поездишь пару дней по такой дороге, и, пожалуйста, лунный ландшафт с пылью.

Уходили на «боевые» неожиданно 23 июля. События нарастали, как снежный ком. Сначала я с 3-м батальоном ушел в Кабул, в резерв командующего. Пришли, разместились у инфекционного госпиталя, обосновались. Съездил к командующему на получение задачи. Вроде как пришли на пяток дней, и вдруг под вечер вызвали на постановку задачи к командиру *103-й вдд*. Кратко: выйти в район Хуркабуля и предотвратить обстрелы Кабула РСами из этого района. И вроде, идем на ограниченное время. Как всегда, нагнетали обстановку

так, что шел как в последний бой. Мол, все заминировано, и долбить тебя будут со всем остервенением, и все заставы «зеленых» там сбиты. У операторов вся карта синяя от данных по противнику. Ну, просто, конец света. Ко всему, на всю организацию условно пять минут. Люди так и не спали всю ночь. Пока командиры поставили задачу, пока организовали исполнение, подчиненные усвоили свои задачи, получили пайки, развернулись, свернулись, вот уже и три часа ночи, час выхода.

Батальон ушел в указанный район. Ну а мне к 7 утра с комдивом Е. Бочаровым на организацию взаимодействия к командующему. Ночевал у С. Яркова. Стало это пристанище для меня уж больно регулярным. Да еще попал на праздник, день рождения Сергея. А какой праздник, когда все мысли о деле?

У командующего тоже круто все поставлено. Все заместители командующего собрались в кабинете. Все организуется так, будто на меня смотрит весь мир. И все мне в помощь. Такое впечатление, что буду брать линию Маннергейма. Вид старался сохранить спокойный, но на душе скребло, будто иду в последний бой. Спасение для командира в том, что он отвечает за сотни жизней. Тут уж о себе как-то забываешь. Иначе тошно было бы. То обстоятельство, что из штаба Армии сразу поехали на аэродром, где меня ждали пара транспортных и пара боевых вертолетов, в другое время польстило бы самолюбию. Вот, мол, для тебя четыре «вертушки», чтобы через десять минут высадиться на свою бронированную колонну, как гранд персона. Но никаких эмоций. Краткий сбор командиров. Карта на броне, и команда: «Вперед!»

24 июля. Пошли в неизвестность. Сзади развернули и оставили артиллерию. Впереди ООД (отряд обеспечения движения) — саперы под прикрытие роты. А вокруг нависают обрывистые скалы. Все напряжены, ждут сверху огня. Километр, два — все спокойно. И вот плато, равнина. Наконец-то, но что, наконец! Впереди стена разрывов. Это нас пытаются прикрыть длинными стволами. А слева на высоте разрывы «духовских» РСов. К нам пристреливаются? Как из-под земли появляются «зеленые». Молят, чтобы прекратили огонь. Бьют по их посту и по КП. Наши бьют. Оказывается, почти все они на месте. Чудеса знания обстановки и взаимодействия с ВС РА. Все посты на месте. Сбиты только два. В последний момент предотвращаю огонь БМП по кишлаку, где, оказывается, тоже стоят «союзники». Наконец, закончилась вакханалия разрывов, наших и «духовских», и спокойно встаем на задачу. Закрепились, прикрылись.

К вечеру снова явились «зеленые» с пловом и огненной водой. Со своим гостеприимством они напомнили мне афганских мух. Стоило разговориться, стали строить прожекты совместных

действий по прочесыванию окрестных кишлаков. Забегая вперед скажу: все эти прожекты были со временем забыты напрочь. В который раз убедился, что пресловутая азиатская хитрость при близком рассмотрении оказывается иногда наивным детским обманом. Но, к сожалению, их наивность да плюс наши дурные установки — это уже гремучая смесь, действует иной раз безотказно. Вот об этом далее, и поподробнее. Уж больно показательно.

День прошел спокойно. На второй — буквально из-под нашего носа серия пусков РСов по столице. Бьют длинными снарядами. Видно место пуска по поднимаемой пыли. Трассы пусков. Добротно работает артиллерия. Сразу включается в дело выдвинутая вперед 8-я рота под командованием В. Кузнецова. Бьют приданные ей танки. Видим прямые попадания, подброшенные и кувыркающиеся еще не пущенные РСы. Больше с равнины пусков не было. Видимо, урока хватило. Ответного огня мы тоже миновали. Только иногда глухо вздрагивал воздух, и поднимались султаны пыли в районе расположения «зеленых». Неприятно. Хотя и не по нам, но никогда не знаешь, куда ляжет следующая серия. К слову, стал намного спокойнее. Удивляюсь, но к свисту пуль и разрывам появилось какое-то философское отношение. Типа безразличия, мол, что судьбой начертано, то и состоится. Вспоминаю свои первые бои, когда каждый свист над головой воспринимал как событие. А так, без бравады, ну прошелестело, взорвалось, но ведь не по тебе. Правда, повод для этого дает и то, что «духи» бьют уж больно неточно. Так, психологическое воздействие. Кладут, куда бог пошлет.

Так или иначе, отмечаю у себя больше рассудочности и меньше эмоций. Наверное, это и есть обстрелянность.

29 июля неожиданно пришел с В. Востротиным весь полк. Задача: блокирование и минирование района Хуркабуля. Маршрут выдвижения: по джелалабадской дороге, затем поворот направо. Мимо тюрьмы «Пули Чурхи». Через старую джелалабадскую дорогу. Через ущелье Хуркабуль, оставляя слева хребет с максимальной высотой 3388. При выходе из ущелья то ли равнина, то ли плато. Издали ровная местность. Но это обман. Когда 2-й батальон выходил на задачу, пришлось изрядно покрутиться. В иное время казалось, что машины движутся навстречу друг другу. Виной тому множество каньонов с крутыми, обрывистыми склонами. Основные кишлаки, они же места базирования «духов», и места огневых позиций РС: Чакарай, Маланг, Наура, Зиндан, Дауранхейль. Впереди, за плато, мощный хребет. Это километрах в семи-восьми от нас. Этот хребет мы и брали, чтобы обеспечить минирование. Хребет рассекают два

глубоких ущелья, как всегда с реками, выходящими на равнину. Левое ущелье Вучакайтангай. По всем данным, самое что ни на есть «духовское» место. А за хребтом горный массив Тизини и базовый район ИПА. Эти ребята никогда не отличались покладистостью. Горы, как и «духи», здорово отличаются друг от друга, встречают каждый раз неожиданностями. Очень много промоин, водостоков, зубов и беспорядочных каменных гряд. Идеальное место для обхода и удара в спину, много укрытий от нашего огня, одним словом, идеальное место и для нападения, и для обороны. Трудно сказать, для чего больше приспособлено.

30 июля. К работе приступили без раскачки. Чуть забрезжил рассвет, вперед ушла разведрота с танками. Взяли ряд высот, и огнем с них прикрыли выход 3-го батальона (капитана Г. Жигульского) на задачу. «Духи» где-то затаились. Воздействия нет. Первый нервный момент, когда наша авиация вложила серию кассет почти по батальону. Сколько воплей в эфире. Зато, как только заслышат гул авиационных двигателей, так сразу колонна окутывается оранжевым дымом. Фестивальное зрелище (со стороны). Наконец, вся броня сосредоточилась под хребтом, десант спешился и медленно пошел вверх на блоки. В который раз первой досталось 9-й роте. Не успели встать на блоки, как сверху началось энергичное воздействие. Бьют из автоматов и гранатометов на воздушных разрывах. Положение неприятное, если не критическое. В эфире характерный для боя радиообмен. Кто-то кричит, что его зажали. Кто-то материт артиллерию за то, что бьют далеко от того места, куда надо. Каждая минута, как час. Наконец артиллерия пристрелялась, и слышатся восторженные голоса: «Так их, так! Молодцы! Врезали как раз в них. Вижу, разбегаются» и т. д. Затем затишье, после просьбы подождать, когда они (т. е. «духи») полезут вытаскивать тела. И дождались. Так и вышло. И вложили снова. Больше до темноты ни движения, ни шевеления, тем более стрельбы. На блоки встали без потерь, закрепились. Наступает ночь, но покой относительный. Благо, как всегда, в конце месяца светит полная луна, и это все же успокаивает.

31 июля. Приходит задержавшийся под Кабулом 2-й батальон (майора А. Токарева). И, совершив марш, почти с ходу отправляется в дело. Мучительный выход на задачу. Серия подрывов.

В конце концов, даем команду на спешивание и выход людей на блоки без машин. Один за другим доклады о тепловых ударах. Двоих выносят на импровизированных носилках. Кое-как очухались. Адский солдатский труд. С выходом к хребту мучительный подъем на высоты.

А в это время ожесточенная схватка 8-й роты. Сначала засекли выход каравана. Огнем завалили несколько лошадей. Духи стали разбегаться, но почти сразу снизу по водостоку вышла в атаку прикрывавшая караван боевая группа. И опять, как на Хосте, драка на грани рукопашной. Душманы напирают, презрев смерть, с фанатизмом. Хорошо работал корректировщик капитан В. Бесов. Наводил огонь артиллерии с ювелирной точностью. В критический момент клал снаряды буквально в 25 метрах от блока. А «духи», как бесчувственные роботы. Вскакивает несколько человек, и начинают навскидку поливать из автоматов камни, за которыми лежат наши бойцы. Вокруг этих «духов» цокают пули, взбивают фонтанчики пыли. Все это ясно видно, но они даже бровью не ведут. После стрелков вскакивают из-за камней в полный рост три гранатометчика и спокойно, как на учении, делают залп по позиции управления роты. Затем опять автоматчики. И так последовательно, как конвейер. Несколькими залпами артиллерии накрываем противника. Тут уж они не выдерживают. Остается несколько тел, остальные отходят. Правда, ненадолго. Снова организуют огневое нападение и под прикрытием огня вытаскивают своих убитых и раненых. В этом они верны себе. Никогда тела не бросают, и это по-солдатски вызывает уважение к врагу.

Позднее, при осмотре местности находим много следов крови. В качестве трофеев достаются новенькие, как со склада, китайские АК и РПГ-7, машинка для пуска РСов, документы (карта и списки с фамилиями). Переводчик говорит, что две фамилии арабские. Примечательно, что на следующий день с блока 8-й роты наблюдали занятную картину. Километрах в трех, в глубине гор, видели построение душманов. Кого-то вывели из строя. Встало несколько человек. Тот первый упал, к нему подошли, наклонились. Далеко дело было, но, судя по всему, нам пришлось стать свидетелями расстрела за трусость или роковую для врага ошибку. Кто теперь знает? Один аллах.

Из всего, что произошло, сделали вывод, что на место пусков выходил караван с реактивными снарядами, предназначенными для столицы, да без надлежащей разведки нарвались на наши блоки. Эта группа была хорошо подготовлена и вооружена. Скорее всего, ребята не местные, а из Пакистана. Кстати, по нашим сведениям, караван из этих мест добирается до Пакистана за три дня. Ходят регулярно. Кому-то в Кабуле на этот раз мы жизнь сохранили.

Наши потери, к счастью и к удивлению, минимальны. Ранены два солдата. Оба осколками. Один касательно через каску в голову. Контужен. Второму осколком оторвало фалангу пальца на

левой руке и разбило автомат. Позднее, разрывом РС был контужен авианаводчик. Разбита радиостанция. Зато доняли фугасы и мины. Последовательно шесть подрывов. Сначала ИМР (инженерная машина разграждения), потом танк, опять танк, снова первый восстановленный ИМР (и на этот раз окончательно, раскололся корпус, вылез двигатель). Подрыв БМП разведроты и, под конец, ПАК-200 2-го батальона. Потеря автокухни особо чувствительна. Легче танк достать, чем эти котлы на колесах ЗИЛа. И опять можно сказать, что нам повезло. Семь контуженных, но ни одного «021». Остатки ИМР облили соляркой и сожгли, а буквально через полчаса спохватились, что ее катки так бы пригодились для ремонта подорвавшихся танков. Осталось только чертыхаться, глядя на столб черного дыма и того, что осталось от машины.

Под конец дня слепой обстрел реактивными снарядами района нашего КП. И под завязку — возгорание и взрыв машины со снарядами и пиротехникой на позициях 3-й батареи. Веселенький день! Сколько нервов. В однообразии не упрекнешь, не скучно. Батарея выдвинута вперед километра на два, чтобы нарастить дальность огня. Прикрыли огневые позиции машинами 2-й роты (старшего лейтенанта А. Абрамова). Наблюдаем всполохи взрывов и целый каскад ракет всех цветов и во все стороны. Жутковатый «праздник». Как обычно, первоначальные доклады сумбурны и противоречивы. Вплоть до «духовского» нападения. И о потерях ничего ясного. В конце концов, доложили, что везут семь обожженных солдат. Сразу пробуем вызвать «вертушки», и начинается препирание с КП ВВС и бесконечные расспросы о координатах, ветре, погоде, прикрытии и т. д. Под конец разругиваемся вдрызг. Разговариваю с дежурным по ЗАС уже матом.

Тем временем привозят солдат. Бегу в МПП и наблюдаю жуткую картину. Считал, что всего уже насмотрелся, но то, что увидел, не для слабонервных. Еще не приходилось видеть человека со слезшей и висящей лоскутами кожей. Ожог всего тела, рук, лица и шеи. Сидит, корчась от боли и суча ногами. Остекленевшие глаза на обезображенном лице. Меня вроде узнает.

По крайней мере, на миг взгляд становится осмысленным. Хлопочут врачи. Уговаривают, мажут, бинтуют, пытаются вставить в вену иглу для какого-то вливания. Вмиг понимаю, что наш второй вариант с БТР до Кабула отпадает. Не довезем. Возвращаюсь на КП и с утроенной энергией начинаю пробивать «вертушки». Удалось. Через час пришли. Прогудев в ночной темноте, присели на минуту и снова ушли в черноту неба. На

следующий день информация из госпиталя: ожог 55 % кожного покрова и большой вопрос относительно возможности выжить. Вот вернулся и узнал, что солдат уже в Ташкенте и, вроде, будет жить (рядовой О. А. Боев, рота материального обеспечения). Вот такой денечек.

1 августа. Новая задача и снова схватка с «духами». Разведчики засекают группу душманов и вызывают огонь артиллерии. Стволы бьют отменно. Поступают доклады о попадании в склад противника и взрыве реактивных снарядов, о попадании в «Тойоту» с пусковой установкой. Разведчики запрашивают разрешение спуститься для осмотра кишлака Хаким Джабар Бала. После получения разрешения старший лейтенант А. Меренков с группой обкладывает кишлак и осматривает. Множество следов копыт. Убитый ишак с вьюком на 80 минометных мин. В районе множество пещер и кяризов. «Духи» как будто испарились, скорее, ушли под землю. Зато подтверждается — «Тойота», прямое попадание. От машины остался дымящийся задний мост. Склад взорван, стены обвалились. По прикидкам, боеприпасов там было предостаточно. Успешно поработали.

2 августа. За всей этой нервотрепкой как-то забыли, что сегодня наш праздник — День ВДВ.

Зато с 17 часов «духи» напоминают об этом и устраивают целое представление. Начинается усиленный обстрел района нашего командного пункта. Знакомые звуки. Сначала дальний хлопок, десяток секунд напряженного ожидания, нарастающий свист, наконец, раскатистое, глухое «ах», и столб дыма. Разрывы справа, слева, впереди, но до нас все же далековато. Видимо, не хватает дальности, да и прицел поставлен на «авось». Засекли позиции пусков. Работаем артиллерией. Навели авиацию. И никакого результата: Пуск за пуском. Из пещер, что ли, они запускают? Уже и темнота наступает, а «духи» все палят и палят. Теперь уже стартующие РСы видны отчетливо. Огненные стрелки. И вроде, наши попадания хороши, а подавить не можем. Наконец с полной темнотой приходит долгожданная тишина. А вечером, часов в девять, начинается фейерверк в честь праздника. Ракеты со всех сторон. Солдатская радость по случаю 2 августа. И сброс психологической нагрузки. Останавливать бесполезно. Черт с ними, пусть пускают. Полчаса нескончаемой иллюминации. Если исходить из практичности, то четко обозначили противнику все наши блоки. Скрытность, эмоции — где разумная грань?

3 августа. Саперы под нашим прикрытием завершают работы по минированию местности. Сбор и отход подразделений с блоков. Дальний обстрел противником наших подразделений.

Потерь нет.

С 4-го по 12 августа оставался со 2-м батальоном стеречь район минирования, а полк ушел «домой». Ничего существенного — тоска, жара и мухи. Работы как таковой нет. Впереди все заминировано. После ухода полка обнаружили в районе МПП замаскированную мину TS-6,1. Приходили «зеленые» с просьбой дать им танк, чтобы подъехать к подорвавшемуся на мине дезертиру и забрать его оружие.

16.08.1988, Баграм. Вторник

Вечер. Ждали В. Востротина вчера (звонил Командующему ВДВ, докладывал за неделю и он сообщил, что командир уже в Фергане), а встретили только сегодня. Командирский УАЗ, БТР прикрытия, и поехали встречать борт. Торопились, гнали, а первыми сели два борта с бомбами из Кабула. Суматошное столпотворение на краю ВПП при свете фар. Встречи и прощания. На удивление много знакомых. Кто встречает, кто провожает, кто прилетает, кто улетает домой. Есть же счастливчики. А вот командира командующий армией вызвал все же в спешке. Валера пробыл дома всего-то пару дней, и сразу назад. Повлияла, судя по всему, суматоха вокруг Кундуза.

Вечером 12 августа по пути домой оставил 2-й батальон в Кабуле у инфекционного госпиталя, а сам заехал ночевать к С. Яркову. Утром в 4 часа батальон пошел домой, а я в 8 часов поехал в штаб Армии на постановку задачи. Там и узнал первые новости о Кундузе, Неясная обстановка. Вроде, город взят душманами. Аэродром не освещен, на запросы не отзывается. Посадили на Ан-12 роту «полтинника» *(350-го пдп)* и бросили отбивать аэродром. Обстановка, как всегда, угнетает неопределенностью. Уже в штабе Армии узнал, что взят «духами» Талукан, на полпути между Кундузом и Файзабадом. Ко всему, сначала глухие, потом все более отчетливые сообщения о катастрофе в Пули-Хумри: взрывы складов, уничтожение военного городка, множество жертв.

Полк бросают на блокирование дороги для проводки «зеленых» на Кундуз. В этой суматошной обстановке, наверное, и созрело решение командующего об отзыве из Союза В. Востротина. Хотя, прямо скажу, мы, вроде, и сами справлялись уверенно. И потерь нет. Полк 14 числа вышел в Пули-Хумри, а 15-го занял блоки по дороге на Кундуз. Ушли с полком Д. Д. Савичев и А. Л. Судьин, а мы с Х. А. Ахмеджановым остались здесь, в пункте постоянной дислокации. Завтра утром В. Востротин сам

выезжает на «боевые».

За это время получил несколько писем из дома, личное от Михаила и три письма от Александра. Последнее письмо заражает уверенностью и оптимизмом. Молодец! Сейчас в стройотряде в поселке Серноводск Куйбышевской области («ССО Радиотехник»). Дома «трагедия» после утери присланной мной кепочки. Ну что ж, по возрасту и заботы. Новую кепочку уже взял со склада и держу при себе. Жду оказии в Псков. И чай, и конфеты хорошие приготовил полакомиться своим скобарям.

Возвращаясь к повседневной жизни, вспомнил выход полка на «боевые». Конечно, пошел проводить. Как посмотришь полк в кулаке — сила! Сколько людей, техники, стволов! Минут сорок полк только вытягивается в походную колонну. И это при том, что машины, практически, без задержек следуют одна за другой. Четко, слаженно, уверенно.

Возвращаясь к завершению предыдущих «боевых», о чем не успел дописать ранее, описываю приезд корреспондентов. Мы уже, вроде, собрались 4 августа выйти обратно, но тут подбросили «паблисити». Ждите, мол, завтра корреспондентов и телевизионщиков. Покажите трофеи. Что, нет?

Уничтожили все? Ну, ничего, утром подвезем. И привезли, и прилетели рыцари пера (старо, рыцари диктофонов). Кстати, англичанин больше писал ручкой, а наши все подсовывали диктофоны. Так или иначе, но, кажется, впервые давал вот такое интервью, тем более газете «Индепендент», ТАСС, АПН и еще кому-то. Хотя схему, вроде бы, продумал, но по плану не получилось. А может, и к лучшему. Довольно прилично получилось и свободно. Вот, смотрите, пожалуйста, удлиненные РСы, египетские, а вот китайские. Вот мины, а вот и минометы, ДШК. Вот пусковое устройство для РС. Вот взятые в бою АК и РПГ. Вопрос англичанина: «Сколько убили «духов»? — Столько-то! — А ваши потери? — Двое раненых!» Наверное, не поверил. Привыкли все, что свои потери занижают, а потери противника завышают. Обычная практика. Но мне-то кривить душой не пришлось. Сами удивляемся, что так все обошлось. И, слава богу… или аллаху. Нам, атеистам, все равно.

А как только они от нас отстали, колонны стали вытягиваться к дороге. Взмах руки, и полк ушел. Как все просто. Ну а нам, и мне, осталось только гадать, сколько сидеть здесь теперь уже не с 3-м, а со 2-м батальоном. А сведения не обнадеживающие. Наладили телевизор и, хотя и плохонько, но уже вечером посмотрели во «Времени» репортаж. В 11.00 пресса улетела от нас, а в 19.00 мы смотрели на голубом экране готовый репортаж. Увидел и себя в окружении корреспондентов.

После репортажа, моего интервью, которое обещали напечатать в «Эхо планеты», еженедельнике ТАСС, отошел с одним из журналистов в сторону, разговорились. О том, о сем, и я попросил его не врать. А он поведал, как брал интервью у одного афганского партийного функционера. И тот в пылу откровенности поведал о коррупции власти, о разворовывании советской помощи и т. д. Дали материал. В Москве все опешили. Долго думали, а затем напечатали что-то совсем другое. Подписи, правда, говорит, наши стояли, а текст совсем чужой, не наш, не похожий. Вот так-то. Что-что, а говорить, что нужно, мы учимся сызмальства. Может быть, в политике и нельзя по-иному?

Однако славить афганские войска приходится сквозь зубы. Нежданно-негаданно подъехала бригада МГБ, напросилась в последний день на задачу. Нарезали им «кусок». Потом полдня пытались вытолкнуть эту бригаду в бой. Предупредили, что завтра в 11 часов снимаемся. С утра они все-таки пошли вперед. Устроили беспорядочную стрельбу, да так, что пришлось дать команду укрыть наших людей. Пародия на войну, да и только. Зато четко организовали отход и, укрывшись за нашей спиной у входа в ущелье, спокойно занялись своими баранами. Если после убийства А. Бобровского я их просто недолюбливал, то теперь презираю. Вот уроды. «Духи» ведут себя в бою так, что вызывают уважение, а эти… Вообще отказываюсь их понимать. Непостижимы и непредсказуемы.

В последний день активных действий на КП полка заявляется начальник МГБ Баграми. Приводит двух субъектов. Говорит, классные разведчики, знают, где закопан «Блоупайп» (английский ПЗРК), пойдут брать. Мы говорим, что впереди все заминировано. Те в ответ: чепуха, мы пройдем. Ну, давайте, с богом. И тут начинается самое интересное. Говорят, мол, готовы идти, но дайте лопату и по банке тушенки на брата. Удивляюсь невозмутимости В. Вострotина. Дает команду, дать им и то, и другое. Ну дурят ведь откровенно, да и жаль, лопата пропадет. Ничего, дали им лопату с красной ручкой с пожарного щита, и «разведгруппа» ушла на задание. Обещали вернуться к утру. Не вернулись эти бойцы и по сей день. Зато к утру привезли «подарок». Я как раз возвращался с завтрака. Подъезжает УАЗ. Выходит начальник МГБ с молодцом «духовского» вида и говорит, что у них подорвался человек. А где он? Да вот здесь, в машине. Открываем дверцу, и вижу на полу между сидениями обрубок человека: без обеих ног, без руки, с залитой кровью головой. Бьется в последних конвульсиях. Просят врача. Если б хотели помочь, так хотя бы жгуты наложили. Ведь из него всю кровь выгнало. Отправили, конечно, в МПП, но через 10 минут пришел

врач и развел руками: «Ранения, несовместимые с жизнью. Конец».

За время пребывания в том районе неоднократно приезжали офицеры царандой. Пару раз с пловом и огненной водой. Кое-как разговорились с ними так, чтобы без трескотни и фразеологии можно было понять друг друга. Особенно понравились замполит батальона и начальник штаба. Оба деятельные и внешне привлекательные. Как ни странно, но почувствовал к ним расположение. Жаль, что этот молодой капитан НШ батальона где-то в последние дни подорвался на мине и остался без ног. Воспользовался моментом, чтобы узнать подробности афганской жизни: от стоимости верблюда до их перспектив в связи с нашим уходом. Наверное, опишу это позже, тоже интересно.

После ухода полка началась нудная однообразная жизнь. День похож на день. «Духи» нас прекратили трогать. Изредка, обычно с 16.00, следуют залпы РСов куда-то в район «зеленых».

Видели только столбы пыли и слышали глухие удары сжатого воздуха. Авиация работает куда-то в глубь горного массива. Никого не видим. Только в один из дней засекаем семерых человек и двух лошадей в районе Чакарай. Разгоняем их артиллерией. Нудный вынужденный отдых. Задач, в принципе, никаких. Впереди все заминировано. Работают периодически только стволы. Прочитаны все книги. Почты, газет нет. Как назло, единственной найденной книгой становится С. Сергеев-Ценский. Только его сумрачного мироощущения не хватало для полной тоски. Жара и мухи. Неделя на одном рисе. Как китаец. Под конец, даже сахар кончился. Тихо мечтаем о возвращении домой. День за днем, как капли в таз.

И вдруг новость: готовьтесь занимать хребет Вайси Карнибаба (а там пики свыше 3000), и сидеть до белых мух. Ну и «радость»! Ко всему, мы все можем, кроме как только обеспечить и защитить своих людей. Батальон второй, мой родной, из Панджшера. Сидел там все время и, соответственно, не имеет ни палаток, ни спальников. Наверное, это и спасло. На следующий день после наших настойчивых просьб дать что-нибудь теплое, вдруг получили приказ идти домой. Нам дают замену. Сборы по-военному. И в путь. Я вот остался здесь, в Баграме, а батальон пробыл на месте сутки и снова ушел на «боевые» (14 августа).

Только что сообщение по вражескому радио: Пакистан передал нашему посольству полковника А. В. Руцкого. Несколько дней говорили о нем. Колоритная личность и человек стоящий. Заместитель командующего ВВС Армии. Давно советовали ему не летать, не та вроде должность, но летал. Уже раз был сбит над Хостом. И вот 4 августа в полете на Хост вновь

катапультировался. Первоначальные сведения были противоречивые: то ли погиб, то ли взят в плен. Вроде, требуют за него сотню автоматов, пару миллионов и еще что-то. И вот сообщение. А я с ним разговаривал буквально перед «боевыми». Ведомый видел ракету, входящую в правый двигатель, видел, как самолет буквально разлетался на куски. В течение 21 минуты слышали работу аварийной радиостанции «Комар», но купол никто не видел. И вот сообщение о том, что он был сбит истребителем F-16 над территорией Пакистана. Может и так. Границы там никто не признает. В данном случае доказательства, к сожалению, неоспоримы. Хорошо, что так кончилось, жив, и у своих. Как раз в том же духе разговаривали буквально час назад с летчиками. Не всем везет. В районе Кундуза сбили Ан-12, все погибли. В Кабуле завалился Ми-24.

Потери, потери, потери… Обидно терять людей. В прошлую пятницу в программе «Взгляд» отрывки из фильма. Запись переговоров земли с «воздухом». С земли неоднократное: «Покидайте машину, прыгайте, прыгайте…», а с воздуха в конце крик: «Прощайте, мужики!» Мурашки по телу. Самое странное, что все, в общем-то, понимают, что ничего мы тут не высидим. И так все рвется, как гнилая ткань. Полк уже стал пожарным, мечется туда-сюда. Договор-то выполняем. К 15 августа 50 процентов войск вывели, а ключевые районы кем-то надо держать, хотя бы пока. Вот уже и с севера отрезают. Разговаривал с афганскими офицерами, и в порыве откровения они признают, что с нашим уходом они не удержатся. Дальше вроде некуда. Допинг для мертвого тела. Как мы все же успешно сажаем себе на шею нахлебников и как трудно от них избавляемся!

18.08.1988, Баграм. Четверг

Утром сообщение: вчера вечером на взлете в Исламабаде взорвался самолет президента Пакистана генерала Зия-уль-Хака. Долетался, собака. Появилась надежда, что что-то изменится к лучшему. Более ярого защитника панисламизма вряд ли найдешь. Кто приложил руку, афганцы, индийцы, мы? А может американцы? При внешней противоестественности, им тоже этот человек мешал своей несговорчивостью и излишней самостоятельностью. А они этого не любят. Наверняка, не узнаем. В подобных ситуациях концы даже не то что прячутся, а наоборот раздаются в сотни рук. И даже косвенные свидетели тихо умирают или «случайно» попадают в аварии. Вариантов много. Так или иначе, событие положительное своей надеждой на

перемены. Вечером сообщение: погиб почти весь генералитет, плюс американский посол. Так что, вроде, последние отпадают со своей причастностью.

19.08.1988, Баграм. Пятница

Опровержение нашего радио о том, что А. Руцкого передали из Пакистана. Его местонахождение неизвестно.

День как две капли воды похож на предыдущий. С «боевых» на день приехал А. Судьин. Завтра обратно. С ним уедут офицеры, вернувшиеся из отпусков: Н. Ивонник, Джгаркава, С. Ткачев. Николаю Ивоннику утром вручил на построении орден «Красного Знамени» за Хост. Где-то и мой ходит.

Проверили противопожарную готовность, убежища. Пока у нас все спокойно, но урок Кабула учит держать ушки на макушке. Помню, Сергей рассказывал, как «духи» их долбили два часа и как они метались по городку, как зайцы. Попадание в автопарк, попадание в библиотеку возле плаца «полтинника», попадание в клуб артполка. Убитые, раненые. И ведь били «духи» террористически, прямо из города, с дальности в два километра. У нас до «духов» тоже недалеко, «зеленка», вон она. Накрыть — нечего делать. До сих пор удивляемся, что Бог милует. Зам. по тылу с тоской иногда вспоминает, что при случае, да при ветре, наши модули будут гореть, как порох. И все вместе периодически чертыхаемся, глядя на бомбы, лежащие у штурмовиков буквально в сотне метров от нашего модуля. Ухнут эти чушки, и нас вообще сдует.

Новости с «боевых». Все спокойно. Кундуз непонятно чей. Наши, вроде, ездят, но уверенности, что правительство его контролирует, нет. Как философски ответил один начальник на вопрос — чей Кундуз? — «Кундуз афганский!»… Точнее не скажешь.

Опять несколько дней над полком свистят пули. Кто-то обстреливает вышки боевого охранения. Вчера подготовил пару огнеметчиков со «Шмелями», дежурили, чтобы проучить наглецов и, как назло, ни одного выстрела в нашу сторону. Как почувствовали, собаки.

20.08.1988, Баграм. Суббота

Все спокойно, спокойно, — и вот опять трагедия. На «боевых» сразу 7 погибших и 9 раненых. В числе убитых лейтенанты Г.

Москалюк и В. Савчук, саперы. Ранен начальник медслужбы майор Н. Каверин. Под утро подорвалась машина со взрывчаткой. Звонил командиру, узнавал подробности, и он высказывается в том смысле, что «зеленые», которые стояли рядом и толкались там постоянно, что-нибудь засунули с часовым механизмом на ящики. Офицеры спали на кроватях за саманной стенкой, и на кроватях так и остались, обуглившиеся. Полностью уничтожен стоявший рядом БТР-70 (№ 507).

Только что вернулся с инструктажа семи офицеров и прапорщиков, которые повезут в Котовск, Кемерово, Удмуртию семь тел. Ночью вылетят в Кабул, а дальше «Черный тюльпан» знает, что делать. Конвейер отработан.

21.08.1988, Баграм. Воскресенье

Скончался один из раненых, сержант А. Л. Вожегов.

22.08.1988, Баграм. Понедельник

Сообщение с «боевых». В 19.00 расстреляны в упор трое человек, спустившихся с блока для установки сигнальных мин. В числе погибших старший лейтенант М. Акчурин.

В газетах сообщение об отвоевании Кундуза. В «Правде» и «Красной Звезде» заметки об А. Руцком. Опять ничего достоверно не известно. На следующий день новое сообщение: передан 16 августа в наше посольство в Пакистане.

25.08.1988, Баграм. Понедельник

Сегодня Руцкой герой дня. В «Правде» и «Красной Звезде» несколько статей о нем. Молодец, конечно. Теперь в Москве. Хватит, отвоевал свое. Дважды быть сбитым и вернуться, не каждому выпадает и не у каждого получится.

Тихо мечтаю о возвращении наших с «боевых». Что ни день, то новость. До сих пор не сообщили кодограммой фамилии двух из последних трех погибших. А сопровождающих уже отправили. Командующий гневается за потери, поэтому и растягиваем по дням. Двойственное положение, и чувствуешь себя, как уж на сковородке.

Позавчера собрали старший призыв в клубе и с А. Греблюком полтора часа внушали чувство товарищества, а на следующий

день находим солдата со свежеподбитым глазом. Размотали клубок, все по-прежнему. Виновника спрашиваем: «Был, слушал? — Да». Результат — ноль. Пока персонально за горло не возьмешь, толку нет. Вчера всю ночь и утро из кишлака постреливали по вышкам боевого охранения и по территории полка. У начальника вещевой службы пуля прошла перед носом. Один солдат получил-таки пулю в плечо. Сейчас, после операции, находится в реанимации. А сегодня еще одна новость, в команде, которая работала в Хайратоне по сдаче техники, украден автомат. Еще одно разбирательство.

С «боевых» передают: периодические обстрелы и даже атаки на наши блоки. «Духи» как сбесились. Перехват сообщает (по их переговорам) о больших потерях у «бородатых», но они продолжают лезть на рожон, невзирая на то, что мы их нормально накрываем артиллерией и авиацией.

Завтра выезд в Кабул на Военный совет. Итоги вывода I этапа. Приготовлюсь, будут драть за потери. Мальчик для битья. Противник несколько дней назад захватил Баглан.

В газетах подробности о Кундузе. Впервые говорится о трусости руководителей провинции, сбежавших из города, и то, что реального сопротивления не было. Мол, привыкли сидеть за спиной нашей 201-й дивизии. Потихоньку, но реализма в информации все больше. Примечательно и сообщение о том, что правительство приняло решение предать трусов суду. Как это будет, не знаю. Что-то новое. До этого у правительства ни на словах, ни на деле до судов и трибуналов не доходило. За все грозили пальцем, а то и Кораном попрекали, подобрав соответственную суру. Басня Крылова про повара и кота Ваську. Впервые за лето брызнул дождик.

Наше влияние

Престижно стало делать оградки на могилах. И это в Афганистане, где по мусульманским обычаям привычным был камень в земле для обозначения последнего пристанища. Если кто побогаче, то небольшой обработанный кусок мрамора с письменами.

Афганский хлеб

Широкие, пресные, сухие лепешки. Но через армию приучили афганцев к нашему пористому белому пушистому хлебу. На

«боевых», у офицеров царандой вызывал восхищение наш полевой хлебозавод. Сначала просили скромно, по несколько буханок. Потом, вроде из скромности, они отводили глаза, но мы вручали как подарок с десяток пышущих жаром хлебов, которые они брали с удовольствием. Нахваливали.

Кабульские зарисовки

Наглядная агитация. Огромные плакаты на стенах. Примитивизм. Какая-то лубочная живопись, скорее картинки. Сродни народной живописи и национальному колориту типа Пиросмани. Наверное, это тоже показатель уровня восприятия этого нищего и полуграмотного народа.

Старик, завернувшись в кошму, часами лежит в тени у забора своего дома, то подремывая, то рассматривая прохожих.

Сегодня видел двух бродячих дервишей. Стучат в ворота. Из ворот рука сыпет монеты в миску. Интересно. Наверное, от незнания деталей жизни, но ни разу не видел монеты в ходу.

Лавки, дуканы, магазинчики, навесы. Сколько их? В одних на прилавках груши, арбузы, лук, помидоры. В других ремонтируют велосипеды, чинят примусы, делают жестяную посуду. Прилавки со снедью, сигаретами, консервами и еще бог знает чем. Обилие прилавков. Невольно возникает мысль, что торгуют с прибылью. Ведь себе в ущерб кто будет закупать и продавать. В то же время столько одинаковых товаров буквально через десяток метров. К кому идут покупатели?

Прямо в городе клочки земли, где растят и собирают урожай злаков. Август. Во многих местах видны кучи зерна, на которых две-три фигуры веют это зерно. Хоть изучай историю цивилизации наглядно.

Центр города. Пастух с гуртом умных баранов. Идет вдоль улицы с троллейбусным движением. Палкой сбивает листья с деревьев, по виду акаций. Сбитое на землю тут же съедается животиной. Очень часто и в городе, и по дороге видны люди, собирающие колючку, несущие огромнейшие связки куда-то. Благо ее много кругом.

Пятница — афганский выходной. Многолюдие бросается в глаза.

Показатели вывода

Соединения, Всего Первый этапВторой этап

части		15.05–15.08.88	15.08–15.02.89
Дивизии	4	—	4
Бригады (боевые)	5	5	—
Полки (отдельные, боевые)	3 + 1 ап	2 + 1 ап	1
Батальоны, дивизионы	94 + 34 = 128	39 + 12 = 51	55 + 22 = 77
Авиационные полки	7	3	4
Отдельные авиаэскадрильи	8	3	5
Личный состав, тыс. человек	100,3	50,2	50,1
Вооружение			
Танки	511	110	300
БМП, БТР	3496	1019	2224
Орудия	1155	322	747
Самолеты (боевые)	161 (102)	14 (—)	147 (102)
Вертолеты (боевые)	313 (104)	205 (57)	108 (47)
Автомобили	15126	3833	10894

26.08.1988, Баграм. Пятница

Военный совет Армии. Генерал Пищев. Обстановка в Афганистане, итоги вывода I этапа.

Противником были взяты Кундуз, Харабад, Талукан. Полная неспособность войск и правительства к борьбе даже в тех условиях, когда они на голову по численности и вооружению превосходят противника. Предательство и переход на сторону врага целых частей. Фактически города сданы без борьбы. Особо низкая боеспособность подразделений МГБ, МВД, территориальных войск. Слабость центрального правительства. Фракционная борьба в НДПА. Междоусобица сводит на нет слабые усилия по стабилизации положения. В целом по Афганистану: Север — активные вооруженные действия противника. Другие районы — создание коалиционных органов оппозиции и усиление пропагандистского воздействия на население. Приступили к восстановлению дорог, ирригации, домов.

Выступления командиров *5-й гв. мсд* и *201-й мсд*. Задачу выполняем, но сил, конечно, мало. В связи с выводом войск в Союз, да с учетом того, что часть сил ушла на боевые действия в Кундуз, приходится латать дырки. Мало артиллерии.

Для справки

	На I этапе	**Планируется на II этапе**
Танки	**41**	**201**
БМП, БТР	**253**	**375**
Орудия	**86**	**9**
Автомобили	**379**	**9**

Передано 53 военных городка в 19 гарнизонах. Военной техники и имущества на общую сумму **193.054.274 руб.**

Дополнительная информация от советников: почти все посты «зеленых» на Саланге сбиты или разбежались. Опять же, учитывая всю информацию, вывод: ждать больше нечего. По-моему, будет самым мудрым, если мы уйдем до ноября. К чему ждать февраля, и дождаться, когда, ко всему, взбунтуется Саланг с его льдами, снегом и селями.

Контузия

Хитрая вещь, как мина замедленного действия. На построении старший лейтенант И. Бабенко стоял, стоял, да и упал как подкошенный. Три взрывных контузии. Многовато. В апреле в Логаре при подрыве 592-й БМП вот так же было с комсомольцем батальона. Хорошо, опыт есть, отправили сразу в медбат. Храбрился, отнекивался, а по прибытии в Кабул стали конечности отказывать. Сейчас на Военном совете С. Ярков поведал, что в роте, которая нас сменила и обосновалась на нашем месте под Хуркабулем, произошел подрыв БТР. Да так, что машина легла на борт. Все, вроде, целы, но через некоторое время у наводчика отнялись ноги. Ну а мины, это лотерея. Почти месяц пробыли на одном месте, все изъездили вдоль и поперек, а когда полк ушел, и 2-й батальон стал перемещаться на место бывшего КП, вдруг в районе, где стояла палатка медпункта, нашли обложенную камнями и прикрытую колючкой итальянку (TS-6,1) на боевом взводе. Повезло, раньше никто не успел нарваться. Обезвредил сапер.

Пятница, четверг — два дня с дождем. Небывалый случай. Наутро увидели снежные шапки на вершинах. До сих пор лежат. Местные афганцы говорят, что это приметы суровой зимы. Нам бы ее не видеть, нам бы и российских холодов хватило, ну, на крайний случай, кировабадской слякоти.

1.09.1988, Баграм. Четверг

Михаил пошел в 4-й класс.

Позавчера вернулись с «боевых» Д. Савичев и А. Судьин. Первый заболел, второй собирается в отпуск. Полк возвращается завтра. Сейчас в полете борт из Ферганы. Летят Ш. Тюктеев, В. Запорожченко, Барков. А здесь на чемоданах сидит А. Судьин. Что-то новое, но немногословно сказал по телефону В. Востротин, мол, 15 октября начнем сдавать городок. А дальше? На Саланг или совсем домой? Про второе даже не хочется заикаться. Чтобы потом не расстраиваться. С рассветом в воздух поднимались звенья МиГ-23 и брали курс на север. Прощальный круг над Баграмом и домой. Совсем уходят истребители — *168 иап.* Счастливые люди.

2.09.1988, Баграм. Пятница

Приход полка. Встреча в строгом соответствии с традициями.

Обстрел Кабула, аэропорта. Сильный. Взрыв склада. Уничтожена техника. Потери.

Предварительное боевое распоряжение на выход. Как и ожидалось, выход полка одним из последних. День «Д» неизвестен. За десять суток: сдача городка, отправка воздушного эшелона в Союз и выход полка на Саланг. Как всегда полку отдан самый сложный участок, два-три километра до тоннеля с юга и весь участок за тоннелем до выхода на простор долины (Калавуланг — Чаугани). Последовательность вывода: части и учреждения Кабула, *103-я вдд,* затем Баграм, *108-я мсд,* Чарикар. После снятия всех застав оставляем Саланг и мы.

Упорные разговоры о начале выхода с 15 октября. Так же упорно идет разговор о проведении заседания Политбюро 15 сентября, где будет решен окончательно вопрос об Афганистане.

Короткие рассказы

Рассказ заместителя командира 45-го инженерного полка подполковника Щербань

Мы (то есть саперы) сдружились с полком и особенно с 9-й ротой. Последняя, уже по традиции, постоянно прикрывает ООД. В этой последней операции (Кундуз) прикрывала рота *180-го мсп.* На подходе к Кундузу, километра за два-три до города, попали в засаду. «Духи» били из гранатометов и безоткатных орудий. Огонь плотный. Саперы попрыгали кто куда. Открыли ответный огонь. А пехота растерялась. Командир полностью потерял управление. Зам. комбата вообще появился только тогда, когда все стихло. Наводчики БМП стали выбрасывать из башен подушки и матрацы, и только тогда смогли работать. Первое время «духи» почти безнаказанно расстреливали колонну. Только в БМР попало четыре гранаты. Механику первой же оторвало ногу. Парень не растерялся, сам себе наложил жгут, ввел шприц-тюбик и продержался до конца боя, пока ему не помогли. До двадцати человек ранены. Основные потери от осколков гранат, которыми «духи» били по кронам деревьев. Саперы говорят, что если бы прикрывали вы, то ничего похожего не было бы. Да и под Хуркабулем Щербань говорил, что мы, мол, только с 345-м ходим спокойно. Приятная оценка.

Рассказ майора Н. А. Самусева

На «боевых» ему пришлось доставать и составлять из кусков разорванные тела после взрыва у саперов, да еще вытаскивать Акчурина с двумя солдатами, которых «духи» изуродовали до неузнаваемости. После всего этого проехал, говорит, по всем блокам, призывал к бдительности. Тут еще перехват дал информацию о духовском замысле взять «языка».

Сижу на КП, — рассказывает он дальше, — приходит солдат и говорит, что вызывают главного замполита. Кто? Да, афганец. Двор дувала разделен чисто символически колючей проволокой на две части. По одну сторону КП, по другую пост «зеленых». Стоит холеный, хорошо одетый, рослый афганец. Улыбается, тянет руку. Как взял за руку, так и не выпустил до конца. Надо, мол, поговорить. Ладно, думаю, часовой рядом, а вот и скамейка со столом буквально в пяти метрах. Нет, афганец тянет за забор. Там тоже скамейка. Ну ладно, думаю. Ведет дальше, руку не отпускает, заводит в дом. Длинный темный коридор, поворот, еще поворот. Тут уже я напрягся. И все равно какая-то заторможенность, наивная вежливость. Открывает дверь,

подталкивает вперед. Вмиг окидываю взором все и вижу: слева у стены бородач с автоматом, перед ним хорошо одетый молодой с ножом на поясе. По центру стол с закусками и еще несколько приторно улыбающихся морд. Тут уже я изобразил, что из вежливости войду только после провожатого. Спрашиваю, что надо, а сам держу дверь и прикидываю, кого ударить ногой и как бежать. Те жестами приглашают к столу, дыню, мол, поешь. Потом один из них достает свернутую карту, машет ею и говорит, что надо посоветоваться. Говорю, что некогда, резко закрываю дверь и буквально вылетаю на улицу. Слышу топот за собой, выскакивают следом и стоят, смотрят. На вышках какие-то бородачи, но во дворе наш часовой и БТР стоит с развернутым в их сторону пулеметом. Отстали. Я, — говорит, — как колючку перешагнул, так у меня ноги отнялись, и дрожь бить стала. Потом, через некоторое время осмотрели то место. Все бородачи и в доме, и на вышках исчезли. Афганец командир поста пожимает плечами, мол, ничего не видел, никого не знаю, ничего не понимаю. Н. Самусев до сих пор все это рассказывает с содроганием. Понять можно. Сам, мол, всех призывал к бдительности, а шел, куда вели, как жертвенный баран.

8.09.1988, Баграм. Четверг

Вернулся из Кабула. Маленький выходной взял себе с учетом того, что В. Вострогин сегодня улетел в отпуск, а я на эти пятнадцать данных ему дней остался за командира. Теперь уже не отлучишься из полка.

Путь на Кабул прошли спокойно. Много колонн и одиночных машин нам навстречу, на Саланг. На дороге, судя по множеству разграбленных машин и сожженных остовов, творится форменный разбой. Чаще других попадаются машины «Афсотра», смешанной советско-афганской транспортной организации. Но попадает и частникам. В одном месте наблюдали взымание «платы за проезд»: на дороге стоит перегруженный автобус, а от него отходит «дух» с автоматом, пересчитывая толстую пачку денег. На обочине сидит группа дорожных флибустьеров. Стригут купоны со своего участка дороги, «борцы за веру»…

В Мирбачакоте на базаре непривычная тишина. Открыто всего несколько лавок. Зато целый ряд дуканов сожжен. Тянет свежим запахом пожарища. Уже сегодня, на обратном пути там же, проезжая, увидели множество «духов». Сидят, стоят, ходят в одиночку и группами по дороге вдоль домов все увешанные оружием. Много гранатометов. Бандюги, пробу ставить некуда.

Угрюмо рассматривают нас, но не трогают. Неприятное, вынужденное сожительство. При желании, им прямо здесь сжечь нас и перебить, как курей, не составит никакого труда. По одному танку на окраинах для них бутафория. Никто не поможет. Ко всему, и на свою пехоту надежды нет. Когда сидели вечером у Серветника (ЗКВ *103-й гв. вдд),* он поведал, как несколько дней назад на Саланге били колонну дивизии. Двое убитых, десяток раненых, но ни один советский пост не открыл огня. Потом, когда их крыли матом, услышали в ответ: «Вы уйдете, а нам тут жить». Вот гады, в голове не укладывается, но так и есть. Пришел приказ по этому случаю. Наказывают, а надо судить, как за предательство.

Видел в дивизии расклеенные по казармам плакаты с информацией о Казбеке Худалове. Бывший старший лейтенант, начальник заставы, 1959 года рождения. Осетин. В 1984 году ушел к «духам», а сейчас вернулся с террористической группой. С фотографии смотрит довольно красивое лицо. Смотришь и не веришь, все кажется, что враг должен выглядеть как-то иначе.

Все живут надеждой на скорый выход. Так или иначе, но разговоры все сходятся в этой точке. Скорее бы. Кундуз опять показал, что это необходимо. Сходили туда, отбили, а только ушли, как город опять оказался у противника. По другим данным, вроде нет. Какая-то бессмысленная борьба за жизнь мертворожденного ребенка.

Будучи в Кабуле, побывал у Игоря Романова в «Кремле» *(317-й гв. пдп).* Первый раз встретились на афганской земле. Обменялись последними новостями. С Сергеем *(350-й гв. пдп)* поговорил накоротке. Сегодня утром они ушли на обеспечение застав. Тут еще получил сообщение об обстреле одного из постов. Прямое попадание РС в казарму. Один убит, трое ранены. После всех встреч поехали на аэродром, чтобы узнать насчет борта на Баграм, и неожиданно встретили командира. На его же БТРах и вернулся. Сразу на совещание. Взял бразды правления в свои руки.

Д. Савичев третий день лежит в госпитале. Подозрение на тиф.

Осень вступила в свои права. Афганцы семьями убирают виноград. Везде попадаются на глаза обширные коричнево-фиолетовые поляны сохнущего под солнцем винограда, кишмиш.

13–20.09.1988 на «боевых» в районе ущелий Лаландар и Майданруд (30 км юго-западнее Кабула)

Видимо, наша работа за Хуркабулем оказалась успешной, и теперь Командование решило застолбить сюрпризами все места пусков по Кабулу. Так или иначе, 13-го с рассветом тронулись в путь. Как обычно, ночевка под инфекционным госпиталем, а на другой день в темноте пошли в район. Зная себя, предполагал, что в тот момент начнет колотить волнение, которое никому обычно не заметно, но на удивление чувствовал себя абсолютно спокойно. Тревожит обычно не сам бой, а его ожидание. Обошлось, работа помогла, уверенность в людях помогла, а донимал только холод на скорости.

Быстро прошли просыпающийся Кабул, Пагманский перекресток, свернули на Майданшахр. В конце концов, свернув с асфальта, полезли в горы. Хорошо, что предусмотрительно оставил всю колонну на дороге. Вскоре ООД (начальник инженерной службы к-н Н. Матлахов) уперся перед перевалом в каньон. Опасения оправдались, пришлось искать обход за горным кряжем. Нашли, долго петляли зигзагами по плато, пробиваясь к цели. Шли по целине, обходя овраги и промоины. Обошли по руслу большой каменный средневековый мост. Жаль, не до слайдов было. Под конец хвост колонны попал под разрывы РСов. Благо, обошлось. Вот, наконец, и цель: два сходящихся ущелья. Но спуск только для ишака и пешего. Машины стоп. Опять на ходу меняем планы и задачи. И как оказалось, успешно. Здесь же на плато под прикрытием холмов развернули КП, артиллерию, тылы, оставили броню батальонов. На склоне ущелья оборудовали НП и тоже удачно. Вид как с самолета, все как на ладони, и связь устойчивая. Хорошо, что не полезли вниз.

2-й пдб после короткого уточнения сразу пошел на задачу — обкладывать высоты, блокировать вход в ущелье. «Потерялась» 4-я рота. Дважды тыкал комбата носом в карту, затем перстом в нужную горку да еще показывал ее в ТЗК (стереотрубу). И все равно залезли черт знает куда. Все докладывают, что лезут по отвесной стене, а я понять не могу. Вроде и крутая, да не так, чтобы очень. Под конец, с темнотой залезли на назначенную гору, оставив на ночь, на полпути на уступе пять человек. А с утра, когда дал команду обозначить себя ракетой, выяснилось, что все равно не туда вскарабкались, да ко всему в два раза выше, чем надо. После этого прозвал Лохина отцом Федором. Но тот ладно, сам полз, а этот еще и людей измучил. На другой день в дело ушел *3-й пдб* (Н. Д. Ивонник), а с ним разведчики и саперы. Последовательно блокировали все высоты по обе стороны ущелья. Навстречу выдвигалась пехота 108-й дивизии. Ну а дальше отработали саперы.

Походить всем пришлось изрядно. То тут, то там доклады:

«Люди выдохлись, нужен отдых. Плохо одному «карандашу», разгрузили, отхаживаем». Но в который раз убедился, какие все же у нас золотые люди, — зубы сожмут, а идут, ползут, карабкаются. Ведь даже отработали с опережением плана, выставив 21 узел «Охота». Вывести людей из ущелья до темноты не удалось и пришлось оставить на ночевку внизу у ленточки реки Лаландар — Кабул. Использую единственное число «речка», хотя на карте два названия. Самому странно. Втекает с одной стороны река одна, а вытекает из ущелья другая? И никаких намеков на боковой приток. Чудеса.

С рассветом начинаем вытаскивать людей из ущелья. Бедная 7-я рота провела, наверное, не самую приятную ночь. Ведь послал их туда налегке, поднести узлы для минирования и уйти, а им пришлось заночевать. Полязгали, наверное, зубами от холода. Зато холода не могильного. Начали бы выводить под ночь, глядишь, нарвались бы на мины или засаду. Береженого бог бережет.

А пока выходил батальон, начали готовить ущелье Майданруд. Еще вчера заметили копошение «духов» в кишлаке Касаланги: люди, машины. Что-то усиленно вывозят, укрывают под носом нашу добычу. Накрыли несколько раз хорошо артиллерией, но все равно «бородатые» трудятся, как муравьи. Потом уже узнали, что у них там даже «Стингеры» были. Эх, если бы сразу туда пошли. Мирные потом так и рассказывали. Вы, мол, пришли, и они, все бросив, разбежались. А как увидели, что вы пошли в Лаландар, так за две ночи все и вывезли. Но ничего, вложили мы им нормально. С утра по вызову пришла восьмерка «грачей» и отлично отбомбилась, затем еще пара с ракетами, потом еще звено. И только последняя пара уронила авторитет «Сталинских соколов». Минут тридцать авианаводчик майор Иванов наводил ведущего. В конце концов, тот сказал: «Есть, понял» и бросил бомбы почти на 9-ю роту километрах в 10 от цели. Я тут же схватился за трубку, дозвонился мгновенно до КП ВВС и потребовал убрать «воздух» от нас. А авианаводчик, обматерив летуна, тут же спокойно сказал в эфир: «Ты, «сокол», чтобы больше сюда не прилетал».

Для вышедших подразделений получился почти день отдыха. Как ни трудно было с водой, а умудрились организовать баню для *3-го пдб* и разведроты. С рассветом 18-го снова пошли вперед, точно так же, как и до этого, последовательно обкладывая высоты по сторонам ущелья. Разведчики блокируют кишлак Мишихейль и пропускают рядом с ним 3-й батальон. Прикрыли надежно. Последовательно и настойчиво берем высоту за высотой, кишлак за кишлаком. Последние пустые. И вдруг докладывают, что в

Хинджане женщины, дети, старики. Кто ж знал… а мы его долбили артиллерией! После этого в шутку прозвали Ш. Н. Ахметова подполковником Колли. На что он возразил, мол, один под международный трибунал не пойдет, а всех с собой потянет. Опять на ходу меняем задачи и отказываемся от минирования входа в ущелье, дороги и самого ущелья. Эти мины сами мирные жители, а не «духи» сняли бы своими ногами. Начинаем минировать места пусков и выходы к ним.

Н. Ивонник со своими людьми опять работает четко и делает даже невозможное.

В этот же день успеваем нашпиговать ущелье Авдара и тут же до темноты отвезти из опасного места людей под прикрытие блоков. Правда, уже в темноте. В это же время получаю донесение, что есть один раненый, слава Богу, последний за всю операцию. В чем-то и сам он виноват, плохо стреляет. Первым заметил «духа», первым взял на мушку, выстрелил и промахнулся. А «бородатый» успел в ответ, пока его не добили, огрызнуться огнем и осколками камня от пули побил парню лицо. Самое страшное — проникающее ранение глаза. Будет ли видеть? С утра раненого эвакуировали на КП, а оттуда уже на машинах сразу после перевязки отправили в Кабул. Летели как на «Формуле-1» и через полтора часа он был уже на операционном столе в Центральном госпитале. Потом два часа операции. Эвакуировали его с места боя на трофейном ишаке. На пленке есть кадр этого момента. Жаль, пока не проявил, не знаю, как получилось.

Отход провели четко и последовательно. По всем правилам военной науки выставлял промежуточные блоки и ставил участки заградительного артиллерийского огня. Но нас никто и не собирался накатывать. Видимо хватило предыдущей ночи, когда «духи» зашевелились под прикрытием темноты. Четверо подорвались на минах. Издали попытались обстрелять из ДШК один взвод, но быстро прекратили состязание с нашей артиллерией. Все-таки чувствуется разница между наемниками и местными бородачами. Не тот «задор». Последняя ночевка, и перед рассветом уходим домой. Расчет оправдался, опасное место проскакиваем без воздействия. «Духи» еще спят. Колонна идет слитно. Сказывается опыт людей и ответственность. Все предельно собраны. Делал скидку на темноту и на то, что движение в одну ниточку начинаем из разных районов, стекаясь и смешивая свои машины: тыл под прикрытием *3-го пдб;* артиллерия под крылышком 2-го батальона; тылы, спецмашины. Но, на удивление, все прошло четко, без разрывов и остановок. До дома дошли за пять часов. Ну а здесь как принято:

Знамя у входа. И гора с плеч. Все, отвоевали. Мой дебют удался. Ведь первый раз отвоевал, командуя полком от и до, сам, единолично.

Давно не было такого хорошего приподнятого настроения. Почти опьянение. Зато под вечер как-то вдруг навалилась усталость, рукой не пошевелить, и похожий на летаргический сон с видениями, взрывы! Тьфу, черт. Даже повечерил без аппетита, хотя завтракал на броне в «Теплом Стане» на короткой остановке куском сыра из банки, одним яйцом и половинкой крышки холодного чая из термоса пополам с пылью.

Сегодня 21-ое. Объявил выходной. Чистый, помытый, постиравшийся смотрю телевизор, листаю забытые газеты. По TV Олимпиада идет, а я только с возвращением вспомнил, что она и должна была начаться 18-го в Сеуле. С утра, в торжественном строю вручил ордена и медали всем, награжденным в последнем Указе. Выходной, так выходной. Праздник, так праздник.

Полк косит гепатит, да и не только полк. Весь Афган желтеет. Я испугался, что у нас под 70 человек, а меня «успокоили», что в других полках по 200–250 человек. Вот оказывается, мы и здесь «в выигрыше». Все знали это. Знали, что приносят каждый год сентябрь и октябрь, но в этом году что-то уж больно резво болезни взяли старт. Тут еще Тихонов (Псков, связист) пакость сделал. Точно помню, что на НП после него пил из общей кружки чай из термоса. Вот теперь будем ждать результат 40 дней. Не дай бог, и мне вращать желтыми белками. Тихонов-то на следующий день пожелтел и слег.

Опыт дело наживное

Практиковали ведь замену частот в ходе боевых действий. А забыл об этом. Пришлось давать команду: «Перекат-2», переход на ЗПЧ, в ходе работы, а можно было бы догадаться об этом между первым и вторым этапами. А не тогда, когда «духи» упорно сели на волну и стали глушить. Спасибо, люди опытные, через пять минут все были на новой частоте. Отстроились от помех и работали спокойно. Душки нас сразу не нашли. Хотя подозреваю, что это даже не «душки», а их «друзья» из Пакистана.

Пленный

Где-то на третий день после занятия района с одного из блоков передали, что заметили передвижение человека в сторону

КП. Отловили. Сидит чадо. Куртка из шинельного сукна, на рукаве, как у наемников, черно-красно-желтый флажок. На голове панджшерка, большая неимоверно. Худое лицо. Редкие волосенки на подбородке. Возраст лет 18. Вид тщедушный. На носу капля. Бормочет что-то непонятное. Переводчики ничего понять не могут. Вокруг сгрудились офицеры управления, всем интересно посмотреть на «душка». Начинаются гадания. Кто его знает, что за придурок. Ну, думаю, свалился на нашу голову. Что с ним делать, кормить надо, сторожить. И не пристрелишь уже, о нем доложено наверх. Дали банку тушенки, хлеб — умял, только ложка сверкала, и опять ни гу-гу. На ночь отдали его под присмотр разведчикам. Те парни крутые. Тут же связали ему руки и ноги и пропустили палку за спиной. Утром отправили в Кабул. Возвратился отвозивший его старший прапорщик Боль, привез бумагу честь по чести, расписку, с фамилией и печатью. Спрашиваю: «Что, они так сразу и вытянули из него все данные?» — «Да нет, знают его как облупленного. Год сидел в тюрьме за ведение разведки в пользу банды. Только недавно выпущен». Все сомнения прочь. Пришел паренек посмотреть, как у нас дела. Но, действительно, хорошо юродивым представляется.

Боль рассказал, что там же, в соседней камере видел солдата-литовца, который входил в группу Худаева. Одет был в форму лейтенанта, подготовлен для терактов. Отловили гада. Вытрясут из него сейчас, что знает, а потом отправят в Москву на дыбу. Условно, конечно. После того, как это было написано, съездил в госпиталь проведать Магомеда, который убедительно опроверг версию, что красные глаза не желтеют. Завалился с гепатитом. Мы теперь шутим, что если полковник, начальник инфекционного госпиталя слег, то что о нас грешных говорить. Разговорился там с его особистом. И он убежденно сказал, что изменнику ничего не будет. Наши выступили с заявлением, что всех прощают, а ко всему, его деятельность трудно доказать. Даже его собственные показания, оказывается, никакой юридической силы не имеют. Мы, по-моему, сделали уж чересчур большой шаг в «демократию».

Проверил телевизор «Панасоник». Работает отлично. Даже при моей антенне берет на первый канал Кабул. И все в цвете. Вообще непостижимо. Как же он будет показывать в городе, в Союзе? Теперь хоть нормальные цвета посмотрим в оставшейся жизни. Завтра приедет командир. Буду проситься съездить домой.

По возвращении получил письма из Свердловска и Куйбышева. Три от маленькой. В Пскове с 30 августа по 11 сентября побывал Александр. Сынуля совсем взрослый. Даже уже и зарабатывать начал. Для нас-то, что эти 350 рублей, а для него — целое событие. Отремонтировал все матери. Пишут, что он

окреп, возмужал, стал серьезным и уверенным. Мужик. Даже уже матери наплел, что целовался. Это как курение. Детское самоутверждение. А может, и на самом деле было. Что странного? Все нормально. Да, тут уже не отцом, а дедом становиться впору.

23.09.1988, Баграм. Суббота

Полк снова готовится к «боевым». Выход послезавтра. Район: по старой джелалабадской дороге, километров 30 восточнее Кабула. Цель — очистка района. Срок — до 4 октября.

Пресса полиняла. Появляются, правда, интересные статьи. Вот в «Литературке» Ф. Бурлацкий написал о Брежневе. Впервые что-то серьезное. До этого все больше о недостатках и о застойном периоде. В начале месяца начался суд над Чурбановым и К°. Остальное настолько приелось, что читаю только заголовки и вскользь пару строк, чтобы убедиться, что нет ничего нового. Все знаю заранее: борьба с бюрократами, там гноят овощи, тут поднимают цены, а здесь не могут (или не хотят) сделать то-то или месяцами не в состоянии выписать какую-то бумажку. Часто стали писать о ЧП: то поезд («Стрела»), то самолет, то корабли. Но все это тоже приедается, и констатируешь только уровень падения ответственности и дисциплины. Сколько еще придется приводить в норму. И как долго? В Карабахе опять волнения.

События в мире. Перевороты в Бирме и на Гаити. В Сеуле Олимпиада. Американцы через два с лишним года после катастрофы «Челенджера» пытаются в конце месяца запустить «Дискавери». Спутник запустил Израиль. Много заметок со всего мира о борьбе с наркотиками. Западные немцы объявили, что нашли средство против СПИДа. Через 10 лет обещают лекарство на основе синтетических генов. Каждый день сообщения о взрывах, убийствах и налетах. Мир сошел с ума. В Бонне обстреляли машину заместителя министра финансов ФРГ. Эта-то крыса кому помешала? Какие разнообразные идеи и воззрения правят людьми. Осталось только найти инопланетян и с ними вступить в конфликт. Здесь, в Афганистане, судя по сообщениям газет, взрывы в Кабуле, обстрелы РСами: столица, Джелалабад, Гардез, Газни, Кандагар, Спинбулак.

Вечером пошли в баню и из парной вдруг вызов к телефону — командующий. Бегу на узел связи, к трубке. Пять минут разноса, а потом постановка задачи. Выход завтра. И район новый. Пойдем на Мирбачакот. Пойду сам. Дима Савичев пускай встречает комиссию ЦВМУ и отчитывается перед ней за гепатит. Машина уже закрутилась: задачи, карты, техника, запасы. Жаль только, в

спешке, да в ночь. Сейчас напишу письмо домой и спать. С утра в путь.

1.10.1988, Баграм. Суббота

Вернулись с войны неожиданно. Вообще, странные «боевые». Как ушли в спешке, так и пришли впопыхах. «Боевые» неудовлетворительные своей неопределенностью. Ушли 24.9, вернее только 3-й батальон с Ш. Тюктеевым. Я появился позже, сначала съездил в штаб Армии на задачу, а на обратном пути остался на КП, развернутом на памятном месте: в крепости, на 8-й заставе, той самой, где прошли мои первые боевые действия в августе прошлого года.

25-го пришел *1-й пдб* (И. А. Гордейчик), постоял, да и заночевал. Пехота на задачу не вышла. На следующий день снова пошел на работу, тут звонок. Правительство РА объявило политику примирения в этом районе, батальону отбой. Ну, надо же так! Час искали путь в район, найдя, с трудом начали спуск через перевал. Успели наполовину спуститься. Одним ухом слушаю приказ остановить батальон и отправить в ППД (пункт постоянной дислокации) и тут же знаками отдаю команду. На перевале по одну сторону весь батальон, с другой — рота, которая на счастье не успела спуститься по этой крутизне. Час батальон пытается залезть по круче и камням обратно и неудачно. Бились, бились, да и смирились, обратно пути нет. Что делать?

Рота вернулась, а батальон пошел вокруг цепи гор через Кабул и «Теплый Стан» обратно. Для бешеной собаки семь верст не крюк. Так или иначе, пройдя через нас на обратном пути, уже в темноте батальон вышел в Баграм. И хорошо. То место, куда он по задаче должен был выйти, оказалось не самым спокойным. Уже на следующий день от восхода до заката громыхала наша артиллерия, поддерживая пехоту. В первый день они получили под 30 РСов, а на следующий день и того больше. И из тех мест, которые были бы по плану, под нашими блоками. Наши пушкари работали успешно. Наводили огонь корректировщики пехоты, и те взвизгнули от восторга, когда несколькими залпами накрыли сначала одну РПУ (реактивную пусковую установку), а затем вложили три десятка снарядов по каравану. Эти цели, по крайней мере, с большой степенью достоверности. Били и по другим, но без надежного подтверждения. Может, кого и отправили к аллаху, кто знает. Будем надеяться. Так или иначе, но «душки» на третий день успокоились. Надоело им состязаться с нашей артиллерией.

Да и пехота обложила район.

За исключением этой работы, в основном, работы Ш. Ахметова и его артиллеристов, у нас, более или менее, спокойно. Несколько обстрелов блоков вдоль дороги. Особо нервное, обстрел блока КП 9-й роты. Даже не обстрел, а пара выстрелов из РПГ из зарослей и груды глины на закате, в сумерках. Нам везет. Граната попадает в развешенное на кустах одеяло и взрывается. А за одеялом метрах в шести сидят и ужинают за столом офицеры. Не будь одеяла, результат был бы иным. А так, оглушило И. Бабенко (опять он), да в клочья эту тряпку.

Первый раненый появился после работы нашей авиации по району, откуда утром навернули ракетами Кабул. Первый заход Су-25, и две бомбы падают на позиции разведвзвода *3-го пдб*. Зловеще встают огромные султаны взрывов, и мы с тревогой видим, что это где-то в районе КП *3-го пдб*. Что тут же и подтверждает комбат по радиостанции. Пытаемся «успокоить» авиацию, но не удается. В небе дымные полоски отстрелов и едва видимые стрелки самолетов. Заход за заходом, столбы пыли в «зеленке», но, наконец-то, там, куда и требуется. А нам не до этой картины. Доклад: «Один тяжело ранен». Мгновенно выходит группа с врачом (Валерий Бауэр) и на ходу, захватив Григоренко, устремляется в Кабул, в Центральный госпиталь. Сам удивился, когда через час 10 минут доложили, что раненого сдали на операционный стол. Молодцы! Чуть больше часа от ранения до стола. Будем надеяться на благоприятный исход, хотя ранение тяжелое: в левое плечо с поражением легкого и обильным кровотечением. Нервы, сосуды под большим вопросом. Уже на базе узнал, что в бронежилете нашли и второй осколок. Застрял в пластинах напротив сердца. Спас-таки бронежилет. Обложили, конечно, как положено летунов. Уж больно системно у них стал заход на штурмовку *3-го пдб*. Если в ущелье Лаландар обошлось, то теперь уже прицелились точнее. Если бы они так «духов» били, это было бы нормально.

3-й батальон стоит вдоль дороги, а КП, артиллерия, тылы и разведчики в одном большом бивуаке около крепости. За все время упала пара мин. Да и те я не слышал, проспав ночью. Утром доложили и принесли осколки. За постоянными хлопками орудий изо дня в день, на грохот уже и внимания не обращаешь. Но все равно, часто ловишь себя на тревожной мысли, когда смотришь на хаотичное скопище машин, орудий, людей. А вдруг накроют, да как начнут рваться машины с боеприпасами и топливом? А люди? В целом спокойные дни действуют предательски, растет беспечность и самоуспокоенность. Одеть всех в жилеты, да укрыть технику, требует известных усилий. Все,

как всегда.

В один из дней получаем известие об исчезновении в полку солдата. И вот сегодня, по прибытии, застаю В. Вострогина за подготовкой боевой операции. Прямо на стадионе встали на огневые позиции самоходные установки «Нона». Разведчики, увешанные оружием, бегут к своим машинам. Доложил командиру о прибытии батальонов с боевых. Спросил, чем могу помочь. В ответ получил: «Отдыхай».

Через ХАД установили, что солдат ушел и попал к «духам». Хорошо еще, к умеренным. Подключились наши и армейские особисты. Два дня договаривались, чтобы обменять солдата на десяток автоматов. Тревожный ход событий. Обмен состоялся под вечер, в темноте, да еще в «зеленке», в стороне, метрах в ста пятидесяти от дороги. Никакого взаимного доверия. И пришлось идти В. Вострогину в ночь, в неизвестность вдвоем со старшиной разведроты, практически, без охраны и прикрытия. Жутковато. Но, так или иначе, обмен состоялся. Интересная деталь: два автомата оказались трофейными, китайскими, и «духи» их сразу забраковали. Потребовали советские. Разобрались твари в темноте.

Когда все закончилось, и В. Вострогин вернулся в модуль, посмотрел на него и понял, что вопросы можно будет задавать только завтра. Неожиданно Валера спросил: «У тебя спирт есть?» Никогда и ничего подобного от него не слышал. Сходил в свою комнату за флягой. Выпили молча.

Посмотрел на этого солдата полчаса назад. Здесь у нас киногруппа, и они воспылали желанием снять интервью с этим предателем. Схема поведения этого слизняка и мотивы, как по-писаному. Издевался один сержант, решил напугать, ушел, да и попал к «духам». Нет, говорит, обращались хорошо. Нет, оружие против своих бы не поднял. Смотришь на эту тряпку и не знаешь, что это, полное безволие или умный, расчетливый поступок. Уж лучше бы его пристрелили. Меньше бы людей жизнью рисковали, да и оружие бы «духам» с неба не свалилось. То оружие, из которого они нас потом убивать будут. Мразь. Не выдержал, ушел, не смог слушать его объяснения. Боюсь иногда своей прямолинейности. Вот белое, вот черное. Грань, вот же она, неужели вы не видите? Дипломат из меня никудышный. Излишне категоричен. Но зато, вроде, и не подводит в жизни моя линия. Знаю, что ценю, знаю, что люблю. Знаю где остановиться, знаю где предел поступка. Наверное, чересчур все же рационален. Беда? Достоинство? Кто объяснит. Чужое мнение? Сейчас, в моем возрасте, наверное, уже и не существенно.

Собирались сворачиваться завтра. Вдруг в час дня команда на

уход в Баграм. Что тут идти от Мирбачакота? Прошли за 2,5 часа. А завтра в 5.00 снова на работу в тот же район, да с другой стороны. Пойдет Ш. Тюктеев. А я на отдых. Чтобы очень устал, не скажу. Волнений, динамики было несравненно меньше, чем на Лаландаре, и все же… Иногда однообразие и неподвижность действуют более угнетающе, чем волнение, бессонные ночи и пот. А еще хуже неопределенность, непоследовательность. Да, так да, нет, так нет. Вот и второй раз лично откомандовал полком на «боевых».

Под Карабагом кто-то потрудился и вырубил почти целиком единственный по всей дороге от Саланга до Кабула крошечный сосновый бор. Какие красавицы стояли: пушистые, мощные, раскидистые — чудо! Жулье, оно везде жулье. Нет хозяина, нет порядка. Вроде чего жалеть, когда кругом развалины, да еще и страна чужая, а все равно жаль. На этой земле, чтобы вообще дерево вырастить, надо столько труда вложить, а тут сосны. Кто-то сажал десятки лет назад, а разрушила грязная рука за минуты, да и в общем-то, за гроши.

Гепатит. В полку за две сотни больных. С «боевых» периодически отправляли заболевших. Набралось 18 человек. И спада, вроде, не предвидится. Вот напасть. А чего было ждать? Три месяца на «боевых». Пыль, грязь, вода не всегда кристальная, холод, жар.

Ночи стали холодные. Несколько ночей в будке спал под двумя одеялами и вдруг вспомнил, что в углу будки стоит печка. Летние еще предрассудки. За ночь сам три раза встану, протоплю и чувствую себя нормально. Под всполохи огня на стенах и потолке письма писал. С оказией сам получил письма из дома от маленькой и от Михаила. Новости не из приятных. Миша сломал ногу. Шестого октября снимают гипс. Мать натаскалась с ним на руках по лекарям. И сама простыла, просвистало на ветру. Письмо от Миши пришло одновременно с письмом от Людмилы. Ошибок множество. Запятая — вообще неизвестный знак. Одно сплошное предложение. Пройдет, конечно, будет больше читать книги, а со временем газеты и журналы, и зрительная память сработает, ухватит очертания слов и построение предложений. А может, и наоборот, не было бы этих ошибок, и не было бы детского, очаровательного по своему простодушию, послания. Одно предложение: «Пап пиши нам чаще мама волнуется понимаешь», и сразу хочется писать и отвечать, успокаивать. Ну а слова: «Сиул» и «алимпиада» — просто восторг.

Новости в мире: «Дискавери» запустили 29.9. Первый успешный запуск ракеты с ПЛА (подводная лодка атомная) из подводного положения провели китайцы. На Олимпиаде наши

футболисты стали золотыми в финальной игре с Бразилией. На своем КП поставили «Шилялис» и, хотя и с помехами, но с утра до вечера смотрели репортажи из Сеула.

Пока мы были на «боевых», на трассе Кабул — Южный Саланг начал работать агитотряд. Устанавливают контакты с местными вожачками (так и пишу, вспомнив кинофильм «Оптимистическая трагедия» и смутное время), подписывают договоры. Цель — прекратить разорение колонн. В Хайратоне скопилось сто тысяч тонн грузов, которые афганские транспортные колонны отказываются перевозить, пока им не обеспечат безопасность.

Оказывается, и сено к корове ходит. Вот и мы слово держим. Сегодня передали «духам» пулемет СГМТ вместо тех, забракованных китайских автоматов. А что делать? Даже такой контакт обрывать нельзя. Может, и пригодится еще раз воды напиться.

3.10.1988, Баграм. Понедельник

Еще вчера казалось, что холод — это случайность, залетное. Но сегодня уже начинаешь понимать, что на носу зима. Как-то вдруг. Целый день бешеный, давно не виданный по напору, ветер. Тучи пыли. Ветер с севера, с Гиндукуша, чьи снежные шапки видны на горизонте, и оттуда дышат на нас холодом.

Командир дал согласие на мою поездку. Завтра-послезавтра пошлю с кем-нибудь паспорт за визой. А там — домой! День сумрачный. Только под глубокий вечер наконец дали свет, а так сидели при свече в комнате начальника ПО А. Греблюка. Полк на «боевых». Нас осталось немного. И тех из-за света, вернее, его отсутствия, не сумели накормить. Пришлось выдавать сухой паек. Как обычно, трудности в одиночку не ходят, звонок от Командующего с задачей держать батальон в получасовой готовности из-за сложной обстановки под Чарикаром и Джабаль-Уссараджем. А батальона, как такового, и нет. Наскребли по крупицам как людей, так и технику. Сидят в готовности. Допрыгаемся мы с этим выводом по этапам. Все силы вывели и теперь жалкими остатками затыкаем дыры. Ко всему, и поставки техники урезали так, как будто война закончилась. У нас в ротах осталось по четыре машины, и не дают больше. Даже не обещают. Людей в ротах чуть больше половины от штатной численности. Больные, раненые. Еще немного, и вообще некем будет отбиваться. Завозов и заготовок овощей на зиму тоже не делали. Уже сейчас в меню только два «деликатеса»: гречка и макароны. Редко рис. Смотреть не хочется.

Получил письмо от 28 сентября. Люда пишет, что Михаилу уже сняли гипс, и он два дня, как посещает школу. Все хорошо, что хорошо кончается.

4.10.1988, Баграм. Вторник

Поставил новый телевизор «Панасоник» и теперь вполне прилично смотрю Кабул и Москву. Особенно интересно смотреть регулярные молитвы по афганскому телевидению.

В обед неожиданно появился Д. Веретенников. Легок на помине. Только на днях подумал, что пути-дороги после вывода войск из Панджшера разбежались. Ан нет. Получил свежие новости в отношении Саланга, где сейчас его зона ответственности. Рассказал, как «духи» трактуют экспроприацию. Один из главарей сказал: «Советская помощь идет для афганского народа, а не для Наджибуллы. А в Панджшере и других местах разве не народ живет?» Половинят машины с мукой и другим провиантом, и при этом еще и расписки дают. Но это Ахмад Шах, это ИОА. С ИПАшниками все по-прежнему. Их работу мы видели под Мирбачакотом. Со слов Константиныча, Панджшер обживается, и довольно быстро. Вернулись люди в Тавах, Заманкор, Кораву, Фирадж. В Рухе, где вообще жили одни мыши, теперь проживает до двухсот семей. Полностью восстановлена дорога, и теперь до Рухи добираются автобусы и такси. Трудно представить. Ново и отношение нашего высшего руководства, в частности, генерала армии В. И. Варенникова. Когда в августе 2-я пехотная дивизия РА полезла на Саланг и быстро получила по морде, Кабул стал провоцировать на вмешательство наши войска. Кое-кто в Москве стал клониться к размахиванию шашкой (вот откуда, судя по всему, настойчивое требование взять обратно Панджшер). Обстановку Константиныч лично докладывал В. Варенникову. Осмыслил перед этим все стороны проблемы, оценил риски озвучивания правды, да и выложил, что на Саланге установилась истинно народная власть. И, как ни странно, но В. Варенников выслушал и поддержал. Примечательно.

Вечером для кинооператоров специально привезли какого-то главаря. Сделал слайд. Если получится, то будет интересный угол зрения на «духов». Кажется, второй только раз вижу так близко живого настоящего главаря, да с телохранителем. Любопытно.

Позывной «Парус»

Присвоил себе на постоянной основе позывной, который был у меня на Хосте. Этот позывной вводил на двух последних «боевых». Поначалу были недоразумения. Свои предупреждены и знают, а на ЦБУ армии, зная частоты и позывные всех частей, иногда не понимали, с кем разговаривают. Потом все притерлось. Теперь на «боевые» ушел Ш. Тюктеев, а позывной так и закрепился, остался за командирской должностью. Воспринимается это как кража личного имущества.

5.10.1988, Баграм. Среда

С «боевых» пришла колонна. Пригнали трофейные КамАЗ и КрАЗ (самосвал). Новехонькие. Видимо, уведенные «духами» с трассы. Обстановка спокойная. Потерь нет. За все время были только несколько пусков. Сегодня очередной обстрел Кабула. Отрепетировали «духи» это мероприятие. 23 ракеты. Из района Пагман (западнее Кабула).

К вопросу об истории

У каждого свой взгляд на события. В. Востротин: «Сам прикрывал штурм дворца Тадж-Бек в декабре 1979 года, а сейчас столько появилось очевидцев и столько толков, что и сам сомневаюсь, а был ли я там тогда?» Все наделены даром анализа событий «после того как…», и только единицы способны «предвидеть». Было бы наоборот, было бы меньше болтунов.

«Автомобилист» (Свердловск) в чемпионате высшей лиги выдвинулся в лидеры по хоккею. Вспомнил, как где-то в конце 60-х годов он попал в высшую лигу (что само по себе было успехом), и вдруг в одной из игр победил ЦСКА со счетом 6:1. Какой взрыв энтузиазма это событие вызвало у свердловских болельщиков. Память.

Память, вообще, вещь, по большей части, благодарная. Увидишь по телевизору репортаж из Каунаса, и буря воспоминаний: молодые лейтенантские годы, встреча с маленькой, малые забавные дети, и жизнь с ее успехами, неудачами и утратами. Одна перспектива — все впереди. А услышишь по радио или с кассеты «Битлов», и опять воспоминания как калейдоскоп о еще более ранних годах: школа, друзья детства, отец, мальчишеский максимализм и детские переживания.

Память и в запахах. Зимой мимо «Икаруса» спокойно пройти

не могу. Сразу по запаху сгоревшей солярки, в морозном воздухе возникают воспоминания о боевых машинах и армейских буднях.

Часть четвертая

25.10.1988, Баграм. Вторник

Вернулся из дома 22 октября. Улетал, вернее начал улетать 7-го. В тот день с утра уточнил, что паспорт с визой пришел. Сразу позвонил диспетчеру и к радости узнал, что на плане стоит борт из Ферганы. Должен прилететь где-то к обеду. Через пару часов звоню: летит. Преддорожный будоражащий синдром. Всеми мыслями уже в пути и даже дома. А зря. Тем болезненнее оказалось бессмысленное ожидание на борту самолета, продлившееся до глубокой ночи. Сначала не выпускали, так как полосу заняли штурмовики, потом поднялся сильный ветер, и не смогли взлететь вертолеты прикрытия. Ветер действительно был такой, что самолет скрипел и раскачивался. Сказали, что с темнотой выпустят без прикрытия. А как стемнело, ветер задул с новой силой, но уже перпендикулярно полосе. Теперь уже не взлетишь и без прикрытия. И уйти от самолета нельзя. Вдруг дадут добро на взлет… Так и просидели до 23 часов. А тут закончилось стартовое время у экипажа. К полуночи злой и пыльный вернулся в модуль. Съел тройную порцию яичницы, и на бок. Пока ел, вытерпел длительное подтрунивание своих коллег.

Взлетели все же наутро, в 8.00. Два часа — и Фергана. Борт на Москву уходит на следующий день, но билетов, конечно, нет. Выручает ВТА. У них санитарный борт, и Митченко, командир полка, говорит: «Никаких проблем». Все, вроде, удачно. Борт идет на Ташкент, Мары, Донецк, Вильнюс. Превосходно, полетим в Вильнюс. С таким намерением и взлетели, а в Ташкенте, когда загрузили в самолет шесть ящиков «груз 200», выяснилось, что лететь придется на Семипалатинск. Там ночевка, затем Сургут, Донецк, опять ночевка, Витебск и уж потом Вильнюс. Это уже крюк не из приятных, да еще в соседстве с гробами. Вежливо поблагодарил гостеприимного командира экипажа и сразу в аэропорт. И вот здесь наконец повезло. На Ленинград уже идет регистрация, через коменданта сразу беру билет. Благо, патруль помог поднести этот чертов телевизор. Прилетев в Ленинград и кое-как дотащив коробку до выхода из аэровокзала, уже полностью созрел как добыча для частников. Перспектива тащиться в ночи до Варшавского вокзала явно не прельщает, и уговорам довезти до Пскова, до подъезда, поддаюсь почти сразу. И деньги, которые в нормальной обстановке посчитал бы сумасшедшими, выкладываю безропотно. Наверное, отдал бы и

больше, лишь бы без мучений через три с половиной часа оказаться у родного порога.

Сколько раз за весь Афганистан был дома? Третий раз кажется. И все три раза момент у порога помню отчетливее всего. Вопрос из-за двери: «Кто?» И потом… Чудо. Дух какой-то свой родной во всей квартире. Вроде, только что ноги гудели, глаза слипались, а тут вдруг взрыв. Сразу хочется выложить все подарки, посмотреть в счастливые глаза, все продемонстрировать и выговорить все сразу. От этого известный сумбур: попробуй все рассказать, что накопилось за месяцы.

Десять дней дома. Никого не хочется видеть, но, как по-писаному, в первый же вечер появляются все наши «афганки»: жены И. Романова, С. Яркова, Ш. Ахметова — и опять сумбурные вопросы и такие же сумбурные ответы. Понять можно. Зато потом — все для семьи. И никаких посторонних встреч. Домашние поделки и ремонт как наслаждение. И только иногда как видение появляется Афган: то в виде статьи, то TV-репортажа. Тоже странное родное чувство сопричастности. Как мечтал побродить по лесу, собирать грибы. Удалось. Два раза съездили в лесок над речкой Великой, да с шашлыками и печеной картошкой. И даже удалось найти грибы, да так, что на жарево хватило. Отлично. И детям раздолье. И погода смилостивилась и одарила теплым солнцем, желтой листвой и утренними заморозками.

Все-таки счастливый я человек. Красивая, умная, понимающая (и это главное) жена, прекрасный человек, хозяйка и мать. Двое прекрасных мальчишек-человечков. Что еще надо? Мужику, конечно, чтобы работа в радость! И это у меня есть. И результаты есть и успехи. Вот, вроде, вышел Указ и в нем мой орден «Красного Знамени». Радостное событие. Хотя, подчиняясь изгибам делопроизводства, в представление вписали работу в Панджшере, но представил меня командир за славные наши дела под Хостом. И рад, что память об этом вот так овеществилась: весь наш пот, кровь, риск и наши успехи. «Духам» тоже оставили кое-что на память.

Обратно вылетел из Питера в ночь на 21. Как занял кресло, так и впал в глубокий сон. Сказалось хождение целый день по городу. Зато полет прошел незаметно. Взлет и посадка. Ночевка в затхлом номере аэрофлотской гостиницы, а утром в Фергану. Только прилетел и сразу узнаю, что борт на Баграм уже стоит под загрузкой. Прямым ходом обратно на аэродром. Пограничные формальности и снова в полет. Одинокий пассажир. Экипаж относится ко мне как к старому знакомому. Зато родной Баграм не принимает. Уходим в зону и делаем один за другим четыре круга над Панджшером. Как экскурсия. Отчетливо видны

кишлаки и все наши заставы, ниточка реки. Горы такие низенькие, аккуратные, миролюбивые. Сколько воспоминаний! Приземлился и попал с корабля на бал в прямом смысле слова. В столовой столы под белой скатертью. Командир получил полковника. Мой буклет с Героями, В. Востротиным в том числе, оказывается кстати. Другие дарят кто адрес, кто стенгазету, а истребители — красивый летный шлем. Подарок обламывается и мне. Пока меня не было, привезли на все командование пятнистые комбинезоны. Кольчужка, правда, маловата, придется менять. Ну да не в этом дело.

События за время моего отсутствия: *3-й пдб,* усиленный *6-й пдр,* самолетами переброшен в Шинданд. Неближний свет, еще одно подтверждение, что сил осталось мало. В готовности сидит *1-й пдб*. Задача засекречена необычайно. Одно узнаем, что десантирование куда-то вертолетами, и далеко. Остальные перспективы и сроки пока не ясны.

Начинают поднимать голову «духи» и в нашем районе. Под Каламурамбеком разбили две наши колонны. Есть убитые и раненые. Вчера, пока стояли на плацу на разводе, где-то рядом разразился серьезный бой. Пальба и взрывы доносились долго и громко. А в ночь и у нас разразилась войнушка, как Михаил говорит. Давненько нас не пытались накрыть РСами. В час ночи пальба, стрельба. ЗГУ работает трассирующими куда-то в сторону кишлака Хасанхейль. Потом и артиллерия включилась. Слышал свист, но подумал, это наши снаряды через голову, что уже бывало. А, оказывается, наоборот. Духовские, да в обратную сторону. Благо, рвались с перелетом, за городком. И всю ночь работала авиация, что тоже в новинку. Раньше начинали реветь двигателями перед рассветом, а в ночь работали отдельными машинами, да изредка. У пехоты на заставах потери. Приходили просить танки, чтобы вывезти тела.

…Будем считать, что открыл новый том дневника. Не планировал, вроде бы. Как уйдем на Саланг и оставим городок, будет ли возможность вот так сидеть и писать? Но пока все располагает, попробую. Хотя надо признаться, сейчас расписался, а садился с трудом. Пропала новизна ощущений. И глаз привык. Раньше что-то экстремальное тревожило, теперь и этого нет. Спокойно ко всему отношусь.

28.10.1988, Баграм. Пятница

Нудное существование. Только к сегодняшнему дню как-то отошел от послеотпускной хандры. И работы толком нет. Ходишь

по полку, пинаешь кого-нибудь за беспорядок, территорию и внешний вид и чувствуешь, что это от нечего делать.

К одному батальону, готовому к боевым действиям, приказали прибавить еще один. Фактически, учитывая, что *3-й пдб* под Шиндандом, к десантированию готов весь полк. Вроде бы и противоестественно, приходят на ум мысли, что надо бы встряхнуться. Как охотничий пес без охоты. Не останавливает и то, что охота может оказаться довольно кровавой. Ни на одну операцию прежде не напускали столько тумана.

Вечерами собираемся в комнате начальника ПО А. Греблкжа и устраиваем турнир в нарды и шахматы под чай. Свой старый телевизор, когда еще был японский, отдал в баню. Забирать, вроде, теперь обратно не с руки. Вот и «побираюсь», хотя бы программу «Время» посмотреть. Советническая эскадрилья Ан-12 сидит на чемоданах. Второго числа они должны уйти в Союз. Счастливые люди. Ю. И. Бондарев весь в заботах, оно и понятно. Скоро дома будут.

События вне нашего мира: отбыл после визита Федеральный канцлер ФРГ Г. Коль. Договоры о помощи в реконструкции 200 предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, план культурного обмена и т. д. Договорились о запуске немецкого космонавта. Назавтра на 6.23 запланирован первый запуск в автоматическом режиме космического корабля многоразового использования «Буран» с ракетой-носителем «Энергия». В стране идет обсуждение проектов изменения политической системы: изменения в Конституции и законе о выборах депутатов.

Противником захвачен Асадабад после вывода оттуда пехотного полка ВС РА.

29.10.1988, Баграм. Суббота

Торжественное построение, посвященное дню ВЛКСМ. Это же почетное наименование присвоено полку. Грамоту Минобороны генерал армии Д. Язов вручил капитану Закревскому в Москве на недавнем совещании комсомольских работников армии и флота. Праздник несколько омрачен, пришлось вывести на обозрение наших воров. Возбуждено уголовное дело. Повадились посещать модули соседей.

31.10.1988, Баграм. Понедельник

Вчера вечером отправили обратно в Кабул генерал-лейтенанта Смирнова (Член Военного совета ВДВ, начальник политуправления). Пробыл у нас сутки. Приезд был до некоторой степени неожиданным, но прошел спокойно, без нервотрепки, без накачек и упреков. Вроде и не заслужили, хвалят со всех сторон.

Завтра из Шинданда должен быть переброшен наш *3-й пдб* с Д. Савичевым во главе. А на 3 число, вероятно, *1-й пдб* со мной уйдет за Кабул по джелалабадской дороге. Задача пока не ясна, так, предварительный звонок из Армии.

В «Комсомолке» и «Красной Звезде» статьи о 9-й роте, бое под Хостом на высоте 3234 и наших героях. После отъезда ЧВС смогли, наконец, собраться да спокойно отметить наши награды (А. Д. Греблюк — «Красное Знамя», А. Л. Судьин — афганское «Красное Знамя») и день рождения Леонтьича. Да так «разошлись», что уходить не хотелось. Шутки, анекдоты, рассказы об интересных событиях и забавных происшествиях. До того ухохотались, что эпизод «ЧВС и мышь», обыгрывали с полчаса, украшая его и преображая до неузнаваемости под раскаты хохота.

А мой орден в этот Указ не вошел, хотя подтверждение с орденом А. Греблюка пришло одновременно. Подождем следующего.

2.11.1988, Баграм. Среда

Ночью стук в дверь, и появляется Дима Савичев собственной персоной. Прилетел из Шинданда. Зашел поздороваться. Уже днем рассказал подробности пребывания на той стороне Афганистана. Наши проводили операцию по доставке грузов в район Кандагара. Где-то в том районе обложенный «духами» живет и борется афганский полк, охраняющий ГЭС. Держится из последних сил, почти без боеприпасов. Но наши смогли пробиться только до Лашкаргаха. Дорога: сплошное минирование, и чем ближе к Кандагару, тем больше нарастало противодействие: засады, обстрелы РСами. Потери в частях *5-й гв. мсд:* девять убитых, 47 раненых. У нас, слава аллаху, никто не получил и царапины. Наверное, в середине ноября будут пробиваться дальше, судя по всему, и нам работа найдется. Мне завтра предстоит выйти под Кабул с 1-м батальоном для прикрытия столицы на ноябрьские праздники от ракетных ударов.

9.11.1988, Баграм. Среда

«Боевые» прошли как полевой выход с боевой стрельбой. Спокойно. Все обычно. С утра в путь. Часам к 1–2 сосредоточились в 15 километрах восточнее Кабула. Место относительно знакомое. Тот же самый хребет Варни-Карнибаба, что и при походе на Хуркабуль, только с другой стороны. Блоки на горах подразделения заняли без противодействия.

1-я рота (Герасимов) оседлать вершины к темноте не смогла, наткнулась на крутой скальник и заночевала на карнизе. Неприятно и тревожно, но обошлось. Утром нашли проход и встали на задачу. На второй день засекли в долине старательную работу «духов» по установке ракет и тут же накрыли их артиллерией. Часа через три они решили повторить, и мы их снова накрыли. Больше они настойчивость не проявляли, урока хватило. Дня черед два ночью отплатили нам минометным обстрелом блока *2-й пдр,* но Ш. Ахметов своими стволами быстро подавил миномет. Остальные дни прошли спокойно, не считая нескольких разрывов непонятно откуда залетевших снарядов по горке *5-й пдр* (А. Борисенко).

Соседом оказался 67-й полк царандой, который охраняет ЛЭП от Суруби до Кабула. Несколько раз были у афганцев в гостях. Хотя осторожен в их оценке, эти мне понравились. Доброжелательные спокойные веселые люди. Почти все командование училось в Союзе. Командир Мухамад Умар, начальник штаба Омар Миджид. И люди в полку подтянуты, молодцеваты, опрятны. Чувствуется, что командир держит дисциплину и порядок. Когда уходили, оставили им сотню снарядов. Бедно у них с боеприпасами. На орудие по десятку снарядов. Да и застольную дружбу скрепили боевыми делами. Когда в одну из ночей «духи» напали на их пост, мы помогли огнем.

Вернулись и скоро уйдем на Кандагар. 11 ноября на Саланг уйдет *2-й пдб.* Как и в Панджшере, станет на блоки вдоль дороги. Встанет на все время до выхода войск из Афгана. Вечером по возвращении — опять застолье после бани с афганцами. Приехали командир и офицеры оперативной группы по охране дороги от Кабула до Саланга. С ними генерал из политуправления афганской армии. Наконец-то додумались создать единое командование, а то армия, царандой, МГБ, местные войска — и все сами по себе. Эти офицеры посолиднее и понапыщеннее, чем мои прежние знакомые под Кабулом. Эти уверены в том, что устоят, кидаются ревфразой, через слово поминают американский империализм с осуждением (как индульгенция благонадежности).

Предыдущие афганцы критически говорили о Наджибулле,

коррупции. Им верил больше. Вспомнил репортаж в одной из газет о перекосах в нашей дипломатии. Один африканский лидер, впервые собиравшийся в Союз, слушал поучения своих более опытных руководителей. Те говорили так: «Ты больше упоминай Маркса и осуждай империализм, и все будет отлично». И точно, как волшебная палочка: и помощь, и льготы, и мешок денег. Неважно, что он смутно представляет, что такое социализм и как его строить.

Перед праздниками в Кабуле взорван большой склад боеприпасов афганской армии. Штаб Армии полчаса ходил ходуном.

Шли «туда», видели в «Теплом стане» до полусотни новеньких КамАЗов без номеров и в свежей краске. Шли «обратно» — на том же месте до полусотни новеньких «Уралов». Кузова плотно забиты мешками с мукой. 1 ноября под вечер увидели непонятное зрелище. Один за другим в зенит поднялись четыре дымных следа. В программе «Время» все прояснилось. Наши поставили афганцам комплексы Р-300. После этого под Кабулом несколько раз видел такие пуски. Хотя и говорилось, что стреляют подготовленные афганские ракетчики, но оказалось, работают наши расчеты. Будет до тридцати пусков до Нового года и до тридцати после. Потом оставшиеся ракеты будут пускать уже афганцы. И те и другие афганцы упомянули, что в программе ВВС на английском языке с интервью выступал Гульбеддин Хекматьяр. Он впервые заявил о готовности ИПА принять участие в выборах в Кабуле. В наших сообщениях по Афгану об этом ни слова. Наоборот, два заявления о возможном приостановлении вывода.

В штабе 67-го полка царандой висят плакаты на стенах — из нашей истории. И где только взяли. Запомнились два. На одном — «Слава Красной Армии» — на фоне рейхстага солдат, молодцевато заправляя гимнастерку, любовно поправляет ордена Славы. Другой призывает коммунистов и комсомольцев на борьбу с врагом. На плакате: усы, кожанки, красные банты, трехлинейки. Откуда только раздобыли эти реликвии. Перед штабом пушка. Вернее, экзотическое доисторическое осадное или крепостное орудие, из тех, что видел в Каунасе. Афганцы кивнули головой: «Ваше». И точно, посмотрели — Обуховский завод. Зримое подтверждение наших вековых связей с Афганистаном.

12.11.1988, Баграм. Суббота

Весь день IV партконференция. В перерыве к командиру подошел дежурный и доложил, что «духи» обстреляли

возвращавшуюся с Саланга разведроту. Один ранен. За два дня двое раненых в одном месте. Обнаглели «духи». Уже и боевые колонны обстреливают. Разведчики проскочили вперед, а затем развернулись и врезали сбоку по тому месту из боевых машин. Командир склоняется к выводу, что надо там провести акцию возмездия (1 км южнее Чарикара).

Так и не нашлось концов моей служебной карточки. Жалко. И хотя мне один и сказал, мол, теперь-то она вам зачем, но все же почти реликвия. Почти пятьдесят благодарностей, грамот и т. д. с первых лейтенантских дней. И ни одного взыскания… Не для самолюбия, а для памяти. Многое вспомнил, когда листал. Тут и учения «Щит-76», «Неман», «Запад-81», тут и кошмарный ночной мартовский прыжок из Ан-22 на Панасупис, и зенитные стрельбы в Паланге, и многое другое. Целая жизнь.

14.11.1988, Баграм. Понедельник

Под вечер — три залетных РС. Два упали у КПП, третий — в пяти метрах от клуба. Сидели в это время у Хакима, когда модуль подпрыгнул. Решили, что пора выкопать блиндаж, а то в этом картонном домике и спрятаться некуда. Утром посмотрели воронку. Да, от модуля пятьдесят метров. Повезло больше, чем кабульским летчикам. 13.11.1988 такой же снаряд попал в модуль или в клуб, где шло собрание. Нелепая и трагическая гибель такого большого количества людей. Погибли 47 человек. Из них только летчиков-офицеров 16 человек. Страшно и нелепо. По другим рассказам, потеряли значительно меньше, а по телевидению сообщили о 10 погибших и 11 раненых. Достоверно, что смотрели видео и не хотели идти в убежище.

16.11.1988, Баграм. Среда

Ветер есть — плохо, все в пыли. Нет ветра — тоже плохо, от проезжающих машин пыль поднимается ввысь и стоит над полком сплошной пеленой.

На базаре была большая стрельба между афганцами. Пятеро убиты. Ш. Ахметов ездил в 108-ю дивизию и проскочил буквально за пять минут до начала драки. Регулярные обстрелы Кабула. По окончательным данным, от попадания РСа в комнату, где летчики смотрели видео, скончались 13 человек. В основном офицеры.

21.11-4.12.1988, ущелье Чинарихвар, кишлак Чинарай

Боевые действия с *1-м пдб* на прежнем месте на старой Джелалабадской дороге. Прошли спокойно и томительно. Но в первый день ЧП: погиб, подорвавшись, старший лейтенант С. Киселев. Тяжело (в ногу, живот и глаз) ранен солдат.

На второй день «духи» попытались пустить РСы по столице. Сразу накрыли их артиллерией, вызвали и навели авиацию. Остальные дни без происшествий.

Ездили к афганцам. Они выцыганили у нас сотню снарядов. Организовали международный матч по волейболу. В ответ они привезли видео (или «виду», как они говорят). Даже большая палатка не вместила всех желающих. Мальчишкам американский боевичок, кажется, понравился: много стрельбы, эффектные трюки, сильная личность и, много трупов. Все о борьбе с терроризирующими район города бандами.

Погода так себе. Днем тепло. Ночью зверски холодно. Один день выдался пасмурный. Тучи накрыли вершины гор, помазали скалы и ушли, оставив их в белом наряде. А на землю не упало ни одной снежинки. Приятные события: заезжали в гости И. Романов и А. Атрощенко. Игорь под конец пришел нас менять. Сам пошел на вершину 3117 ставить заставу из своих людей. Переговорили со Скачковым.

Остальные дни однообразны и похожи как близнецы. Довольно тоскливо. Пару раз ходила в Кабул и Баграм колонна, и мы получали газеты и почту. Вернулись, а тут, в ночь с 6-го на 7-е, уходит в Шинданд *3-й пдб*. Гвардейская *5-я мсд* опять хочет пробить колоннам дорогу на Кандагар. Ушел с батальоном начальник политотдела А. Греблкж.

Переговоры оппозиции с Воронцовым (посол по особым поручениям) в Саудовской Аравии. Договорились встретиться в Пакистане.

2.12.1988, Баграм. Четверг

Вчера в северных районах Армении, части Грузии, Азербайджана было сильнейшее землетрясение. Беда не приходит одна. Это к тем беспорядкам, которые с ноября трясут армян и азербайджанцев. Много беженцев. Митинги и забастовки. Взаимные угрозы и оскорбления. Опять почти все ВДВ на Кавказе. В Кировабаде погибли офицер и два солдата. Вот попадем с одной войны на другую…

Вечером по радио передали, что звание Героя Советского Союза присвоено А. Руцкому.

10.12.88, Баграм. Суббота

Ужасающая по своим последствиям катастрофа в Армении. Погибшие исчисляются десятками тысяч. Городов Ленинакан, Кировакан, Спитак практически не существует. Спасатели пытаются извлечь из-под обломков тех, кто еще жив. Помощь со всего мира: спасатели из Франции, Англии, ФРГ; медикаменты из Югославии, Кубы, Испании; кровь и палатки, деньги и продовольствие шлют со всего мира. Страна снаряжает все, что можно и нужно прислать. М. С. Горбачев прервал пребывание на сессии ООН и свои визиты на Кубу и в Англию. Сегодня прибыл в Армению.

Командир поставил задачу, в понедельник убыть в Шинданд, чтобы сменить А. Греблюка. За командира остается Д. Савичев, а сам В. Вострогин с разрешения командующего по вызову улетает 14.12. на юбилей СВУ в Свердловск. Вот и хорошо. Уже договорился, что он передаст Наталье подарок к юбилею.

P. S. Так и не довелось ему побывать в Свердловске. То Ташкент не выпускал, то Свердловск не принимал.

27.12.1988, Баграм. Вторник

Вернулся из Шинданда вчера в ночь. Уехал в Кабул 12 декабря. Выезжали утром, задержались, пока разбирались, кто же набился в машины. И хорошо, что задержались. На Баграмской дороге, в километре от перекрестка наткнулись на скопище машин. Попытались было обойти передние КамАЗы по обочине, но нам тут же замахали руками, закричали. Метрах в 200 впереди увидели стоящий БТР-80. Подрыв. Конечно, остановились. Впереди суета. Много каких-то женщин. Ведут и несут двоих раненых, сажают на второй бронетранспортер. Долго не стояли. Самые нетерпеливые уже потянули свои машины вперед. Механику сказал: «Ждем, пусть пройдет с десяток машин, а потом и мы двинемся». Береженого бог бережет.

По возвращении узнал подробности. И правильно, что подождал. В том месте стоял и второй фугас. Его сняли позже. Повезло, что в тот момент никто на него не нарвался. А в БТР погибли сразу три человека. Гражданские с КЭЧ. Ночью отработали на дизеле, а утром решили съездить в Кабул закупиться. Вот и закупились. Всех троих буквально размазало. В днище дыра с полметра. Механика выбросило из машины, остался цел. А сзади сидели пятеро женщин, ни одной царапины. Вот чудо. Повезло. Живучи бабы. Вернулись потом в медбат и, по

рассказам, пили беспробудно пять дней, рассказывая снова и снова, как бахнуло и как потом они мясо собирали. Тяжелую контузию получил начмед дивизии, который был на этой же броне. Мозговая травма. Плох. Сейчас в Союзе…

…Кстати, орден уже у меня. По прилету на аэродроме поздравили с наградой. Почти десять месяцев ходило представление. Указ от 8 декабря. Вчера на торжественном построении командир вручил орден Красного Знамени. Конечно рад, но радость какая-то спокойная. Может, перегорел, а может, из-за того, что перед этим ночь была бессонная. Сам прилетел в час ночи. До трех ждал остальные борта. В четыре приехал в полк и до пяти болтал, обмениваясь новостями, с забредшим на поздний огонек и шум Х. Ахмеджановым (зам. командира по вооружению). На вручении присутствовал фотокорреспондент Виктор Хабаров из «Красной Звезды», который все заснял на пленку. Потом он же организовал для съемки поздравление сослуживцев. Думаю, что натяжка получилась условная. Из положения вышел так: привлек тех, кто прошел тогда горы со мной и кого я по-человечески уважаю: подполковник В. И. Иванов (командир артдивизиона), капитан И. А. Гордейчик и подполковник Н. Д. Ивонник (комбаты), оба на Хосте были ранены. Кстати, в Шинданде Ивонник сказал, что, может быть, я ему жизнь спас. Рассказал, как сомневался перед подъемом в горы, брать или не брать бронежилет, и, посмотрев на меня, взял. В челюсть осколок все же получил, но зато из бронежилета извлек три застрявших осколка. Так было бы еще три дырки в груди и в животе..

В. Хабаров обещает фотоснимки опубликовать в «Звездочке» после 5 января, когда вернется в Москву. Посмотрим на себя. Конечно, написал обо всем своим дорогим в Псков и Куйбышев. Пусть порадуются. Может, и дух поднимется. Маленькая моя что-то совсем в последнее время распсиховалась, изнервничалась в ожидании и тревогах. Пресса наша, конечно, в своих сообщениях об Афганистане все больше о боях пишет. Со стороны, да в ожидании, все это жутковато воспринимается. У нас почти что мистическое: как будто погибнуть 9 мая страшнее, чем 22 июня. Какая разница?

В Шинданд вылетел вечером 14 декабря. Командир Ан-26 первым рейсом вез ловушки для самолетов (КДС) и пассажиров брать отказывался, но я уговорил. Представился, козырнул личным приказом командующего, и летчик быстро сдался. Нас, летящих каждый по своим делам в Шинданд, набралось человек шесть. Толком и не рассмотрел никого. В темноте у самолета не разберешь, кто есть кто. А сели — одели парашюты, и сразу свет в

салоне потух, пошли на взлет. Пара-тройка кругов над Кабулом, и мы легли курсом на запад, на Шинданд, который для нас — другой край Афганистана. Полет получился больше двух часов. Нудное одиночество. Сидишь, как в черном ящике. Гудят моторы. В иллюминатор смотреть быстро надоедает. Поначалу в лунном свете через выпуклый блистер горы кажутся какими-то фантастическими. Как дно с барашками песка через прозрачную воду. Горы невысокие. Ни огонька. Глазу зацепиться не за что. Спать неудобно. Мысли скачут как блохи.

После приземления повезло. Пристроился к зам. комдива 5-й *мсд* и без происшествий добрался до штаба, а затем до противотанкового дивизиона, где жил наш *3-й пдб*. Вот уж А. Греблюк обрадовался. Сразу засобирался обратно в Баграм.

Улетел на следующий вечер. Он радовался, что не поддался моим уговорам остаться еще на четыре дня. Вместо этого пробыли там почти две недели. Боевой работы не было. Занимались боевой подготовкой. Правда, пару раз выделяли людей на приданных БТР для сопровождения колонны до Герата и до Турагунди, соседа Кушки.

У пехоты прекрасное стрельбище. Все как в Союзе: поднимаются, падают мишени, идет информация. Постреляли вволю. Сам, честно говоря, опух от безделья. День за днем игра в нарды и чтение. На газеты набрасывался, как голодный. Положение двусмысленное. Н. Ивонник опытный офицер и комбат, разумен и расчетлив в лучшем смысле слова. Люди дисциплинированные, а на глазах пехоты еще и десантную марку держат. Стоять над душой не хочется, старался не вмешиваться. Они сами все правильно организовали и в учебе, и в быту, и в контроле. К чему надсмотрщик в моем лице. Сколько раз уже об этом говорили. Но наша дурная система сбоев не дает. Даешь над комбатом замкомполка, и все тут. Хотя комбат и сам прекрасно все знает. Когда мы избавимся от ненужного покровительства и мелочной регламентации? Ладно, думаю, немного осталось.

Числа 17 или 18-го засобирались. Два борта шли за нами из Баграма и вдруг отбой. Самолеты прямо на полпути завернули обратно. Новость для всех неприятная, а на следующий день выяснили — и еще хуже. Планируется операция на Кандагар продолжительностью 38 суток. Для этого нас оставляют, а войска для дела собирают, снимая и передавая «зеленым» заставы третьего кольца вокруг Шинданда и аэродрома. Часть войск во главе с генералом Пищевым в то время были на «боевых» в районе Гиришк. Должны вернуться. После этого на подготовку пять-семь дней.

Вот новость! Сколько сразу вопросов возникло: как будем

выходить, если наши 2 января снимутся; как сдача имущества там на базе; да и просто в отношении личных вещей. Как ни крути, все плохо. Хуже не придумаешь. Поход на Кандагар — это не прогулка, а по разговору с комдивом выходит, что наши собрались и с Ахмад Шахом в Панджшере и на Саланге воевать. Отказываюсь что-либо понимать. Может, я что не понимаю, или где-то сошли с ума? Осталось меньше двух месяцев, и снова тотальная война. К чему? Трупов что ли недобор?

Положение идиотское. Афганцы никуда не рвутся, их ни собрать, ни организовать, а мы должны класть головы, чтобы привезти им боеприпасы, которые наполовину окажутся сразу у душманов. А Саланг с Панджшером? Сейчас там более или менее тихо, а растревожим гнездо, что тогда? За девять лет не смогли там свой порядок утвердить, а теперь быстренько-быстренько за раз все в ажуре. Шалишь. Черт знает что. По слухам, Б. В. Громов встречался с Ахмад Шахом в районе Джабаль-Уссараджа, ни о чем не договорились. Да и трудно было бы ждать компромиссов со стороны противника, за которым реальная сила, боевые, политические успехи и, по большому счету, поддержка населения.

Сидим день за днем. Готовить, собственно, нечего. Войско опытное, все при себе. Только сигнал, и мы пошли. Куда? Особых впечатлений за эти дни нет. Жадно смотрим новости и читаем газеты. Тяжелейшая катастрофа в Армении. Помощь со всей страны и со всего мира. Американцы сами говорят, что такая помощь от них впервые после Второй мировой. Самолеты с одеждой, питанием, напитками, поисковыми группами. Кровь сдал Фидель. Собираются крупные суммы марок, долларов, фунтов, крон и т. д. и т. п. Бескорыстие, помощь и сочувствие всех людей покоряют. Но и жертвы страшные. Последние, конечно, не полные еще, данные о 25 тыс. погибших и 15 тыс. раненых. К сожалению, еще прибавится наверняка. Многих просто еще не откопали. Косвенно происшедшее коснулось и нас. Вся ВТА задействована на Армению, и выход первого эшелона в Союз, скорее всего, задержат. Нет самолетов, чтобы перебрасывать из Термеза и Кушки к новым местам вышедшие из Афганистана войска и грузы.

Вечером 25 декабря сидим в битком набитой ленкомнате, досматриваем последнюю серию «Большой игры» по Юлиану Семенову, вдруг звонок: «Вам в 22.00 отлет». И закрутилось. Люди явно рады и взбодрились. Ну а дальше все понятно. Улетели быстро и организованно. Пришли три Ан-26 и два Ан-12. Даже личные самолеты Б. В. Громова и В. И. Варенникова. Сам летел в салоне, офицеры смогли расположиться с комфортом в креслах. Подумал и не стал надевать парашют. Все равно бесполезен.

Сзади весь проход забит рюкзаками и людьми, при всем желании в темноте и хаосе до люка не добраться. Вся вера в искусство экипажа и везение. Пока везет. Долетели на удивление быстро.

В Баграме явно холоднее. Горы вокруг в снегу. В лунном ярком свете выглядят очень красиво. Правда, через некоторое время о красоте забыл. Холод собачий. Пока ждал последний борт, замерз изрядно. Буквально за несколько минут до моего прилета «духи» накрыли аэродром снарядами. Два упали рядом со взлетной полосой. Назавтра выяснилось, что досталось госпиталю и рембату 108-й дивизии. В госпитале чушка залетела в одну из палат и все там разворотила. Благо, всех больных уже эвакуировали в Союз, а персонала осталось чуть. В рембате один ранен. Потери ничтожные. Тоже везет.

И сегодняшняя ночь дуэльная. Где-то постоянно взрывы. В ответ бьет артиллерия. Что-то «душки» активизировались. До этого они аэродром не трогали месяца два-три. Всю ночь какая-то сволочь обстреливала вышки боевого охранения. Те палили в ответ. Не скучно. Правда, так привычно, что на стрельбу уже не реагируешь. Только в полночь где-то близко рвануло, и мы вышли посмотреть, но, вроде, все спокойно и цело.

Приближается Новый год, а новогоднего чувства нет. Даже забыл поздравить своевременно с учетом наших расстояний. Вот только вчера это сделал. Получат же где-то через 12–14 дней. Долго.

Первый батальон стоит в получасовой готовности как резерв. Сложная обстановка в районе Джабаль-Уссараджа и Гульбахара. Разведрота уже там. На Саланге пока тихо. Потерь нет. Готовимся на выход 2 января. Вроде, изменений нет, хотя и определенности тоже. Кабульский мозговой центр в какой-то странной раздумчивости. Без полной информации судить самому о чем-либо трудно. Однозначно, что у всех остальных мысли одинаковые: уходить, и чем раньше, тем лучше. Некоторые сомнения в отношении Саланга, враг этот коварнее душманов. Протащить такую армаду по зимним горам сложно. Если затянут, то к договорному сроку можно и не успеть.

Впечатления о Шинданде

Аэродром и один большой городок, слившийся из отдельных гарнизонов, лежат в Шиндандской долине. Климат явно мягче (в это время года). Летом, наверное, жарче, чем у нас в Баграме. На горизонте низенькие и остренькие, странные, какие-то игрушечные горы. Вокруг городков степь. Обстановка спокойная.

В этом отношении психика местной пехоты на два-три порядка меньше испорчена, чем у нас. Такое впечатление, что и живых афганцев они не видят. Служат, как в Союзе. По крайней мере, сейчас, когда южнее наших войск нет, а на операции они толком и не ходят. Один полк (101-й) в Герате. Дорога до границы превосходная. До Союза 240 км. Добежать можно до Турагунди за полдня. И препятствий особых нет. То, что они называют перевалом, наши даже и за перевал не посчитали. Когда ходили с колонной, спрашивали: «Так где же перевал?» — и удивились, когда им сказали, что вот же, прошли.

Кишлаки странного вида. Нет таких огромных дувалов, как в нашей части. Нет толком и «зеленки». Домики маленькие с необычными куполообразными крышами. В самом Шинданде так и не побывал. От аэродрома он в 8-10 км. Обстановка в городе спокойная.

Долина обширна. Имеет историю, которую афганцы воспевают. Мол, в прошлом веке здесь объединенные отряды афганцев разбили 10-тысячный английский корпус. На самом деле корпус вымер от заразы и болезней, а оставшихся просто добили. До туманного Альбиона добралось только три человека. Наверное, мыли руки перед едой.

Неделю назад посол СССР в Афганистане Воронцов в Риме встречался с бывшим королем Захир Шахом.

Вечером бортом на Фергану улетел заболевший А. Судьин (ЗКТ). За два-три дня до моего прибытия из Шинданда улетел домой Шамиль Тюктеев (начштаба полка).

30.12.1988, Баграм. Пятница

Как долго ждали этого события, и все же постановка задач на вывод прозвучала неожиданно.

С утра торжественное собрание по поводу 44-летия полка. Выступили А. Греблюк и В. Востротин. Потом концерт самодеятельности и кратко для офицеров и сержантов постановка задач для вывода. Сколько проблем. Полк уходит 2 января. Остаются почти четыре сотни уволенных в запас: те, кто будет сдавать городок, и те, кто придет на Саланг позже. Я остаюсь сдавать наш родной городок. Сегодня сделал последний его снимок. А может, не последний? Ведь уйду отсюда 7–9 января. Последние дни лил дождь. Снимок получился не характерный для Афгана. Хмурое видение, лужи да кусок нашего модуля, клуб и вдали освещенный солнцем Панджшер, его заснеженные вершины. Действительно, можно сказать, что все родное. Не

верим в искренность ветеранов ВОВ, для нас это далекое и мемуарное. Сейчас и сам уже готов сказать, что это наша жизнь и не будет события ярче по воспоминаниям и ощущениям. Другие тоже нас не поймут, но жизнь не остановить и каждому достанется свой Афган.

Сдавать городок фактически некому. 40-я афганская дивизия чуть ли не миф. Сколько продержатся? А впрочем, нас ли это интересует. Домой скоро. Никто не тешил себя иллюзией еще и полгода назад.

Вечером подъехали в баню командиры полков штурмовиков и истребителей со своими замполитами. Неожиданно появился Михаил Кожухов. Хочет с нами идти на Саланг. Спрашивает нас, как понимать всю эту готовящуюся войну с Ахмад Шахом, а мы и сами не знаем. Созданная группировка до сих пор стоит в Джабаль-Уссарадже во главе с генералом Шеенковым. Куда она двинется? И неужели двинется? Миша говорит, что был на днях у командующего и сделал наблюдения, что это рискованное решение принимается где-то далеко (и высоко) в Москве. Хотелось бы посмотреть в глаза этому человеку. Судя по всему, Наджиб давит по всем каналам, указывая пальцем на Ахмад Шаха как на главного врага. Неужели получится? Наши, правда, объявили, что с 1 января прекращают огонь, но таких жестов мы много видели. Кого обманешь. Это предложение только в Союзе народ из газет узнает, а оппозиция себе на уме. Драться под конец они вряд ли будут, но и брать на себя мифические обязательства тоже не будут.

Спросил Мишу в отношении его статей о С. Севруке и А. Секретареве, и он признал, что все эти ордена, премии и шум — явный перебор. А за статью в «Собеседнике» он отвечает лишь отчасти. Его подпись подставили под чужими словами и текстом.

1.01.1989, Баграм. Воскресенье

Отпраздновали Новый год. Ощущение праздника лично у меня нет. Нет мороза, снега, елки, запаха хвои. Не русский Новый год. В полночь в небо полетели ракеты. Со всех сторон стрельба. Трассы в зенит. Кругом все рвется, пальба. Как в хорошем бою. Светло как днем. Ракет тысячи. Солидные запасы выпустили. Первый вопрос с утра — все целы? Никого не покалечили.

Выход на Саланг нам перенесли на 4 января. Завтра с утра уходят на Кабул остатки госпиталя. Магомед с Ромой, хоть и прохвосты, но все равно часть нашей Баграмской жизни.

Свой адрес оставил мне Виталий Шиян, последний

гражданский, что до сих пор с нами. Последний из могикан. А Магомеда Елоева найти будет просто. По возвращению принимает 1-ю поликлинику Министерства обороны. Ободрал все стены. Дал сегодня командиру и заместителям карту Афгана для автографов. На память.

2.01.1989, Баграм. Понедельник

Утром проводы госпиталя. После обеда отправили почти три сотни уволенных в запас и передовую группу в Кировабад.

Выход перенесли уже на 5-е. Новость и для меня. Командующий приказал городок до 26-го не передавать. Ну что же, буду с 8-й ротой сидеть здесь. Может, лучше здесь, чем на Саланге, но тоскливо и одиноко будет. Шутки шутками, а буквально на днях на нашей стороне аэродрома никого не останется. Завтра должен отчалить военторг. Затем медбат и рембат *108-й мсд* выходят на задачу, как и мы.

3.01.1989, Баграм. Вторник

«Обнадеживающая» погода для выхода. С утра еще А. Греблюк слетал на МиГе на разведку погоды, но с полпути их завернули на аэродром. К полудню все затянуло, и вот до вечера идет мокрый снег. Удачно отправили увольняемых. Зато сегодня пришлось приютить на ночь (а может и дольше) сотню человек из Чарикарского инженерного полка. Теперь под вечер — сотню таких же бедолаг приняли из армейского рембата.

Опять изменения. На базе оставляют остатки танковой роты, остатки зенитчиков и взвод химиков. Всего 21 человек. Повоюем?!

5.01.1989, Баграм. Четверг

Знаменательный, долго ожидаемый и чем-то для нас исторический день. Утро. В 6 часов ушли на Саланг *1-й пдб,* 9-я рота и ПКП с Д. Савичевым. Ушли те, кому предстояло первыми перевалить хребет, тоннель и занять позиции на северной стороне. В предыдущий день много гадали, как пройдем дорогу до Баграмского перекрестка. Путь фронтовой, разбит вдрызг. Ямищи в рост человека. Ко всему разверзлись хляби небесные. Мрачная, мокрая погода. Постоянно идет снег. Мечтали, что с

утра подморозит и будет полегче идти, но не везет. Сплошная каша из снега и грязи. Вчера прошла колонна армейского рембата, тылов, и у них перевернулось несколько машин и прицепов. С трудом вытаскивали их танковыми тягачами. Такая информация оптимизма нам не прибавила. Почти за каждой машиной у нас что-либо зацеплено: пушка, кухня или прицеп. Прицепов множество, и все самодельные, оборудованные под жилье.

Выход второй колонны поставили в зависимость от прохождений первой. В былое время это путь на час, теперь 1-й батальон вышел к асфальту только к 9-ти часам. Но и это нас порадовало. В 10 часов начала движение вторая колонна во главе с В. Востротиным. Попрощался с Валерой, А. Греблюком и Х. Ахмеджановым у модуля, куда подошли «Чайка» и БТР, пожелал удачи. Выехал вслед на УАЗике и простоял на дороге за парком, пропуская все машины. Ну и погодка! Сделал несколько слайдов, но из-за темноты и сырости не уверен, что снимки получатся качественные.

Вот и остались мы здесь маленьким гарнизоном среди моря «духов». Много проблем, как по-новому организовать нашу жизнь. С первой столкнулись уже утром, когда вышел из модуля. Полк еще здесь, а на КПП уже стоит «дух» с автоматом, а второй тащит ящики. И я им даже пальцем погрозить не могу.

После ухода полка собрал оставшихся офицеров и приказал ходить всем по территории только с оружием. Ворота КПП срочно замотали колючей проволокой. Сил мало. На каждую казарму осталось по паре человек, пять постов боевого охранения — по человеку, пара танков да ЗУ на «Урале». Вот и все наши силы. На время на КПП трех человека выставили саперы 45-го инженерного полка, которые застряли у нас из-за нелетной погоды по пути в Кабул. Офицеров и прапорщиков, правда, много, организовал ежечасную проверку охранения. Одновременно территорию постоянно кто-то обходит и контролирует, что особенно важно в ночное время. Остальные могут спокойно спать.

Полк до перекрестка дошел удачно, но трудности оказались основные не здесь, а на Саланге. К вечеру узнал, что первая колонна за 42-й заставой уперлась в снежные завалы. На Саланге сошли лавины. Вторая половина колонны ночует в Джабале.

Хозяйственный отработанный механизм действует. Уже к вечеру утрясли все проблемы в новых условиях. Определили, что же и как нам охранять, как кормить, как мыть, как получать почту, как лечить и что делать, если появится раненый. По-новому организовали связь и дежурство дежурного офицера. Наш штаб теперь в казарме танковой роты. Молодец И. Сухарев,

командир танковой роты. Ему не надо все рассказывать, он и сам хорошо думает. Легко работать.

Прошел по казармам и всем другим объектам. Чуть не утонул. Все разъезжено. Раньше берегли дороги, а теперь для кого беречь? Кругом грязь несусветная. Кругом мусор и бумаги. Планомерно начали все сжигать и уничтожать. Помойки пылают. Все в огонь. Все нараспашку. Необычное время. Даже при переезде с квартиры на квартиру нет такого наплевательского чувства.

Афганцы из 40-й дивизии подписали все наши акты, почти не глядя. Передали им казармы с мебелью и бельем, со всем имуществом, передаем дизеля, котельную, склады, топливо, водонасосную станцию, столовую. Да фактически все, вплоть до посуды. А афганцам и поселить здесь некого. Обещают поставить после нашего ухода для охраны шесть человек. Начальник штаба дивизии выразился со всей определенностью, что они пару дней, может, и продержатся. Плюнуть на все тоже нельзя, вот и заставляю всех наводить порядок, подметать, сжигать мусор, хотя уверен, что наши казармы пойдут «духам» в печки, а матрацы на базар.

Вот времечко. А собственно, наплевать на все. Людей уберечь, да до Союза добраться. Голову бы оторвать тому, кто установил для нас такой срок выхода. Помучается народ, затаскивая колонны на перевал в гололед, лютый холод да под лавинами. Мы тут даже шутили вчера, что «духи» будут, глядя со стороны, ставки делать будто на скачках — какая машина заберется, а какая нет. Появился начальник военторга и стал выпрашивать тягачи, чтобы затянуть наверх три оставшиеся машины с контейнерами. У каждого свои проблемы. К тому же, проблемы и в Союзе. Уже второе сообщение о грабежах в Ташкенте и Термезе. Не знаю, как офицеров, а женщин из медбата и военторга ограбили вчистую — ни вещей, ни денег. К сожалению, на Родине ждут не только с объятиями.

6.01.1989, Баграм. Пятница

Полк стоит на месте. Завтра с утра начинает движение на задачу: первая колонна — от 52-й заставы; вторая — от Джабаля (из разговора вечером по радио с В. Востротиным).

Утром обошел городок. Проблемы создают увольняемые чужих частей. Где-то кто-то решил всех направлять к нам. Беспорядка от них хватает. И выгнать, вроде, нельзя. Вчера вечером на 13 БТР появился майор, который привез полторы

сотни увольняемых дорожно-комендантской бригады. Страшно я удивился, когда майор сказал, что везет их из Хайратона и Пули Хумри. Даже не поверил. Ведь из Хайратона до Союза 300 метров. Но нет, везут на юг, через Саланг, в Кабул, чтобы оттуда отправлять самолетами в Союз. Вот дурь, скорее идиотизм. Майор сам плюется и ругается. А люди все замучены дорогой. И впереди сколько трудностей. Позавчера на пересылке скопилось две тысячи человек. Представляю, сколько трудностей им предстоит пройти, пока через Ташкент доберутся до своих домов. Хорошая была бы идея развозить людей самолетами ВТА по регионам: Киев, Краснодар, Свердловск и т. д. В армию и свозят и кормят, а вот обратно — добирайся как хочешь. Хотя бы для Афгана сделали исключение. Но нет. Нет никому дела. И можно неделю просидеть в аэропорту без денег и надежды. Я-то подполковник и через сутки максимум, так или иначе, улетел бы, а солдат? Дерут с них и за билеты, крохоборы всякие, без скидок на звание воина-интернационалиста.

Часа три с водителем Маратом жгли из комнат замов все, что можно. Порядочно набралось. С ночи прояснилось. Снег, мороз.

7.01.1989, Баграм. Суббота

Пришла колонна *2-го пдб* с Саланга за боеприпасами (Г. Крамской). Опять появились саперы из Чарикара, 80 человек. Согласился пустить в обмен на обещание прибрать предыдущий бардак.

Всю ночь трудились шесть бортов, увозя людей в Кабул. Вывезли около 800 человек.

Ночью обстреляны две вышки боевого охранения. С постов «зеленых» вели огонь трассерами по нашим вертолетам. Без происшествий. Солнце и мороз. Хорошо, нет грязи, а под солнцем веселее.

Впервые за почти десять дней пришел почтовик. Может, сегодня получу письма.

Интересная новость. Сижу вчера, смотрю телевизор, и вдруг на экране в рекламном ролике, посвященном каким-то видеокассетам с концертом-рок, собственной персоной Андрей Красульников. Представился председателем инициативной группы молодежи Замоскворечья. Какой-то видеоклуб. Черт-те что. Почитай, лет восемь не знал о нем ничего, и вот на тебе. Выйдем, доберемся до Москвы, позвоним. Неожиданно как-то. «Молодежная, инициативная». Ха! Мой ровесник. Можно уже и не примазываться к молодежи. Хотя выглядит хорошо. Не скажешь,

что столько лет прошло. Как будто только со школьной скамьи.

Снял со стены и убрал в чемодан карту Афганистана, на которой все напоследок расписались. Память.

Из разговора с капитаном Геннадием Крамским. На днях под лавинами погибло у пехоты три человека. Последнего откопали только вчера. Засыпало одну из застав, но люди не пострадали, сидели в БТР. Откопали всех целых, одуревших, но живых. У «зеленых» засыпало трактор, тоже разгребли.

Письма из дома не получил. Странно. И газеты только за 3-е. А где остальная почта?

8.01.1989, Баграм. Воскресенье

Два письма с описанием подготовки к Новому году (от 29 и 30.12). Ездили в Ленинград. В полку не дали новогодний паек, мелкая обида. Миша отжался 25 раз и получил «пятерку» по физо, чему очень рад (до этого переживал). Ш. Ахметов в Фергане, Люда завидует его супруге и даже возмущается, что та не собирается к нему ехать. Скоро приедет дед.

Под вечер из дальнего кишлака четыре РСа через нас с перелетом по аэродрому. Разрывы непонятно где.

Вечером в программе «Время» информация о встречах с президентом, премьером Пакистана и представителями альянса семи. (Миша Кожухов рассказал, что еще с лета есть указание исключить из репортажей слово «душман», писать: «непримиримая оппозиция».) Так и хочется сказать — лихорадочный поиск выхода из тупика. На вопрос корреспондента, будет ли Афганистан при любом правительстве дружественен СССР, Воронцов сказал, что оппозиция заявила: «Да». Ну, конечно, кто их еще кормить будет и хлебом, и машинами. Как только мы занозу вытащим, все другие постепенно забудут о нашей ране, а о занозе тем более. Конечно, умом понимаю, что лучше плохой мир, чем хорошая война на границе в подбрюшье Союза, но какой ценой? Мы вообще можем выглядеть бестолково. Зачем же тогда такие потери, жертвы, ордена? Еще одно подтверждение бессмысленности этой почти десятилетней войны. Но мы-то при чем здесь?

10.01.1989, Баграм. Вторник

Вчера съездил в штаб 108-й дивизии на разведку. А штаба, собственно, нет, он в Джабаль-Уссарадже. Пустые замусоренные

холодные комнаты модуля, пустой шкаф от знамени. На ЦБУ какой-то бестолковый старший лейтенант, который ничего не знает и отвечает только на телефонные звонки. Встретил командира медбата. Тот развернул операционную в фургоне прямо внутри ограды штаба. Я-то ехал с мыслью организовать взаимодействие, если трудно будет, а оказалось, что рассчитывать не на кого. У них в городке такие же смешные силы, как и у нас, а о танках, как у меня, они только могут мечтать. Еще раз убедился, что заставы с нашей стороны сняты, а все городки пусты. Вот так, стоим как оазис. В таких условиях тот арсенал, что я стащил из всех комнат после ухода наших, показался совсем не лишним. Хотя и надеюсь, что не пригодится, но лучше уповать на разум, чем на эмоции. А гранаты всегда можно выбросить.

Когда поехал в штаб, собрал в машину всех кукол, мишек, белочек, Карлсонов, что обнаружили, когда сжигали барахло из женского модуля. Думаю, раздам по пути детворе. Худо не будет, может, кто помянет потом добрым словом шурави. Но такого эффекта, который получился, я не ожидал. Столько сбежалось, что чуть машину не растерзали. Самую красивую куклу хотел вручить девчушке-замарашке, которая сидела на обочине, так у меня ее чуть из рук не вырвали. Кое-как ей отдал, но кукле ногу все же оторвали. Вот обидно, вот обезьянки.

Летчики тоже волнуются без прикрытия. Летают без желания. Им кто-то сказал, что для их прикрытия подойдет рота десантников. Обещали, задобрили, чтобы успокоить, чтобы отстали.

Мы должны уйти 26.01. Эскадрильи перелетают в Союз 24-26-го. Пехота снимает последние заставы и уходит 28-го. Почта работает до 23-го.

В ночь от наших пришла колонна, забрать продовольствие. Передали от них список. Видимо, обжились, если о комфорте заговорили. Просят телевизор, лампочки и лампы настольные, а также несколько дверей и рам. Им дали рядом с тоннелем старую казарму, где и расселился штаб.

Рассказали, что наших там несколько раз приводили в готовность, чтобы развязать войну. Дают команду быть в готовности бить артиллерией, потом дают отбой. Может, игра с целью попугать супостата? Если серьезно, то жутковато. Нам ко всем горным трудностям только «бородатых» с гранатометами и фугасами не хватало.

Который день солнечная морозная погода. Горы вокруг все в снегу. Издали смотрятся красиво. Летом в мареве жары не так бросаются в глаза.

В комнате с двумя обогревателями чувствую себя недурно.

Надоело питаться консервами. Подумал: «А почему, собственно, не посещать столовую?» Просто старое мышление работает. Сегодня, наконец, нормально пообедал. Отлично. Долой сухой паек. Пытался раз сам сварить похлебку, но пока кипело, успел наесться кусками. Плюнул на это дело. На одного готовить не интересно. Да и долго, желудок сводит.

11.01.1989, Баграм. Среда

Без изменений. Утром Пальчиков повел пять машин с продовольствием. Вечером переговорил с В. Востротиным. Дошли нормально. Вопрос о ЗиЛе связистов, который стоит здесь: тащить или подрывать. Разобрать двигатель и два задних моста в НЗ (неприкосновенный запас), остальное в воздух.

Вечером звонок летчиков. Стоянку МиГов кто-то обстреливает с позиций нашей 1-й батареи. Бывших позиций. Наших там никого нет. Сказал, мол, бейте без опаски. Ну вот, теперь и оттуда стреляют «душки». И чего им не спится в тепле.

Вчера кубинцы отправили из Анголы первую группу интернационалистов на Родину в рамках соглашения с ЮАР.

В декабре вьетнамцы вывели четыре дивизии из Кампучии.

Каждый вечер сажусь, раскрываю тетрадь и выдумываю, что же записать. Скорее бы уйти на Саланг. Все веселее и ближе к дому.

14.01.1989, Баграм. Суббота

Вчера под вечер заявился А. Греблюк, я искренне обрадовался. Поставил ему койку в свою комнату. В свою бывшую он зашел, посидел, поплакался в жилетку, мол, все родное. Ностальгия пробрала. Особенно после того, как увидел голые стены и ободранные шторы. С утра он как исчез с друзьями-истребителями, так до сих пор нет. Стал уже беспокоиться, позвонил летчикам, а он до сих пор там, красавец.

Когда утром проезжали через стоянку штурмовиков, остановились перебросится парой слов с их начальником ПО, который встречал приземлившееся звено. Первая новость: 7 января потеряли летчика. Уже пятый у них. И не сбит, а потерял сознание и — в землю. Ходят выше 7000, для их самолета это противопоказано. Кабина должна быть герметична и высотный костюм должен быть. Нет ни того, ни другого. При отказе кислородной системы достаточно двух глотков, чтобы

отключиться.

Другая новость интересная. Их предупредили о бдительности, так как в Кабуле вроде зреет военный переворот. Халькисты хотят убрать Наджибуллу и заодно парчамистов. Вот политика, темный лес! Было время, когда Наджиб сам грозился уйти, а наши на него жали, чтобы остался. Теперь он как бельмо на глазу у всех. Оппозиция первым требованием ставит его уход. Тиран — плохо, такой мякиш, как Наджиб — тоже плохо. Людей губят властолюбие и заносчивость. Нго Дин Дьем конца 1980-х годов. Мавр сделал свое дело. Вчера в Кабул прилетел министр иностранных дел Э. Шеварднадзе, что-то будет.

Летчиков предупредили, что у Наджиба есть все-таки сторонники и как бы не было эксцессов со стрельбой.

Завтра уйдет колонна с боеприпасами и хлебзаводом на Саланг. Передали «зеленым» склад ГСМ.

20-го эскадрилья штурмовиков из Шинданда перелетает в Мазари-Шариф. 24-го уходят штурмовики отсюда в Союз, в Кокайды. 25-го улетают истребители и Су-17. В ночь на 26-е — вертолетчики. Последним трудно придется. Ночь да горы, а потолок-то маленький. Попотеют ребята, понервничают. А с утра 26-го уйдем и мы. Наша цель и была — прикрыть стоянку Су-25.

15.01.1989, Баграм. Воскресенье

Два письма от сыновей. Одно из Пскова, другое из Куйбышева. И написаны в один день, 6-го. Ну, надо же, такое взаимодействие. Группа психологической поддержки! Все ждут папу. Старший готовится к сессии. Чтобы пораньше уехать в Псков, уже сдал математику (4) и физику (5). После 21-го поедет домой. Хозяин и помощник. Готовится набить рюкзак в Москве продовольствием для голодающего Поволжья, фу, черт, для скобарей. Вот дикость. Здесь миллиарды на ветер, там мясо по блату. И непонятно, чем то и другое кончится.

Разговаривал сегодня с заместителем начальника оперативного отдела ВВС. Спрашивал насчет переворота. Говорит, был такой слух. Теперь указание поддерживать эту куклу изо всех сил. Наджиб даже давит на Москву, чтобы громить Ахмад Шаха. В. И. Варенников, старый дед, сопротивлялся. Но планы удара стратегической авиацией по Ахмад Шаху есть, и даже на ближайшие дни. Кабульское правительство мыслит перебраться через Гиндукуш, прикрыться горами и удержаться на севере. А там владения Ахмад Шаха. Вперед, шурави, круши супостата за их счастье и власть. Один правитель уже живет в Сочи, а этот

туда почему-то не рвется. Ирония и злость, наверное, чувствуются в этих словах. Все, кто слышит подобное, в недоумении. Неужели кто-то в здравом уме пойдет на такую авантюру, когда и без этого трудностей хватает?!

В Кабуле штаб Армии переместился в городок *103-й вдд*. Теперь наша только окраина. Выезды в город перекрыты. За неделю в городе прирезали троих человек, в том числе подполковника из Армии, прямо в дукане. Оппозиция отказалась от переговоров и не хочет слышать о выдаче пленных. Все переговоры о пленных после нашего ухода. И еще под таким соусом: мы вам пленных, а вы нам Наджиба и его приближенных. А чтобы такой «валюты» было больше, «духи» дали команду своему воинству захватывать советских военнослужащих. И, наверное, на торговле, да на тряпках еще кого-нибудь подловят. Милое дело. Проще простого. Наш глобальный дефицит имеет даже такую дикую окраску.

А время все-таки интересное. Сложное, мучительное, но интересное. Главное, появилась какая-то надежда. Разуверился народ за эти годы во всем: в том, что что-то изменится; в том, что станет легче и лучше жить. Разуверился в идеалах, руководителях, тошнило от возвышенных фраз, ханжества и лицемерия; протекции и коррупции. От очередных починов и их, таких же регулярных, провалов (как с образованием, продовольствием, подъемом Нечерноземья и строительством дорог). От бессилия властей. Узнали, наконец, свою историю и ужаснулись. С уходом каждого старого правителя узнавали, что мы, оказывается, делали не то и не так, топтались на месте. И в черных лимузинах разъезжали или тираны вроде Сталина, Молотова, Кагановича, Берии и иже с ними, или невежды вроде Лысенко. А Королевы, Туполевы, Вавиловы сидели. А Бухарин и Рыков, оказывается, совсем не враги, хотя буквально три года назад мы скрипели перьями, записывая в академии лекции об антипартийной оппозиции и группировках.

И вот что-то стало меняться. Хотя, кажется, больше, пока на словах. Слов много. Пиши, говори, что думаешь, о чем размышляешь. В обиход прочно вошли слова, которые до этого, иначе как применительно к Западу, не произносились: мафия, наркомания, проституция, коррумпированная верхушка, дефицит бюджета, инфляция и рост цен. Осталась еще безработица, уже кое-где проскальзывает, что и об этом надо подумать, так ли это плохо. Заговорили о финансовом крахе предприятий, о конкуренции, что вообще социалистической экономике не свойственно. И очень часто проскальзывает у людей, что перестройка это где-то там, далеко. Людям нужны квартиры, мясо

и колбаса в магазинах, да еще и без очередей, красивые вещи, побольше и подешевле. И, наверное, надо гордиться собой и страной, чистыми и не опаздывающими поездами, честной и большой зарплатой, полными прилавками, торговой маркой. Чтобы от названий «Горизонт», «Москвич», «Электроника», «Кишиневская обувная (или другая) фабрика» не воротило, а слова «Панасоник», «Мерседес», «Сони» и «Саламандра» не вызывали ажиотаж и позорную давку. Чтобы не было унизительно жить честно. Сколько еще предстоит сделать. Начало есть. Кажется, уже не верю самому себе.

На памяти годы юности, середина 1960-х. Ведь тоже были позывы. А. Солженицын в «Роман-газете» печатался. Что-то об экономике говорили. Умишко был тогда еще детский, воспринималось с восторгом и безоговорочно. И так, даже повзрослевшим, до самой смерти Л. Брежнева. Вроде как и есть недостатки: да, со звездами перебор, с шумихой, но ведь люди богаче жить стали, с капиталом паритет, и мы за мир. И вдруг: развал, застой, министры воры, а секретарь ЦК (так и хочется рот перекрестить по старой памяти) — главарь самой настоящей мафии. Чему верить? И сможет ли мое поколение еще чему-то поверить. Вот Антон прямо за столом бухнул, мол, я сейчас ни во что не верю. И это убедительно. Догмы распались, а убеждений не оказалось. Все было, оказывается, чинопочитанием и опасением за карьеру, наверное, еще безразличием в силу микроскопических возможностей на что-то влиять.

И вот теперь смотришь телевизор, «проглатываешь» газеты и думаешь: вроде все правильно, а что об этом лет через 20 скажут? Опять же у нас без перегибов не могут. Раз бороться с алкоголизмом, так лучшие виноградники — под топор. Раз сокращать армию, так офицеры — дармоеды и бездельники. Объявил в декабре на сессии ООН М. Горбачев о сокращении армии на 500 тыс., о выводе из ГДР, Венгрии, Чехословакии шести танковых дивизий, 10 тыс. танков, 50 тыс. человек десантно-штурмовых частей и десантно-переправочных средств. Вроде мир уже приучили, что не врем и последовательны (тоже большое достижение). Это не брежневский показушный вывоз металлолома с полигонов ГДР. Конечно, правильно. Создали образ врага друг у друга, затоварились броней. Сам военный, но понимаю, что в данных условиях армия уже слишком большое бремя для государства и народа. Траты неразумные. А при умном руководстве безопасность можно обеспечить мудростью в политике и хорошей подготовкой и обеспечением меньшей армии. И не лезть в авантюры типа Афгана, Кампучии и т. д., не провоцировать, не грозиться. Если правильно размышляю, то уже

сегодня происходит ломка стереотипов об империализме, буржуях, единстве рабочего класса и т. п. И если не договаривают до конца, то только для того, чтобы ура-патриоты не встали на дыбы. Патриотом быть всегда прибыльно, особенно если десятилетиями все на демагогии держалось. Всех ногами затопчут. И последователей толпа со всей ей присущей атрибутикой.

Сейчас после программы «Время» выступил А. И. Вольский, секретарь ЦК, председатель приступившего к работе особого комитета по Нагорному Карабаху. Ввели особое правление в НКАО. Обстановка остается напряженная, проблемы сложные. Прямо говорит: бешеное сопротивление перестройке, мафия, сращивание уголовников с властями, коррупция. Завели дело на 1 млн 300 тыс. рублей. Местная азербайджанская прокуратура вела. На 100 тыс. разобрались и «пескарей» посадили, а на I 200 тыс. «не доказали», включились влиятельные силы. В Азербайджане теневая экономика оперирует десятью миллиардами(!), а в Армении и того больше (так сказал). Государство в государстве. И все завязаны или на родстве, или на интересе.

Говорят, ломать не строить. Всегда ли верно. А тут еще, и то и другое надо делать одновременно. Часто пробуксовывает. Сколько времени пройдет, пока все притрется. Дали волю предприятиям, и они тут же вздули цены, чтобы увеличить себе не заработанный фонд зарплаты. Дали волю кооперативам, а они и не торопятся в промышленность. Пирожки и шашлыки прибыльнее, да и быстрее, тем паче, что мясо с мясокомбината. Дело с кооперативами по замыслу в принципе верное, а по исполнению — ошибка. Госмеханизм из-за бюрократии, раздутости и протекционистского невежества работает со скрипом. Дали волю предприятиям и тут же ударили госзаказом. Кооперативам дали развернуться и тут же шмякнули 100-процентным налогом. После большой дискуссии отменили. Теперь перед Новым годом обнародовали постановление Верховного Совета об ограничениях на всевозможную деятельность. Обнародовали проект УК СССР.

Понравилась в газете приведенная к месту в статье цитата из Библии: «Моисей вел свой народ в Израиль сорок лет». И не потому, что далеко, а чтобы сменились два поколения и забылся рабский дух. Мое поколение, наверное, из этих двух. Наверное, Михаилу достраивать все и пожинать плоды. Завидую и желаю только одного, чтобы они не разочаровались, чтобы нас не осуждали, подумав как следует и сравнив с собой.

Через день опять та же мысль. Н. И. Рыжков, заседание Совета

Министров. Обсуждаются проблемы Агропрома, Цель, наверное, такая: чтобы люди увидели, как принимаются решения, показать, что руководство озабочено и что-то делается. И, наверное, делается, но… Все озабочены, все кивают друг на друга, приводят объективные трудности или перечисляют то, что и так известно. Неубедительно, а главное, нет чувства уверенности, что это все не очередное мероприятие…

17.01.1989, Баграм. Вторник

Полетел дизель — «двухсотка». Теперь живем на резервных дизелях. Пришлось отключить почти все модули, оставить самое необходимое. Но все равно не получилось накачать воду, чтобы нормально помылись офицеры. И последней радости не осталось — бани.

Приехал Вахаб, зам. командира полка Миг-21, Герой Афганистана. Я до этого с ним не встречался, командир с нач. ПО были где-то с ним в компании, а потом он пару раз заезжал, когда я был в Шинданде. Познакомились. Зная наши традиции, тот приехал с бутылочкой спирта. Посидели чисто символически, ни запить, ни заесть в наших теперешних условиях невозможно. Хорошо что в термосе кофе оказался. Разговор обо всем и ни о чем. Да, говорят, трудно будет после вашего ухода. Из полков Су-22 и МиГ-21 по одной эскадрилье уйдут в Кабул. Будут держаться. Мы, мол, выстоим, но многих потеряем.

Слова не пропагандистские и заслуживают уважения. У нас-то в мыслях встреча с домом, конец войне, воспоминания об Афгане, почитание героев и погибших, бремя остаточной помощи (а может изначальной), а для них вопрос жизни и смерти. Тем более для таких, как Вахаб. Ему отступать некуда. Семью отправил в Кабул. Получил четырехкомнатную квартиру в старом районе. Сколько ни пытался определиться, так и не понял в каком же точно месте. Да и Кабул знаю относительно, проехать могу, а названия улиц и районов не представляю. Квартирный вопрос его беспокоит, как и любого из нас. Благо он герой и заплатил государству половину цены из 220 тыс. афганей. У них, конечно, другое измерение всего. Нам, к примеру, кроссовки теперь продают в дуканах за две с половиной. В последнее время цены полезли вверх. У нас в Бараме они всегда были выше, чем в Кабуле. А для шурави против своих всегда гнали втридорога. Для нас афгани — и деньги и не деньги.

Спросил, получил ли он Звезду? Да, перед Новым годом, в годовщину НДПА на торжественном собрании. Звезду ему вручил

зам. Наджибуллы. Раньше звание Героя Афганистана присваивали, а Звезду не давали, не было. Цена Звезды 410 тыс. афганей. Все деньги, деньги. А посидели, и выяснилась цель приезда. Простить можно. Девять детей: четыре сына, пять дочерей, проблем соответственно. Он здесь, семья в Кабуле. Зима по афганским понятиям суровая, плюс война, «духи» на дорогах, рост цен, инфляция и т. д. Все в Кабуле дорого, а снабжение все ухудшается. Знаю, что у них проблемы с хлебом, топливом, электричеством. Если бы не помощь Союза, не знаю, что бы в Кабуле ели. Вот и Вахаб попросил муку и жир. Что сказать? Продсклада нет, осталось то, что надо для прокорма сотни человек до нашего ухода. Кстати узнал, что сроки перенесли опять на двое суток. Теперь уйдем, наверное, 28-го. Долич (начальник штаба *108-й мсд)* просветил, что заставы вдоль дороги от Кабула на Саланг начнут снимать уже только 4 февраля. Какой уже по счету перенос сроков. Все тянем, тянем, как будто пара недель теперь что-то решит. Одного только дождемся: погода взбунтуется и запрет нас здесь или, по крайней мере, усложнит все многократно. Вахаба обнадежил: мол, посмотрим.

На Джелалабад отработала стратегическая авиация, до 70 самолетов.

Утром ехал в дивизию через базар. Полно вооруженных молодцев. Неприятно. Как въезжаешь на базар, такое впечатление, что тебя только и ждут. Так и сверлят машину глазами, так и заглядывают. Благо, что на базаре две пехотные БМП и БТР трубопроводчиков. Как оказалось, стоят для охраны трубопровода. Идет перекачка топлива на аэродром, а население, как неоднократно бывало, рвет трубы, чтобы, сбежавшись, наполнить емкости керосином. Такую картину видел неоднократно. Все к этому привыкли. Бачи рвут трубы, топливо течет на землю и в банки, а наши приезжают и восстанавливают. Все спокойны, всеобщее благоденствие. А что сделаешь? Немцы бы повесили пару человек и никто трубы не тронул больше. Мы не можем. Братский афганский народ. Да и в кого стрелять, в пацанов? Да и кто это топливо считает? Легче списать на «диверсию», чем разворачивать террор. Лучше закрыть глаза и ездить относительно спокойно.

18.01.1989, Баграм. Среда

Утром съездил в 108-ю. Цель: поболтать со знакомыми, узнать последние новости. Пока солдат забирает почту, можно всех увидеть. Осталось немного. Посидел у Миши Цинченко. Тот

довольный и уверенный. В Союз идет на подполковничью должность. Выиграл у него три партии в нарды и как приз забрал довольно приличную доску с фишками. Разъяснилась вчерашняя пальба. Накрыли вчера «духи» РСами позицию батареи, что стоит рядом с городком. Благо, никого не зацепили. В ответ наши поливали «Градом» и стволами минут тридцать. Не совсем, правда, туда, куда надо, но по Мишиным данным трех «духов» забили насмерть, пятерых ранили. Зацепили и шесть мирных. Получилось, что РС пускала одна банда с территории другой. Последним и досталось. Согласно правилам этой войны, претензии не принимаются. Не пускайте чужих к себе.

Сейчас, вечером, сразу после наступления темноты модуль опять завздрагивал. Разрывы один за другим. Вышел, посмотрел. Под конец-то явственно бил наш «Град», и частые вспышки разрывов возникали где-то в «зеленке», не так и далеко от аэродрома. Чьи разрывы были первые, узнаем завтра. Хотя, наверное, завтра не поеду. Пусть эмоции улягутся. Выйдет какой-нибудь псих-мститель на дорогу и ку-ку. Вообще, стал трусоват. Сейчас ни с того ни с сего упал плафон в коридоре. Взял пистолет, вышел, посмотрел. В модуле один, водитель ушел с разрешения к друзьям. Модуль на отшибе. Как темнеет, так начинается пальба. Стреляют все подряд: и наши, и с аэродрома, и «зеленые», и из кишлака. Кто, куда? Не хватало еще дурную пулю получить. На «боевых» хотя бы знаешь, откуда бьют, можно укрыться за камнем, бить в ответ, подавить. Здесь же, как заяц. Под конец не хочется стать дичью. Раньше как-то спокойно относился.

В пехоте упорно ходят слухи, что их здесь оставляют охранять Саланг до мая. Слух невероятный и мало правдоподобный. Впрочем, ничему уже не удивлюсь.

С Саланга пришел КамАЗ. Одна машина с одним водителем. Даже без офицера, без старшего. Я опешил. Вечером запросил командира. Он сказал, что знает, мол, так получилось. Это уже даже не забавно.

В обед подошел майор В. Дубровский, начальник связи полка, с необычной просьбой. Договорился с летчиками, дают мясо. Хочу, говорит, пельмени сделать. Надоела тушенка. Дал машину. Вот сейчас, вечером, в ответ прислал горячих пельменей с маслом. Отлично! Но есть пельмени в одиночку скучно.

Новости прессы и радио: 20-го состоится приведение к присяге Джорджа Буша на пост президента США (сменил Рональда Рейгана).

Опубликовали постановление ЦК КПСС по городу Жданову. Мариуполь снова станет Мариуполем. Имя Жданова убирают и с

других вывесок.

Миша Цинченко довольно критически отозвался о Вахабе. Начиная с того, что тот приехал, естественно, не знакомиться, а выпросить на дармовщинку; что уж он-то проживет при любой власти (они себе пути отхода предусмотрели); что прикидывается бедным отцом. Денег, говорит, у него больше, чем у нас.

Примечание. В марте 1990 года Вахаб, уже в должности командира полка, поддержал мятеж министра обороны РА Шах Наваз Таная против президента Наджибуллы. После неудачи участники мятежа, забрав семьи, на самолете Ан-12 перелетели из Баграма в Пакистан.

20.01.1989, Баграм. Пятница

Заехал к афганцам. Вахаб оказался в полете, парой ушел на Хост. Пришлось подождать его посадки и встретить буквально у пилотской кабины. Поднялись в штаб в кабинет командира. Традиционный чай и разговор ни о чем, но вот подошел командир полка Мухтар и разговор перешел в довольно энергичное русло. Честно говоря, неожиданно. Раньше афганские офицеры от обсуждения положения или уклонялись, или бухтели какие-то ревфразы, цитаты и т. д. А теперь: сначала довольно критические замечания царандоевцев о Наджибулле; явное стремление летчиков что-то сделать и неудовлетворенность положением вообще. Если приложить сведения о возможности путча, о желании халькистов одолеть парчамистов, приложить ко всему ходящее по рукам обращение 700 офицеров с требованием перейти к решительной борьбе с противником, то картина получается интересная.

Мое положение оказалось довольно сложным. Собственно меня, строевого офицера, старательно выспрашивали о том, куда пойдет наша политика. Если бы я сам знал. Явно наводят на мысль, что мы не тех поддерживаем, что они готовы и будут драться до конца, что они победят. А что я могу ответить? Что сам не высокого мнения о Наджибулле? Мнение об афганской армии. А черт вас знает! Никто, конечно, не верил в мае и августе, что Кандагар и Джелалабад выстоят. Есть, наверное, силы. Может, эти вопросы проблеск самосознания не только этих летчиков, но и других офицеров. Но помню их инертность, постоянное желание быть за нашей спиной, не лезть и не высовываться. Может теперь, когда прятаться не за кого, и завоюют, наконец, начнут биться. В общем, постарался избежать этих вопросов. Сказал, что надо вам самим здесь разобраться, что

и мы надеемся, что вы выстоите. Ведь все же девять лет к этому стремились.

21.01.1989, Баграм. Суббота

На задачу из Кабула начал выдвигаться *350-й гв. пдп.* Днем уже проходил мимо наших блоков на Саланге.

23.01.1989, Баграм. Понедельник

Столько дней стояла тишина, а с утра рев самолетов и модуль вздрагивает. Над «зеленкой» столбы пыли и дыма. Где-то у входа в Саланг справа и слева от ущелья вспышки разрывов.

Рано утром меня вызвал на связь В. Востротин. Уже на узле связи долго не мог вклиниться в разговор. «Варяг», то есть *2-й пдб,* докладывал обстановку. Прослушивал и понял, что наши всеми средствами обрабатывают прилегающие к трассе кишлаки и места базирования «духов». Спросил: «Что вы там, войну развернули?» Но командир одернул, мол, слушай сам и не болтай по радио. Мой же выход на связь по простой причине: привезли телевизоры и видеомагнитофоны, банк заканчивает работу позже, чем планировали, 26 января, и поэтому надо выйти на контакт с начальником военторга, чтобы тот ждал гонца с Саланга с деньгами для выкупа аппаратуры. Телевизоры телевизорами, но все мысли не об этом. Если так дальше пойдет, то нам отсюда действительно придется прорываться с боями.

Вчера случайным выстрелом с аэродрома ранен бача. Недалеко от конца взлетной полосы. Сбежался весь кишлак. Пришлось поднять резервную группу. Вроде успокоились.

Дописываю вечером. Бача скончался. Видели, как его привезли и выгрузили на носилках. Опять собралось много народа. Для нас без последствий. Вчера ночь без единого выстрела из кишлака. Сейчас 23 часа, и пока тихо. Но тревожно. Как-то теперь сложится обстановка. Целый день напряженно работала и советская, и афганская авиация. Била артиллерия. В стороне Саланга долго стояла черная пелена.

Съездил в 108-ю дивизию. Все, кого встретил, плюются и костерят неведомого Берию, который все это придумал. Слухи самые разнообразные. И что сегодня должно состояться заседание Политбюро, которое окончательно определит нашу судьбу. И что самый ярый сторонник продолжения войны — Шеварднадзе, который требует сохранить наше присутствие вплоть до

оставления наших войск на Саланге и в Кабуле *(103-й вдд)*. Договорились, что он получил где то солидную мзду и от этого так рьяно «рвется в бой». Кутерьма. Одно ясно, что мы только потеряли от сегодняшней бойни. Уйдем, а Наджибулла будет говорить, что вот эти кишлаки стерли с лица земли русские. «Неверные», одним словом, что с них взять (кроме помощи).

В Кабуле очень сложно с продовольствием. В Хайратоне на миллиард советской помощи… Никто не везет. Наверное, из-за этих колонн мы и стоим. Афганцы обвиняют нас в том, что мы стоим в стороне, не бьем Ахмад Шаха. Даем грабить колонны, которые до столицы не доходят. Вот теперь они добились, что мы влезли опять в кровавую баню. Приезжал хирург из медбата — Николай. Озабочен. Начали поступать тяжелораненые, а медсил в Джабале очень мало. Завтра снимает отсюда свой прицеп-операционную и идет в Джабаль-Уссарадж. Теперь, если у нас появится 300-й, то и везти некуда. Вот дела. Да еще и с той стороны Саланга в Пули-Хумри госпиталь свернули. Еще один результат нашей непоследовательности и суеты.

Еще раз пришел к выводу, что наш договор по Афгану — договор ни о чем. Нам надо было любым способом выйти из войны и выйти более или менее пристойно. А противная сторона понимала, что без этого мы останемся и была вынуждена сделать хорошую мину. Однозначно, что выполнять его не собиралась. Тут наши сделали такую же мину. Остальные упреки и перепалки в газетах — обычный дипломатический ритуал. Мы получили повод, они получили довод.

Если, как заявляли наши, Афганистан нам обходится в 6 млрд в год, то в день грубо получается 20 млн рублей (или 17). Конечно, немало. Надо освободить эти деньги для перестройки. Но не так же уходить.

В разговоре В. Вострогин упомянул, что ранен «техзамыкание Варяга». Если это зам. по вооружению *2-го пдб,* то значит это майор В. Дубовский. Завтра приедет начальник с деньгами, чтобы выкупить всю аппаратуру для офицеров. Узнаю подробности сегодняшнего дня. Завтра последний день работает почта. Сейчас напишу письмо домой, чтобы меньше волновались. В письмах перед выходом полка и сразу после выхода неосторожно упомянул, что остался с маленьким гарнизоном, что в модуле один, что вооружился и даже граната под рукой. Черт дернул, какое-то детство. В ответ получил полное тревоги и переживаний письмо от Людмилы. Сейчас пишу про погоду и покупки. К чему этот психоз и нервотрепка.

24.01.1989, Баграм. Вторник

Черная новость: погиб майор О. А. Юрасов. Когда гибнет человек — это трагедия, когда гибнет очень хороший знакомый — трагедия вдвойне. Сколько работали в Панджшере. Резкий, энергичный мужик. И приходится добавлять — был. Погиб вчера. Судя по рассказам, после того, как накрыли кишлак оттуда, побросав оружие, вышла банда. Шли сдаваться. А когда Олег Юрасов, выдвинувшийся с разведвзводом вперед, вышел навстречу, его сбоку скосили из автоматов и ДШК. Командующий приказал представить к Герою. Сергей Богатов сегодня утром отвез представление на подпись. Завтра вернется из Кабула, выясню подробности.

Выходил на связь с командиром. Сегодня у них спокойно. С утра только «душки» постреляли издали одиночными, но без последствий. Прошла выводимая колонна. В Джабале сосредоточились «зеленые», которые должны занять заставы на Саланге. Какая-то бригада и полк гвардии. Но дальше не пошли. Энергично работала авиация. Подвез в обед командира полка штурмовиков. Говорит, что наблюдают караваны, которые уходят от Саланга, и по ним работают. Продолжает работу наша артиллерия. Большой расход снарядов, за день свыше 3 тысяч. Кроме О. Юрасова, тяжело ранен в голову солдат самоходной батареи и легко в бедро — В. Дубовский.

А. Греблюк на Саланге снимает видеофильм о полке, используя видеокамеру В. Запорожченко. Видел эту «машину». Аж глаза заблестели. Вещь отличная, снимаешь со звуком и сразу можно смотреть телевизор. Краски яркие, сочные. Но цена… 4 500. Остается только мечтать.

В программе «Время» об Афгане ни слова…

25.01.1989, Баграм. Среда

Работает стратегическая авиация. Кладет девятитонные бомбы. Летчики жалуются, что афганцы не летают. Значит, мое впечатление было заблуждением. Взлет звена видел, оказалось это все, на что они способны.

Срок нашего ухода из Баграма до сих пор не определился. Почта свернулась.

Возвратился Сергей Богатов, рассказал, как погиб Юрасов. С утра обложили кишлак с бандой. Шел бой. Потом стрельба стихла, банда начала сдаваться. Олег Юрасов, Геннадий Крамской и солдат из разведвзвода вышли на дорогу, пошли по обочине к

мосту. Рядом стоял металлический контейнер-дукан. Не понял, наверное, что под ним была огневая точка. Олега расстреляли из ПК почти в упор. Он еще успел броситься в кювет и потерял сознание. Солдат пытался его вытащить, но очередью с него сбило шапку. Сразу вынести не смогли. Выгнали «Нону» и расстреляли пулеметчика. И только тогда добрались до Юрасова. К этому времени он уже скончался. Две пули в районе паха. Перебило артерию, выгнало кровь. Врач сказал, что если бы в течение двух минут наложили жгуты, был бы жив. Третий подобный случай на моей памяти.

Весь день периодически била артиллерия. Понять не могу, что-то необычное. Модуль подпрыгивает, как при ближних разрывах, а выйдешь и осмотришь, как рыцарь в дозоре, все вокруг: ни дыма, ни пыли, ни разрывов не видно. Странно.

Сообщение по радио об интенсивном обстреле противником городов Гардез, Хост, Кандагар.

И под конец дня в новостях обмолвились о событиях на Саланге. Как обычно: «Афганские войска нанесли удар по бандам Ахмад Шаха Масуда на южном Саланге в районе Таджикан-Джабаль-Уссурадж. В результате ударов авиации и артиллерии…»

23-го на Саланге корреспонденты «Правды» и «Известий» брали у В. Востротина интервью. Жаль, газет больше не увижу и не прочитаю, что же они там напишут.

У нас третью ночь спокойно. Изредка ленивая стрельба. Конец месяца — полнолуние. Все прекрасно видно в голубом свете, и поэтому спокойно. Убийство бачи для нас прошло без последствий. Хотя и не наша вина, но там ребята из кишлака могли и не разобраться. Кровь за кровь. Тем более, что забили парня, а не девчонку. Это кормилец и защитник.

26.01.1989, Баграм. Четверг

У летчиков новые сроки. Утверждают, что на столе лежит план выхода: 29-го — штурмовики и разведчики; 30-го — истребители; в ночь с 30-го на 31-е — вертолетчики. Хорошо, если б это был окончательный срок.

Пришел БТР с С. Лохиным. Привез хлеб и сразу, забрав последнюю почту, начфина с видеомагнитофонами, ушел обратно. Краткие новости — в одном кишлаке добили банду, другой обработал «Буратино». Результаты неизвестны. «Зеленые» пошли на блоки. Мирных отселяют с Саланга.

Слушаю Душанбинское радио. За час они четыре раза передали информацию о том, что слухи не обоснованы и

землетрясения не ожидается. Синдром Спитака. Неделю назад в Гиссарской долине при землетрясении сорвались массы земли и похоронили несколько кишлаков. Погибло свыше тысячи человек. Наваждение какое-то с поведением планеты: то ураганы, то снег, то заливает, то сушь, то трясет. Без повода столько бы раз не повторяли, чтобы успокоить народ. Наверное, люди на улице ночуют. Никто не хочет, чтобы его пришлепнуло бетонной плитой. Память об Армении способствует панике. Может быть, и действительно беспричинно. Но если за сутки 35 раз почву колебало, хотя и слабо, то успокоить трудно.

27.01.1989. Пятница

Целый день с раннего утра истребители и штурмовики ходили на удары. Результат вчерашнего спора командиров обоих полков с командиром ОБАТО о том, куда же девать оставшиеся бомбы, особенно если погода будет нелетная. Погода не подкачала. Министр обороны Д. Т. Язов, видимо, не решился сам приехать на Саланг и в Баграм, как планировалось. Вчера в ночь вызвали в Кабул генерала Шеенкова, который отвечает за укрепление Саланга. Довольно смело, ночью, на БТРах. И рискованно.

Подъехали несколько офицеров и прапорщиков из полка. Рассказали подробности операции: три дня убирали трупы из разбитых кишлаков. Зато сейчас намного спокойнее. Ни одного «душка» на дороге. Наши проверяли проходящие автобусы и без слов вооруженных расстреливали. Реакция нормальная. Раньше в Джабале «духи» характерным жестом показывали, что, мол, я тебя… Теперь приветливо машут рукой и ласково улыбаются. И оружие с плеч исчезло. Оказывается, можно было такого и раньше добиться. А может, такое решение оказалось правильным? Дальше посмотрим.

29.01.1989. Воскресенье

Прощай, Баграм. Завтра на Саланг. Поиск пропавшего автомата.

31.01.1989, Саланг. Вторник

Утро 30-го. Короткие сборы. И одновременно попытка

вызволить автомат из кишлака. Затребовали «духи» за автомат 50 тыс. афгани и по 100 кроватей и матрацев. Деньги достали. Кровати — хоть целую казарму. Но в назначенный час никто не пришел. Дали по кишлаку несколько очередей из ЗУ-23. Вот тогда и появились. Обмен произошел, но из-за него тронулись только во втором часу дня.

Как и при уходе полка, нам «повезло», пошел мокрый снег. А это значит, что на Саланге вообще светопреставление. Так и получилось. Чем ближе к ущелью, тем ветер все яростнее, снег уже не мокрый, а колючий. В ущелье входим в сумерках. По склонам разбитые кишлаки. Первый привал у КП 2-го батальона. Отдаем «Чайку», ставим цепи на колеса КамАЗов. Перебираюсь на переднюю БМП. Вот где пригодилась плащ-палатка. Два года пролежала без дела, но за одну эту поездку можно было еще столько же хранить: ветер, снег. Смотреть вперед больно. Мокрая палатка заледенела и стоит колоколом, но под ней тепло, не продувает. Конфликт с пехотой на 45-й заставе у Хинжана.

Уже недалеко от 203-го диспетчерского пункта утыкаемся в пробку из афганских автобусов. Кое-как растолкали их и пробрались вперед. Прошли ДП и начали подъем наверх. Одна галерея, вторая, а после пятой началась круговерть. Буран метет вовсю. Дорога с поворотами угадывается только по снежным валикам от бульдозера. Мысль: вот если где завязнем, да в этом аду придется ночевать. Но в конце концов пробились. Нас встретили. Кругом снежные заносы. Снегом занесло и машины, и орудия, и дома, и прицепы. Зато наш кунг оказался дворцом. Даже не из-за того, что промерзли до костей и сосульки на усах и щеках. А, действительно, добротно сделан из прицепа РЛС. Две комнаты. Тепло, светло. Рай среди снежного хаоса.

Сегодня снег поубавился. Два раза выглянуло солнце. Откапываемся. Машины по трассе не идут. Только отдельные смельчаки пытаются идти по снегу и льду. Работают бульдозеры. Может, завтра кончится снег и прояснится. Целый день хожу, как привидение. Хочется спать, вялость, не хватает кислорода. Влияние гор. Высота 3300. Акклиматизацию пройду, будет легче.

План пока прежний: выход 8-го числа, 103-я — 4-го, за ней 108-я дивизия. Пропустим их и домой.

2.02.1989, Саланг. Четверг

Вчера распогодилось. Утром на солнышке тепло. Полдня люди откапывали машины. А к обеду опять стало натягивать облака. Все усиливаясь, пошел снег. Идет до сих пор. Но колонны

движутся, пробиваясь через заносы. Вчера вечером был потерян вертолет с командиром 50-го кабульского авиаполка. Что за дурное решение было лететь на одном вертолете в ночь, в снег? С утра пытаются разобраться, кто и где его видел, скорее, слышал, вчера. По докладам, последний раз его слышали в 22.30, уходил на юго-восток, на Панджшер. Больше ничего не известно. Аварийная радиостанция так и не заработала. Искать с воздуха из-за снежной пелены невозможно. Посылать сейчас в горы людей — чистое безумие. Как же будут пробиваться в Союз вертолетчики на своих стрекозах через Саланг? Для этого вертолета южный и северный входы в тоннель обозначали прожекторы. Но где их увидишь в снежной кутерьме?

Из Кабула вышел ракетный дивизион под прикрытием батальона «спецназ». Тот самый дивизион, что так насолил «духам», и они поклялись его уничтожить.

Противник активности не проявляет. После того, как его вышибли из ущелья, воевать в этих заснеженных горах для него очень трудно. Под Мирбачакотом «духи» накрыли колонну. Есть убитые и раненые.

Получили распоряжение передать афганскому 101-му полку гвардии, который должен прийти на Саланг: четыре танка, три БМП, десять АГС, три Утеса. Но полк до сих пор стоит в колонне в предгорье на северной стороне. Сюда они не торопятся. Сообщение по радио: афганские войска продолжают боевые действия по очистке ущелья от формирований Ахмад Шаха. Мы хмыкнули, когда услышали. Вчера в программе «Время» показали интервью Б. В. Громова. Упомянул об Олеге Юрасове: «Расстреляли в упор, когда вышел без оружия к мятежникам с предложением сдаться».

Сошло несколько лавин. Одна краем зацепила заставу *2-го пдб*. Потерь нет. Перебрасываем через тоннель на север лишние здесь технику и людей, чтобы максимально разгрузиться перед уходом. Вчера генерал Шеенков уточнил график выхода. 7-го числа снимается *2-й пдб* и под прикрытием 177-го полка уходит в Пули-Хумри, где и ждет нас. 8-го уходим мы. *3-й пдб* отходит последним и получается, что он становится арьергардом всей 40-й Армии.

Посмотрел видеофильм, который сняли наши здесь. Начальник ПО А. Греблюк пытается смонтировать что-то удобоваримое. Так-то сплошное любительство, набор сюжетов. Но все равно смотрится с интересом. Все близко и знакомо.

Мелкие проблемы. Несколько дней стоит неизвестно чей КамАЗ, полностью загруженный сахаром. Куда девать, непонятно, а делать что-то надо, чтобы не было соблазна для лихих людей.

Приноровился к горам. Чувствую себя отлично.

3.02.1989, Саланг. Пятница

Вертолет с людьми пропал без вести. Найдут, наверное, к лету «духи», когда сойдет снег, а нас уже здесь не будет.

Всю ночь, не переставая, идет снег. Сугробы под два метра. Афганский 101-й полк пытаются выпихнуть из Чаугани, но сегодня пятница, выходной день. Вряд ли удастся. Из Хайратона вышла советская колонна с продовольствием и боеприпасами для этого полка. По прибытию разгружаются на заставах от Душаха до Калавуланга, оставляют машины, а водителей перебрасывают обратно в Союз. Своеобразная «сдача под ключ».

Вчера состоялся перелет командующего из Кабула в Мазари-Шариф и далее в Наибабад.

Уточнили для себя через КП Армии: Баграм весь ушел, то есть летчики.

4.02.1989, Саланг. Суббота

С утра выезд через «дырку» на север, где в районе оперативной группы «Саланг» встретил машины 101-го полка. Сильный ветер, метель.

Начались крупные заносы. Вход в тоннель проскочил без задержки. Зато обратно выбраться быстро не довелось. Афганцы к приему техники и застав не готовы. У входа встретил другую нашу маленькую колонну, возвращающуюся из Чаугани (старший лейтенант В. Савельев, *1-й пдб)*. Простояли почти 4 часа, пропуская встречную выводную колонну танков и БТРов комендачей. Чтобы скрыться от пронизывающего ветра и быть ближе к событиям, обосновались с Х. Ахмеджановым на Центральном диспетчерском пункте тоннеля. Комната-зал справа от входа. Множество пультов, как на ПУ АЭС. На четырех телевизорах по участкам виден весь тоннель. Обычная работа: впустить, подождать, задержать, провентилировать, отбуксировать и т. д. Но нам привелось услышать тревожное и трагическое. Первое сообщение: лавиной накрыло 59-ю заставу, снесло в пропасть БТР. Люди не пострадали, откапываются. Заносы на дороге. На остановившуюся колонну *103-й вдд* обрушиваются одна за другой еще две лавины. В пропасть летят БМП, «Урал», КамАЗ. Первые сообщения противоречивые. Уточняются. Откопали троих погибших. Машины расплющены в

гармошку. Выезжал наш начальник медицинской службы Н. Каверин, вернулся ошалевшим. Один раненый с вывернутой к голове ногой. Да и того чуть не оставили. Когда отчаялись откапывать и собрались уходить, из снега показалась рука и с трудом махнула.

Когда пропустили встречных, сами с трудом вернулись обратно. Дикое зрелище. Чистое безоблачное небо, яркое солнце, а здесь на склонах настоящий ад. Ветер сбивает с ног. Колючая крошка решетит лицо. На усах, на бровях сосульки. Смотреть невозможно.

Вечером в программе «Время» оптимистические ноты в интервью генерала Васенина: «Не только в срок выведем, но и завезем, что обещали». И сразу я вспомнил ругань командира комендантского батальона на Центральном диспетчерском пункте тоннеля с вышестоящими начальниками. Две ОГ Армии, в Джабале (Шеенков) и в Чаугани (Профатилов). Два заместителя, два генерала и изрядная неразбериха. Один, не слушая другого, отправляет, скорее, выталкивает, колонны на север. А другой точно так же — на юг. Результаты мы наглядно видим здесь у тоннеля и на дорогах, занесенных снегом. Все время команды «Вперед. Вперед». Надо бы остановиться и сбить снег со склонов артиллерией, как делали всегда. Но некогда, сроки поджимают. Договор: 15 февраля. Вот и дождались. Еще раз хочется покрыть матом тех, кто приговорил нас к февралю. Эти трое погибших под лавиной на их совести.

7 февраля я должен уйти с тылами в Пули-Хумри и ждать там полк.

5.02.1989, Саланг. Воскресенье

Это мы еще помним, что воскресенье, а В. Савицкий и Е. Швечков, офицеры *103 гв. вдд,* удивились. Вот так встреча. В шесть утра снова вышел на БТРе к «зеленым». Погода все та же. Дикий ветер. Кое-как добрались до южной «дырки». Домик комендачей занесен по крышу. Дверь отрыта. Пробираюсь к ней через снежный вал, как полярник из Тикси. Дают добро, и я пытаюсь войти в тоннель. Раз десять с разбега БТР-80 врезается в снежную «дверь» у входа и, наконец, садится на брюхо. Подхожу за помощью к стоящему БТР, стучу, и вдруг появляется В. Савицкий.

Вот так встреча. И где! Захлебываясь не от восторга, а от снега и ветра, делимся новостями. Они, оказывается, стоят здесь всю ночь. Черт, километр от нашего КП, от тепла. В тоннель с

вечера уже зашел ТК (колесный тягач на базе «Урала»). Он нас и затягивает внутрь. Но тут же дают отбой, галерея впереди занесена, а в тоннеле пробка из КамАЗа с тралом. Прихватив обоих товарищей, вернулся обратно на КП полка. За двое суток они первый раз глотнули что-то горячее.

Рассказали подробности обвала. Страшно. Передали просьбу Филиппова, командира полка, попытаться забрать из машины, которая лежит под откосом, ордена и медали. Про свои вещи уже и не просит. Вряд ли что цело. Просят забрать хотя бы себе два брошенных КамАЗа и БМП. Заманчиво, тем более, что они целые, замерзло топливо (вот еще одно свидетельство нашего головотяпства — летнее топливо на Саланге, а отогреть на ветру невозможно). Начальник автослужбы И. Кузьменков пытался пробиться вниз к машинам, но вернулся: все занесено снегом.

Через пару часов я снова попытался пробиться к тоннелю, но на этот раз не отъехал и 50 метров. КамАЗ прочно запер дорогу, а в трале домбочка. Зашел внутрь, посмотрел: телевизор, холодильник, мебель, ковры. Вот сволочи, люди под лавинами гибнут, а они дерьмо через Саланг везут. Пока, покорежив КамАЗ, вытащили его назад, впереди все замело. Комбриг бригады МО, наверное, и не почесался в тот момент, когда мы материли его предприимчивость. Дом-то, наверное, к себе в Союз на дачу вез.

Сейчас обсушился и отогрелся. Дорогу должны расчистить. Скоро снова пойду на прорыв. Вечером, может, допишу.

Командир афганского 101-го полка гвардии позавчера, забрав шесть человек, благополучно перешел к «духам».

Информация разведки: по сведениям из кругов эмиграции одной из арабских стран, Гульбеддин Хекматьяр готовит удар по арьергардным частям как кровную месть и показатель боеспособности.

В Кабуле остался один батальон *103-й гв. вдд* для прикрытия аэродрома. Затем сдают технику, и самолетами в Союз.

Генерал Шеенков из Джабаль-Уссураджа со своей оперативной группой сегодня перебирается на север, к нам за тоннель, в домики ОГ «Саланг».

6.02.1989, Саланг. Понедельник

Всю ночь напряженно работали люди и техника на всей трассе от южной галереи и до низа, до 203 ДП (диспетчерского поста). К утру получился местами узкий, но путь через заносы. Сначала пришли в движение машины ниже нас, а после того, как расчистили две лавины, и те машины, что скопились еще ниже, в

районе шестой галереи.

Утыкаясь, сталкиваясь, скользя, с трудом, машины пошли к «дырке», исчезая в ней одна за другой.

Яркое солнце, благодать. Оказывается, горы могут быть ласковые. На солнце тепло. Даже не верится, что четыре дня была бешеная метель. С утра съездил через тоннель на северную сторону и вдвоем с заместителем командира *177-го мсп* подполковником Кузнецовым буквально вытолкнули афганцев на нашу сторону. Вот союзнички, черт им в дышло. Сначала стоны, что нет бензина, муки и т. д. Затем какие-то реплики в адрес Наджибуллы и Горбачева. И только после того, как мы буквально берем их за горло, они начинают шевелиться. Такое впечатление, что это нам нужно охранять Саланг, это нам нужны эта техника и вооружение. Им даром с неба валятся танки, БМП, машины, оружие, а они, сволочи, еще и нос воротят. Ну и развратили мы этих бездельников и нахлебников.

Наконец, они тронулись. Есть, оказывается, и бензин. Не весь за ночь смолотили, греясь по кабинам. К обеду кое-как, но пришли и приняли и технику и заставы.

Наши люди молодцы, золотой народ. В таких адских условиях: холоде, без сна, на сухарях, а дело делают. Но много машин остается на трассе. Одни сваливают под откос, другие жгут и взрывают или просто снимают самое ценное и бросают. Вперед, вперед! То здесь, то там возникают пробки. Машины железные, а сдают. Люди держатся.

Вечером, во «Времени», показали встречу в Термезе *317-го гв. пдп.* Интервью Скачкова. Все чинно, с цветами, флажками и хлебом-солью. Все чистенькие, умытые. Первые наши реплики о том, как же мы с этой черной ордой будем преодолевать знаменитый мост. Месяц в палатках у «поларисов» и люди, как негры, заросшие, небритые, в саже. Начальника вещевой службы отправили в Хайратон. Там обещали помочь хотя бы чистым верхом для курток.

Завтра я должен с тылами, артиллеристами без пушек, танкистами без танков уйти на север, в Пули-Хумри.

Вечером темное дело с ранением в живот младшего сержанта Андреева.

Машины опять забили всю дорогу. Избавились от снега, теперь изводит гололед. Раненого на УАЗике (только он и пробьется через заторы) отправили на север через «дырку», а далее в Пули-Хумри. Ну и война, ближе полутора сотен километров ни одной хирургической группы.

7.02.1989, Саланг. Вторник

Утром информация: раненый скончался.

Планы моего выхода меняются. Опять заторы. То кого-то развернет в галерее, то чертовы транспортные колонны с их шаландами, которые с трудом идут по снегу и совсем никак — по льду. На нервах, на мате, рывками, кое-как нитка движется. Прикрывая их, второй батальон сняться не может. Жду и я. Если бы артиллеристы смогли сдать пушки, то могли бы тронуться и мы. Но… Опять афганцы. Два дня искали начальника штаба 2-й пехотной дивизии с печатью. Выловили, а он отказывается ехать наверх завизировать акты. Комбат-2, майор А. Токарев, чуть не арестовал его. Дело дошло до мордобоя и чуть-чуть не до стрельбы.

Сейчас 10 утра. Сижу, жду. Собрался, готов. Когда мы тронемся на север через «дырку», пока неизвестно. Прошел и заснял на фотоаппарат Саланг с его серпантином и галереями. Надеюсь, следующую запись сделаю в Пули-Хумри.

Шаланды, о которых писал выше, возили в Кабул муку. Сотня машин. Сейчас возвращаются пустые. Надо вытягивать боевые колонны, а мы туда-сюда гоняем транспортные, чтобы «афганский дружественный народ не бедствовал». Наши беды — от нашей щедрости.

Из Кабула эвакуированы все посольства. Вчера ушло последнее, английское. Осталось только наше, окруженное двойной стеной, рвом и с убежищами. Грибоедовы XX века.

14.02.1989, Кировабад. Вторник

Утром в сообщениях «Маяка» афганские новости: последние наши части остались в Хайратоне и Турагунди (Шиндандская ветка, Кушка). Завтра последний солдат вступит на советскую территорию.

Третьи сутки, с 12 февраля, как мы прибыли в Кировабад.

Возвращаясь в мыслях назад, вспоминаю все эти напряженные дни. Бум первой радости прошел. Да и не сказать, что чувствовал себя как-то по-особенному. Как и все, настолько был задавлен маршем, бессонными ночами, перелетом и прочим. Может быть, только на мосту через Амударью на последних метрах перед границей что-то колыхнулось в груди.

Итак, по порядку. Так и не тронулись с Саланга ни 7-го, ни 8-го. Мучительное перетаскивание колонн с южной стороны на северную. Как злой рок преследует. К вечеру 7-го опять поднялся буран. То тут, то там заносы. Вытащим голову, увязает хвост. И наоборот. Каждый час выходит на связь и уточняет обстановку

командующий. Наш КП становится главным действующим лицом в этой драме. БАТы и трактора беспрерывно чистят то южный портал, то галереи, то дорогу, вытаскивают, выталкивают машины. Обстановка нагнетается и уже от командующего поступает приказ: в случае заторов, машины — в пропасть. Сначала взрывали и сжигали их, а затем и этого делать не стали. Просто толчок в борт, и летит, родимая, по склону, кувыркаясь. Прослушали по радио доклад 108-ой дивизии о брошенной технике: три БТС, две 2С1, ПРП, две БМП, четыре БТР и т. д. «Уралов» и КамАЗов и не помню, сколько. Мы оставили один транспортер колесный ТК на базе «Урала», да и то подозреваю, что от него избавились по старости.

Напоследок, когда утих ветер, установилась солнечная спокойная погода (утро 9-го), и когда подтянули к вершине все остатки и спокойно вздохнули, новая напасть. В седьмой галерее, прямо под нами в проеме встал БТР, заклинило рулевое. Тянули тремя машинами, а он ни с места. Четыре (!) часа пытались освободить дорогу для остальных машин. Послали саперов В. Гнедюка, чтобы подорвать зарядами рулевое и на брюхе корпус вытащить и сбросить. Командир не спит третьи сутки. Как держится?

Сидим на КП, в темноте, при свете отблесков от «Полариса», и сочиняем шараду. Все вместе, каждый последовательно добавляет что-то свое из нашего опыта на Саланге. И смеемся. Получилось подобное: как поступить, если БТР встал в галерее, рулевое заклинило, внизу трактор без солярки и отрезан хвостом колонны, прохода нет. Впереди занос, и его надо расчищать БАТом. БАТ не может пройти из-за пробки в южном портале. И вызвать его невозможно, так как нет связи с «Северным». А водитель, ко всему, плюнул и ушел. Шарада была и длиннее. Пишу, что вспомнил. Нам весело. Много организационных трудностей плюс к погодным. 7-го ушли комендачи, но через сутки их вернули. Передали узел связи афганцам, и у нас на КП сразу прекратилась вся связь. Пришлось посылать своих связистов на релейную и где помощью, а где угрозами, восстанавливать связь. Без нее мы вообще беспомощны.

7-го вечером при отходе 2-го батальона погибает наш последний солдат: в том же месте, где погиб Олег Юрасов. Один к одному. Очередь из темноты по колонне, пуля в шею и смерть. Дикая, нелепая. Гвардеец продолжал свой последний путь с нами до конца на носу машины, укрытый одеялом, на носилках. По-другому эвакуировать и отправить было невозможно. И только через трое суток, подойдя к Хайратону, мы смогли сразу переправить его через границу в морг Термеза (рядовой И. А.

Ляхович).

Заявление «духов» о том, что после 23-го они нам отомстят и не пропустят через Саланг ни одного советского солдата, как всегда оказалось болтовней, блефом. В общем-то, никакого организованного сопротивления мы не встретили. Ближе к полудню 9-го с подходом *2-го пдб* встаю к ним в колонну и начинаем марш на Пули-Хумри. Командир полка В. Востротин с *3-м пдб* Николая Ивонника отходит с южной стороны Гиндукуша последним. Последний раз идем через тоннель. Большая загазованность. Сначала запускали в «дырку» по десять машин, затем по двадцать. Последние загоняли по тридцать и более. Вентилировать некогда. Вперед, вперед. Да и так поставили рекорд тоннеля. За четверо суток — 1500 машин. Хотя летом и при хорошей погоде через «дырку» шло в сутки не более 300.

Наконец, впереди из темноты появляется овал выхода, «свет в конце тоннеля». Успеваю снять на слайд Х. Ахмеджанова, который стоит в группе у выхода. Последние приветствия, и мы пошли вниз. Теперь легче. Здесь теплее. Дорога оттаяла до асфальта. У третьей галереи получил последнее приветствие «духов». Над головой щелкнула пуля. Думал, показалась. Посмотрел на А. Лукьянова (начальник строевой части), он подтвердил: да, пуля. Видимо, привлек чье-то внимание мой белый полушубок и то, что БТР единственный в колонне среди БМП. Хотя полушубок давно не белый. Посерел, почернел, но как он меня до и после выручал. Легкий, теплый, ветром не продуваемый. Почти идеальная одежда для марша. Жаль только, белый (был), быстро грязнится. А сажи, грязи, масел и на КП, и в машине хватает.

Идем вниз, петляя по серпантинам. Проходим *1-й пдб,* оставляем самоходную батарею и снова вперед. Сзади, судя по радиопереговорам, снимается и выходит через «дырку» *3-й пдб* и командный пункт с В. Востротиным.

Доходим до Чаугани и два часа заправляемся прямо на базаре. Окружили разведчиками бензовозы. Отогнали бачей, чтобы не сунули какой-нибудь дряни под брюхо наливника. Зато к нам в голову колонны сбежалась целая толпа шумных, крикливых бачат. Солдаты бросают им галеты, сахар, банки. Уже в темноте продолжили путь. К исходу дня 9-го вошли в отстойник, разместились. В три ночи пришел и командир с остатками.

Короткий сон, короткие распоряжения на марш, и в девять утра мы снова двинулись к границе. За Пули-Хумри стоят уже блоки «полтинника» *(350-й гв. пдп).* В районе их КП у дороги вижу Сергея Яркова, фотографирую. И надо так случиться, что

через сотню метров ломается мой БТР. Но нет худа без добра. Пока ремонтируются, полчаса обмениваемся новостями.

И снова в путь. Впереди еще один перевал, но это уже не Саланг. И пониже, и пожиже. Затем горы, горы. Под конец, как страж, массивная высокая скала, прорезанная узким, темным проходом.

Живописное место. Македонские ворота.

Внутри лежит вертушка, вернее то, что от нее осталось. Вторая на склоне перед входом. Позже узнали, что два идиота на спор решили пройти по ущелью, скорее по щели. Командир прошел, а ведомый там и взорвался. Первый вертолет вернулся и пытался сесть перед входом. Зацепился за склон лопастями и кувыркнулся, сгорел. Экипаж, правда, выпрыгнул. Второй экипаж погиб. Слава Чкалова, наверное, жить не давала.

Дальше начинается степь. Здесь и блоков нет. Неоткуда нападать, да и граница близко. Осталось километров 50. У перекрестка на Мазари-Шариф В. Вострогин уезжает попрощаться с командующим, а я веду колонну на Хайратон. Его видно издали. Гирляндами взлетают ракеты. Стрельба, трассы в небо. Пехота никогда не славилась порядком. Дикие люди.

Последняя заминка перед КПП. Все отстойники забиты войсками, и нам с трудом находят место в полевом парке. Тесно, но разместились. Люди третьи сутки не спят, а сна и не предвидится. Надо сдавать боеприпасы, оружие собрать в ящики. А главное, привести это грязное, чумазое войско в божеский вид. Помыть, побрить, постричь. Ведь завтра с утра под флагом пойдем через границу. Будут встречать.

Упал спать в три, в шесть подъем. Хожу дурной, И мысли уже путаются. Скажут: прибавить 56 к 147, ей-богу, не смогу.

Построил боевую колонну, Дмитрий Савичев — тыловую. Ровно в 10 часов тронулись. Последние формальности перед мостом, и мы пошли. Вот и черта посреди моста, граница. Родина! Сколько раз уже видели эту черту на экранах телевизоров. Киношники ее любят. А теперь и сами переступили. За мостом много людей. Кто держит плакат *«395-й мсп»,* кто с номерами других полков и частей, но есть и ***наши цифры*** *— 345-й.* Три самые «боевые» жены, несколько наших бывших солдат, пяток семей нынешних солдат. Но приветствуют нас все, независимо от того, свой или чужой. Безмерная радость у всех. Самый яркий момент. Черта!

Не сентиментален, но слезу выбило. Черт с ним, за двадцать последних лет один раз поплакать можно. Таких событий не много было и будет. Никаких пограничных и таможенных процедур. Только прошли мост, и команда: боевую колонну в

отстойник, тыловую на погрузку. Из-за этой тайны получилась изрядная неразбериха. Нас загнали километров за десять в барханы, где разбит лагерь, а колеса ушли за Термез километров за пятнадцать на станцию. На три часа дня запланированы самолеты в Кировабад. А вещи на машинах. Надо ехать забирать. Морока. Путаница с людьми. Кого же отправлять? Надо забирать людей со станции. И так далее…

Вся техника с водителями и механиками остается для передачи. (Кроме машин, что грузят на платформы.) И с вещами путаница. Послали по одному офицеру от каждой роты, чтобы забрать личные вещи для всех остальных.

По пути на станцию посреди города загорелся БТР № 471 комендантского взвода. А в нем знамя и секретные документы. Помощник начальника штаба полка старший лейтенант Г. Шевченко потушил машину вместе с водителем. Пока задержался с ним, пока приехал на станцию, пока собрал людей и машины, потерял часа три. Вернулись. По темноте на четырех машинах выехали в Кокайды на аэродром. И, оказывается, зря спешили. А может, наоборот, потеряли время.

По Кировабаду дали штурмовое предупреждение. Там снег. Так или иначе, деваться некуда. Ночевка в самолете. 277 человек в однопалубном Ил-76, который и вмещает-то 160 чел. Да еще куча вещей: ящики, коробки, рюкзаки, минометы, радиостанции, палатки. Некоторые запасливые ротные везут даже печки и матрацы, что давно списано и на бумаге передано «зеленым». Обматерил и выбросил все лишнее из грузовой кабины. Мол, останется место, заберете. Но не осталось. Буквально набили самолет людьми и грузом. Люди сидят на шмотках под потолком, как куры на насесте. Рампу закрыли с трудом, утрамбовав людей в прямом смысле. А ведь еще и ночевать надо. Народ у нас терпеливый. Ночка трудная выпала. Какая по счету?

Взлетели только в полдень, 12-го. Три часа лета. В Кировабаде встречают комдив Сорокин, начальник ПО Синьков, оркестр и холод. Нам говорят, что это мы привезли, до нас все в кителях ходили.

Под вечер приехали в наш новый городок. Новые расположения. Одна казарма не окончена. Устраиваемся. В тесноте да не в обиде. Зато в тепле, под крышей, со светом. Вслед начинают прибывать остальные борты. Часа через четыре прилетел и В. Востротин. Много проблем: помыть, накормить, уложить. Опять бессонная ночь. Угомонились где-то в три ночи. Трудно. Связи нет, кто где разместился, сразу не запомнишь.

Вчерашний день. Считали людей, оружие, раздали молодых по подразделениям, обживались, обустраивались. Все с нуля.

Надо притереть много мелочей, начиная с закрепления территории и кончая новым штатом и получением техники.

Сразу по прилету, когда немного освободился, дал телеграмму домой. Позвонить, видимо, не удастся. Порядки кировабадские. Вчера попробовал заказать, берут только на 18-е. А я, может, к этому времени уже и дома буду. Командир обещал отпустить на десять суток.

Писал в спешке, пытаясь вспомнить последние дни и не забыть ничего. Закончился мой афганский дневник. Не знаю, продолжу ли здесь. Вряд ли. Не будет таких ярких событий, не будет вдохновения от мелких повседневных проблем. Может быть, допишу в этой тетради еще одну главу, когда придет осмысление и уляжется суета последних дней.

Но уже сейчас могу твердо сказать, что я благодарен Афгану. Такого в моей жизни не было и, наверное, не будет больше. И как бы впоследствии ни оценивали нас и наше время, для нас это была жизнь. Жизнь яркая, насыщенная впечатлениями, с радостями и трагедиями, весельем и смертью, потом, сухарями, бинтами и орденами. Награды мы (говорю обо всех, кто прошел Афган) заработали не на паркете, положив на другую чашу весов как залог свою жизнь и здоровье. Мне повезло больше. Но не дай-то Бог, чтобы тем, кто остался без рук, без ног, без глаз, тыкали в лицо, что это было напрасно и зря. Мы за чужие ошибки не отвечаем. Нас послали в эту страну, и мы честно делали свое дело, стирая подошвы о горы, съев килограммы пыли с потом и кровью пополам.

Вспомним всех поименно и не забудем никогда: В. Козина, М. Матвеева, А. Бобровского, Г. Москалюка, О. Юрасова и многих других. Вечная вам память. Мы будем вас помнить. Это наша жизнь. Другие пусть проживут свою. И если она окажется праведнее, мы будем только рады за вас.

Послесловие

Больше пятнадцати лет прошло с тех, уже далеких времен, когда последний советский солдат покинул землю Афганистана. Завершилась та девятилетняя война. Но и сейчас во многих семьях смолкают разговоры и люди пристально смотрят на экраны телевизоров при упоминании об этой стране. Больше 800 тысяч наших соотечественников прошло по той земле. Число людей, которые ждали, встретили или потеряли там своих любимых и близких, измерить невозможно. Многое изменилось в мире и стране. Изменились и мы. Вчерашние солдаты и молодые лейтенанты стали взрослыми, солидными отцами семей, у которых самих дети достигли возраста пытливой юности. И вот только много ли сыновей и дочерей знают о том, какую дорогу прошли их отцы.

Было время, когда ту войну показывали как пребывание в дружеской стране со строительством фабрик и школ, посадкой деревьев при участии воинов-интернационалистов, и редко, замаскировав под учения, иносказательно в прессе рассказывали про бои: На границе вывертывали наизнанку чемоданы и дипломаты, отнимая пленки и слайды, а вести дневники и записей в тех условиях было преступлением. И то, что сохранено в личных архивах о том времени, по большей части, сделано тайно.

Были и другие времена, когда скрывать что-либо стало уже бессмысленно, наступила эпоха перестройки и гласности, и о войне заговорили все. И зачастую с надрывом. Появились «Цинковые мальчики», а позднее целый конвейер «мыла» об обожженном войной «афганце», который в одиночку вступает в войну с мафией и побеждает. Не знаю, как американцы оценивают и почитают «Рембо», но свою Джессику они носят на руках. Мы же до сих пор не знаем героев восстания в Бадабере, но с интересом смотрим на бородатых обрезанных русских и украинских парней, обросших семьями на чужбине, в Афгане, или «жертв той войны» — наркоманов из Канады.

И солдат, и генерал, и мать в Союзе видели события той войны не одинаково. И этот дневник — личное восприятие человеком и офицером боевых будней на афганской войне. Многие мои друзья и знакомые, прочитав его, признались, что не могли оторваться. Нахлынули воспоминания, о людях, о событиях… Подталкивали к опубликованию и предлагали помощь, за что я им благодарен. Все точки над і расставил сын моего однополчанина, девятиклассник. Он увидел у отца мой

дневник и тайком прочитал. Парнишка не смог сформулировать, что ему особенно запомнилось, только сказал, что представлял эту войну по-другому. Этим признанием я особенно дорожу. Те, кому интересно, прочитают.

Приходилось встречаться и с теми, кто полностью отодвинул от себя прошлое, кто целиком в водовороте повседневной суеты и вспоминают об Афгане только с позиции выгоды. Благо, что таких людей абсолютное меньшинство. Убедился, что многие бережно хранят фотографии, документы, карты тех дней. Есть люди, которые бескорыстно, целеустремленно по крупинкам собирают воспоминания ветеранов, пытаются обобщить эту память в книгах, фильмах, создаваемых музеях, оказывают помощь семьям погибших. И делают это не только для «афганцев». «Каждому поколению выпал свой Афган — нам выпал этот» — писал я в дневнике, не предполагая, что очень скоро наша большая Родина попадет в водоворот кровавых событий от Таджикистана и Карабаха до Приднестровья и Чечни. И своевременно, и справедливо стремление объединить людей, прошедших войну, сохранить и использовать опыт солдат, где бы эта война ни происходила. Наверное, не только у меня сжимались кулаки от бессилия и злости при виде кадров гибели тыловой колонны 245 мотострелкового полка или десантников 6-й роты. А ведь подобное мы уже проходили на дорогах и в горах Афганистана. В мои два года были обстрелы и тяжелые бои, были потери, но не было разгрома и бойни. Научились воевать меньшей кровью. Вот только цена за опыт была высокой. Политики делают ошибки в кабинетах, а исправляют их солдаты в окопах. Если эта книга будет востребована не только ветеранами, но и теми, кто отдает боевые приказы, то, значит, работа по изданию дневника выполнена не зря. А более хотелось бы, чтобы сыновья и дочери знали, какую войну прошли их отцы.

С уважением ко всем солдатам афганской войны от рядового до генерала, гражданским специалистам, всем, кто побывал «за речкой».

Приложения

Из приказа о порядке вывода соединений и частей 40-й общевойсковой армии из Республики Афганистан

В соответствии с директивой завершение вывода соединений и частей армии из РА осуществить до 15 февраля 1989 года согласно утвержденному графику.

Командующий армией РЕШИЛ:

Вывод соединений, частей и учреждений армии из Республики Афганистан осуществить по двум направлениям: Восточное — Кабул, Баграм, Пули-Хумри, Хайратон; Западное — Шинданд, Герат, Турагунди, последовательно, гарнизон за гарнизоном, начиная от наиболее отдаленных от советско-афганской границы.

Восточное направление.

В период со 2 по 10 января 1989 года с целью исключения воздействия мятежников на колонны блокировать маршрут вывода путем занятия взводных опорных пунктов. Создать артиллерийские группы, огневые позиции которым занять вдоль маршрута выдвижения войск…

Силами 201 мотострелковой дивизии оборудовать и содержать районы ночного отдыха в Пули-Хумри и Хайратоне из расчета на 1500 человек и 300 единиц техники. Запасной командный пункт, оперативную группу армии и командный пункт 108 мотострелковой дивизии вывести в заранее спланированные районы.

В период с 10 по 28 января 1989 года вывести на территорию СССР соединения и части тылового обеспечения, тылы дивизий, полков и учреждения гарнизонов. Вывод личного состава (около 30 тысяч человек), не задействованного в боевых действиях по выводу войск, осуществить воздушным транспортом с аэродромов Кабул, Пули-Хумри, Шинданд в период с 3 по 31 января 1989 года.

В период с 28 января по 15 февраля 1989 года осуществить вывод боевых частей и подразделений на территорию СССР.

Огневое поражение противника осуществлять 10-15-минутными огневыми налетами с момента входа колонн в зону ответственности и сопровождать ведением беспокоящего огня по плановым целям и огнем по вызову артиллерийских корректировщиков, находящихся в колоннах.

Авиационное прикрытие походных колонн на марше

осуществлять военно-воздушными силами 40-й армии и авиацией Туркестанского военного округа с аэродромов Кабул, Мазари-Шариф, Кокайды.

Управление выводом войск осуществлять с командного пункта Кабул, запасного командного пункта Наибабад, а также выделением оперативных групп в районы: Джабаль-Уссарадж, перевал Саланг, Чаугани, Пули-Хумри, Хайратон, Термез, Ташкент.

Для обеспечения безопасности вывода войск, исключения воздействия мятежников блокировать маршрут вывода путем занятия взводных опорных пунктов на господствующих высотах и в районах наиболее вероятного выдвижения мятежников на участках:

Кабул — Калакан — двумя батальонами 181 мотострелкового полка;

Калакан — Чарикар — двумя батальонами 180 мотострелкового полка;

Чарикар — Джабаль — Уссарадж — двумя батальонами 682 мотострелкового полка;

Джабаль — Уссарадж — Чаугани — 345 отдельным парашютно-десантным полком;

Чаугани — Доши — 668 отдельным батальоном «Спецназ»;

Доши — Сторожевая застава № 15-350 парашютно-десантным полком 103 воздушно-десантной дивизии;

Сторожевая застава № 15 — Найбабад — 1 и 2 батальонами 122 мотострелкового полка, 873 отдельным разведывательным батальоном 201 мотострелковой дивизии.

Управление выводом войск армии будет осуществляться с командного пункта в городе Кабул, запасного командного пункта — Наибабад, воздушного пункта управления — Шинданд…

Вывод тыловых соединений и частей армии, тылов дивизий, полков и учреждений гарнизонов.

13 января 1989 года выводится 59 бригада материального обеспечения, тылы 108 мотострелковой дивизии из Баграма. Пересечение границы; 59 бригада материального обеспечения — 14 января; тылы 108 дивизии — 16 января.

15 января выводится 47 отдельный ракетный дивизион с 668 отдельным батальоном «Спецназ». 668 батальон блокирует участок Чаугани-Доши, а 47 дивизион под охраной 783 отдельного разведывательного батальона 201 мотострелковой дивизии продолжает движение в Хайратон. Границу пересекает 18 января.

17 января 1989 года армейские части связи выводятся из Кабула в Хайратон, пересекают границу 20 января.

19 января армейские части обеспечения совершают марш из Кабула, границу пересекают 22 января.

21 января выдвигаются тылы 103 воздушно-десантной дивизии, границу пересекают 24 января.

23 января начинает движение 45 инженерно-саперный полк (без инженерно-дорожного батальона) из Чарикара, границу пересекает 26 января.

26 января выводится из Чаугани 278 отд. дорожно-комендантская бригада, границу пересекает 27 января.

28 января выводится из Пули-Хумри 276 отд. трубопроводная бригада, границу пересекает 29 января.

29 января начинают движение тылы 180 и 181 мотострелковых полков из Кабула, границу пересекают 31 января.

30 января начинают движение тылы 201 мотострелковой дивизии, в тот же день пересекают границу.

Вывод боевых соединений и частей.

Гарнизон Баграм.

28 января 1989 года осуществляется вывод гарнизона одной колонной в составе: наземный эшелон ВВС и 177 отдельный батальон «Спецназ», который с выходом в Хайратон осуществляет охрану и усиление режимной зоны. Наземный эшелон ВВС границу пересекает 30 января.

28 января 2 батальон 180 мотострелкового полка и 2 батальон 682 мотострелкового полка после снятия со сторожевых застав выдвигаются на усиление маршрута в зоны ответственности полков.

29 января 781 отдельный разведывательный батальон 108 мотострелковой дивизии после снятия с блоков сосредоточивается в районе Баграмского перекрестка в качестве резерва.

Гарнизон Кабул.

Выводится в период с 1 по 4 февраля 1989 года тремя колоннами.

Первой колонной выдвигается наземный эшелон ВВС. Начало движения 1 февраля, границу пересекает 4 февраля.

Второй колонной выдвигается 317 парашютно-десантный полк после проведения митинга в Кабуле. Начало движения — 2 февраля, границу пересекает 5 февраля. Обеспечение безопасности проведения митинга осуществляется силами 357 парашютно-десантного полка.

Третьей колонной выдвигается 357 полк. Начало движения — 4 февраля, границу пересекает 7 февраля. Таким образом, вывод войск Кабульского гарнизона завершается 4 февраля.

4 февраля после выхода войск из Кабула и передачи

сторожевых застав подразделения 181 мотострелкового полка снимаются с блоков и совершают марш в Джабаль-Уссарадж. Подразделения 180 мотострелкового полка снимаются с блоков на участке Калакан — Баграмский перекресток и сосредоточиваются в районе перекрестка.

5 февраля 181 полк из Джабаль-Уссараджа совершает марш в Хайратон, границу пересекает 7 февраля. 180 полк снимается с блоков на участке Баграмский перекресток — Чарикар и сосредоточивается в Джабаль-Уссарадже.

6 февраля 180 мотострелковый полк совершает марш в Хайратон, границу пересекает 8 февраля.

7 февраля командный пункт 108 мотострелковой дивизии, 682 мотострелковый полк из Джабаль-Уссараджа выдвигается в Хайратон, границу пересекают 9 февраля. 2 батальон 177 мотострелкового полка после передачи сторожевых застав на участке Джабаль-Уссарадж — Калавуланг сосредоточивается в Чаугани. 1 батальон 345 отдельного парашютно-десантного полка снимается с блоков на участке Джабаль-Уссарадж — Калавуланг и сосредотачивается в Калавуланге.

8 февраля 177 мотострелковый полк после передачи сторожевых застав на участке Калавуланг — Доши сосредоточивается в Пули-Хумри. 345 отдельный парашютно-десантный полк после снятия блоков на участке Калавуланг — Чаугани сосредоточивается в Чаугани.

9 февраля 345 полк совершает марш в Пули-Хумри. 668 отдельный батальон «Спецназ» снимается с блоков на участке Чаугани — Доши и сосредоточивается в Пули-Хумри. 2 батальон 350 парашютно-десантного полка снимается с блоков на участке Доши — Пули-Хумри и сосредоточивается в Пули-Хумри.

10 февраля 345 отдельный парашютно-десантный полк, 668 отдельный батальон «Спецназ» совершают марш в Хайратон, границу пересекают 11 февраля.

395 мотострелковый полк после передачи сторожевых застав в режимной зоне и на участке Пули-Хумри — перевал Мирза сосредоточивается в районе перевала (сторожевая застава № 15).

11 февраля 395 мотострелковый полк совершает марш из района заставы в Хайратон, границу пересекает 12 февраля.

350 парашютно-десантный полк снимается с блоков и сосредоточивается в районе Айбак.

12 февраля 350 полк совершает марш в Хайратон, границу пересекает 13 февраля. 122 мотострелковый полк после передачи сторожевых застав снимается с блоков в районе Ташкурганского ущелья и сосредоточивается в районе Наибабад.

13 февраля 1 батальон 149 мотострелкового полка с

наземным эшелоном ВВС совершает марш из Мазари-Шарифа в Хайратон, границу пересекает 14 февраля. 122 мотострелковый полк (без 3 батальона) совершает марш из Наибабада в Хайратон, границу пересекает 13 февраля.

14 февраля командный пункт армии, управление 201 мотострелковой дивизии, пересекают границу. 783 отдельный разведывательный батальон совершает марш.

15 февраля 1989 года 3 батальон 122 мотострелкового полка, отдельный противотанковый дивизион 108 мотострелковой дивизии, перевалбаза выводятся в Термез до 12.00. 783 отдельный разведывательный батальон пересекает границу до 15.00 15 февраля.

Командующий армией пересекает границу в 15.00 15 февраля 1989 года.

Командование 345 гвардейского отдельного парашютно-десантного полка (период: 1987 год — февраль 1989 года)

(уточнения на 11.02.2003 года, дополнения 2004 г.)

Командир полка
Вострotин Валерий Александрович
Начальник политотдела
Греблюк Александр Дмитриевич
Заместители командира полка
Кочнев Валерий Александрович
Савичев Дмитрий Дмитриевич
Лапшин Юрий Михайлович
Начальник штаба
Тюктеев Шамиль Касымович
Заместители командира по вооружению
Архипов Виктор Петрович
Ахмеджанов Хаким Ахсанович
Заместители командира по тылу
Чудаков Николай Николаевич
Судьин Александр Леонтьевич
Начальник артиллерии
Шестернин Михаил Александрович — Липецк
Ахметов Шамиль Нигматулович — Псков
Начальник разведки
Скоморохов Михаил Анатольевич

Сведения на военного лидера партии «Исламское Общество Афганистана» Ахмад Шаха

1. Общая характеристика

Ахмад Шах «Масуд» («Счастливый») — лидер группировки мятежников ИОА Панджшера («Исламское Общество Афганистана») — одной из наиболее крупных и активных группировок мятежников, действующих на территории Демократической Республики Афганистан.

По состоянию на….. группировка Ахмад Шаха насчитывает:

— бандформирований более 200
— мятежников около 9000
— ПУ РС 20
— ПЗРК 6
— горных пушек 2
— ДШК около 170
— ЗГУ более 30
— безоткатных орудий более 50
— минометов около 100
— РПГ более 300

Основной район действий — ущелье Панджшер и прилегающие к нему районы. Подчиненные Ахмад Шаху бандформирования контролируют также Южный Саланг — один из важных районов, через который проходит коммуникация Хайратон — Кабул, и ряд районов в уездах Андараб, Нахрин и Хост-О-Ференг провинции Баглан, волость Чаль и уезд Ишкамыш провинции Тахар, волость Кухистан и Булагайн провинции Каписа.

Бандформирования ИОАП ведут активные боевые действия против советских войск и государственной власти в ущелье Панджшер, а также против постов и колонн на коммуникации в районе Саланг.

Ахмад Шах — один из наиболее крупных и влиятельных главарей контрреволюционных группировок и бандформирований различной партийной принадлежности на севере страны, в провинциях: Парван, Баглан, Саманган, Кундуз, Тахар и Бадахшан. Претендует на роль лидера объединенных в рамках так называемого «Фронта северных провинций Афганистана» контрреволюционных сил. (План создания «фронта» вынашивается им при поддержке зарубежного руководства ИОА в течение последних нескольких лет.)

Являясь ярым противником существующего в настоящее время в Афганистане государственного строя, руководителей

НДПА и правительства Ахмад Шах считает своими личными врагами, сторонник идеи создания «Исламского государства». Активный националист, антисоветчик — выступает против присутствия советских войск в стране, против военно-экономических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Имеет тесные контакты с представителями ведущих капиталистических государств, мусульманских стран и Китая, через которых получает политическую поддержку, помощь оружием, боеприпасами, материально-техническими и денежными средствами. Личные контакты наиболее охотно устанавливает с французами (свободно владеет французским языком).

Убежденный сторонник контрреволюционной партии «Исламское Общество Афганистана». Верит в справедливость «борьбы за ислам». Поддерживает прямую связь с лидером ИОА Бурханиддином Раббани, получает от него непосредственно указания по руководству вооруженной борьбой против советских войск и государственной власти, предоставляет ему отчеты о повседневной деятельности, проводимых операциях, о состоянии боеспособности, укомплектованности личным составом и вооружением подчиненных бандформирований. По имеющимся сведениям в последнее время личные отношения между ним и Раббани ухудшились в связи с ростом влияния А. Шаха и его стремлению к самостоятельности и лидерству в ИОА.

Обладает хорошими организаторскими способностями, незаурядными личными и деловыми качествами, способствующими выполнению им функций лидера крупной группировки мятежников. Ахмад Шах — волевой, энергичный, смелый и решительный главарь. Непреклонен в достижении поставленных целей, обязателен, держится данного слова. Умный, хитрый, коварный и жестокий противник. Имеет непререкаемый авторитет среди рядового состава мятежников и главарей подчиненной ему группировки, сильное влияние на мирное население, проживающее в контролируемой им зоне, и выходцев из Панджшера, проживающих в Кабуле и других районах.

Опытный конспиратор, скрытен и осторожен, тщеславен и властолюбив. Анализ ближайшего окружения Ахмад Шаха позволяет сделать вывод о том, что он не доверяет в полной мере ни одному из своих помощников. Боясь усиления авторитета лиц из своего ближайшего окружения в ущерб своему влиянию, сознательно не вводит должности заместителей. Своего бывшего заместителя и соратника Доктора Абдулхая, имеющего сильное

влияние на многих главарей и рядовых мятежников, устранил от власти, отправив его в провинцию Баглан, а затем, вынудив его выехать в Пакистан.

Наиболее близкие к нему доверенные лица и советники, как правило, не имеют высоких официальных должностей в группировке ИОАП. Отмечаются также относительно частые изменения в составе его ближайшего окружения и в составе группы личной охраны.

Таким образом, в настоящее время в ближайшем окружении Ахмад Шаха нет ни одного человека, способного безоговорочно возглавить движение мятежников ИОА Панджшера в случае устранения ее нынешнего лидера.

Ахмад Шах имеет опыт ведения партизанской войны, руководства бандформированиями в ходе крупномасштабных войсковых операций, организации диверсий и террористических акций. Считается одним из видных военных теоретиков и практиков контрреволюционного движения «исламская революция». Обладает достаточно развитым общеобразовательным и политическим кругозором.

Религиозен, строго соблюдает мусульманский образ жизни, основанный на законах Шариата. В быту неприхотлив. Вынослив. Одевается скромно: как правило, носит «нуристанку» (головной убор из шерсти), форму полувоенного покроя, анорак. Вооружен автоматом АКС-74у, пистолетом.

2. Биографические данные

Ахмад Шах сын Дуст Мухаммад Хана родился в 1333 (1953) году, в кишлаке Джангалак (3908-12546) волости Базарак уезда Панджшер провинции Парван в семье феодала. По национальности — таджик. Мусульманин-суннит. Холост. Член ИОА с 1978 года. Образование — незаконченное высшее. Окончил 12 классов лицея «Омаршахид» (бывший лицей «Надирия») в городе Кабул в 1972 году, два курса инженерного факультета Кабульского университета в 1974 году. Владеет французским и английским языками.

В 1974 году вступил в террористическую группировку организации «Братья-мусульмане». Ориентировался на одного из ее лидеров — нынешнего руководителя контрреволюционной «Исламской Партии Афганистана» Гульбеддина Хекматьяра.

В этом же году выехал в Пакистан, а затем в Египет, где вступил в контакт с членами террористических групп Организации Освобождения Палестины.

В 1975 году вернулся в Афганистан. Возглавил группу в составе террористической организации «Братья-мусульмане», главаря Ареф, стремившегося к власти в ущелье Панджшер.

Участвовал в организации террористических акций против представителей власти. В составе бандформирования главаря Ареф принял активное участие в подготовке и проведении акции по захвату власти в волостном центре Базарак. Однако, эта попытка захвата власти главарем Ареф не была поддержана местным населением, и мятеж в течение суток был подавлен властями. Ахмад Шах вновь выехал в Пакистан, а затем в Египет, где в течение относительно длительного периода времени изучал тактику ведения партизанской войны. А. Шах ознакомился с опытом действий групп ООП (по некоторым сведениям, он лично участвовал в боевых действиях и акциях палестинских боевых и террористических групп), изучал опыт ведения партизанской войны в других странах Ближнего Востока, а также в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

В 1978 году вернулся в Афганистан и приступил к созданию вооруженных отрядов мятежников на базе ущелья Панджшер. В это же время произошла его переориентация на основателя и идейного лидера «Исламского Общества Афганистана» Бурхануддина Раббани. Ахмад Шах вступил в члены ИОА.

В 1979 году А. Шах возглавил основную группировку мятежников Панджшера. В этом же году мятежники во главе с Ахмад Шахом овладели волостным центром Базарак, где разместили штаб руководства ИОА Панджшера, а затем и другими районами уезда, кроме зоны главаря Вакиль Абдул Каюма, ИПА, который контролировал ряд важных районов в Верхнем Панджшере, в том числе места добычи лазурита и изумрудов.

В 1984 году Ахмад Шах, стремившийся к единоличному господству в ущелье Панджшер и прилегающих к нему районах, разгромил группировку ИПА главаря Вакиль Абдул Каюма и полностью овладел уездом Панджшер.

В результате войсковых операций, проведенных в ущелье Панджшер и прилегающих к нему районах в 1984 и 1985 годах против группировки Ахмад Шаха, силы мятежников здесь были в значительной степени ослаблены. Несмотря на это, в настоящее время группировка ИОА Панджшера продолжает оставаться одной из наиболее крупных, активных и боеспособных группировок контрреволюционных сил, действующих на территории ДРА.

3. Родственные связи

Отец Дуст Мухаммад Хан 1908 года рождения. Феодал. Бывший офицер (полковник в отставке) афганской армии времен правления Дауда. С сентября 1982 года проживает вместе с семьей в Пакистане. Имеет собственный дом в Пешаваре. Является доверенным лицом и советником Ахмад Шаха.

Мать Сведений нет.

Брат Дил Ага, 1938 года рождения. Бывший офицер (подполковник) афганской армии. В августе 1982 года с семьей и двоюродным братом выехал в Пакистан, где проживает в настоящее время.

Брат Джан Ага (приблизительно 1948 года рождения). Бывший служащий сельскохозяйственного управления в провинции Гильменд. С 1982 года проживает вместе с семьей в Пакистане. Работает в штаб-квартире ИОА в Пешаваре.

Брат Ахмад Зия, приблизительно 1956 года рождения. Бывший студент Кабульского политехнического института. Учился в США. Работал в штаб-квартире ИОА в Пешаваре. В июне 1984 года прибыл в Панджшер. Оказывает помощь Ахмад Шаху в руководстве бандформированиями. Является его доверенным лицом. Выполняет отдельные ответственные поручения Ахмад Шаха. Предположительно, обеспечивает связи с представителями ЦРУ. В последний раз отмечалось его нахождение в Центральном Панджшере, в ущелье Хазара (3908-12558). Информация от второй половины 1985 года.

Брат Ахмад Вали 1970 года рождения. Проживает в Пакистане с отцом. Учащийся.

Сестры. Три сестры Ахмад Шаха проживают в Пакистане. Одна сестра проживает в Кабуле.

Дяди по линии отца

Яр Мамад, проживает в г. Кабул. По данным на 1984 год, работал в медицинской фирме в качестве переводчика.

Амир Мухаммад, проживает в г. Кабул, в доме отца Ахмад Шаха. Бывший учитель в Базараке.

Мухаммад Иса, проживает в г. Кабул. Пенсионер.

Мухаммад Амон, проживает в г. Кабул. Работает электриком в системе городской электросети.

Шах Боз, проживает в г. Кабул. Работает водителем на элеваторе.

Дядя по линии матери

Мухаммад Дауд, 1934 года рождения. Бывший офицер афганской армии. В настоящее время находится в тюрьме Пули Чархи.

4. Меры конспирации и безопасности, принимаемые Ахмад Шахом.

Ахмад Шах уделяет постоянное внимание проведению мероприятий по обеспечению своей личной безопасности. С этой целью осуществляет изменения среди своего ближайшего окружения, меняет главарей и состав отрядов охраны и сопровождения при выходах в различные районы контролируемой

им зоны.

Личная охрана Ахмад Шаха подобрана из числа наиболее преданных ему лиц и насчитывает до 15 человек. Постоянно при нем находятся 1–3 телохранителя.

При совершении переходов в различные районы для его сопровождения и охраны выделяется, как правило, 2 группы надежных мятежников по 30 человек в каждой. Отмечались случаи наличия при нем отрядов охраны и сопровождения численностью до 100 и более мятежников. При следовании по маршруту применяется построение походного порядка, при котором впереди действует разведка, затем сильный авангард: до 30–60 мятежников, после чего на расстоянии, измеряемом 1–2 часами движения, следует Ахмад Шах с личной охраной. Иногда следом за группой Ахмад Шаха действуют группы прикрытия и тылового охранения, непостоянный по составу арьергард. Переходы А. Шах совершает, в основном, в пешем порядке или на лошади.

При перемещениях охране и сопровождающим Ахмад Шаха указываются только ближайшие пункты назначения. При выходе в кишлачные зоны осуществляется их тщательная разведка, организуется охрана района и дома, подобранного для резиденции А. Шаха, после чего прибывает он сам. В районе пребывания А. Шаха организуется строгий контрольно-пропускной режим.

Ахмад Шах стремится постоянно менять места своего пребывания, большую часть времени находится в движении, не останавливаясь на продолжительное время. Постоянных резиденций не имеет. Останавливается на продолжительное время в местах, обеспечивающих безопасность, в домах лиц, которым он доверяет, как правило, главарей и близких знакомых.

При организации совещаний с участием лидеров ИОАП часто указываются одновременно несколько мест в различных районах. Прибывающим на совещание главарям часто сообщается лишь место сбора или встречи с представителем А. Шаха, или до них доводится действительное место проведения совещания без указания времени прибытия самого лидера панджшерской группировки. Отмечались случаи вызова различных лиц к Ахмад Шаху под предлогом встречи с одним из крупных главарей и представителем руководства ИОАП. Совещания проводятся в безопасных местах, преимущественно, в нелетную погоду или ночное время в течение ограниченного по времени периода (часто в течение 1–2 часов), после чего он в сопровождении личной охраны отправляется в неизвестном посторонним лицам направлении.

В целях дезинформации о деятельности А. Шаха и местах его пребывания используется такой канал, как распространение различных слухов среди мятежников, местного населения, выходцев из Панджшера, проживающих в городе Кабуле и его окрестностях. Применяется и целенаправленная дезинформация через агентуру, внедренную в различные государственные учреждения и действующую на разных уровнях, вплоть до высших слоев партийно-правительственного аппарата, в том числе в МГБ и МО ДРА. Отмечались случаи распространения слухов о гибели Ахмад Шаха. Не исключается возможность использования в целях дезинформации средств радиосвязи.

Так, в течение первых трех месяцев 1986 года поступала информация из различных источников и различной степени достоверности о пребывании Ахмад Шаха, приблизительно, в одно и то же время в нескольких, часто удаленных друг от друга на значительные расстояния районах. В том числе, в районе Саланг, в ущелье Шутуль, 3902-12525, в Нижнем, Центральном и Верхнем Панджшере, в южных и юго-восточных районах провинции Тахар, юго-западных районах Бадахшан, в северных и северо-восточных районах провинции Баглан, и одновременно, имелась «информация» о том, что он, якобы, находился в это время в Пакистане.

Распространению различных слухов и дезинформации о деятельности и местах пребывания Ахмад Шаха способствует и его, ставшая в народе легендарной и полумистической, личность. Многие афганцы, особенно выходцы из Панджшера, охотно воспринимают невероятные истории об его победах, деятельности, верят в них и способствуют их дальнейшему распространению, как правило, приукрашивая и изменяя эти слухи и легенды.

Рапорт

Докладываю о результатах боевой деятельности 2 парашютно-десантного батальона с приданными огневыми средствами за март 1988 года.

1. Итоги боевой и политической подготовки. В марте месяце личный состав батальона совершенствовал боевую подготовку, проводя занятия по огневой, физической, технической, военно-медицинской подготовке, ЗОМП и вождению. Особое внимание обращалось на проведение занятий по огневой и физической подготовке, а также на совершенствование тактико-специальной подготовки приданных артиллерийских подразделений.

Первое место по боевой подготовке заняла 4 пдр. Остальные места распределились в следующей последовательности: 6 пдр, 5 пдр, 7 пдр, 3 гбатр, зрабатр

2. Выполнение боевой задачи.

Личный состав усиленного 2 парашютно-десантного батальона в марте месяце продолжал выполнять боевую задачу по охране коммуникаций, обеспечению бесперебойного прохождения колонн, обеспечению мирного труда жителей кишлака Анава.

С поставленной задачей батальон успешно справился.

В марте месяце активные боевые действия, как со стороны мятежников, так и с нашей стороны не проводились. Это обусловлено тем, что Ахмад Шах продлил неофициальное перемирие в Панджшере до 15 мая сего года. Несмотря на это, практически весь март месяц артиллерия, находящаяся в районе населенных пунктов Джабаль Уссарадж — Гульбахар, вела ничем не объяснимый обстрел кишлаков Бостан, Дехи Калан, Абдарабисат. По наблюдению с 3 сторожевой заставы, в кишлаке Абдарабисат появилось новое кладбище с тремя большими зелеными флагами.

После очередного обстрела из района было произведено 15 пусков реактивных снарядов в направлении населенного пункта Джабаль Уссарадж и 2.04.1988 г. обстреляны наши 3, 4 и 6 сторожевые заставы. Легко ранен лейтенант Герман.

По результатам ведения разведки с постов мятежники, не опасаясь огня с наших сторожевых застав, передвигаются довольно открыто в зоне ответственности 15 сторожевой заставы. Мятежники выходят в кишлак Кар, машут руками, пускают солнечные зайчики. Замечены перемещения мятежников крупными группами до 20 и более человек.

9 сторожевая застава наблюдала в районе кишлака Достумхейль занятия по боевой подготовке, по всей видимости, с молодым пополнением. Отрабатывались вопросы перемещения на поле боя, огневая подготовка. Все были одеты в униформу, вооружены, экипированы.

Перемещения мятежников не носят закономерный характер. Но основные направления движения на Чимальварда, Шуфайи-Паин, Арзава, Андарабисат.

Конец марта — первая половина апреля характеризуется тем, что практически сошел снег на основных караванных тропах, а также тем, что мятежники стали выходить к кишлакам большими группами, оставаясь в них в дневное время. Так, 10.04.88 г. до 20 мятежников пришли в кишлак Бурджьяхель. 11 апреля 15 мятежников пришли в Кар и 40 человек в район отдельных домов. По данным, полученным наблюдением с постов, мятежники, в

основном, переносят домашний скарб в кишлак Кар. Сторожевая застава № 33 (Руха) обстреляла одну из групп. В ответном нападении противник обстрелял заставу. Застава понесла потери. По соседним постам не было сделано ни одного выстрела.

Противником ведутся инженерные работы на старых огневых позициях и строятся новые.

10 апреля 28 мятежников строили кладки и рыли укрытия на склоне в квадрате… на высоте… Ранее в данных районах укреплений противника не было.

На караванных путях появились вьючные животные. 9.04.88 г. в направлении кишлака Чимальварда прошел караван из 21 груженного ишака.

Мятежники, по всей видимости, ждут 15 мая, конца объявленного Ахмад Шахом перемирия, подтягивают боевые группы, создают запасы боеприпасов для ведения активных действий, строят укрепления. Сведений о продлении перемирия после 15 мая не поступало. Как поведут себя мятежники после конца перемирия, представить трудно.

Просим информировать старшее начальство о целесообразности вывода группировки до 15 мая без замены советскими подразделениями.

По ведению боевых действий в лучшую сторону отмечаю командиров:

9 сторожевая застава

6 сторожевая застава

8 сторожевая застава

15 сторожевая застава

16 сторожевая застава

Командир 2 парашютно-десантного батальона

Командиру войсковой части…

Рапорт

Докладываю об итогах боевых действий подразделений ОГ «Анава» за период с 1.06.1987 года по 28.10.1987 года.

В зоне ответственности батальона в указанный период произошли небольшие перемещения бандформирований мятежников, сменились главари некоторых банд.

В настоящее время базовыми районами боевых групп и бандформирований мятежников являются:

Главарь Масаид

3894–12522 до 30 чел ДШК — 1, РПГ — 1, стрелковое

3890–12525 до 20 чел. БО — 1,

РПГ — 1, стрелковое

Главарь Суфимамад

3902–12524 до 40 чел	ЗГУ — 1, РПГ — 1, стрелковое, гл. Суфимамад
3900–12520 до 20 чел.	миномет, ДШК, РПГ, стрелковое, гл. Ахмад Бек
3894–12524 до 20 чел.	БО — 1, РПГ — 1, стрелковое, гл. Азеухон

Главарь Абдул Хаким

3905–12528 до 30 чел.	БО — 1, миномет, РПГ — 1, стрелковое, гл. А. Хаким
3904–12528 до 30 чел.	ДШК — 1, РПГ — 2, стрелковое, гл. Лопомир
3904–12528 до 80 чел.	ЗГУ, ДШК, миномет — 2, РПГ — 4, гл. Гафур

Главарь Мирого

3904–12534 до 30 чел.	БО — 1, миномет, РПГ — 2, ДШК, стрелковое, гл. Мирого
3906–12536 до 20 чел.	миномет, ДШК, стрелковое, гл. Фатех

Главарь Сабур

3894–12544 до 40 чел.	БО, ДШК — 2, РПГ — 2, стрелковое, гл. Сабур
3894–12538 до 20 чел.	миномет, ДШК, РПГ — 2, стрелковое, гл. Акбар
3896–12532 до 20 чел.	ПТУРС, 100 РС, стрелковое, гл. Рахимдод
3894–12542 до 20 чел.	РПГ — 2, стрелковое, гл. Мирзоджан

Главарь Дауд Шах

3890–12534 до 30 чел.	БО, ДШК, РПГ, стрелковое, гл. Дауд Шах
3894–12532 до 20 чел.	ЗГУ, БО, миномет, РПГ — 2, стрелковое, гл. неизвестен
3892–12530 до 20 чел.	миномет, ДШК, РПГ — 2, стрелковое, гл. Джума
3894–12532 до 20 чел.	ПТУРС, 20 РС, ДШК, гл. Файзушю

Всего в зоне ответственности батальона:
Личного состава мятежников до 510 человек
ПТУРС 2 шт.
РС 120 шт.
Безоткатных орудий 7 шт.
Минометов 9 шт.

ЗГУ 3 шт.
ДШК 12 шт.
РПГ 26 шт.

За период с 1.06.87 г. количество мятежников менялось постоянно. Это обусловливается тем, что Ахмад Шах ведет боевые действия с войсками ИПА в Горбанде и на Саланге. Сейчас около 250 человек находятся в Горбанде, до 100 человек — на отдыхе в Саидхейле, до 50 человек на боевых действиях на Саланге.

В указанный период Ахмад Шахом были сняты с должностей за коррупцию, махинации с деньгами главарь Фираджской банды Абдул Вахид и главарь Шуфа-Паинской банды Саид Ого. Вместо них назначены новые с подчинением главаря Фираджской банды Дауд Шаха главарю Сабуру. Сабур пользуется неограниченным доверием Ахмад Шаха, что позволит теперь концентрировать силы противника при выполнении каких-либо задач против батальона и сторожевых застав.

Ахмад Шах в указанный период не ставил задачи ведения активных боевых действий против батальона. Основная задача, которая им выполняется — расширение зоны влияния в Северном Афганистане. С этой целью им ведутся боевые действия в Горбанде и на Саланге против вооруженных формирований ИПА. Боевые действия против батальона велись с задачей усиления напряженности в нашем районе.

Активные боевые действия с батальоном велись бандами и боевыми группами, поддерживающими Царанволь Махмуда, которые не по всем пунктам поддерживают Ахмад Шаха. В основном это боевые группы Анавинской группировки противника с главарем Гафуром. Командиры боевых групп Абдул Хаким, Мирого, Суфимамад, Масаид.

Сторожевые заставы подвергались обстрелам 41 раз, командный пункт батальона — 7 раз, при этом указанными выше бандами заставы обстреливались 29 раз. Активные боевые действия вели:

14 сторожевая застава — командиры ст. лейтенант Перепич и ст. прапорщик Поплыко

16 сторожевая застава — командир ст. лейтенант С. Подгорнов

8 сторожевая застава — командиры ст. лейтенант Михеев и лейтенант М. Зернов

9 сторожевая застава — командиры ст. лейтенант Наумов и ст. лейтенант Сухарев

12 сторожевая застава — командир ст. лейтенант Сидоренко

11 июня мятежниками была предпринята попытка захвата 15 сторожевой заставы. Во время отражения геройски погибли

лейтенант Козин и сержант Матвеев.

4 августа была предпринята попытка захвата 14 сторожевой заставы. Нападение отбито без потерь. Самостоятельные активные боевые действия батальон вести не может, в связи с отсутствием свободных боевых подразделений и нехваткой личного состава.

Задачи по огневому поражению мятежников решались огнем приданной артиллерии и огневых средств сторожевых застав для реализации данных разведки и наблюдения застав.

По данным работников ГРУ в указанный период батальон уничтожил 42 мятежника, 57 ранил. Разбито 5 караванов, уничтожено до 40 вьючных животных, до 50 ящиков с боеприпасами, до 600 кг различных грузов.

Всего за 1987 год батальон уничтожил 139 человек, ранил 99. Уничтожен 1 ДШК, 5 РПГ, 17 единиц оружия. Разбито 8 караванов, уничтожено 59 вьючных животных, 90 ящиков с боеприпасами, большое количество различной военной амуниции.

Большое удаление основных караванных путей от сторожевых застав и огневых позиций артиллерии не позволяет с еще большей эффективностью наносить огневое поражение мятежникам. Караваны в непосредственной близости от сторожевых застав мятежники проводят в ночное время.

Анализ результатов разведки наблюдением показывает, что в сентябре-октябре месяцах количество караванов резко увеличилось. Мятежники активно ведут работы по подготовке к зимнему периоду. В квадрате 9535 и 5 уже в течение полутора месяцев мятежники ведут взрывные работы. По всей видимости, идет оборудование еще одной пещеры. В ноябре-декабре месяцах ожидаем активизацию действий мятежников против батальона.

За 1987 год боевые задачи подразделениями батальона, в основном, выполнялась успешно. Подрыв техники на дороге допущен в марте месяце в зоне ответственности 4 пдр (командир капитан Александров) и в июле месяце в зоне ответственности 7 пдр (командир роты капитан Тятин).

В октябре месяце были сняты фугасы в зоне ответственности 8-а сторожевой заставы (командир заставы — ст. лейтенант Синяков 4 пдр) и в зоне ответственности 17 сторожевой заставы (командир заставы — лейтенант Холзаков 7 пдр).

Качественно решать боевую задачу в полном объеме на сегодня не позволяют:

1. Недостаточное количество боеприпасов, особенно патронов с трассирующей пулей.

2. Имеющиеся приборы ночного видения не позволяют в

ночное время эффективно наблюдать за дорогой на расстоянии 600 метров и далее.

3. Несвоевременное сообщение о времени прохождения колонн в нашей зоне ответственности не позволяет провести в полном объеме весь комплекс мероприятий, предусмотренный для проводки колонн.

4. Недостаточное количество личного состава на сторожевых заставах.

5. Группировка обеспечивается осветительными патронами на 20 % от необходимого количества.

Разведывательным взводом в указанном периоде засады организовывались и проводились с задачей не допустить выхода мятежников в кишлак Анава и к дороге для производства минирования.

При реализации результатов наблюдения 11 сторожевой заставы разведвзводом в январе месяце взят в плен один мятежник. Еще один пленный взят взводом 28.10.87 г. по результатам наблюдения 16 сторожевой заставы.

В лучшую сторону при ведении боевых действий отмечаю…

Наши потери от огня противника, подрывов, нарушения мер безопасности составили 2 убитых и 21 раненых. Достигнуто уменьшение потерь. Для сравнения: в зимнем периоде убито 3, ранено 26, контужено 7 человек. За летний период 1986 года убито 7, ранено 28, контужено 18 человек.

* * *

Для повышения эффективности ведения боевых действий считаю необходимым: 1. Усилить группировку одним разведывательным взводом от 1 или 3 батальонов.

2. Доукомплектовать посты личным составом и довести численность до 15 человек на каждом, для постов 7, 8а, 15 — до 20 человек.

3. Для эффективного огневого поражения караванов мятежников усилить группировку взводом 152 мм гаубиц или взводом минометов «Тюльпан» калибра 240 мм. Организовать взаимодействие с вертолетами огневой поддержки. Добиться немедленного вылета при обнаружении каравана без всяких дополнительных согласований.

4. Закончить инженерное оборудование сторожевых застав, для чего обеспечить получение батальоном строительных материалов и инженерного имущества по нашей заявке.

5. Закончить оборудование 7а и 8а сторожевых застав.

6. По обеспечению вооружением:

— заменить пулеметы ДШК на пулеметы «Утес»

— дополнительно поставить еще 4 пулемета «Утес»

7. По тыловому обеспечению:

— выполнить заявку по материалам, вещевому имуществу.

— в группировке введен в строй новый продовольственный склад, который позволяет хранить продовольствие в течение 3 месяцев. Прошу обеспечить к 15 числу каждого месяца получение продовольствия для застав на месяц следующий. На 28 октября на заставы отправлены на следующий месяц только сухие пайки. Продовольствием в летнем периоде группировка снабжалась отвратительно.

— обеспечить группировку ГСМ для перевода техники на зимний период эксплуатации. Для БТР-70 вместо масла МГ выдать масло ДВ.

— выделить электрический провод для замены всей электропроводки.

8. По техническому обеспечению.

— выделить электросварку для ремонта двух БТР-70.

— выделить два двигателя для БМП-2 и два двигателя и одну коробку передач для БТР-70.

— выделить ремни генератора для двигателей БТР-70. В течение года наша заявка не исполняется. Необходимо 14 ремней.

— полгода нет техника по вооружению. Отсутствует необходимый инструмент. Прошу придать батальону ремонтную группу во главе с прапорщиком для текущего ремонта техники.

9. По связи.

— выделить пять телефонных аппарата.

— усилить зарядную мощность взвода связи.

— закупить в Союзе для сторожевых застав 8 пар телефонов, которые продаются в магазинах «Игрушка» по цене 11 рублей.

— необходима щелочь для зарядки АКБ к СВР.

— необходимы солнечные батареи.

10. Обеспечить группировку 3 боекомплектами к каждому виду оружия.

Командир 2 парашютно-десантного батальона

Справка

О военно-политической обстановке в районе проживания племени Джадран

(ноябрь 1987 года)

Племя Джадран, населяющее юго-восточные районы провинции Пактия и окрестности г. Хост, является одним из наиболее многочисленных пуштунских племен Афганистана, имеющим влияние не только на территории провинции, но и в ряде других районов Афганистана.

Численность племени предположительно 120–140 тыс. человек, из которых 10–15 тыс. способны носить оружие.

Историческая жизнь племени Джадран схожа с жизнью подавляющей части пуштунских племен. Джадран, как и большинство других пуштунских племен, еще мало подверглось разложению родоплеменных отношений. В своем историческом развитии племя находится на стадии раннего средневековья со всеми вытекающими из этого последствиями социально-экономического и культурно-бытового характера.

Исторически не изживший себя, родоплеменной уклад жизни делает невозможным восприятие джадранцами модели современного государства с его стройным и сложным механизмом управления. Поэтому племя Джадран никогда не было в полной зависимости от центрального Правительства Афганистана. В частности, племя не давало рекрутов в регулярную армию и лишь в случае иноземного нашествия выставляло ополчение.

Всякие шаги центрального Правительства, не соответствовавшие обычаям и укладу жизни племени, вызывали его вооруженные выступления. Правители Афганистана, бессильные против воинственного племени, часто прибегали к помощи подачек и подкупа вождей и старейшин племен.

Родоплеменной уклад жизни, фактическая независимость племени от государственных законов способствовали групповому и индивидуальному насилию — убийствам, воровству, культу силы в межплеменных отношениях.

Большим препятствием для установления непосредственных контактов между правительственными органами и простыми членами племени является существование института старейшин. Положение племени в государственной системе в большинстве случаев зависело не от желания подавляющей части племени, а от решения старейшин.

Бытующее в ряде случаев представление о том, что то или иное пуштунское племя мятежное, не всегда соответствует действительности. Пуштунские племена пошли за контрреволюционными элементами не целиком и не сразу после начала апрельской революции. Этот процесс совершался постепенно, по ряду следующих основных причин:

— социальная и духовная неподготовленность племен к

восприятию нового общественно-политического строя;

— нестабильность в руководстве страны, внутрипартийные разногласия в НДПА;

— произвол мятежных формирований;

— неверное представление партийно-государственных кадров о характере работы с племенами;

— допущенные до нового этапа революции ошибки и необоснованные репрессии против племен — запугивание, аресты, бомбардировки кишлаков и т. д.;

Все эти негативные явления были умело использованы контрреволюцией. Однако следует иметь в виду, что, по существу, ни одно пуштунское племя целиком не входит в контрреволюционную группировку. Это в полной мере относится и к племени Джадран. В контрреволюционные группировки входит не все боеспособное население племени, а лишь часть его.

Формально главари контрреволюционных группировок не имеют права силой вовлекать людей в свои группы или заставлять членов племени, не состоящих в группировках, принимать участие в антиправительственных акциях. При открытом произволе главарей бандформирований совет старейшин, если он, конечно, объективно выполняет свои традиционные функции, может принять решение.

Тем не менее, большинство джадранцев, даже формально не состоящих в контрреволюционных группировках, принимает участие в антиправительственных вооруженных выступлениях. Такая ситуация вызвана различными факторами, основными из которых являются:

1. Нажим на традиционный кодекс чести пуштунов — «пуштунвалай», что означает: член племени, отказавшийся принять участие в совместных действиях племени, или же племя, род, уклонившиеся от предприятий сообщества племен, рискует покрыть себя позором навечно. Этот исторически сложившийся кодекс чести, часто игравший положительную роль в борьбе пуштунов против внешних врагов, в настоящее время успешно применяется главарями бандформирований против народной власти. Поэтому прочно закрепился термин: «Арбакай» — часть населения, не входящая в какую-либо мятежную группировку и которая добровольно или насильно направляется на подмогу мятежникам.

2. Шантаж, угрозы, подкуп, используемые как по отношению к отдельным лицам, так и по отношению к целому роду или жителям отдельных населенных пунктов, районов.

3. Жажда наживы, которая утоляется при удачных нападениях на воинские или военизированные посты, колонны с оружием,

боеприпасами и продовольствием и т. д.

В таких случаях сознательный сторонник народной власти, живущий в племени, не может остаться в стороне от совместных действий племени.

Племя Джадран с соседними, крупными племенами Мангал и Вазир живет мирно, однако ни один из джадранцев не имеет права перейти на территорию других племен без разрешения старейшин. В последнее время Джелаломуддин под страхом смерти запретил перемещение жителей за пределы племени в г. Гардез и другие населенные пункты провинции Пактия, что осложняет сбор информации об этом районе и политическое воздействие на племя Джадран. Одновременно с этим на территорию племени не допускаются представители других племен и представители госвласти. Скученность проживания племени дает возможность джадранцам даже без организации специальных постов и заградительных отрядов быстро обнаруживать посторонних.

В социально-экономическом положении племени Джадран сохраняются родовые, дофеодальные отношения. Земля в селениях делится старейшинами по числу членов семьи. Воду для полива распределяют выборные лица, которые сами производят полив и следят за справедливым распределением воды.

Все спорные вопросы в селениях и родах решаются советами старейшин. Такие решения выполняются беспрекословно. Вместе с тем, уровень жизни старейшин и простых членов рода почти одинаков.

Основная статья доходов населения — лес, который используется, в первую очередь, как топливо, как строительный материал, а также основной объект торговли. В связи с тем, что гористая местность территории проживания племени мало пригодна для земледелия, в племени нет земельных феодалов, которые имеются в большинстве других пуштунских племен.

Влиянием пользуются владельцы крупных лесных наделов площадью по 500–600 га. Семьи бедняков, имеющих не более 4 га, составляют большинство. Участки распределяются на сходе кишлака (рода). По законам племени за мальчика, начиная с одномесячного возраста, закрепляется участок леса в 2 джериба (0,4 га)

Торговля лесом ведется с соседними племенами, а через Пакистан лес продается в различные страны мира, в основном, в западноевропейские. 1 куб. фут (0,1 куб. м) леса в Афганистане стоит 300–400 афгани. В Пакистане — более 200 кальдаров (1000 афгани). Масштабы продажи леса довольно широки и продолжают возрастать. Один верблюд может везти до 24 куб.

футов древесины. Однако лес в последнее время продается преимущественно в Пакистан в связи с запретом контактов с другими племенами. Этот факт вызывает недовольство у определенной части населения и они настроены против политики Джелаллудцина. Но число оппозиции незначительно.

Население племени занимается также скотоводством, особенно рода пирузхейль, илиханхейль, гуянхейль. Основной вид скота — овцы. В значительном количестве разводится крупный рогатый скот.

На небольших земельных участках, обработанных террасах на склонах гор, джадранцы выращивают ячмень, кукурузу, пшеницу. Продукты питания используются, в основном, для личного потребления, недостающие продукты покупаются в Пакистане в обмен на древесину. Ранее развитые торговые отношения с соседями в настоящее время отсутствуют в связи с изоляцией племени.

Племя джадран занимает территорию в районе:

— перевал Саротикандав
— Менджавар
— Вурзанакалай
— Зараманканкот
— Суркост
— Ландай
— Дара
— Сракоткалай
— Садукот
— Муинкалай
— Надиршахкот
— Аюбхейль

Племя Джадран делится на два крупных подплемени: Мизай и Сабир, которые, в свою очередь, подразделяются на более мелкие подплемена.

Подплемя Мизай включает подплемена: мадахейль, турихейль, брамхейль, султанхейль, пахарай, сарихейль, плангай, щаххейль.

Подплемя Сабир состоит их подплемен: бибахейль, джанихейль, хатинхейль, дархейль, аюбхейль, бархейль, балай, хунихейль, мусинхейль, саидхейль, хостхейль, бабрак, гуянхель.

В военном отношении племя Джадран представляет собой сравнительно организованную силу, способную противостоять подразделениям регулярной армии. Со времен правления Надир-шаха племя пользуется привилегиями в отношении хранения и ношения оружия. Мужскому населению племени с 15-летнего возраста официально разрешено ношение огнестрельного и

холодного оружия.

В военное время каждый кишлак по решению рода выделяет определенное количество бойцов для боевых групп. Как правило, это число колеблется от 15 до 50 человек. По определенному сигналу группы прибывают в заранее установленное место сбора с оружием и боеприпасами, а также запасом продовольствия на 15 дней. Если запас пищи отсутствует, то боец обязан внести определенную сумму денег.

В месте сбора групп составляются формирования от 100 до 150 человек, возглавляемые военными руководителями родов. Разработана система оповещения и действий групп по сигналам опасности.

В целом для членов племени характерно: воинственность, смелость, бдительность, крутой нрав. Население нетерпимо относится к угрозам применения против него силы. Самостоятельность и привилегии, предоставленные в разное время племени правителями Афганистана, стали для него привычными и воспринимаются как само собой разумеющееся.

Проведение афганскими войсками в 1979 году боевых действий против племени вызвало большое недовольство джадранцев. Попытки ВС ДРА открыть дорогу Гардез-Хост закончились крупным поражением. 59 пп и 29 пд были почти полностью разбиты. Активные боевые действия против племени почти всегда приводят к росту его непримиримости.

По оценке доброжелателей, бежавших в свое время из племени Джадран, в случае проведения боевых действий против джадранцев, руководители племени способны провести полную мобилизацию и вести длительную оборону или увести племя в Пакистан для создания дипломатического прецедента.

Значительная часть родовых старейшин и руководителей племени настроены отрицательно к нынешнему правительству и проводимой им политике национального примирения. Одной из причин такого отношения является активная антиправительственная и антисоветская пропаганда, проводимая в племени реакционно настроенным духовенством. Так, в ряде мечетей муллы объясняют местному населению, что коммунисты — это безбожники (в одном из наречий «кому» означает «бог», а «нист» — отрицание), играют на этом для разжигания огня контрреволюционной пропаганды.

Вместе с тем отмечается рост междусобной борьбы вождей родов, рост недоверия к руководству племени, продолжается процесс некоторого разобщения родов и семей.

В настоящее время племя Джадран по степени враждебности или политической лояльности правительству Наджиба можно

разделить на три категории:

1. главари контрреволюционных сил и идейные враги народной власти, составляющие незначительную часть населения;

2. обманутые, в подавляющем большинстве — низшие слои племени, низкий уровень сознания, безграмотность и религиозный фанатизм которых использует контрреволюция;

3. сознательная, понимающая суть происходящих событий часть племени, но беспомощная в силу своей малочисленности и неорганизованности.

Главную силу в контрреволюции племени составляют бандформирования, входящие в группировку командующего фронтом ИПА в Пактии Джелаллуддина, в настоящее время занимающего неоспоримое лидерство среди мятежников племени и провинций Пактия и Пактика в целом. Его позиции в племени очень крепки.

Значительно укрепились позиции группировки Эфенди-ага Галани (председателя партии «Национальный исламский фронт Афганистана» — НИФА). Это явление в определенной степени объясняется тем, что группировка ИПА под руководством Джелаллуддина, выступающая сторонником решительной вооруженной борьбы против народной власти и прикрывающая религиозной демагогией разбойничий характер своей деятельности, разочаровала многих своих приверженцев, считавших себя истинными служителями веры.

Группировка НИФА, главная цель которой заключается в сохранении религиозных устоев общества, выступает сторонником умеренных действий. Характер действий этой группировки дает основание полагать, что в достижении религиозно-политических целей большой упор она делает и будет делать на мирное завоевание влияния в афганском обществе.

Таким образом, происходящие в настоящее время процессы внутри племени дают основание предполагать, что позиция племени Джадран по отношению к Правительству Наджиба остается отрицательной.

Поскольку Джелаллуддин заочно приговорен афганским судом к смертной казни за пролитую кровь афганского народа, вероятность переговоров представителей племени с народной властью весьма низка.

В случае проведения войсковой операции на территории, занимаемой племенем Джадран, следует ожидать решительного сопротивления, как вооруженных формирований мятежников, так и жителей кишлаков.

Фото

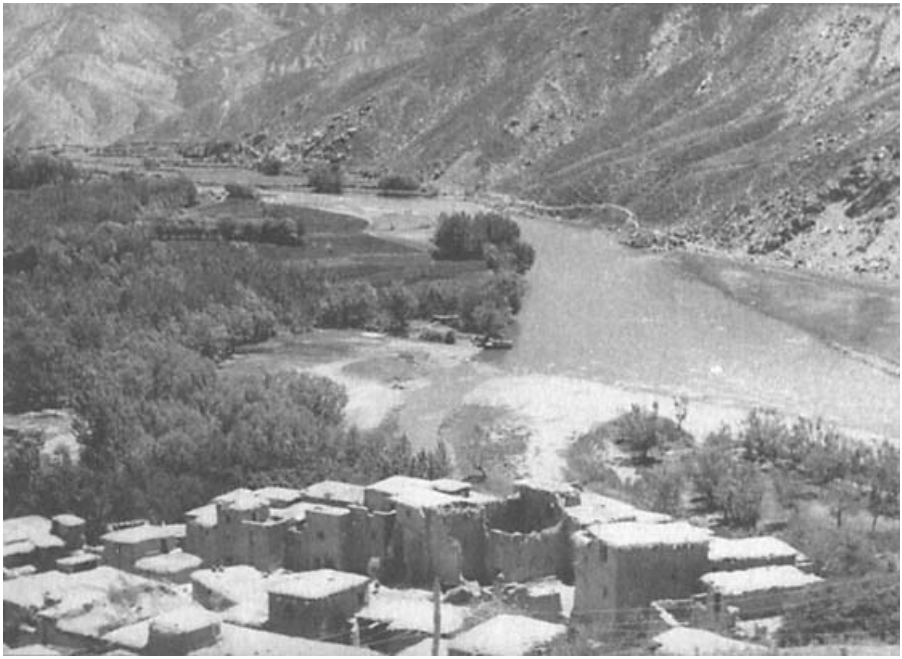
Лапшин Юрий Михайлович

Боевые позиции группировки 2 пдб. Анава, Панджшер, 1988 г.

Группировка 2-го батальона 345 гв. опдп в Анаве. Панджшер, март 1988 г.

Командир 4-й роты капитан А. Александров с подчиненными на 4-й сторожевой заставе

Панджшер. Вид с 4-й сторожевой заставы



Кишлак Каламирамшах. Вид с заставы 12а. Панджшер, март 1988 г.

На 9-й сторожевой заставе. Справа командир заставы ст. лейтенант С. Подгорнов. Панджшер, март 1988 г.

Два товарища. Ю. Лапшин и Д. Веретенников. Баграм, июль 1988 г.

Боевая работа на КП полка. Ущелье Лаландар, Майданшахр, сентябрь 1988 г.

Боевые действия в районе кишлака Мирбачакот. Сентябрь 1988 г.

Противник обстреливает наши позиции. Алихейль, июнь 1987 г.

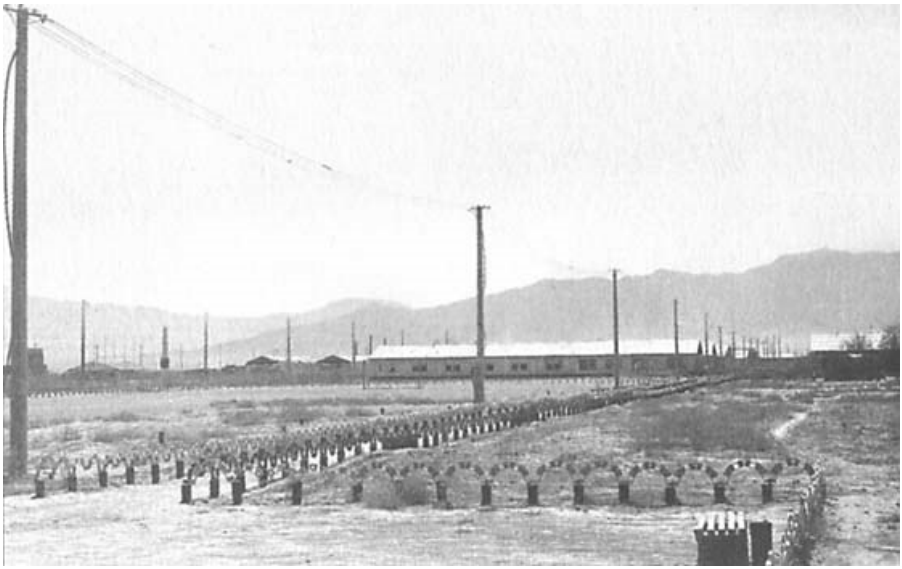
Разведчики 2-го батальона при выполнении боевой задачи. В центре начальник разведки батальона капитан Г. Крамской

Эвакуация раненого в районе ущелья Лаландар. Сентябрь 1988 г.

С боевых действий не вернулись

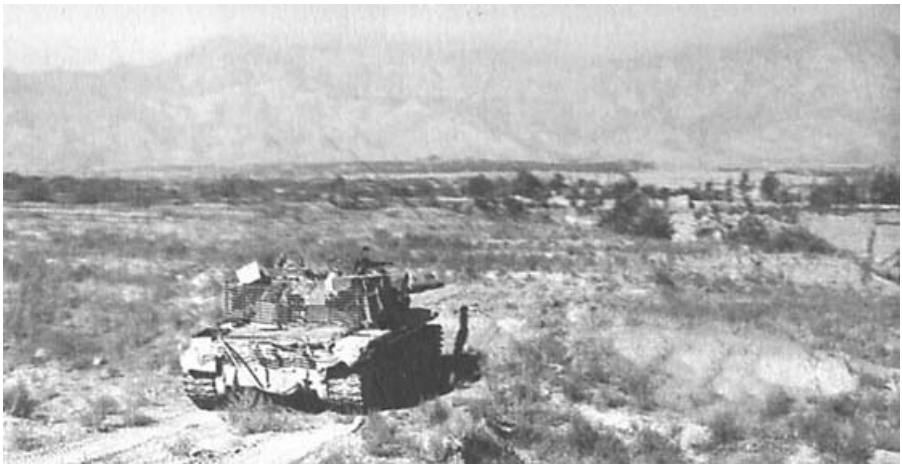
Блок-пост пехотинцев на трассе Кабул — Чарикар. Памятники погибшим на боевом посту

В. Востротин и А. Греблюк в гостях у летчиков-истребителей 168 иап



Баграмский городок 345 гв. опдп

«Зеленка» на трассе Кабул — Чарикар (1)

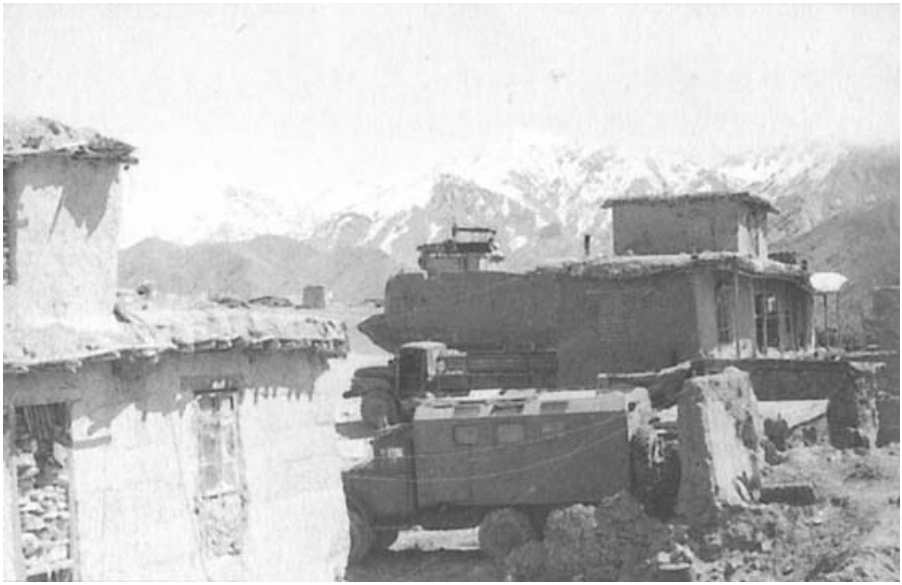


«Зеленка» на трассе Кабул — Чарикар (2)

На 4-й сторожевой заставе

На 12а сторожевой заставе с командиром заставы прапорщиком Н. Заниным. Панджшер, 1987 г.

Саперы проверяют взрывом заряда лужи на дороге на предмет возможной закладки противником фугаса. Панджшер, март 1988 г.



Станция очистки воды на территории размещения группировки в Анаве. Панджшер

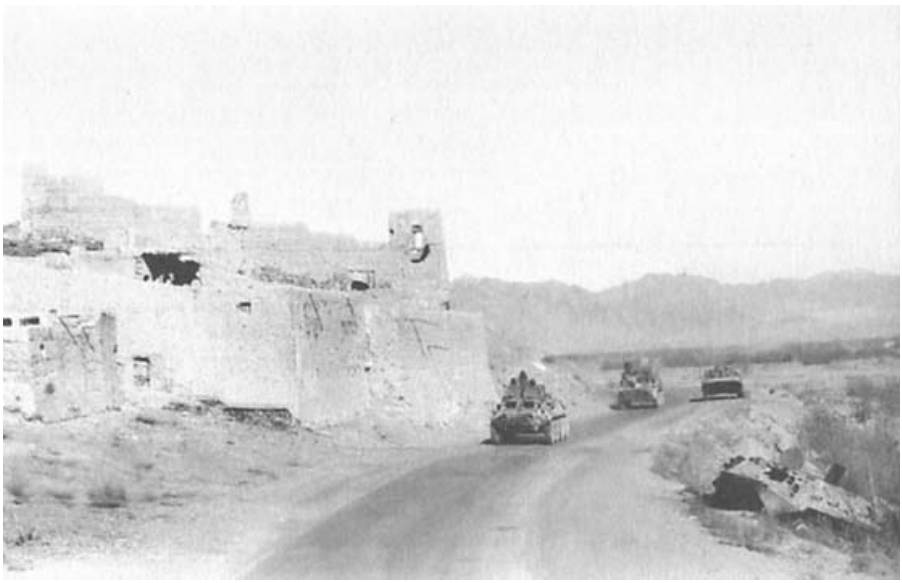
Подрыв на фугасе боевой машины. Логар, апрель 1988 г.

Командный пункт 3-го батальона на боевых действиях в провинции Логар. Апрель, 1988 г.

Вертолеты в Афганистане — это все: новые люди, почта, вода и часто спасение чьей-то жизни

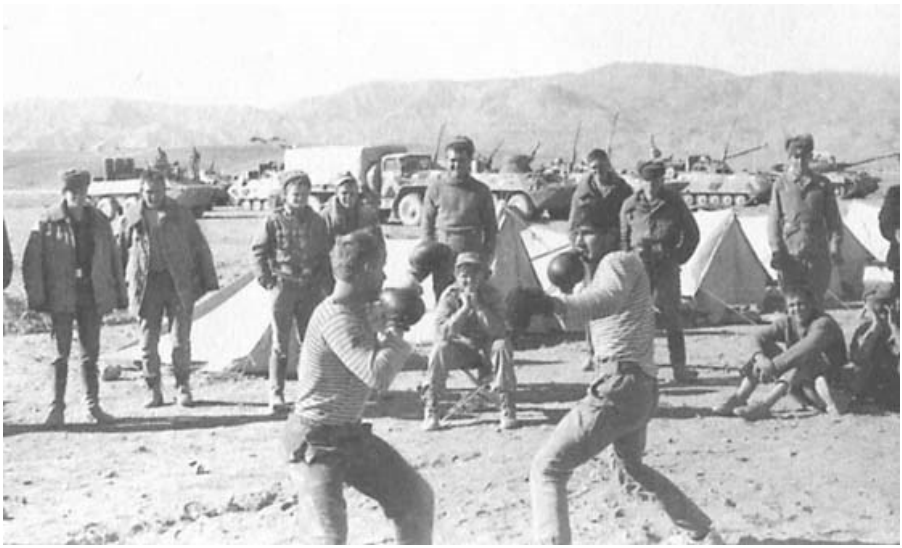
Разведрота полка готовится к десантированию с вертолетов. Баграм

Операция «Магистраль» завершена. Полк покидает район боевых действий. Перевал Сату Кандав, январь 1988 г.



Операция «Магистраль». Передвижение колонны полка (1)

Операция «Магистраль». Передвижение колонны полка (2)



Соревнования по боксу на первенство полка. Декабрь 1987 г. (1)

Соревнования по боксу на первенство полка. Декабрь 1987 г. (2)

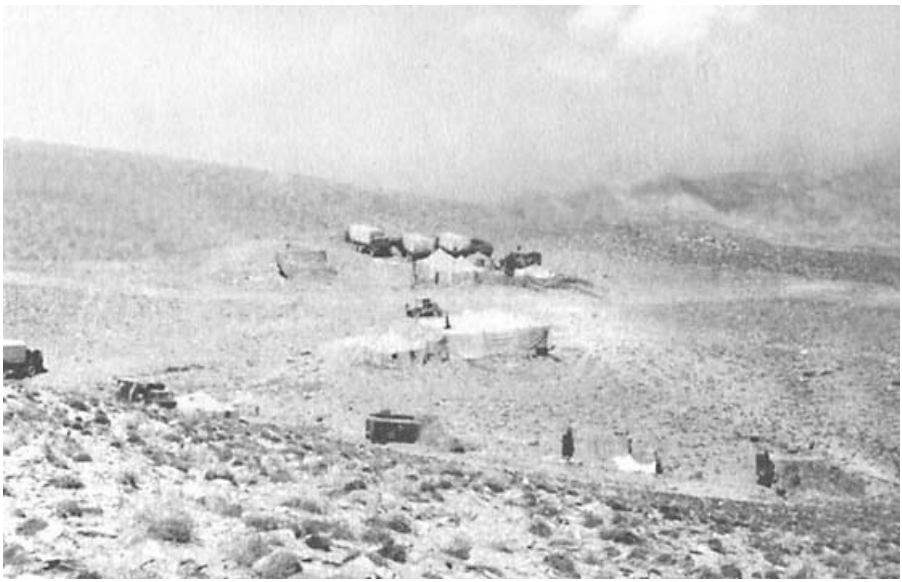
Офицеры полка В. Иванов, А. Давлятшин, В. Феоктистов у южного входа в тоннель Саланг

Товарищеский матч по волейболу с афганцами. Ноябрь 1988 г.

После вручения наград. Март 1988 г.

Наблюдательный пункт полка на перевале Сату Кандав. В. Вострotин, Ю. Лапшин, Г. Шевченко, Ш. Ахметов. Декабрь 1987 г.

Командование 345 гв. опдп: В. Востротин, Ю. Лапшин, А. Греблюк, А. Судьин. Баграм, февраль 1988 г.



Подразделение полка в районе боевых действий. Ущелье Лаландар. Сентябрь 1988 г.

Операция «Магистраль». Офицеры 345 гв. опдп: Ф. Клинцевич, А. Самусев, Самсонов. Дорога на Хост. Январь 1988 г.

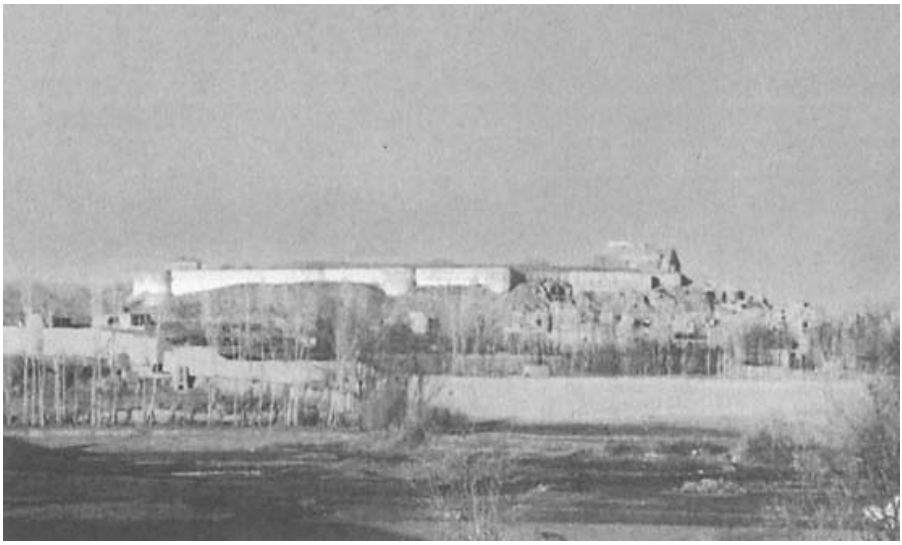
3-й батальон прикрывает транспортные колонны. Долина реки Логар. Апрель 1988 г.

Баграм. Боеприпасы

На пути в Гардез. Операция «Магистраль». Ноябрь 1987 г.

Боевые действия в районе Хуркабуля. Август 1988 г. (1)

Боевые действия в районе Хуркабуля. Август 1988 г. (2)



Гардез. Крепость

Боевая колонна входит в ущелье Хуркабуль. Август 1988 г.

Артиллерия полка на позициях в районе Хуркабуль. Август 1988 г.

Кабул

Полевой быт

Последние километры афганской земли. Впереди граница. 10 февраля 1989 г.

Советские войска покидают Панджшер. 19 мая 1988 г.

Горы Панджшер

На трассе Кабул — Чарикар

Дорога на Кабул

Саланг. Февраль 1989 г. (1)

Саланг. Февраль 1989 г. (2)

Рынок на окраине Кабула

Кишлак Карабаг на трассе Кабул — Чарикар

Управление полка. 25 октября 1988 г.

Командиры частей и офицеры Баграмского гарнизона. Баграм, 1988 г.

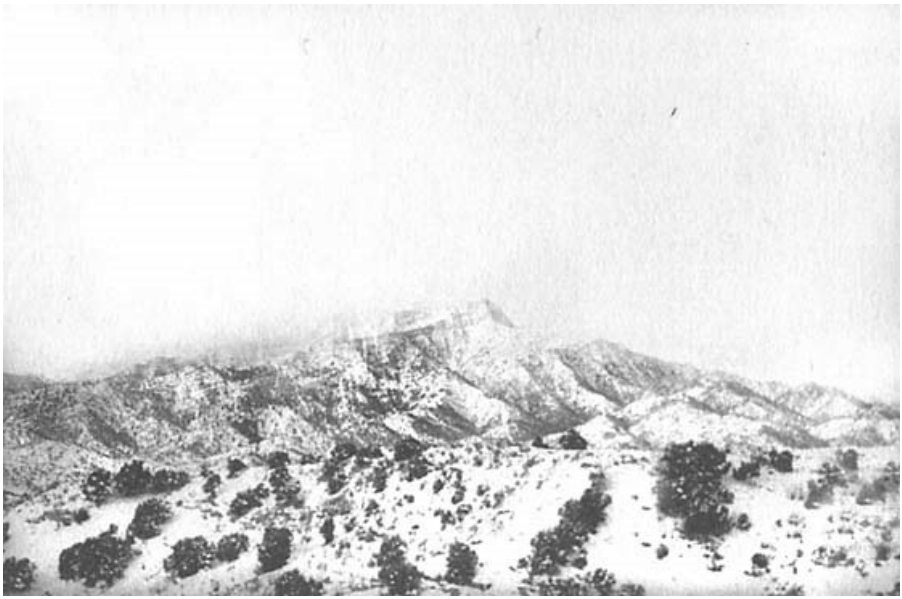
Знамя 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка. Баграм, 1988 г.

Вид на 11-ю сторожевую заставу. Панджшер. Март 1988 г.

Г. Крамской и Ю. Лапшин у моста через реку Панджшер. Кишлак Каламирамшах. Март 1988 г.

В гостях у штурмовиков 378 ошап. Х. Ахмеджанов, Ш. Тюктеев, Ю. Лапшин, Д. Савичев, А. Судьин

Эвакуация раненого. Ущелье Майданруд (Майданшахр). Сентябрь 1988 г.



Высота 3234. Здесь проходил жестокий бой десантников 9-й роты с противником в ночь с 7 на 8 января 1988 г.